

ДИКАЛЛИН НИЦКЪ
Собарх а, маслаIагах а лаяцна дийцарш

СИЛА ДОБРА
Рассказы о ненасилии и примирении

POWER OF GOODNESS
Stories of Non-violence and Reconciliation

Грозный
ФГУП “ИПК “Грозненский рабочий”
2012

Координаторы проекта: Джанет Райли, Михаил Рошин, Крис Хантер и Адлан Адаев

Иллюстрация на обложке – Майкл Хэйс

Иллюстрации на форзаце – Али Хашагульгов и Майкл Хэйс

Редакторы: Исмаил Хайрединов и Денис Сметанин (Компания Celtic Life, Великобритания; email: info@celticlife.co.uk)

С 26 *Сила добра. (На чеченском, русском, английском яз.) - Грозный: ФГУП “Издательско-полиграфический комплекс “Грозненский рабочий”, 2012. - 540 с. ISBN 978-5-4314-0046-9*

Книга “Сила добра” представляет собой сборник рассказов на английском, русском и чеченском языках. Читатель познакомится с рассказами о ненасилии и примирении, о добрых делах, совершавшихся людьми в разные времена в разных странах. Сборник проникнут стремлением к правде, добру, помощи ближним, трудолюбию и отваге. Книга также поможет школьникам, изучающим английский язык, преподавателям английского языка и тем, кто изучает английский самостоятельно. Книга подготовлена к изданию группой энтузиастов из Великобритании, Канады, России и США, стремящихся к большему взаимопониманию между народами.

ISBN 978-5-4314-0046-9

ББК 84-44

© Международная библиотека Друзей: Йохан Маурер, Анна Френд, Сильвия Мангалам, Михаил Рошин, Джанет Райли

© Friends International Library, Inc. FIL@quaker.org

www.FIL.quaker.org

Peacebuilding UK, info@peacebuildinguk.org

www.peacebuildinguk.org

Уггаре а мерза тешам а, безам а кхийдабо дуьнено берашна. Вайн уггар деза, сийлахь декхар ду берийн бакъонаш ларъяр, бераш парҫате хилийтар, уьш, оьшуш хҫума доцуш, хҫуманнах а ца кхоьруш, машарехь кхиййтар.

Кофи А. Аннан,
ООН-ан инарлин секретарь

ХІАРА КНИГА ЗОРБАНЕ ЯЛАР А, ДОТТАГІЙН ДУЬНЕНАЮКЪАРА БИБЛИОТЕКИЙН БАРКАЛЛАШ А

Тахана вайна машар уггар чІогІа оьшуш бу. Халахеташ делахь а, дуккха а бераш тайп-тайпанчу Іазапехь дохкуш ду тахана. Цунна тоьшалла деш вайгахь дуккха а масалш ду.

ДоттагІийн Дуьненаюкъарчу Библиотеко нохчийн маттахь арахоьцуш йолчу “*Дикаллин ницкь*” книгин агІонаш тІехь дуккха а дуьйцу цу хьокъехь. ХІара кхаа маттахь арахоьцу тайп-тайпана историн коллекци берашна гІоьнна кечйина ю, царна машарх лаьцна дийца а, марзоно хьагІ-гамо гуттар а эшайой хайта а.

ХІокху проектан Іалашо кхоллаелира Россин 12 шо кхаьчначу берийн тобанехь. Ингалсан маттахь яздина дийцарш вовшахтоьхна, “*Дикаллин ницкь*” книга араяккхар дийхира бераша. Цу дехарна жоп луш, Іамерикера, Канадера, Нохчийчуьра, Россера наха Іалашо хІоттийра, зуламе ницкъана дуьхьал машар а, маслаІат а хІиттош долу дийцарш гулдан а, зорбатоха а.

Дукхахдолу дийцарш дахарехь ма-хиллара схьаэцна ду. Масех дийцар Нохчийчоьх тІеман хе-

нахь хиллачух лаьцна ду. ХІора дийцар чекхдолу-
чехь хаттарш а ду. Уьш оьшур ду хьехархочуьнца
болх беш. Суьрташ дехкинарш 9 шо долчу бераш тІера
20 шо кхаччалц болу кегийрхой бу. Мужалтан
чохььарчу агІон тІехь оха нохчийн сийлахь шайхан
Кунта-Хьаьжин хьехамаш а язбина, гІалгІайн
художнико Хашагульгов Іелас диллина сурт а тоьхна.

“*Дикаллин ницкъ*” книга дуккха а мехкашкахь
арахеца дагахь, оха массо а мехкашкара дикал-
лех а, маслаІатах а, кьинхетамах а, безамах а, нийсонах
а, гІиллакхах а, оьздангаллех а лаьцна дийцарш а,
истореш а гулїина. Аьтто хилахь, тхан книга кхечу
меттанашкахь а араер ю. ХІинцале араяккха кечїина
оьрсийн маттахь книга.

Оха кьаьсттана баркалла боху кху проекта тІехь
тхуна доггах гІо диначу нахана: дешхьалхе язьярна -
Сигер Питна а, Ахмадов Мусана а, гочдарна - Павлова
Татьянина а, Кутц Джонна а, Нунуев Сайд-Хьамзатна
а, Туркаев Хьасанна а, Яхиев Саид-Іусманна а,
Сулейманова Шукранна а, обложка кечьярна -
Фостер Коверена, обложкина иллюстрацеш ярна
- Майкл Хайсна, хьехархошна гІоьнна хеттарш
хІиттош, ингалсан маттара текстана редакци ярна
- Розмари Вилфертаний, Лиана Форестоний, нох-
чийн массо агІор а гІодарна - Москвара ДоттагІийн
ХІусамна а, Алиева Тамарина а, Бураева Тоитина
а, исбаьхьаллин хьехархочунна Махмудова Хьавана
а (г. Грозный), книга ара-хобцуш ахчанца гІодарна
- хІора шарахь хуьлучу Филадельфийн ДоттагІийн
гуламна а, Чейс фондан Кхеташонна а, Сара Боуэрсан
фондан кхеташонна а, ДоттагІийн Дубьненаюкьара
идейш яржоран кхеташонна а, Пембертонан

фондана, Шоумэйкеран фондана а, иштта Даниэла С. Шефферна а, Киндон Свейна а. ХІара книга оха арайоккхуш кху тІехь алссам кѡахъегначу Павлова Татьяна а, Френд Аннина.

ХІокху книгех пайда эцначаьрга оха добху шайн кхоллаеллачу ойланах лаьцна дийцар. Тхуна хазахетар ду шуьгара даьхкина кехаташ а, суьрташ а. Тхуна хазахетар ду, аш керла шайн дийцарш дахкийтича а, уьш керла арайоккхучу книгина юкѡа гІур ду. Шуьгара гІо тхуна Іаламат мехала хир ду.

ДоттагІийн Дуьненаюкѡара Библиотеко хІара книга Нохчийчуьра берашна а, церан добзалшна а, школашна а ло. Царна дахарехь а, дешар тІехь а кхиамаш бохуш гІо хиларе а, иштта мелла а машаран зирх тасаре сатуьйсущ.

ДоттагІийн Дуьненаюкѡара Библиотека:

*Йохан Маурер, Мангалам Сильвия,
Роцин Михаил, Райли Жанет*

Нет более святого доверия, чем то, которое мир испытывает к детям. Нет долга более важного, чем работа о том, чтобы их права уважались, чтобы их благополучие было защищено, чтобы их жизни были свободны от нужды и страха, и чтобы они росли в мире.

Кофи А. Аннан,
Бывший Генеральный секретарь ООН

ПРЕДЫСТОРИЯ КНИГИ И БЛАГОДАРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДРУЗЕЙ

В наши дни мы нуждаемся в мире больше, чем когда-либо. К сожалению, слишком многие молодые люди по всему миру подвергаются различным формам насилия, и в распоряжении имеется не так много альтернативных насилью моделей поведения, которые могли бы помочь молодежи построить свою жизнь.

Чеченская версия *Силы Добра - Рассказы о ненасилии и примирении* - это вклад Международной Библиотеки Друзей в становление таких альтернативных моделей реальностью. Эта коллекция историй на трех языках выросла из желания помочь молодым людям познать пути мира и жить в рамках философии любви как противоположности ненависти.

Идея проекта родилась в одной маленькой группе 12-летних детей в России. Прочитав многие из публикуемых рассказов на английском языке с одним из членов нашего комитета, дети предложили опубликовать *Силу Добра*. Следуя этому совету, группа взрослых из США, Канады, Чечни и России собрала рассказы, посвященные ненасилью и примирению, и подготовила Чеченскую версию книги.

Большинство рассказов посвящено реальным событиям, некоторые из которых взяты из жизни молодых людей. Несколько рассказов написано в Чечне. В конце каждого рассказа приведены вопросы, побуждающие к размышлению и обсуждению. Иллюстрации к рассказам сделаны молодыми людьми в возрасте от 9-ти до 20-ти лет из Чечни, России, Германии и Соединенных Штатов. Форзац мы были рады оформить одним из произведений ингушского художника Али Хашагульгова и высказыванием знаменитого чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева. На нахзаце мы также были рады разместить одно из произведений американской художницы Морин Шарон и высказывание Стивена Греллета, квакера 17-го века.

Для того, чтобы издать *Силу Добра* в разных странах, мы продолжаем собирать рассказы с примерами из различных стран и культур на темы, которые присутствуют во всех религиях: доброты, примирения, прощения, любви, равенства и уважения. По мере необходимости *Сила Добра* будет выходить на других языках и в других странах.

Пособие по работе с книгой будет доступно для чеченских учителей, для которых также будут проведены семинары по программе “Звездочка” Центра миротворчества и общественного развития. На семинарах у учителей будет возможность изучить пути реализации рассказов с учениками, а по завершении семинаров им будут розданы копии *Силы Добра*, которые они смогут привезти в свои школы.

Мы посвящаем эту версию книги на трех языках светлой памяти Татьяны Павловой и Анны Френд, вложивших так много в создание *Силы Добра*.

Комитет Международной библиотеки Друзей дарит *Силу добра - Рассказы о ненасилии и примирении* - молодым людям Чечни, их семьям и школам. Пусть эта книга послужит учебником в жизни, и поможет, хоть в малой степени, принести мир в наш полный проблем мир.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Мы просим читателей поделиться с нами своими впечатлениями о рассказах из этой книги. Расскажите о наиболее понравившихся и наиболее затронувших вас и молодых людей, о которых вы заботитесь. Мы будем рады получить письма от юных читателей и фотографии, на которых они запечатлены читающими *Силу Добра*. Мы предлагаем вам также присылать новые рассказы или случаи из жизни для наших будущих изданий. Ваша помощь будет для нас бесценной.

FIL@Quaker.org
www.FIL.quaker.org

Мы особо благодарим следующих людей за их бескорыстный вклад в проект *Силы Добра*:

за предисловие - Мусу Ахмадова и Пита Сигера;

за языковой перевод - Татьяну Павлову, Джона Кутца, Полину Спаркс, Саид-Хамзата Нунуева, Хасана Туркаева, Саид-Усмана Яхиева и Шукран Сулейманову;

за подготовку обложки - компанию Foster Covers (www.fostercovers.com);

за иллюстрации на форзаце - Майкла Хэйса (dancingrainbow@earthlink.net);

за иллюстрации на нахзаце - Морин Шарон (msharon@charter.net);

за рисунки детей - Хаву Махмудову;

за подготовку вопросов для обсуждения и редакцию английского текста - Розмари Вилферт и Лиану Форест;

за общую поддержку - Московское собрание Друзей;

за творчество и редактирование - Джули Бэйтс и Нанси Макинтайер.

Особая благодарность Британской благотворительной организации Peasebuilding UK, Центру миротворчества и общественного развития в Чечне, и психологам программы “Звездочка” за их весомый вклад в работу над вопросами для обсуждения, пособием для учителей и семинары.

Благодарность за пожертвования Квакерским фондам США - Комитету фонда Чейс, фонду Обадиа Браун, Джонатан Е. Роадс траст, Комитету фонда Сары Боуэрс, Международному комитету по распространению идей Друзей, фонду Пембертона, фонду Шумэйкера, дому друзей Санди Спринг и Нью-Йоркскому ежегодному собранию попечителей;

а также благодарность частным жертвователям - Дэниэлю С. Шеффер, Синтии и Майлзу Эдвардс, Киндону Свейн и Асте Хаммонд.

*Комитет Международной библиотеки Друзей:
Йохан Маурер, Сильвия Мангалам,
Михаил Роцин, Джанет Райли*

There is no trust more sacred than the one the world holds with children. There is no duty more important than ensuring that their rights are respected, that their welfare is protected, that their lives are free from fear and want and that they grow up in peace.

Kofi A. Annan,
Former Secretary General of the United Nations

BACKGROUND

In these times, we need peaceful relationships more than ever. Tragically, far too many of the world's youth are exposed to countless forms of violence and have few models of alternatives to help them pattern their lives.

The Chechen version of Power of Goodness: Stories of Nonviolence and Reconciliation is the Friends International Library committee's contribution to make these alternatives a reality. This trilingual story collection grew out of a wish to help young people learn the ways of peace and help them live a philosophy of love, as opposed to hate.

The vision of this project began with a small group of twelve-year-old students in Russia. After reading many of these stories in an English class with one of our committee members, they enthusiastically encouraged us to make Power of Goodness available for other young people. Following their advice, a team from Chechnya, Russia, Canada and the United States gathered stories that portrayed nonviolence and reconciliation, and produced this Chechen version.

Most of the stories are about actual events, some from the lives of young people. Several stories are from Chechnya. Discussion questions are available at the

end of each story to stimulate thought and discussion. All stories are illustrated by youth ages 9-20 from Chechnya, Russia, Germany and the United States. In the front end papers, we are pleased to include art by Ingush artist Ali Hashagulgov and a quotation by Kunta-Hadji Kishiev. In the back end papers, we are pleased to include art by U.S. artist Maureen Sharon and a quotation by the 17th Century Quaker Stephen Grellet.

In order to bring Power of Goodness to life in many countries, we are continuing to collect exemplary stories from countries and cultures all over the world on themes found in all religions: kindness, reconciliation, forgiveness, love, equality, and respect. Power of Goodness will become available for publication in other languages and countries, as requested.

A teacher's manual, created by the "Little Star" program of Peacebuilding UK and the Centre for Peacebuilding and Community Development in Chechnya is now available for Chechen teachers. Workshops for teachers are being held by the Little Star psychologists. The teachers learn ways to share and implement the stories with their students. Afterwards, they will be given ample copies of Power of Goodness and Little Star's manual to take back to their school communities.

We dedicate this tri-lingual version to the memory of Tatiana Pavlova and Anne Friend who both worked so hard on the creation of Power of Goodness.

The Friends International Library Committee humbly offers Power of Goodness: Stories of Nonviolence and Reconciliation to the youth of Chechnya, their

families, and their schools. May it be an education in life. May it, in some small way, help bring peace to our troubled world.

Friends International Library Committee:

*Johan Maurer, Sylvia Mangalam,
Mikhail Roshchin, Janet Riley*

REQUEST AND APPRECIATIONS

Please share with us your reactions to the stories in this book. Let us know your favorites and how they affected you and the young people under your care. We also welcome letters from young readers and photographs of them reading the book. We also invite you to send us stories or situations you think will be appropriate for future versions. Your help will be invaluable.

FIL@Quaker.org; www.FIL.Quaker.org;www
info@peacebuildinguk.org; peacebuildinguk.org

We give special thanks to the following people for their generous contributions to the Power of Goodness Project:

Forewords: Musa Akhmadov and Pete Seeger.

Translations: Tatiana Pavlova, John Coutts, Polina Sparks, Said-Hamzat Nunuev, Hasan Turkayev, Said-Usman Yahiev, Shukran Suleimanova.

Cover Design: Foster Covers (www.fostercovers.com).

Cover and Front End Paper Art: Michael Hays (dancingrainbow@earthlink.net).

Back End Paper Art: Maureen Sharon (msharon@charter.net).

Chechen Children's Art: Hawa Mahmudova.

Story Questions and English Editing: Rosemary Wilvert, Liana Forest.

General Support: Friends House Moscow, Moscow Monthly Meeting.

Manual Creation and Editing: Julie Bates and Nancy McIntyre

Special thanks to Peacebuilding UK (www.peacebuildinguk.org), the Centre for Peacebuilding and Community Development in Chechnya, and to the "Little Star" psychologists for their hard work on the discussion questions, the teacher's training manual and the workshops they are conducting in Chechnya with teachers.

Monetary Contributions:

The United States Institute of Peace (USIP);

The Institute for Foreign Cultural Relations (ifa) with means of the German Federal Foreign Office;

U.S.A. Quaker Funds: Chace Fund Committee, Obadiah Brown Fund, Jonathan E. Rhoads Trust, Sara Bowers Fund Committee, International Outreach Committee, Pemberton Fund, Shoemaker Fund, Sandy Spring Friends Meeting and New York Yearly Meeting Trustees

Individual Contributors: Daniel C. Shaffer, Cynthia and Miles Edwards, Kingdon Swayne and Asta Hammond.

ДЕШХЪАЛХЕ

Нохчийн кицано боху: *“Бераллехъ гинарг - тIулга тIехъ яздина йоза”*.

И бохург ду - стеган дахаран некъ дIаболабаларан юхъ кхидIа йолчу хенахъ доккха маъIна долуш хир ю. Берийн дегнаш тIе шен йоза яздина тIамо, лайначу балано. Нохчийн махкахъ дехачу берийн дегнаш чохъ болу бала бийца аьтто хилча, бIаьрхиша хьулдийр дара вайн латта.

Оьрсийн яздархочо Ф.М. Достоевскийс аьлла: *“Беран бIаьргара долучу хинан болу мах бац цхъана а революцин”*. ТIаккха хаттар кхоллало: *“ХIун даккхий гIуллакхаш ду-те Нохчийчоьхъ политикаша деш дерш, инзаре дукха берийн бIаьрхиш а Iенеш?”* Оцу берийн дегнаш тIера бала байбан, чолхе ойланаш дIаяха массо а адамийн гIо оьшу. ХIара киншка адамийн кьинхетамах, дикалlex лаьцна берашна лерина арахецар - оьшуш долчу гIоьнан дакъа ду. Къизалла йолчу лаьтта тIехъ адамашна и йицъеш, цул эзарза совболуш кьинхетам оьшу. Ткъа нохчийн лаьтта тIехъ къизалла лаьттира иттеш шарахъ.

Кхаа маттахъ хIара книшка араяккхаран доккха маъIна ду. Шайн маттахъ хIара еша аьтто хилар доккха совIат ду нохчийн берашна. ХIунда аьлча тIаьхьарчу шерашкахъ нохчийн маттахъ книшкаш кIезиг араевлла.

Ткъа нохчийн мотт ларбар, ларар - и къам хир ду я дац бохуш долчу хаттарна жоп ду. Нохчийн сийлахъ поэта Мамакаев Мохьмада аьлла:

*Шен ненан мотт халкъо
Сий ойбуш, Iалашбахъ,*

Цу халкъан парҫато

Цхъаммо а хьошур яц.

Тахана нохчийн латта, къам, бераш дикалле, кьинхетаме, машаре, кьинхьегаме сатесна ду, малхо дагийна доҫане сатуьйсу латта санна.

Цундела доккха баркалла ала деза хIара киншка арахоьцуш дакъалаьцначарна. Иштта хIара арахецаро гойту, нохчийн къам шен балица цхьалха дIатесна дитина цахилар. Массо дуьненан маьПехь нехан бала кхаьчна нохчийн халкъан. Ингалсан поэтан Донна Джонан дешнашца доҫуш аьлча, нохчийн къам “*хIорда чохь гIайре яц, иза доккхачу лаьттан адамийн цхьа дакъа ду*”.

*Ахмадов Муса,
нохчийн яздархо*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗ ЧЕЧНИ

Чеченская пословица гласит: *“Увиденное в детстве подобно надписи, высеченной на камне”*. Это говорит о том, какую роль играет в судьбе человека начало жизненного пути, и насколько велико влияние этого периода на человека.

Последствия войн, горе и лишения высекают сегодня в сердцах детей кровоточащие надписи. Горе детей, живущих в Чечне, велико, и если бы они могли высказать его, то горькие слезы, льющиеся из их глаз, покрыли бы всю нашу землю.

Один из героев романа Братья Карамазовы Ф.М. Достоевского говорит, что высшая гармония не стоит детской слезинки. Тогда что же за великие деяния совершают политики в Чечне, проливая столько детских слез? Чтобы облегчить эту боль в сердцах чеченских детей и освободить их души от тягостных мыслей, нужна помощь всего человечества.

Издание сборника для детей о доброте и сострадании людей - часть той помощи, потому что на земле, где царит жестокость, нужна доброта, которая в сотни раз превосходила бы эту жестокость и заставила бы людей забыть ее. А на земле чеченской господство жестокости и бездушия продолжалось долгих десять лет.

Выход в свет этой книги на трех языках имеет огромное значение. Возможность читать ее на родном языке явится, несомненно, неоценимым подарком для чеченских детей.

Дело в том, что книг, вышедших на родном языке, было очень мало в последние годы. Сохранение

чеченского языка и забота о нем - это не только проблема культуры, но и печальная до недавнего времени дилемма: быть чеченскому народу или не быть. Ведь сказал когда-то великий чеченский поэт Магомед Мамакаев:

- Если народ проявит заботу о своем языке, лелея и возвеличивая его, никто не растопчет свободу этого народа.

Сегодня чеченская земля, народ Чечни, и особенно дети, соскучились по доброте, человеколюбию и созидательному труду, как земля, выжженная солнцем, молит о благодатном дожде.

Поэтому особую благодарность заслуживают те, кто принимает участие в создании и выпуске этого сборника.

И последнее. Выпуск сборника говорит о том, что чеченский народ не оставлен один на один со своим горем, и люди в различных уголках нашей планеты помнят о них. Перефразируя известные слова английского поэта Джона Донна, можно сказать, что чеченский народ *“не остров в океане, он - часть большой суши по имени человечество”*.

*Муса Ахмадов,
чеченский писатель*

CHECHEN FOREWORD

*What you witness in childhood is like an
inscription cut in stone*

This Chechen proverb reminds us of the part that early experience plays in our later lives. What happens at the start of life's pathway has enormous influence on our destiny.

Nowadays the Chechen children bear bloodstained inscriptions, cut deep into their hearts by the after affects of war, suffering and want. The suffering of Chechnya's children is great indeed: so great that if they could only express it, their bitter tears would cover the whole of our planet.

One of Fyodor Dostoevsky's characters from *The Karamazov Brothers* says that no eternal harmony deserves a child's suffering. For what great cause, then, do the politicians contend in Chechnya, as they compel the shedding of so many children's tears? To ease the pain in the hearts of Chechen children, and to set their minds free from thoughts that weigh them down. This surely is a task that calls for help from the entire human race.

That help is partly provided by the publication of this collection of stories for children, stories which speak of loving-kindness and sympathy. Such kindness is needed wherever cruelty predominates, so that it can surpass cruelty a hundred times over, and help consign it to oblivion. Yet cruelty and inhumanity have held sway over the Chechen land for ten long years already.

And so the publication of this book - in three languages - means a great deal. No doubt about it, a

priceless gift is being offered to Chechen children: the chance to read it in their own language.

In recent years very few books have been published in their native tongue. Yet the preservation of the Chechen language - concern, indeed, for its future - is far from a merely cultural problem. Only recently the painful dilemma was faced: will the Chechen people survive or not? A great Chechen poet, Magomet Mamakeev, once declared, "If a people takes good care of its language, cherishing and promoting it, then no one will ever be able to stamp out that people's freedom.

Nowadays, the land and people of Chechnya are one and the same. It is children - the children most of all - who yearn for generosity, kindness, and the opportunity for creative work. They are like parched ground, burnt dry by the sun, and crying out for gracious rain.

That is why special thanks are due to everyone who has taken part in the compilation and publication of this story collection.

Finally, the publication of this book showed us that the Chechen people were not left all alone with their suffering, and in many a corner of our planet there are those who still think of them. Paraphrasing some famous words of the English poet John Donne, we may conclude that the Chechen people are "not an island out in the ocean, but part of the great mainland which is called 'humanity.'"

Musa Akhmadov
Chechen writer

“ДИКАЛЛИН НИЦКЪАНА” дешхьалхе

Исбаьхьа чулацам болу дийцар муьлххачу а матте гочдина хила мегаш ду.

Хала ду эшар кхечу матте яккха. Вайн чолхечу хенахь хIара книга ешар доккха маьIна долуш ду. Сан **БАРКАЛЛА** массо адамашна, кегийчарна а, баккхийчарнаа, хIара книга кечъеш дакъалаьцначарна. Вай массо а жигара хилахь, вайн ницкъо меттанийн а, динан а, политикин а халонаш атта эшор ю. Суна цхьа могIанаш дало лаьа, бIе шо хьалха яздина долу, философан Вильям Джемсан балха юккъера:

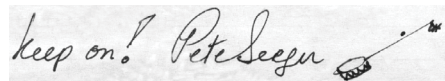
*Со кхоьллина ву ондачу ницкъаша,
Яккхийчу чалхаша, боккхачу кхиамца.*

*Амма со кхоьллина ву кегийрачу,
БIаьрго ца лоцучу гIиллакхийн ницкъашна.*

*Оцу ницкъаша, орамаша санна,
Хин тIадамо йиначу тачано санна,
Уьйраш латтайо адамашна юккъехь.*

*Заманан йохалла цара хьокхур яра адамийн
куьйгаша йина мел чIогIа чалх а.*

Гочийнарг - Нунуев Сайд-Хьамзат

(Совца ма совцалаш!)

Пит Сигер

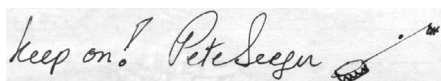
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Хороший рассказ может быть переведен на многие языки.

Сложнее это сделать с песней. В наше опасное время чтение этой книги побуждает нас быть более активными. Мое “ура!” всем людям, молодым и старым, в разных частях света, принявшим участие в ее подготовке. Если все мы станем активными в меру наших скромных возможностей, то увидим, как эта сила преодолевает барьеры языка, религии и политики.

Я приведу вам стихотворение, взятое мной из работы философа Вильяма Джеймса и написанное чуть более 100 лет тому назад:

*Я создан великими вещами,
Большими вещами, великими установлениями
И большим успехом,
Но я (предназначен) для тех маленьких,
невидимых,
Молекулярных моральных сил,
Которые действуют от человека к человеку
Через трещины мира, как корешки
Или как текущая по капиллярам вода,
Которая если дать ей время,
Подточит самые прочные плоды рук человека.*

keep on! Peter Seeger

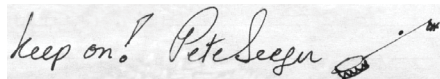
(Не останавливайтесь!)

USA FOREWORD

By Pete Seeger

In these dangerous times we can all be encouraged to be active, by reading this book. Hooray for all the people, young and old, in widely separated parts of the world, who have cooperated to put it together. If we all get active in some little way, we will see this power leap over barriers of language, barriers of religion, barriers of politics. I'll give you an anonymous poem taken from the writings of philosopher William James, from a little over a hundred years ago:

I am done
with great things and big things
great institutions and big success
and I am for
those tiny, invisible, molecular moral forces
that work from individual to individual
through the crannies of the world
like so many rootlets
or like the capillary oozing of water
yet which, if you give them time
will rend
the hardest monuments of man's pride.

keep on! Pete Seeger

Залта Берсанова

ЦХЪАЪНАКХЕТАР

Нана юьжущ йолчу цІа чохь лаьтгаш долчу тІорказ тІерачу суьрта тІехь бен ца вайнера Алексейна шен да. И мичахь ву а, цунах хІун хилла а, нанас цкЪа а ца дуйцура.

И кЪайле цо гучуяьккхира Алексей генарчу Нохчийчу масех баттана балха хъажийча. *“Хъайн да схъа а лахий, цунна гІо делахь, уьш чІогІа хала бохуш бу хІинца”*, - аьлла, дехар дира цуьнга нанас, да вежа меттиг дІа а юьйцуш.

Алексейна сиха схъакарийра и жима юрт а, и урам а, шен да а, нохчийн вежарий а Іаш болу еттинчу кибарчигех дина долу цІа а. Шена уьш хІинца гур бу бохуш, воккха а веш, БТР тІехь баьцарчу кевна тІе а вахана, ков туьйхира Алексейс.

Кхераеллачу зудчо ков схъадиллира. Цуьнан букъа тІехъара схъахьоьжуш маситта жима кІант вара.

“ХІорш бу-кх сан вежарий, йижарий”, - ойла кхерстира цуьнан коьртехь. *“Да мичахь ву?”* - хаьттира цо.

“ЦІахь вац и. ДІавахана дуккха а хан ю. Юха маца вогІур ву, ца хаЪа”, - элира зудчо, Алексейс шегга хаттар дича.

Нанас бохург тІетадеш, кортош теІадора бераша а. Кхераелла берзан кІезий санна, хьоьжура уьш салтичуьнга.

“Нохчийчохь кхиболу божарий санна, со шайн да дІавига веана моьтту хир ду царна. Цара иза цкЪа а гучувоккхур вац”, - ойла йира Алексейс.

Цхъа де даьлча, юха а веара Алексей, чу-ара волуш гур вацара-те шен да аьлла хеташ.

Ков тоьхча, юха а араелира тохарлерра зуда, цунна тІаьххье аралилхира малхехь Іаржбелла кегий кІентий. Цара юха а ца дийцира, шайн да мичахь ву.

“Схъахетарехь, яздина ца хилла суна сайн да ган!” - аьлла, доккха са а даьккхина, дІавахара Алексей.

Белхан денош чекхдевлча, Алексейна юха а дагадеара шега нанас аьлларг: *“Схъа а лахий, гІо де хъайн дена!”*

Цхъана дийнахь Іуьйрре хъала а гІаьттина, базара вахана, деман гали а, шекаран гали а, конфеташ а ийцира цо. И хІуманаш БТР тІе а ца йохкуш, шена вевзаш волчу меттигера цхъана кІантера ехна ялийна “Жигули” чу ехкира Алексейс. Шена тІера салтийн барзакъ а хийцина, юха а шен ден керта вахара иза.

ХІинца дика тІеийцира оцу хІусамехь шайн хъаша. Кисанара схъа а йохуш шайна конфеташ елча, берийн яххъаш серлаевлира.

Алексей, шен вежарша гІо а деш, уьйтІахь галеш охъадохкуш воллучу хенахь, нанас лере цхъаь элира жимахволчуьнга.

Иза, ведда, цІа долчу агІор дІаиккхира. Цхъа хан яьлча, хъеше лерина хъежа а хъоьжуш, цхъа стаг вара уьйтІа вогІуш.

Алексей хъалатаьІира, хъаж тІера хъацар дІа а доккхуш. Вела а къежаш, цунна тІевогІуш цуьнан ненан комода тІехь лаьтташ долчу суьрта тІера стаг вара.

Дийцаре дан хаттарш

1. Хьуна муха хета, Алексейн нанас хIунда ца дийцира цунна дех лаьцна ма-дарра? Дех лаьцна кьамел ца дан хIунда гIертара и?

2. Дуй-те хIумма а, шуна дийца ца лууш? ХIунда?

3. Алексейн дас, цуьнан нана дIатесна, кхин зуда ялийна, доьзал болийнашшехь, хIунда лаьара нанна цуьнан дена гIо дан? Шуна хIун хета? Алексейс деш долу гIо тоьал дарий-те? Ткьа тоьал хIун ду?

4. Нийса ярий-те Алексейн нана, цунах бакьдерг лечкьадарна тIехь? Шуна хIун хетар дара, цуьнан метта хилча?

5. Стенах кхоьруш, хетарехь, лечкьавора доьзало да?

6. Ша тIаьххьара вогIуш Алексей совгIаташ дохьуш, тIемалойн духар доцуш веара. Шуна муха хета, хIун бахьана долуш дIадаьккхинера цо эскаран духар?

7. Нагахь шун Алексей доьзал ган вахале хьехар дала аьтто хилча, муха хьехар хир дара иза?

8. Алексейн деца цхьаьнакхетар исбаьхьа хIунда дара? Шун муха дог-ойла кхоллалур яра, Алексейн метта хилча?

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Своего папу Алексей никогда не видел. Лишь его фотография стояла на комодe в маминой комнате. Где был мужчина с фотографии? Что с ним случилось? Мама ни разу не рассказывала об этом.

Алексей вырос и пошел служить в армию. Когда его командировали в Чечню, мать наконец-то поведала ему о его отце. *“Он чеченец, - сказала она, - мы были слишком разными, чтобы быть счастливыми вместе. Понимаешь, я не хотела, чтобы ты знал*

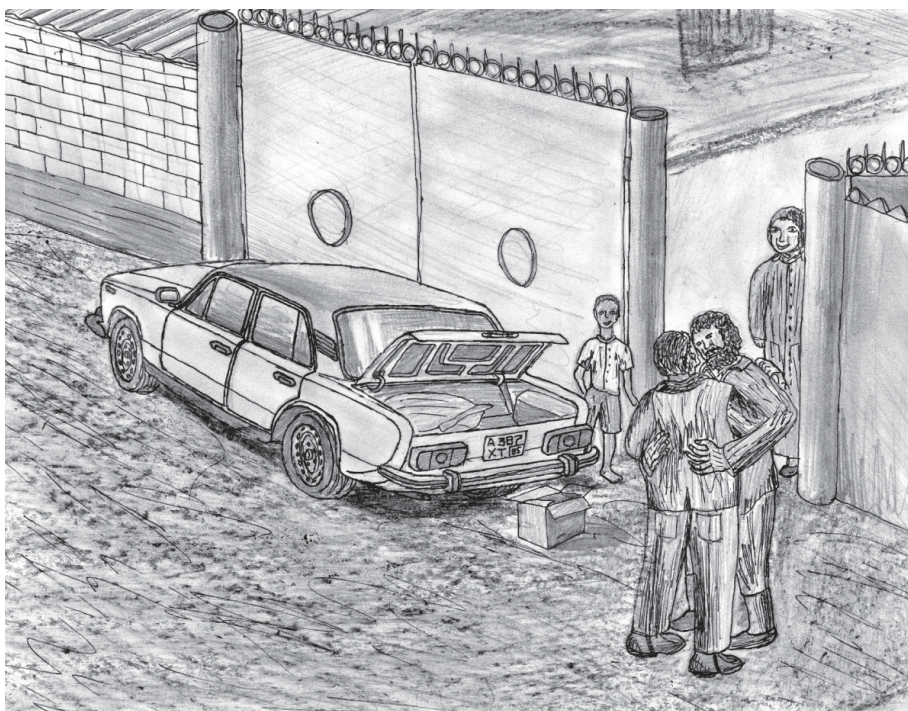

Иллюстрация к рассказу Воссоединение,
автор Ася Умарова, возраст 16 лет, г. Грозный /
Illustration to Reunion by Asya Umarova, 16 years old, Grozny

о нем, хотя он и посылал деньги на твое содержание. Обязательно найди его. Помоги ему. Дела обстоят не лучшим образом". На этом разговор закончился. Она дала ему адрес.

Алексей без труда нашел то маленькое село, ту самую улицу и тот небольшой кирпичный домик, где жил его отец. Предвкушая радостную встречу, он подъехал на БТРе к зеленым воротам. Немного нервничая, он постучался. На стук вышла перепуганная женщина. Несколько плохо одетых ребяташек пытались спрятаться у нее за спиной. *"Это и есть мои братья и сестры"*, - подумал Алексей. *"Где отец?"* - спросил он. *"Его нет. Он давно уехал. Куда, не знаю"*, - на ломаном русском отвечала женщина. Дети кивали, подтверждая слова матери. Они смотрели на солдата, как перепуганные волчата.

- Вероятно, они решили, что я пришел за ним, чтобы забрать его, как забирают в Чечне других мужчин. Они думают, что я хочу их обмануть. Они никогда его не выдадут.

На следующий день Алексей снова подъехал к знакомым воротам, в надежде хотя бы случайно наткнуться на своего отца.

Ворота были заперты, и на его стук опять вышла та же женщина и те же детишки с чумазыми, загорелыми лицами. Они все так же стойко охраняли тайну, где находится их отец.

Алексей повздыхал и уехал. Видно, не судьба ему познакомиться со своим отцом.

Когда срок его командировки подходил к концу, он опять вспомнил слова матери: *"Обязательно найди своего отца и помоги"*.

На следующее утро Алексей встал раньше обычного. Съездил на рынок, купил ребятишкам конфет, а их маме - мешок муки, мешок сахара и погрузил все это не на БТР, а на маленькую машину, которую он одолжил. Затем он оделся в гражданскую одежду и выехал по знакомому адресу.

На этот раз Алексея приняли более дружелюбно. Он был рад видеть посветлевшие от счастья глаза детей, когда предложил им гостинцы. Старший из мальчиков помогал Алексею вытаскивать мешки из багажника.

В это время женщина что-то сказала на своем младшему сыну, тот сорвался с места и побежал к дому. Через некоторое время во дворе появился пожилой мужчина. Он внимательно взгляделся в лицо гостя и приблизился к нему.

Алексей устало вытер пот со лба и, подняв глаза, увидел перед собой широко улыбающееся лицо с фотографии на мамином комодке...

- Здравствуй, отец, - сказал Алексей.

Это был прекрасный момент, которого он ждал так долго, как только себя помнил.

Вопросы для обсуждения

Рисунок к рассказу приведен на стр. 482.

1. Как вы думаете, почему мама Алексея не рассказала ему подробно об отце, когда он начал ее спрашивать о нем? Почему она избегала разговоров о нем?

2. Есть ли вещи, о которых вы избегаете говорить? Почему?

3. Несмотря на то, что отец Алексея бросил его мать, обрел новую жену и семью, мать Алексея все же хоте-

ла ему помочь. Как вы думаете, почему? Достаточно ли была помощь Алексея? А что достаточно?

4. Права ли была мама Алексея, скрывая от него всю эту историю? Как бы вы чувствовали себя на его месте?

5. Чего, вероятно, опасалась семья, скрывая отца?

6. В свой последний приезд Алексей явился с подарками и в гражданской одежде. Что, по-вашему, заставило его переодеться?

7. Если бы у вас была возможность дать совет Алексею перед тем, как он отправился повидать отца и семью, какой бы совет он от вас получил?

8. Чем был прекрасен для Алексея момент встречи с отцом? Какие бы чувства вызвала у вас эта встреча, будь вы на месте Алексея?

9. Статья 1 Всеобщей декларации прав человека Организации объединенных наций (ООН) гласит: “Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства”. Влияет ли на ваше мнение о людях то, как они одеты? Можете ли вы привести в пример кого-либо, кто вам не нравился, либо кому, вы не доверяли только из-за их внешнего вида?

10. Статья 15 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: “Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство”. Вопросы 1 и 4 в полной мере соответствуют содержанию Статьи 15. Как, вы думаете, у Алексея были бы иные мысли об отце и собственном наследии, знал бы он, что в нем есть часть чеченской крови?

REUNION

By Zalpa Bersanova

Alexey had never seen his father. There was a photo on a dresser in his mother's room. Where was the man in the picture? What had happened to him? Mother would never say.

Alexey grew up and joined the army. When he got orders to go to Chechnya, his mother finally told him about his father. "He is Chechen," she said. "We were too different to be happy together. He went home to Chechnya, and I hope he has married again and is happy. The way things are, I did not want you to know about him, even though he sent money to help take care of you. Be sure to find him. Help him. Things aren't easy." That was all. She gave him an address.

Alexey had no trouble finding the small village, the street, the little brick house where his father lived. He drove up to the gates in an armored car, hoping for a joyful reunion.

A little nervous, he knocked on the door. The woman who answered his knock was obviously terrified. Several badly dressed children tried to hide behind her.

"So these are my brothers and sisters," thought Alexey. "Where is my father?" he asked.

"He's not here." the women replied in broken Russian. "He left long ago. I don't know where he went." The children all backed up their mother, nodding their heads.

They stared at the soldier like frightened wolf cubs. They must have decided that I came to get him,

to take him away like other men in Chechnya. They think I am trying to trick them. They will never tell me where he is”.

The next day, Alexey drove up to the house again, hoping he might just bump into his father by accident.

The gates were closed. The same woman answered his knock. The same youngsters with dirty, sunburned faces were there. Once again they hung on to the secret, refusing to say where his father was.

Alexey sighed and drove away. Plainly, fate had decided that he and his father should remain strangers.

His tour of duty was nearly over, but then his mother’s words came back to him: “Be sure to find your father and help him.”

Next morning, Alexey got up earlier than usual. He drove down to the market and bought sweets for the children and a sack of flour and a sack of sugar for their mother. Leaving the armored car, he loaded them into a small rented car.

Then he dressed in civilian clothes and drove off to the house.

The reception was friendlier this time. He was glad to see the children’s’ eyes light up with pleasure as he offered them the presents. The oldest boy helped Alexey unload the sacks from the trunk of the car.

Meanwhile, the woman said something to the youngest child, who rushed away and ran toward the house. Not long afterwards, an older man came into the yard. He looked intently at the visitor, and then came forward to meet him.

Alexey wiped the sweat from his forehead and looked up. He saw a face, a face with a broad smile, the

very same face he had seen in the photo on his mother's dresser.

"Hello, Father." Alexey said. It was a perfect moment, one he had waited for as long as he could remember.

Discussion Questions

Image for this story can be found on p. 482.

1. Why do you suppose Alexey's mother didn't tell him everything about his father when he first started to ask? Why did she avoid talking about it?

2. Are there things you have avoided talking about? What are the barriers that prevent you from talking?

3. Even though Alexey's father had abandoned his mother, and had another wife and family, why do you think Alexey's mother still wanted to help him? Was Alexey's help enough? What is enough?

4. Was Alexey's mother right when she kept the story from him? How would you have felt if you were Alexey?

5. What things might the family have been thinking while hiding the father?

6. For the last visit, Alexey came with gifts, and in civilian clothes. What do you suppose made him change from his military clothes?

7. If you had a chance to advise Alexey before he approached his father and the family, what would you tell him?

8. What was perfect for Alexey about the moment he met his father? How would you feel if you were Alexey?

9. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born

free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act in brotherhood.

Article 1 tells us that we are all equal and encourages us to act toward one another in a spirit of brotherhood.

- Does the way people dress affect the way you think about them?

- Can you think of an example of someone who you haven't liked or trusted just by the way they were dressed?

10. Article 15 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Everyone has the right to a nationality. No one shall be arbitrarily deprived of his nationality nor denied the right to change his nationality.

- The standing questions #1 and #4 listed after the story fit quite nicely with Article 15.

- Do you think if Alexey knew he was part Chechen growing up, he might have had different thoughts about his father and his own heritage?

Герман Кузнецов-Валин

МАЪЖДИГ

/Дийцар-хилларг/

*Оъздачу нанна, эчиг-пхъеран
Исмаилан беран берана
Абдулова Хафизина лерина*

Цу дийнахъ со сайн доттагІчуьнца догІанна кІел а нисвелла, чІогІа тІадийнера. Цо со уллехъ вехаш волчу шен гергара стаг волчу чукхайкхира, жимма вохвала. Цу хІусаман да, Ахьмад цІе йолу гІезало (татарин), воккхавеш вара тхойшиъ ша волчу веана.

Цуьнан хІусамехъ, пенах кхозуш, суна доккха, бесара сурт гира, безачу гура чу диллина. Цу суьрта тІехъ цхъа чІогІа хаза, исбаъхъачу архитектурехъ дина маъждиг дара.

- *Хазахетий хьуна?* - хъаттира соьга Ахьмада. - *Цунах Рашидан маъждиг олу. Тамашийна истори ю цуьнан. Ткъа хІинца стоьла улло хилал. Дохлур ду вай жимма.*

Моз а кхоллуш, чай молуш тхо Іаш, Ахьмада дийцира тхуна, цу суьрта тІехъ долу маъждиг муха доьттина.

Ахьмада дийцарехъ, и маъждиг юхадина дара хьалха хиллачу тишачу, доьхначу маъждиган меттехъ. И маъждиг долу меттиг - Медянка олучу хина уллохъ, Медяна цІе йолчу юьртахъ ю, Нижегородчинехъ. И ша а ву цу меттехъ хьалакхиьна.

Маъждиг массо а наха цхъаьна юхадина дара. И маъждиг деш, Москвара а, Украинера а, Белорусера

а, Кавказера а бахархойн къамелаш хезара. Массо а бертахь, цхьа доьзал санна, бехара. Хьо мичара ву, мича къомах ву - цхьанна а бала ца хуьлура. Хиора стеган мах цо хьобгучу кьине хьабжжина, цуьнан оьзда хиларе терра хадабора.

Маьждиг деш хьалхабевлларш-м Медянан бахархой бара. Ахьмадна дика хаьара, муьлхха а гIайгIа-бала гIехIоттарх, берриге а нах, къамнаш а, динан амалш а ца къестош, цхьа доьзал санна, бертахь баьхний, вовшашна гIо а деш. Хиинца массара а цхьабна маьждиг дора шайна юккъехь болчу бусалбанашна.

МаьждиганцIе тилларан бакьо медянан бахархоша Васис цIе йолчу шайн юьртахоочунна елира. Цо, ша бизнесхо хиларе терра, массарел а алсам ахча деллера и маьждиг дайта. Цундела маьждигна цуьнан ненан Рашидан цIе тилира.

Дина даьлча, маьждиг схьадоьллуш, Васиса элира:

- Маьждиг - совгIат ду массо а кIенташкара шайн наношна. Массо а Медянехь бехачу а, баьхначу а кIенташкара, наной дукхабезаш а, лоруш а хиларна!

Иштта, маьждиго лелориг цхьана ненан цIе бен яцахь а, и маьждиг массо а нанойн цIарах хилира.

Амма Ахьмадан а, кхечу цуьнан юьртахойн а кхетамехь, цу маьждиго аьчкан пхьерах Исмаилах а, цхьана турпала оьрсийн салтичух а безам керлабохура.

Аьчкан пхьерах Хайретдинов Исмаилах лаьцна легендаш Медяна-юьртара кхин а дIаяьржинера. Аьчкан пхьеран дашочу куьйгаша эчигах

тамашена хІуманаш йина ца Іара. Хетарехъ, цхъа а болх бацара цуьнга балур боцуш. Массанхъара а гонахара нах богІура цуьнга гІо доьхуш. Исмаила цхъа а ца вохуьйтура дІа, шена тІедеана гІуллакх ца деш.

Амма цхъана дийнахъ Исмаил велла карийра нахана шен пхьалгІахъ. Дог иккхинера цуьнан.

ЧІогІа гІайгІане хилира Медянера бахархой. Баккхийчеран а бІаьрхиш эгара. Бераш а ДІатийнера.

Ерриг юрт араелира Исмаил дІаволла. Адамийн йоккха тоба, марчо юкъахъарчийна Исмаил барамна тІе а виллина, кешнашка боьдучу новкъа дІаяхара. Кешнаш Медянка-хина дехъа бердаца дара. Аьхка жима, эсала хуьлу хи, хІинца, май-баттахъ, дистина, доккха догІура. Хино бохьучу шано цу буса гІашлойн тІеш дохийнера. Дистина хи чехка хъаьдда догІура, даккхийчу тархашна тІекхача сихделла.

Хала баьхкира божарий, дечигех а, аннех а сихха цхъа тІай дан гІерташ. Амма барам шина стагана а хала бара цу тІех дехъабаккха. ТІаккха, дакъа барамах дІа а дихкина, машшаш а тийсина, тІай тІехула такхийна дехъадаккха барт хилира церан. Амма тІайна юххехъ дакъа а долуш, дагахъдоцург хилира: муш хецабелира гІорийначу куьйгашкара. ТІуьначу дечигаш тІехъ саца а ца белла, дакъа тІехъ долу барам цу сохъта хи чухула такхийна бохьучу ша тІе буьйжира. Хино и ша а, цу тІехъ болу барам а, бадийна, тІулгашна юккъе дІахьош бара.

Адамаш, доьхна, оьрсийн а, гІезалойн а мотт эбеш, маьхъарий детташ, хин-берда йистехула уьдура. Царна ца хаара, шаьш хІун дан деза. Цу нахана дуьхъала цхъа къона оьрсийн салти вогІура. Шена и

маьхьарий ма-хеззинехь, хи чу а хьаьжна, доллучух кхета а кхетта, шена тІера чоа лаьтта а кхоьссина, шийлачу хи чу иккхира иза.

Даккхийчу шаша, тІедетталуш, галвохура салти. Хино тІулгашна улло идаора. Амма цуьнан кара дакъа тІехь долчу барамна тесна муш беара. Цу муьшца дакъа тІехь долу ша берда йисте ийзабора цо. ТІекхиьначу наха гІо дира цунна. Салти а хьалаваьккхира хи чуьра, дакъа тІехь долу ша а берда йисте озийра. Салтичун юьхь а, куьйгаш а хедийнера ирачу шано. ТІера духар гІоро долиьнера. Зударша, шен чоа тІе а тесна, уллорчу цІа чу вохван вигира салти. Иза цу чохь вохлуш а витина, зударий Исмаил дІавуллучу юхабаьхкира.

ТІекхечира суьйре. Даькъа хил дехьа даккха кхин ца гІиртира нах. Даькъа тІехь долу барам тишачу, доьхначу маьждига чохь битира, хІинца и керла маьждиг диначу меттехь.

Салти вохвала чувигначу хІусаме нах юхабаьхкича, цу чохь аддам а ца карийра царна. Цу хІусамехь Іаш йолчу йоккхачу стага дийцира, цу салтичун цІе Федор ю, корта сирла бу цуьнан, ши бІаьрг стигал санна бу аьлла. Федора шена тІера хи Іовда коч яьккхича, цуьнан кочахь жІар гинера йоккхачу стагана. Цо аьллера, ша шен нана йолчу цхьа кІира даккха воьдуш ву. Ткъа цуьнан фамили а, мичара ву а ца хаьттинера йоккхачу стага. ХІун дийр ду ткъа? Салти гуттар а новкъахь ма ву. Ша вох ма велла, сихха дІаваханера иза, ша динарг хьуьнар ду алийта а, я дийцита а ца гІерташ.

ШолгІачу дийнахь, Исмаил дІа а воьллина, и салти лехнера наха уллорчу ярташкахь, цунна баркалла ала.

Амма ца карийнера. Хетарехъ, тГехйолучу машена а хиъна, гена дВаваханера иза.

Хинца и маъждиг Медянерчу бусалбанаша, Рашидан безамна лерина ца Гаш, къаъмнийн доттаГаллин безаман маъждиг лору. Дика хир дара, иштта хГуманаш массо а наха тахана а сих-сиха

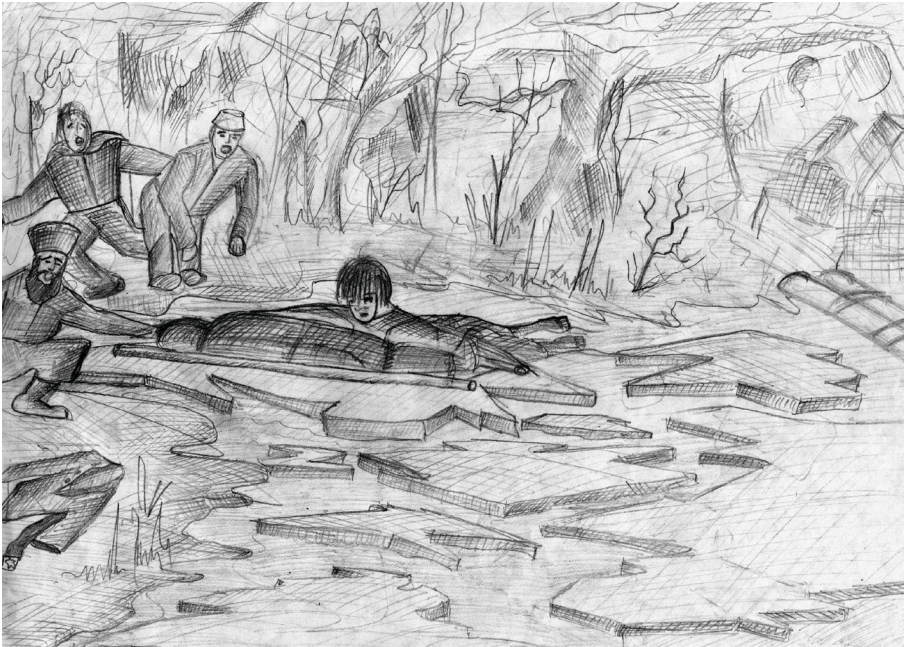

Иллюстрация к рассказу Мечеть,
автор Артур Умаров, возраст 14 лет, г. Грозный /
Illustration to Mosque by Artur Umarov, 14 years old, Grozny

дагалоцуш хилча.

Дийцар чекхделира. ДоГга дГасецира. Тхо цу комаършачу стеган хГусамера арадовла кечделира. Тхойшиъ дВавахале, со юха а лерина цу маъждиган сурте хъаъжира. Малх санна, хъалхачул а лерина къегара суна цу маъждиган сурт.

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хъамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. Цхьатера хІун ду яздархочо, дуьйцуш долу Ахьмадан хІусамехь лаьтга хьал а, аьчкан пхьар дІавуллуш хилларг а дуьстича?

2. Муха хьаьвзира оьрсийн салти, нах цец а бохуш?

3. ХІун бахьана дара салтичо а, цхьаьна маьждигах тера гІишло еш болчу наха а деш долчуьнан?

4. ХІунда дара маьІне тайп-тайпанчу кьомах а, тайп-тайпанчу динехь а болчу нахана, цхьаьнакхетта, кхечу динах болчу нахана дин-хьашташ кхочушдан гІишло яр?

5. Муха юьйцу маьждиган це а, кхийолу мехала агІонаш оцу дийцарна юкьахь?

6. Ахь цкьа а, цхьаьнцца а цхьа а гІишло йоьттиний? ХІун бахьана долуш нахаца цхьаьнакхийтира хьо и гІишло ютгуш?

7. ХІунда ду и дика гІуллакх цхьа Іалашо я цхьа проект йолуш болх беш болчу нахана?

Герман Кузнецов-Валин

МЕЧЕТЬ

/Рассказ-быль/

*Посвящается прекрасной матери,
внучке кузнеца Исмаила
Хафизе Абдуловне*

В этот день мы с приятелем попали под ливень и изрядно промокли. Он предложил зайти обогреться к его близкому знакомому, живущему поблизости. Хозяин квартиры Ахмед, татарин по национальности, был искренне рад нашему приходу.

Войдя в комнату, я увидел на стене большую цветную фотографию, вставленную в дорогую рамку. На ней была изображена очень красивая по своему архитектурному исполнению мечеть.

- *Нравится?* - задал мне вопрос Ахмед. - *Она называется мечеть Рашида. Ее история крайне интересна. Но сейчас - к столу. Будете отогреваться.*

За чаепитием с гречишным медом Ахмед поведал нам историю изображенной на фотографии мечети.

По рассказу Ахмеда, мечеть была построена на месте старенькой, развалившейся мечети. Красуется она на берегу речки Медянки, протекающей на окраине древнего села Медяна, что на Нижегородчине. Он оттуда родом. Строили мечеть всем миром. На стройплощадке можно было слышать своеобразный говор москвича и украинца, белоруса и жителя Кавказа.

Жили дружно, и мало кто интересовался национальностью соседа и откуда он родом. Главным

мерилом уважения к человеку был его труд и порядочность. Конечно же, в первых рядах строителей были жители Медяны. Ахмед знал не понаслышке, как его земляки, представители разных национальностей и вероисповеданий, единой семьей, поддерживая друг друга, пережили все невзгоды репрессий, войны, голода, и вот теперь вместе строили молитвенный дом для своих односельчан-мусульман.

Право дать название построенной мечети медянцы предоставили своему земляку по имени Васись. Он, крупный предприниматель, пожертвовал в общую копилку большие деньги на постройку молитвенного дома. Мечеть была названа именем его матери Рашида.

На открытии новой мечети Васись сказал, что построенная мечеть - это подарок от ушедших и ныне здравствующих сыновей своим матерям из селения Медяны в знак большой любви и глубокого уважения. Так, нареченная именем одной матери, мечеть стала символом сыновней любви к своим матерям.

Но для Ахмеда и его односельчан мечеть Рашида является еще и воплощением светлой памяти о местном кузнеце Исмаиле и героическом поступке молодого русского солдата.

О кузнеце Исмаиле Хайретдинове ходили легенды далеко за пределами села Медяны. Руки кузнеца создавали уникальные вещи не только из металла. Казалось, не было такой работы, которая была бы непосильна кузнецу. Со всей округи шли к нему люди за помощью. И не было случая, чтобы мастер отказал им в просьбе.

Но в один грустный день нашли Исмаила мертвым у его горна. Отказало сердце. Односельчанами овладела глубокая скорбь. Смахивали слезы взрослые. Притихли дети.

Хоронили кузнеца всем селом. Многоликая процессия, протянувшаяся за носилками с покойником, закутанным в саван, двинулась к кладбищу, расположенному на противоположном берегу реки Медянки. Тихая и безобидная в летнее время речка, которую переходили по перекинутым мосткам, встретила скорбную процессию буйным майским половодьем.

Лед и вода за одну ночь начисто срезали хилые мостики. Бурлящая река стремительно неслась к каменным порогам. С большим трудом мужчинам удалось проложить из бревен и досок временную переправу. Но пронести по ней носилки с телом покойного даже двум мужчинам было опасно. Казалось, выход был найден. Привязав тело в саване к носилкам, двое мужчин перешли на другой берег реки и стали с помощью веревки, прикрепленной к носилкам, перетягивать их по мостику к себе. И когда уже половина пути была позади, случилось непоправимое. Веревка, скользкая от изморози, вырвалась из озябших рук. Носилки не удержались на сырых бревнах и соскользнули на одну из проплывающих под переправой льдин беснующейся реки. Течение подхватило льдину с носилками и понесло ее к порогам.

Люди с криками, мешая русские и татарские слова, бросились бежать по берегу за носилками, не зная, как исправить положение. Навстречу бегущей растерянной толпе шел молодой солдат. Услышав

крики и поняв, что случилось, он скинул шинель и бросился в студеную воду.

Льдины сбивали смельчака с ног, течение тащило к смертельным порогам, но он успел схватиться за веревку, привязанную к носилкам, и стал тащить и толкать льдину к берегу. Подоспевшие селяне помогли выбраться солдату из холодной купели, а затем вытащили на берег и носилки с телом Исмаила.

Лицо и руки молодого человека были изрезаны в кровь. Одежда начала покрываться изморозью. Женщины накинули на солдата его шинель и увели согреться в ближайшую избу. Временно оставив героя на попечение старушки, хозяйки избы, женщины вернулись к похоронной процессии.

Наступили сумерки. Переправлять тело Исмаила на противоположный берег к кладбищу не имело смысла. Носилки с умершим установили в старенькой, полуразвалившейся мечети, стоявшей как раз на том месте, куда солдат подогнал льдину и на котором построена новая мечеть Рашида.

Когда группа почетных селян пришла в избу, в которой оставили обогреться солдата, чтобы достойно отблагодарить его, того и след простыл. Сказала старушка, что зовут его Федором, а головка у него белая, как лен, а глазки синие, как небушко. Да когда нижнюю рубашку снял, чтобы воду выжать, заметила она на шее парня шнурочек с крестиком. Сказал служивый, что идет он на побывку к маме. А вот фамилию и куда идет, не спросила старая. Какой с нее спрос? Отпуск солдата недолог. Обогрелся чуток - и в путь.

Похоронив Исмаила на следующий день, общались мусульмане все окрестные села и деревни, чтобы разыскать русского солдата. Да так и не нашли. Может, уехал он на попутной машине из этих мест.

И вот теперь мечеть Рашида считается мусульманами Медяны не только символом любви сыновей к своим матерям, но и памятью о самоотверженной взаимной помощи людей разных национальностей и веры.

Хорошо, если бы мы почаще вспоминали о подобных событиях в наше время.

Рассказчик умолк. Дождь кончился. Мы стали прощаться с гостеприимным хозяином. Перед уходом я снова бросил взгляд внутрь комнаты. Мечеть Рашида на глянцевой фотографии сияла всеми цветами радуги от заглянувшего в окно комнаты солнца.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 483 - 485.

1. Какие чувства вызвала смерть Исмаила у его односельчан? Что они почувствовали, когда русский солдат спас носилки с его телом?

2. Чем особенно примечателен поступок молодого русского солдата?

3. Чем схожи действия солдата и действия людей, которые вместе занимались строительством мечети?

4. Чем важно то, что люди разных национальностей и религий собрались вместе, чтобы построить храм для людей только одной религии?

5. Приходилось ли вам делать что-то вместе с другими? Какие чувства и поведение вызывает такой совместный труд?

6. Что вы думаете о строителях мечетей? Случалось ли вам видеть, как строят мечеть? Если да, знаете ли вы, какая у этой мечети история?

7. Приходилось ли вам жертвовать своим здоровьем и временем, оказывая помощь другим?

8. Какие чувства и мысли вызывает у вас прочитанный рассказ?

THE MOSQUE

By German Kuznetsov-Valin

*To Khafiza Abdulovna,
the blacksmith's granddaughter.*

One day my friend and I were caught in a cloudburst and soaked to the skin. His friend Akhmet, who lived nearby, let us come in to dry out and gave us a warm welcome. The first thing I saw was a large color photograph on the wall in an expensive frame.

“Do you like it?” asked Akhmet. “They call it the Rashida Mosque. There are two very interesting stories about it. But first, let’s sit down. Let’s get you warm and dry”.

As we drank tea flavored with buckwheat honey, Akhmet told us the stories.

The mosque graces the bank of the river Medyanka, which flows by the village of Medyana in the district of Nizhny Novgorod. That’s where Akhmet comes from.

The first story happened long ago.

For Akhmet and his fellow-villagers, the Rashida Mosque serves as a monument to Ismail, the local blacksmith, and to the heroic deed of a young Russian soldier whose life is linked with his memory.

Ismail Khairetdinov was a wonderful blacksmith. He was known throughout the area. He could make anything, and not just out of metal. There was no job he could not do. People came from far and wide to ask his help. He never turned them down.

One sad day, Ismail was found dead in the smithy. His heart had failed. The village was cast into deep grief. Grown-ups wept. The children were quiet. Everyone turned out for his funeral. A long procession made its way toward the cemetery on the other side of the little river. In summertime, the Medyanka is calm and flows quietly. Now it was in full spring flood. Overnight, ice and water had washed out all the bridges, and further down, rushed over rocks and rapids.

The men struggled to build a temporary crossing out of beams and planks, but it looked extremely dangerous to try to carry the bier across.

The shrouded body was tied firmly to the bier. Two men carefully crossed over to the other bank. Pulling on a rope attached to the bier, they tried to drag it across the bridge. When it was half-way over, disaster struck. The rope, slippery from the cold, got away from their numb fingers. The bier slithered on the icy planks and slid onto one of the sheets of ice floating downstream. The current took hold of the ice-sheet with its sad load, and carried it away. The rapids were waiting.

People ran after the bier along the bank, shouting in Tartar and Russian. They had no idea what to do. A young Russian soldier heard the cries of the Tartars and realized what was happening. He peeled off his greatcoat and leapt into the icy water. The ice-sheets knocked him off his feet, almost crushing him. The current dragged him toward the rapids. But he managed to grab the rope tied to the bier. He pulled the whole ice-sheet to the bank. The villagers rushed up and hauled him out of the icy water. Then they dragged the bier, bearing Ismail's body, safely up onto the bank.

The soldier's face and hands were streaked with blood. His clothes began to freeze. Women threw his greatcoat over the soldier and took him away to get warm in a nearby hut. There they left the hero in the care of an old woman and returned to the funeral procession.

It was pointless to try to take Ismail's body across the river to the cemetery that day. They left the bier with the body in the old tumbledown mosque. A group of leading citizens went back to the hut where the soldier had been left to thaw out. They were anxious to thank him for his good deed, but the young man was gone. The old woman said, "The soldier was called Fyodor. He had hair as fair as flax and eyes as blue as God's heaven". When he took off his undershirt to wring it out, she had noticed that he wore a cross on a string around his neck. He had said he was going to see his mother. What was his surname? Where, precisely, was he going? The old woman had never thought to ask! What more could she tell them? His leave was nearly up. He had got warm and dry and then gone on his way. The next day after the funeral, the Muslims went to all the surrounding villages trying to find the Russian soldier. He was not to be found.

The second story is how the new mosque was built. The old mosque had been in bad shape for years. There was too much trouble and not enough money to build a new one. Finally, things got better. The Muslim villagers collected enough money for materials and invited anyone who could to help with the construction. All kinds of people worked together to build it. While the work was going on, you would hear the distinctive

chatter of Muscovites, Ukrainians, Belorussians, and people of the Caucasus. Everybody was friendly and nobody bothered about anyone's nationality. A man won respect according to the work he did.

They professed different religions, but they all lived together as one family. After surviving repression, war, and hunger they came together to build a house of prayer for their fellow villagers of the Muslim faith.

Vasis, a local businessman who had donated a great deal of money toward building the new place of worship was asked to name the new mosque. He called it "Rashida" in honor of his mother.

At the opening ceremony, Vasis declared that the mosque was a gift to the mothers of the village of Medyana. Thus the mosque, bearing the name of one mother, became a symbol of the love that all those sons had for the mothers of the village. Muslims see the Rashida Mosque as a tribute to the love which sons have for their mothers. To many, it means more: it also commemorates the selfless help given by people of one nation to another and it honors the faith which people have in each other.

For Akhmet and his fellow villagers, the Rashida Mosque also serves as a monument to Ismail the local blacksmith and to the heroic deed of a young Christian Russian soldier whose life is linked with Ismail's memory.

The tales had been told. The storm was over. It was time to go. Before I left, I looked around the room once more. A beam of sunlight set the Rashida Mosque in the photograph glowing with all the colors of the rainbow.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 483 - 485.

1. How did the fellow villagers feel about the death of Ismail? What were they feeling when the Russian soldier saved Ismail's bier?

2. How was what the young Russian soldier did extraordinary?

3. In what ways are the acts similar - of the soldier and of the people who came together to build a new mosque?

4. Why is it important that people of many different ethnic backgrounds and faiths came together to build a place of worship for people of only one faith?

5. Have you ever had a chance to build something with other people? What feelings and behaviors did your cooperative effort bring?

6. What feelings do people who build mosques evoke in you? Did you ever witness the construction of a mosque? Does that mosque have its own history?

7. Did you ever sacrifice your health and time helping other people?

8. What feelings and thoughts does this true story evoke in you?

Михаил Роцин

МАШАР БОЪХУШ ДОИА

1999-чу шеран шийлачу гурахь, октябрь-бутт чекхболуш, Нохчийчоь шолгӀа тӀом даьобдуш ши бутт гергга хан йолуш, Москва-гӀала мухӀажарийн шолгӀа тулгӀе кхечира. Москвахь дукхахболу нах тешна бара, нохчийн шайн бежк бу аьлла!

КӀезигчу наха ойла йора, тӀемаца а, ницкъаца а, цӀийца а шина кӀоман юкӀаметтиг толур яц аьлла.

Со саготта хьийзара хӀетахь. Суна хаара, сайга хӀумма а далур доций. ТӀаккха ас Попков Викторга зӀе хьовзийра. Иза чӀогӀа Делах тешаш, керста динехь синкхетам болуш стаг хиларна. Викторга алссам дика белхаш бинера Нохчийчоьхь дуьххьара тӀом болуш а: гуманитарни олу кхача латтатора, Москва бераш кхуьйлурга, йийсаре бинарш кӀелхьарабохура. 1995-чу шеран аьхка хӀобьттина гӀийла машар чӀагӀбан гӀертара, шен ницкъ ма-кхоччу.

ХӀинца тхойшинна хаара, кху тӀамехь машарехьа кьуьйсусш берш кӀезиг хир буй. Массо а газеташа цхьатерра гӀовгӀа яьккхинера:

“НовкӀарло ма е эскаршна шайн гӀулакх дан!”

ХӀун гӀуллакх дан гӀерта эскарш цигахь бохучун, бала кӀезиг бара нехан.

Викторга, тӀамна дуьхьал доӀанца мацалла кхайкхо еза, элира. Тхешан акцина охашиммо Невенин Александран дешнашца кхайкхам бира: *“Ницкъаца вац Дела, бакӀонца ву!”* И мацалла охашиммо Соловки гӀайреш тӀера беанчу тӀулгана уллехь йолийра. Цигахь, Соловкехь, хиллера

Сталинан заманчохъ уггаре а луъра, политикин бахъанашца чубоъхкина нах хІаллакбеш набахти. Цу тІулгах, чхарах санна, тІергаш тийсинера оха тхешан кхайкхамаш тІеязбинчу кІадин. ТІулга тІехъа (иза адамал а лекха бара) шийлачу махах дІалачкъа аьтто бара. Цу тІехула, четарш санна, тхан транспаранташ ловзура мохехъ.

Цу мацаллехъ оха, довха хи малар доцург, кхин хІумма ца юура. И хи оха луларчу “Мемориал” олу адамийн бакъонаш ларъечу вовшахтохараллехъ молура.

Соловецки тІулгана уллехъ оха телатах жима четар тайпа хІума йинера. Циггахъ, жимачу стоъла тІехъ, динах лаьцна книгаш а, иконаш а ехкинера. Оха Деле доІанаш дора, беллачийн синош къобалдар доьхуш: нохчийн а, оьрсийн а, керстанийн а, бусалбанийн а.

Улле баьхкинчу нахе тхаьш дан гІертачун бахъана дуьйцура оха, тхаьш машарехъа къуьйсус хилар хоуьйтура. Дукхахболчара оха лелошдерг къобалдора. Дагара ца йолу цхъа зуда: иза леррина кхечу гІалара еанера поезда тІехъ, тхо гархъама.

Иштта тхо лаьтташ исс де даьлча, соьгара рагІ схъаййцира москварчу квакера Горбенко Сашас. Ас дийхира цуьнга, оха дечун дакъа а лаций, цхъана кІиранах юучух ца кхеташ Іар. Иза реза хилира. Юург ца юуш Іийра шовзткъе шина дийнахъ, Россин Пачхьалкхан Думе депутаташ хоржу де тІекхаччалц! Саша чоГІа реза вара оха дІадолийначунна. Цо бохура, ша саннарш оьшу, дуьненчохъ цІий мел Іена, бехкбоцу нах мел леш бу. Тхо а реза дара цо бохучунна а, дечунна а.

Оха бечу белхан жамҕаш даккхий дацара. Амма тхуна хетара: хҮѳу дина а, цахъ дан деза, хҮмма а ца деш, Ғадда Ғачул! Тхо реза дацара, тхайн, оьрсийн, цҒарах бехк боцу нах байийта. Иза зулам дара. Цхъаь хилла ца Ғаш, дуккха а зуламаш!

Иштта, хҮма ца юуш, пхобалҒа кҒира доладелча, Попков Виктор Нохчийчу ваха дагахъ хилира, Нохчийчоьнан президентаца Масхадов Асланца вовшахкхета. Виктор тешара, ша цунах кхетча, тҒом соцург хиларх.

1999-чу шеран 3 декабрехъ иза кеманца ҒалҒайчу, Слепцовске, веара. Цигахъ цо мацалла сацийра, Слепцовск уллехъ Ғаш некъаца лаьттачу тҒехъажаран Ғаролах чекхвелира.

Нохчаша доггах лоруш тҒеййцира Виктор. Иза Урус-Мартанехъ а, ВаларгҒахъ а хилира, амма Масхадовн тҒемалой болчу кхачар ца хилира цуьнан.

2000-чу шеран Ғай Виктор кхин а шозза хилира Нохчийчохъ: цо цигахъ ахча доькбура, эца а оьций, дама доькбура Ғийлачу нахана. Цул тҒаьхъа бҒаьста Викторан аьтто хилира Нохчийчоьнан президентаца Масхадов Асланца цхъаьнакхета. Амма машаре вуьгу некъ иштта атта ца хиллера, тхуна ма-моьтту, ткъа хҒора тҒеман дено шен дҒаьвше мостаҒаллин стоьмаш алсамбохура.

ХҒетте а со теша: вешан дегнаш чуьра хьу, цабезам, мостаҒалла дҒадаккхаро бен карадойтур дац вайна вовшашна тҒедуьгу некъаш. Иштта бен кхетар дац, кху дуьненчохъ машарал деза хҮмма а доций.

Ғочдинарг - Нуьуев Сайд-Хьамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. Хьо цкъа а Иийний Гуйранна я делкъанна хЛума ца юуш? Муха хьал хуьлу хьобгахь, гуттар а мацвелча? Муха хетар дара хьуна, яахЛума йоцуш цхьана кИранах сов некъ бан безаш хилча?

2. Муха веара Россин ши махкахо - Михаил а, Виктор а, Нохчийчуьра тЕман хьокъехь шашшиь сагатдеш хилар мацаллица дІакхайкхо дезаран сацамна тЕе?

3. ХІун маИна долуш дара цара шашш долчехь дІаяздина шайн кхайкхам бу аьлла хаьржина дешнаш а, символш а?

4. Михаил Рощина къамелаш дора шайна тЕебаьхкинчу нахаца, цо дуйцура царна, шена хІунда хета Россис Нохчийчохь беш болу тІом сацо беза аьлла. ХІун дора я хІун олура аьлла хета хьуна цуьнца реза боцучу наха? Муха хиира царна, цхьаболу нах шайца гома хир буй?

5. Оцу шиннах дІакхета сацам хІунда бира Москвахь вехаш волчу квакера Сашас?

6. ХІун дира оцу мацалла дІакхехьаро? Хьайн жопаш дозуш хилийта, мацалла кхайкхийначеран а, тЕхьяжархойн а массо агІор дог-ойланаш а туьдуш.

7. ХІун дира Викторa машар лобхуш мацаллица бина къовсам чекхбаьллачул тІаьхьа? ТІом сацо ницкъ ца кхаьчнехь а, хІун маИна дара цо лаьцначу мацаллин?

8. ХІинца а хІунда хетара Михаилна машар бан гІерташ наха лелориг маИне, Іедало и тидаме ца эцахь а? Хьуна хІун аьлла хета цу хьокъехь?

Михаил Роцин

МОЛИТВА ЗА МИР

Холодной осенью 1999 года, в конце октября, когда уже почти месяц шла Вторая Чеченская война и из Чечни хлынул поток беженцев, в Москве было тихо и спокойно, никто не протестовал против новой войны. Подавляющее большинство людей были уверены: в ней виноваты чеченцы.

Очень мало кто в тот момент понимал, что происходит новая трагедия целого народа, и кровавым путем вряд ли удастся улучшить взаимопонимание русских и чеченцев.

Я тогда очень переживал, но главное мое беспокойство состояло в том, что я ничего не мог сделать. Я позвонил Виктору Попкову, глубоко верующему старообрядцу. Виктор серьезно работал в Чечне еще в первую войну: привозил гуманитарную помощь, обменивал пленных, наблюдал за хрупким перемирием лета 1995 года. Нам обоим было ясно, что на этот раз широких протестов против войны не будет.

Пресса шумела: *“Дайте нашей армии довести дело до конца!”* В чем оно состояло, почему-то никто не объяснял.

Виктор предложил начать голодовку молитвенной солидарности с чеченским народом. Своим лозунгом мы выбрали слова древнерусского князя Александра Невского: *“Не в силе Бог, а в правде!”* Акцию мы начали проводить у Малого Соловецкого камня, привезенного с Соловков, где в годы сталинских репрессий находился крупный лагерь для

политических заключенных. К этому камню, как к фундаменту, крепились веревками наши транспаранты. За камнем (он выше человеческого роста) можно было укрыться от порывов ледяного ветра, на котором, словно паруса, трепетали наши плакаты.

Эту голодовку правильнее было назвать строгим постом, так как мы регулярно пили горячую воду в здании правозащитной организации “Мемориал”, расположенной по соседству.

Рядом с Соловецким камнем мы сделали небольшое укрытие из полиэтилена, напоминающее палатку. Там на небольшом складном столике положили духовные книги и поставили иконы. Мы молились за всех погибших в эту войну, чеченцев и русских, христиан и мусульман, старались объяснить всем, кто к нам приходил, причины нашей акции, и от многих получали поддержку. До сих пор помню женщину, которая приехала на поезде из другого города, чтобы встретиться с нами.

Через девять дней после начала голодовки меня заменил мой друг, московский квакер Саша Горбенко. Я просил его принять посильное участие в нашем мероприятии и поголодать, например, неделю. Он согласился и проголодал сорок два дня - вплоть до дня выборов в Государственную думу России.

Саша влился в нашу акцию просто и естественно. Он считал, что его духовные усилия должны быть востребованы, когда в мире льется кровь и гибнут беззащитные люди. И мы были согласны с ним. Результаты нашей работы, конечно, были скромными, но мы думали, что лучше действовать, чем молча смотреть, как от нашего имени (я имею

в виду всех россиян) совершается преступление за преступлением.

На пятой неделе непрерывной голодовки Виктор Попков стал собираться в Чечню для встречи с чеченским президентом Асланом Масхадовым. Виктор верил, что такая встреча могла бы остановить военные действия. Он улетел в Слепцовскую в Ингушетии 3 декабря 1999 года. Там после сорока двух дней поста он прекратил голодовку и на следующий день пешком пересек контрольно-пропускной пункт неподалеку от Слепцовской. Чеченцы отнеслись с уважением к благочестивому иноверцу. Виктору удалось побывать в селениях Урус-Мартан и Валерик, но он не смог перейти линию фронта и попасть на территорию, не контролируемую федералами.

Зимой 2000 года Виктор смог еще два раза побывать в Чечне: он привозил деньги, покупал муку и раздавал ее жителям сел. Позднее, весной, Виктор, наконец, встретился с президентом Чечни Асланом Масхадовым, но дорога к миру оказалась труднее, чем мы думали, а война каждый день возвращает новые семена ненависти. Но все же я верю: только вырвав ненависть из наших сердец, мы сможем пойти навстречу друг другу и понять, что нет ничего дороже мира.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 481 и 486.

1. Случалось ли вам когда-нибудь остаться без обеда или ужина? Как это было, по-настоящему сильно про-

голодаться? Представьте, как вы себя почувствуете, не поев целую неделю.

2. Как двое русских, Михаил и Виктор, пришли к решению, что голодовка станет лучшим способом выразить свою тревогу о войне против Чечни?

3. Почему московский квакер Саша присоединился к двум первым участникам акции? Почему, вы считаете, Саша так долго голодал?

4. Чего достигла эта акция? Отвечая, имейте в виду и личный внутренний опыт, и действия участников голодовки и ее очевидцев.

5. Какими еще способами пытался Виктор добиться примирения после голодовки? В чем был успех его попыток, даже если война сразу не прекратилась?

6. Почему Михаил по-прежнему считает, что миротворческие действия имеют смысл, даже если правительства на них не реагируют? Что вы об этом думаете?

7. *Преамбула Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: "...принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами..." Вместо жизни в войне, раздражающей землю, Виктор и другие молились за людей с обеих сторон конфликта - чеченцев и русских, христиан и мусульман. Как такая молитва может способствовать дружеским отношениям между народами? Как, вы считаете, важно ли заботиться обо всех людях, не только наших союзниках?

8. *Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: "Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства".

- В каком виде молитва за мир отражает дух братства, о котором говорится в *Статье 1*?

- Каким образом Виктор, Михаил, Саша и другие проявили солидарность с содержанием *Статьи 1*?

- Как соотносится лозунг объявивших голодовку *“Не в силе Бог, а в правде!”* с содержанием *Статьи 1*?

9. *Статья 2 Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: *“Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.*

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете”.

- Каким образом молитва за людей с обеих сторон конфликта - чеченцев и русских, христиан и мусульман соотносится с содержанием *Статьи 2* и *Прембулы*, утверждающими необходимость содействия развитию дружеских отношений между народами?

- В чем может заключаться значимость проведения голодовки поблизости от здания правозащитной организации *“Мемориал”*?

VIGIL FOR PEACE

By Mikhail Roshchin

Autumn was cold in 1999. By the end of October, armed conflict had already been raging for a month. A flood of refugees was pouring out of Chechnya, but Moscow was calm and peaceful. Nobody was protesting against war this time. Many remembered the recent explosions in Moscow, and the vast majority felt certain that Chechens were to blame.

At that time, few realized that a new tragedy was overwhelming a whole nation, and that the pathway of blood was unlikely to lead to better understanding between Russians and Chechens.

I felt great concern at the time and was particularly anxious because I could do nothing about it. I phoned Viktor Popkov, a man of deep faith and an Old Believer. Victor had been hard at work in Chechnya during the war from 1994 to 1996. He brought in humanitarian aid, arranged the exchange of prisoners, and was an Observer of the short armistice that took place in the summer of 1995. We both realized that this time there would be no anti-war mass protests. The press was screaming: "Let our army get the job finished!" Nobody explained exactly what this would mean.

Viktor proposed a hunger strike in peaceful solidarity with the people of Chechnya. For our motto, we chose words of the ancient Russian Prince Alexander Nevsky: "Not by force, Oh God, but in truth." We began our action in Moscow beside the Malo Solovetsky stone, which was brought from Solovki, where a large camp

for political prisoners had been set up in Stalinist times. We tied our banners to the stone with ropes, as if to a foundation stone. Behind the stone, which is taller than a human being, we could take shelter from the blasts of icy wind that made our placards shake like sails.

Our hunger strike was in fact a strict fast. We did not eat any food and only drank hot water in the nearby building belonging to Memorial, a human rights organization.

Near the Solvetsky stone, we set up a small shelter of polythene. Here, on a small folding table, we placed devotional books and icons. We prayed for all who perished in the war, for Chechens and Russians, for Christians and Muslims.

We tried to explain what we were doing and why we were doing it to anyone who approached us. We received support from many. To this day, I recall a certain woman who traveled from another town merely to meet us.

Nine days after the beginning of our hunger strike, I was replaced by my friend, the Moscow Quaker, Sasha Gorbenko. I asked him to take a practical part in our action and to fast for perhaps a week. He agreed and stayed on the hunger strike 43 days, until the elections to the Russian Duma. Sasha threw himself wholeheartedly into what we did. He felt called to make a high level of spiritual commitment, at a time when blood was being shed in the world and innocent people were dying. The results of our efforts were minimal, but we felt it was better to do something rather than to look on silently while crime after crime was committed in our name (I mean in the name of all Russians).

After five weeks of an unbroken hunger strike, Viktor Popkov got ready to travel to Chechnya. On Dec. 3, 1999, he flew to Sleptsovskaya in Ingushetia. The Chechens received this well-intentioned man of another faith with respect.

During the winter of 2000, Viktor was able to reach Chechnya on two more occasions. He carried money and flour and distributed them to villagers. But, the road to peace proved harder than we expected. New seeds of hatred were sown by the war every day.

But still I believe that it is only by tearing hatred from our hearts that we can set out to meet each other. Only in that way can we learn that there is nothing more precious than peace.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 481 and 486.

1. Have you ever missed lunch or dinner? How did it feel when you got very hungry? What do you think it would feel like to go without any food for more than a week?

2. How did the two Russians, Mikhail and Viktor, come to decide that a hunger strike was the way in which they could express their concerns about the war with Chechnya?

3. Why did the Moscow Quaker, Sasha, join the efforts of the other two men? Why do you think Sasha went without food for such a long time?

4. What did the vigil accomplish? Relate your answers to both the feelings and the events of the strikers and the observers.

5. How did Viktor attempt to bring about peace in other ways after the hunger strike? In what ways was he successful, even though the war did not stop immediately?

6. Why does Mikhail still feel that people's efforts for peace are worthwhile even if governments do not respond? How do you feel about this?

7. PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states:.

Whereas it is essential to promote the development of friendly relations between nations.

- In spite of living in a war torn land, Victor and others prayed for all sides of the conflict--Chechens and Russians, Christians and Muslims. How would this promote friendly relations between nations?

- Do you think it is important to care for all people not just our allies?

8. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

- In what way did praying for peace reflect the spirit of brotherhood as stated in Article 1?

- How did Victor, Makhail, Sasha and others support Article 1?

- How does the motto the hunger strikers chose "not by force Oh God, but in truth" relate to Article 1?

9. Article 2. of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Everyone is entitled to all the rights and freedoms set forth in Declaration without distinction of any kind, such as race, colour, sex, language, religion, political or other opinion, national or social origin, property, birth or other status. Furthermore, no distinction shall be made on the basis of the political, jurisdictional or international status of the country or territory to which a person belongs, whether it be independent, trust, non-self-governing or under any other limitations of sovereignty.

- How does praying for all people on all sides, both Russian and Chechens, Christians and Muslims relate to Article 2 and the Preamble which states it is essential to promote the development of friendly relations between nations.

- What might be the significance that the hunger strike was held nearby the Memorial building which housed a human right organization?

Евгений Евтушенко

КЪИНХЕТАМ: ПОЭТАН ДАГАЛЕЦАМАШ

1944-чу шарахь со а, сан нана а Москва юхадирзира.

Цу хенахь суна дуьххьара гира вайн мостаҫий. Суна схьахетарехь, ткьа эзар гергга салти вара йийсаре лаьцна немцойн цхьана моҫарехь Москва нурамашкахула чекхвала везаш.

Массо а урам буьззина адамаш гулделлера. Салташа а, милицино а го бинера царна.

Дукхахберш зударий бара.

Оьрсийн зударий, хала белхаш бина хилар бахьанехь, лилхина куьйгаш долуш, басар ганза балдаш долуш, оза, букархьаьвзина белшаш йолуш, цу белшаш тӀехь тӀеман ах хало шаш дӀакхехьна. Схьахетарехь, царех хӀораннан немцоша вийнера я да, я цӀийнда, я ваша, я кӀант.

Зударий обҫазе хьобжура йийсар биначу немцойн салтий схьабахка безачу агӀор.

ТӀаьххьара а схьагучуелира и тоба.

Хьалхабевлла богӀуш бара инарлаш, чӀенигаш курра хьала а айина...

- *Одеколонан хьожа йогӀу йовсарех!* - элира тхуна юккьера цхьаммо боккхачу цабезамца.

Зударийн кьинхьегаме куьйгаш меллаша буйнаш беш дара.

Салташий, милцоший хала сецабора уш.

Амма царна цӀеххьана цхьа хӀума хилира.

Царна гира немцойн салтий: гӀийла, мажаш яшанза, боьха, цӀийша дуьзина бинташ хьерчийна.

Іасанаш тІе тІаш я шайн накъостийн белшаш
 тІе тевжина, кортош охъаохкийна богІура салтий.
 Адамаш тап-аьлла дІатийра. Хезаш дара эткаш
 юьйхинчу когийн а, дІалуьйзучу Іасанийн а тата.
 Суна гира, тиша эткаш юьйхина, хенаро йолчу зудчо
 милщочун белшаш тІе куьг дуьллуш.

- *Чекхъялийта со!* - аьлла.

Милщочо иза чекхъялийтира.

Немцойн салташна тІе а яхана, зудчо четара
 басмин йовлакхна юкЪа хъарчийна цхЪа хІума
 схъаяьккхира. Йовлакхна юкЪа хъарчийна яра
 Іаьржачу баьпкан юьхк.

Зудчо меллаша баьпкан юьхк гІелвеллачу, халла
 когах тІехъ лаьттачу салтичун кисана йоьллира.

ТІаккха массо а агІор салташна тІехъаьвдира
 зударий. Цара лора царна бепиг а, цигаьрканах а...

Уьш бацара хІинца мостагІий.

Уьш дара адамаш.

Авторан пурбанца зорботоьхна.

Гочдинарг - Залпа Берсанова

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІара хиллачух лаьцна дийцар ду. Стенгахъ хилла
 иза? Маца хилла иза? ХІун хаЪа хЪуна Дуьненан шолгІа
 тІом чекхболуш Россина, Герман-пачхъалкхана юккъехъ
 хиллачу кЪовсамах лаьцна?

2. ХІунда бара оьрсийн зударий немцойн инар-лаш
 тІехбовлуш цхЪа дог-ойла йолуш, ткЪа салтий тІехбовлуш
 кхин дог-ойла йолуш?

3. Милщочо хІунда тІеяхийтира и кЪена зуда немцойн
 салташна? ХІун дира оцу зудчо тІаккха? ХІун хилира

кхин дIа? Хьуна муха хета, нахана юккьера кхин зударий хIунда тIехьавдира салташна?

4. Хьан хиллий, хIинца я хьалха, хьуна ца везаш стаг? Муха хийцаелира хьан ойла?

5. Яздархочо гойту вайна, оьрсийн зударшна хаар, и немцойн салтий “*мостагIий боций, уьш адамаш дуйла*”. Хьан вуй мостагI, я цкъа а хиллий? Хьобга далур дарий хIумма, дийцар тIехь юьйцучу зудчуьнга санна, хьо а, хьан мостагI а вовшашца кьинхетаме хиндерг?

Евгений Евтушенко
Отрывок из автобиографии

МИЛОСЕРДИЕ: ВОСПОМИНАНИЯ ПОЭТА

В сорок четвертом году мама и я возвратились в Москву.

И я впервые увидел наших врагов. Если не ошибаюсь в цифре, около двадцати тысяч немецких военнопленных должны были пройти по улицам Москвы в одной колонне.

Все мостовые были заполнены народом и оцеплены солдатами и милицией. В основном это были женщины. Русские женщины с руками, потрескавшимися от тяжелых работ, с губами, не привыкшими к помаде, с худыми сутулыми плечами, на которых они вынесли полтяжести войны.

Наверное, у каждой из них немцы убили или отца, или мужа, или брата, или сына.

Женщины с ненавистью смотрели туда, откуда должна была вот-вот появиться колонна военнопленных.

Наконец она появилась.

Впереди шли генералы, надменно подняв массивные подбородки. Углы их губ были презрительно поджаты. Они всем своим видом старались показать свое аристократическое превосходство над победившими их плебеями.

- *Одеколоном пахнут, сволочи!* - ненавидяще сказал кто-то в толпе.

Рабочие руки русских женщин медленно сжимались в кулаки. Солдаты и милиция уже из последних сил сдерживали их.

И вдруг что-то случилось с ними. Они увидели немецких солдат, тощих, небритых, с грязными, пропитанными кровью бинтами, ковыляющих на костылях или опирающихся на плечи своих товарищей; солдаты шли с низко опущенными головами.

На улице воцарилось мертвое молчание, только слышалось шарканье сапог и стук костылей.

И вдруг я увидел, как одна немолодая женщина в грубых сапогах положила руку на плечо милиционера:

- Пропусти!

И что-то в ней такое было, в этой женщине, отчего милиционер отодвинулся.

Женщина подошла к колонне, вынула из-за пазухи что-то, обмотанное в ситцевый платок, развернула. В платке была горбушка черного хлеба.

Женщина неловко сунула хлеб в карман измученного, еле держащегося на ногах солдата.

И вдруг со всех сторон к солдатам бросились женщины и стали им совать хлеб, папиросы...

Это были уже не враги. Это были люди.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 487 и 488.

1. Это - подлинная история. Где это случилось? Когда? Что вы знаете о боевых действиях между Россией и Германией в ходе Великой Отечественной войны?

2. Как вы думаете, почему у русских женщин была одна реакция, когда мимо маршировали немецкие генералы, но совсем другая, когда они увидели обыкновенных солдат?

3. Как вы думаете, почему милиционер пропустил пожилую женщину через оцепление к немецким солда-

там? Что потом сделала эта женщина? Что случилось дальше? Как вы думаете, почему столько женщин последовали ее примеру?

4. Автор повествует о том, как русские женщины почувствовали, что немецкие солдаты были "...уже не враги. Это были люди". Есть ли или был ли у вас когда-нибудь враг? Можете ли вы, как та пожилая женщина в рассказе, сделать что-то такое, чтобы вы и ваш враг стали друг для друга людьми?

5. Случалось ли вам когда-нибудь вдруг увидеть кого-то, кто раньше не нравился, в совершенно ином или новом свете? Что изменило ваш взгляд на этого человека?

6. *Преамбула Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: "...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира..."

- В рассказе пожилая русская женщина подошла к германским военнопленным и подала им сверток. Что это был за подарок, и каким образом он изменил отношение к военнопленным от восприятия их врагами до восприятия их людьми? Как повлиял поступок женщины на других женщин, стоявших рядом с ней?

- Что бы произошло, по-вашему, если бы женщина преподнесла сверток генералам? В чем заключается разница?

MERCY: A POET'S MEMORY

*By Yevgeny Yevtushenko
an extract from his autobiography*

In 1944 my mother and I returned to Moscow.

And for the first time I saw our enemies. About twenty thousand German prisoners - if I have the numbers correct - were to pass through the streets of Moscow in a single column.

The sidewalks were crowded with people. The soldiers and police could hardly hold them back.

They were mostly women - Russian women with hands rough from hard work, lips unaccustomed to lipstick, and thin stooped shoulders that had borne the brunt of the war. Every one of them must have had a father or a husband, a brother or a son killed by the Germans.

The women gazed in hatred at the spot where the column of German prisoners was due to appear.

There it was at last.

First came the generals, sticking their arrogant chins out, pressing their scornful lips together, everything about them aiming to show superiority over their lowly victors.

"They smell of deodorant, the bastards," said someone in the crowd.

The women clenched their fists. The soldiers and policemen battled to hold them back.

And suddenly something happened to the crowd.

The people saw a column of German soldiers, emaciated, unshaven, all in pitiful rags and filthy,

bloodstained bandages. Leaning on their comrades' shoulders or on crutches. They walked with their heads bowed low.

The street fell silent. The only thing you could hear was shuffling boots and creaking crutches.

All at once I saw an elderly woman in tattered boots lay her hand on a policeman's shoulder. "Let me through," she said.

There must have been something about her that made him step aside.

The woman went up to the column of Germans, took something wrapped in a kerchief from inside her coat, and unfolded it. It was the heel of a loaf of black bread.

And suddenly women started running up to the soldiers from all sides, shoving bread, cigarettes, anything into their hands.

They were enemies no longer.

They were people.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 487 and 488.

1. This is a true story. Where did it take place? When? What do you know about the fighting between Russia and Germany near the end of World War II?

2. Why do you think the crowd of Russian women reacted in one way as the German generals marched past them, and then in a very different way when they saw ordinary soldiers.

3. Why do you think a police officer let the old woman go through the police line to the German soldiers? What did the woman do then? What happened next? Why do

you think so many other women in the crowd responded as they did to the old woman's kindness?

4. The author tells us that the Russian women felt the German prisoners of war "were enemies no longer. They were people". Do you have an enemy, or have you had one in the past? Is there something that you, like the old woman in the story, can do so that you and your enemies can become people to each other?

5. Have you ever seen someone in a different or new way, whom you had earlier disliked? What happened to change your mind?

6. PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Whereas recognition of the inherent dignity and the equal and unalienable right of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world.

- In this story an elderly Russian woman stepped up to the German prisoners and presented them with something wrapped in a handkerchief . What was this gift and how did it change a feeling of being enemies to a feeling of being brothers? How did this affect other women around her?

- What do you think would have happened if the woman had approached the generals with the gift? How would you explain the difference?

ДОГГАХ ДИНА ЦІА

ХІара дийцар баккъл хилла хІума ду. Иза хилла Францехъ, дуьххъара Дуьненаюкъара тІом чекхбаьллачул тІаьхъа. Цу хенахъ тІом бахъанехъ дийна юрт дІашарйинера.

КІорал Іаьржа боданехъ самаяьллачу Маринна схъакхийтира тІуьначу лаьттан хьожа. Цуьнан жима дегІ эгош дара шелонний, тІуналлиний. Иза хъалагІаьттинера, боьхачу цІенкъара шен мотт буьллуш лелош йолу тІелхигаш дІанисъян. Уьш дІанисъеш, цунна дагадеара буьйсанна гина ирча сурт, Іаьржа бода санна, цунна шена гонах хІинца а лаьтташ долу. ХІора буьйсанна гора цунна цхъа ирча гІан.

Долалора иза гуттара а хаза дагалецамашца. Цунна дуьхьалтуьйсура дагна хьоме французин юрт. Шен ненаций, ненан ненаций шайн хазачу, ширачу цІа чуьра ара а йолий, готгачу урамехула цу шинца дІайоьдура иза. ХІора корехъ кхиййна хаза зезагаш охъакхозура яьшканаш чуьра, гІийла техка а техкаш. Маьлхан нур лепара килсан лекхачу тхов тІехъ, цІеран ткъес туьйхира, юрт серла а йоккхуш. Иза хиллера девллачу герзийн алунаш. Мари юха а кхераелла егийра, хаза гІан тамашийна хьоле дирзича. Ирча суьрташ бІаьргаш дуьхьал хуьттара цунна: хІинца нанас а, ненан нанас а дитта кІелахъ дІалечкъайора иза. Уьш кхуьй а тІуьначу лаьттахъ Іуьллуш гора. Юххехула дІауьдуш бара сийначу духарца болу

салтий. Яккхийчу тоьпийн лелхар, тЕман гIар, акха маьхъарий! ЦЕ! Шадерг а дIатийча, юрт яцара.

ТIом кхин а дIабахара. Мари а, нана а, ненан нана а, елха а йоьлхуш, шайн цIа хиллачу меттера баьрзнаш кегош яра. Жима доьзал дIакхелхира тишачу подвал чу, цхьана хенахь стоьмаш Iалашбеш хилла йолчу. “*Товли чохь овна санна*”, - аьлла хийтира Маринна гIайгIанечу ойланца. Шен тIелхигаш юккье дIайижира иза, синтем байна. Инзаре сурт дуьхьалхIуьттура.

Салтий юха а цуьнан коьрта техула лелаш бара. Сийна духар дуьйхина болчу французийн салташна тIаьхьа богIуш бара баьццара духар дуьйхина болу немцой. Массара а доккха садаккхина, синтем хуьлуш, уьш дIабахара. ТIаккха схьакхечира кхечу басахь духарца болу американцаш. Американцаш боьлуш бара, цара берашна французин къаьстина ахча доькьура. Амма уьш дIабахча а, юрт ша ма-хиллара йоьхна лаьтташ яра.

Мари юха а самаяьлча, подвалана тIетоьхначу ширачу аннийн херонашкахула чукхетта маьлхан зIаьнарш яра.

Керла, шена девзаш доцу аьзнаш хезна, хьалаиккхира иза. Цу Iуьйранна, хIуьу делахь а, цхьа керла хIума дара хуьлуш. Уьш хIун аьзнаш ду сихха хаа лууш, собар дайнера цуьнан.

- *Мама, салти юха схьабавьхкина?* - хобттура цо кхерамца.

- *XIан-xIа, сан хьомениг. Ара а ялий хьажа, цига веьнарг мила ву.*

Мама, иза тамашийна хетахь а, самукъане яра. Шена тIера юргIин метта йолу тIелхигаш охьа а

кхийсина, лешташ долчу тІегІанаш тІехула хьалаелира йоІ. Цунна гира, юърта кхин нах баьркинера сирачу духарца. ХІораннан пхьуйша тІехь, кепки тІехь цІен-Іаьржа седа бара. Маситта минотехь Мари, хІумма а ца олуш, хьобжуш Іийра цаьрга, тІаккха хазаетарца мохь белира цуьнга:

- Мама, оцу седарчий долчу салташкахь герз дац, цаьргахь херхаш а ду, жІавьнаш а ю. Уьш цІенош деш бу!

Маринна уьш салтех тарбеллера, царна тІехь цхьатерра духар долу дела. Амма уьш салтий бацара, уьш бара британски а, американски а квакерийн Комитетан гІуллакхера белхалой.

Кхин ойла ца еш, Марис, сихха подвалан тишачу ламеш тІехула чу а йоьссина, тиша пазаташ схьайцира. Цу чохь цо дІадиллинера ялх французийн ахча, Іамерикан салташа шена делла долу. Иза бен, кхин церан чохь ахча дацара. Юхаедда йоьдуш, цуьнан дегайовхо яра, цо хІора ког мосазза боккху, етталуш.

Сира духар дуйхинчу нехан хьаькамна тІеяхара иза. Ийза а луш, пазат чу куьг а дахийтина, хьаладаьккхина дІагайтира цо шен ялх су.

- Мюсье, хІокху ялх сунах цІа далур дарий шуйга?

Хьаькам цецваьлла дІахьаьжира цуьнга.

- Кхин цкѳа а алахь, со ца кхийтира ахь ховттучух, - элира цо.

ТІаьхьара а кхетча, вела ца велира, ур-атталла вела а ца кьежира, баккбал а, шеко йоцуш, элира:

- Дика ду, мадемуазель, тхайга хІун дало хьожур ву со.

“ХІаѳ” ца элира цо, амма “хІан-хІа” ца элира. Мари сатесна яра. ХІора дийнахь хьожуш яра иза болх дІа муха боьду. Кегий керла цІенош могІара хьалахІуьтттура кхечу доьзалшна. ХІора цІа дара жима а, хаза а. Амма Маринна уьш чІогІа тайнера, тІех хаза а хетара. *“Ма чІогІа хьаьгна со цІеначу аннийн цІенкьах, ма хазахеташ нуй хьовкхур бара ас цу тІе, ма хаза хета суна цІечу кибарчигийн тхевнаш, цу цІеношна догІа чу ца дайта техкина долу. Тхан доьзална цІа ца деш, дІа ма гІахьара уьш”*. Цо сатуьйсучу хенахь подвал кхин а Іаьржа а, тІуьна а хетара цунна.

Цо дог диллинчу хенахь Маринна жоп деара.

И жоп дара: “ХІаѳ!” Важа цІенош санна, Маринна цІа дира кхаа дийнахь. Маринна хетара иза дуьненчохь уггар хаза. И дина даьлча, сира духар дуьйхинчийн хьаькамо хазахеташ догІанаш кара делира:

- Мадемуазель, хІорш ду хьан цІийнан догІанаш.

Мари, догІанаш схьа а эчна, араара неІ схьаелла йолаелира цхьа шакепара йоккхаерца. Ткьа нана а, ненан нана а, лулахой а хьожуш бара.

ЦІеххьана иза сецира, цхьаь дага а деана. *“ЦІенойх ялх су лур ду ма аьллера ас. Ас иза дІа ма ца делла. ЦІа хІинца а сан долахь ма дац”*.

Сихха, ширачу ламеш тІехула подвала чу а йобссина, юха хьалаяьлча, сира духар дуьйхинчеран хьаькамна тІеяхара иза. ХІинца, дина даьлча, иза хаза а, доккха а дара, тІаккха мах - ялх су - цунах кІезиг а дара. Амма цуьнгахь кхин дацара. Цо, дагар а деш, хьаькаман кара дІаделира: цхьаь, шиь, кхоь, диь, пхиь, ялх.

Товур дуй-техъа иза? Цуънан юъхъ-дуъхъал хъажа ца яъхъара иза.

Хъабкамо, вела а велла, элира цуънга (французийн маттахъ):

- *Баркалла хъуна, мадемуазель. Диъ су товур ду суна*, - ши су юхаделира цо.

Шу цецдовла а тарло, деа сунах Марига цІа муха эцаделла.

И аьтто хиллера Францин Іедало гІишлош ян мел оьшу гІирс а белла, квакераш шайн инструменташца схъа а баъхкина, мах боцуш болх бан реза хилла дела. Оццул дукха хІума дайначу нехан юха а цІенош хилийта, керла дахар дІадоладайта.

Дийцаре дан хаттарш

1. Хъуна хІун оьшу, ирс долуш хила? Мари хІунда яцара ирс долуш?

2. ХІун хиллера гІом лаьттинчу ярташкара цІеношна? Иштта ишколашна? ХІун хиллера даьхнин керташна? ХІун хиллера заводашна? ХІун хиллера нахана а, церан дегнашна а? ХІун хиллера церан гІиллакхашна?

3. ХІунда лелара Іамерикера доттагІийн кхеташонера белхалой герзан метта карахъ херхаш а, жІаьвнаш а йолуш?

4. ХІун хийтира Маринна, цІенош деш белхалой гича?

5. Цара цІенош хІинца кхечу нахана хІунда дора? Муьлш бара кхузахъ цІеношдархой? Цара мичахъ белхаш бора? Муха бора? ХІунда бора? ХІун бахъана долуш бора цара и болх а, ахча ца лушшехъ, кхечу нахана белхаш а, шайн белхаш Іад а битина?

6. ЦІенош доцучу нахана гІишлош ян лаарх хІун пайда хилира царна? Хууш ма-хиллара, царна луш

дацара ахча а. Хьуна муха хета, ахь цхьанна гЮ дича, и гЮ бахьана долуш хийцамаш хилча?

7. Дуккха а нахана хетарехь, тЕмаш беш болу нах цЕнош доьхна, я ялта, я дарба дезаш бу, хЮнда аьлча тЕмамах зен долу дела. Кхиболу нах теша, цара деш долу гЮ бахьана долуш, нах цхьаьна бахалур буй а, иштта хЮранна а аьтто балур буй а. Хьуна хЮн аьлла хета цу хьокъехь?

8. Кхин агЮнаш юй хЮсамаш оьшучарна цЕнош деш? Далур дарий нахе цЕнош царна а, шайна а?

9. Марин доьзалехь кхо зуда яра - йоI, нана, йоккха стаг а. Ткъа хЮнда бацара божарий?

10. Мел гЮ оьшуш бара хЮра а доьзал? ХЮн эшара веа стагах болчу доьзална, дика цIа дан?

11. ДIаяха езаш йолу и яккхийра халонаш шайна гича, нах муха дIабуйлабелира уьш дIаяха? Вайга хЮн далур дара-ге?

12. ХЮнда ийцира царех цхьана дикачу стага Маригара массех пенни (сом), уьш дерриш цунна Iад ца дуйтуш?

ДОМ, ЧТО ПОСТРОИЛА ЛЮБОВЬ

Это подлинная история. Она произошла во Франции после Первой мировой войны. Тогда в результате сражения целая деревня оказалась стертой с лица земли.

Мари проснулась в крошечной тьме, в нос ударил уже ставший привычным затхлый запах земли. Ее маленькое тело дрожало от холода и сырости. Она поднялась, чтобы поправить грубые лохмотья на грязном полу, служившие ей постелью, и вспомнила ночной кошмар, который, словно черная туча, все еще окутывал ее. Один и тот же страшный сон снился ей каждую ночь.

Начинался он, как всегда, с приятных воспоминаний. Ей снилась ее любимая маленькая французская деревня. Они с мамой и бабушкой выходили из своего уютного старого домика и шли по узкой улице. Яркие цветы свисали, колыхаясь, из ящичков под каждым окошком. Солнце сияло на высоком шпиле колокольни. Но вдруг другая, ослепительная вспышка озарила деревню - то был оружейный залп. Мари снова задрожала, когда счастливый сон превратился в кошмар. Мрачные картины вставали у нее перед глазами. Вот мама и бабушка в ужасе прячут ее под деревьями. Все трое лежат, распластавшись на покрытой листьями земле. Мимо пробегают солдаты в синей форме. Залпы орудий, грохот сражений, взрывы, дикие крики! Огонь! Когда все стихло, деревни уже не было.

Бой ушел дальше, а Мари, мама и бабушка со слезами на глазах рылись в груде развалин, которые когда-то были их домом. Маленькая семья переселилась в старый подвал, где раньше хранили фрукты. *“Как кроты в норе”*, - печально думала Мари.

Она зарылась в свои лохмотья и погрузилась в тревожный сон. Кошмар продолжался.

Солдаты снова тяжело шагали над ее головой. За французскими солдатами в синей форме шли немецкие в зеленой. К всеобщему облегчению, они скоро ушли. Потом пришли американцы в форме защитного цвета. Американцы смеялись и раздавали детям французские монетки. Но когда они ушли, деревня все еще оставалась в развалинах.

Когда Мари опять проснулась, солнечные лучи сияли сквозь щели в старых досках, заменявших крышу подвала.

Она услышала новые незнакомые звуки и быстро вскочила.

Что-то новое происходило в это утро. Ей не терпелось поскорее узнать, что это за звуки.

- *Мама, это снова вернулись солдаты?* - спросила она с тревогой.

- *Нет, моя дорогая. Выйди и посмотри, кто приехал.*

Мама, как ни странно, казалась радостной. Мари сбросила тряпье, служившее одеялом, и по шатким ступенькам подвала выбралась наверх. Она увидела, что в деревню пришли новые люди, в серой форме. У каждого из них на рукаве и кепке была нашита красно-черная звезда. Несколько минут Мари молча рассматривала их, а затем радостно воскликнула:

- Мама, у этих звездных солдат нет оружия, у них только пилы и молотки. Они строят дома!

Мари приняла их за солдат, потому что они были одеты в форму. Но то были не солдаты, а рабочие из британского и американского квакерского Комитета служения.

Не раздумывая, Мари быстро спустилась по старым ступенькам подвала и схватила старый носок. В нем хранились шесть французских монеток, которые дали ей американские солдаты. Это были все деньги, которые имелись в семье. Когда она спешила обратно, надежда билась и трепетала при каждом ее шаге. Она подбежала к начальнику людей в сером. Она застенчиво сунула руку в носок и показала ему свои шесть монеток.

- Мсье, Вы можете за шесть су построить мне дом?

Человек удивленно посмотрел на нее и попросил повторить вопрос. А когда наконец понял, то не засмеялся, даже не улыбнулся, а ответил совершенно серьезно:

- Хорошо, мадемуазель, посмотрим, что можно сделать.

Он не сказал “да”, но и не сказал “нет”. И Мари стала ждать. Каждый день наблюдала она, как продвигается работа. Один за другим вырастали маленькие новые домики для других семей. Каждый домик был очень мал и скромн, но Мари они казались прекрасными. Как она соскучилась по чистому деревянному полу, который с удовольствием бы подметала, и по красной черепичной крыше, которая укрывала бы их от дождя!

Не уедут ли они прежде, чем построят дом для их семьи? Пока она ждала и наблюдала, подвал казался ей все более темным и сырým.

Когда она стала уже отчаиваться Мари получила ответ. И ответ был “Да!”. Как и другие дома, дом для Мари построили всего за три дня. Мари он казался самым красивым в мире.

Иллюстрация к рассказу Дом, что построила любовь,
автор Руслан Басаев, возраст 20 лет /
Illustration to The House that Love Built by Ruslan Basayev,
20 years old, Grozny

Когда он был закончен, начальник людей в сером торжественно вручил ей ключи, сказав:

- *Мадемуазель, вот ваши ключи.*

Мари взяла ключи и стала открывать входную дверь с официальным видом, а мама, бабушка и все соседи смотрели.

Но вдруг она остановилась, что-то вспомнив. Она обещала заплатить им за дом шесть су - значит, он еще ей не принадлежит.

Она мигом спустилась по ветхим ступенькам в подвал, а когда поднялась, подошла к начальнику людей в сером. Теперь дом был закончен, он выглядел большим и красивым, и плата за него - шесть су - казалась ничтожно мала. Но это все, что она имела, и она отсчитала их в руку начальника: один, два, три, четыре, пять, шесть.

Довольно ли этого? Она не отваживалась взглянуть ему в лицо. Человек улыбнулся ей и сказал почтительно (по-французски, конечно):

- *Благодарю вас, мадемуазель. Четырех су будет довольно.* - И дал ей сдачи два су.

Может быть, вы удивитесь, как удалось Мари купить дом всего за четыре су? Это стало возможным потому, что французское правительство выделило все необходимые материалы для строительства, а квакеры привезли с собой инструменты и добровольно согласились работать. Чтобы люди, которые так много потеряли, могли опять иметь дома, чтобы начать новую жизнь.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 489 и 490.

1. Что нужно для благополучия и счастья? Почему этого не было у Мари?

2. Что случается с домами в стране, где идет война? Со школами? С фермами? С фабриками? С людьми? С чувствами людей? С тем, как они себя ведут?

3. Почему рабочие готовы были трудиться бесплатно? Что они получали взамен? Что ты чувствуешь, помогая кому-то?

4. В каких условиях жила семья Мари? С чем ей трудно было смириться? Приходилось ли вам бывать в подобной ситуации? Расскажите нам.

5. Почему Мари обрадовалась рабочим?

6. Почему Мари так хотелось заплатить за дом? Почему рабочий согласился взять у нее немного денег?

THE HOUSE THAT LOVE BUILT

By William W. Price

Setting: This is a true story. It happened in France after World War I where a whole village had been destroyed by the fighting.

Marie woke with a start to inky blackness and the familiar smell of dirt. Her small body shivered from the damp cold. She roused herself to rearrange her rough bed of rags and burlap on the dirt floor. The nightmare that had jolted her from sleep closed around her head like a dark cloud. She had been having that nightmare every night.

It always started with a pleasant dream. She saw her beloved little French village. Then she could feel herself walking out of her old, cozy home with Maman and Grandmere and passing through the narrow street. Bright flowers were waving from boxes under nearly every window. The sun gleamed on the tall church steeple. But there was another, frightening gleam creeping toward their village. It was the gleam of guns. Marie shivered again as the happy dream turned to the dreaded nightmare. Black memories rolled through her head. Terrified, Maman and Grandmere had pulled her into a clump of trees. There, the three of them had flattened themselves against the leafy ground. Blue uniformed soldiers passed in waves. Guns! Fighting! Explosions and screams! Fire! When it was over, the village was not there any more.

When the battle had moved on, Marie and her mother and grandmother had tearfully sorted through the rubble that had been their home. The little family had moved into an old fruit cellar. “Like gophers in a hole in the ground,” Marie thought sadly.

She burrowed into her rags and fell back into a fitful sleep. The soldiers marched on and on through her head. After the French soldiers in blue uniforms, the German soldiers in green ones had come. To everyone’s relief, they soon left. Then had come the khaki uniforms of the Americans. The Americans had laughed and handed out French pennies to eager children. But when they left, the village was still in ruins.

When Marie woke again, sunlight was shining through the cracks between the old boards placed across the top of the fruit cellar as a roof. Hearing new sounds, she sat up quickly. This morning something different was happening. She wondered what the sounds could be.

“Maman, have the soldiers come back?” she asked anxiously.

“No, my dear. Go up and see who has arrived.” Maman looked strangely pleased.

Marie threw off the ragged covers and climbed the rickety fruit-cellar steps. She saw immediately that new men in gray uniforms had come to the village. On their sleeves and on their caps, they wore a red and black star.

“Oh, Maman!” cried Marie excitedly after watching them for several minutes. “The star soldiers carry saws and hammers, not guns. They are building houses!”

Marie thought they were soldiers because they wore uniforms. But they were not soldiers. They were workers from the British and American Quaker Service Committees.

Marie thought quickly. She ran back down the old steps and grabbed an old sock. In it were six French pennies the American soldiers had given her. It was the only money that anyone in the family had. As she hurried back up, anxious hope trembled in every step. She ran over to the leader of the men in gray.

Timidly, the small girl held out her tiny sock and showed the man her six pennies. “M’sieur, pouvez-vous me construire une maison pour six sous?” (Sir, can you build me a house for six cents?)

The man looked surprised and asked her to repeat her question. When he finally understood, he didn’t laugh or even smile but replied quite seriously, “Well, Mademoiselle, we’ll see what we can do.”

He didn’t say “Yes,” but he didn’t say “No” either. Marie set up a daily watch to see what would happen. One by one, small houses were finished for other people. Each house was small and simple, but to Marie, they looked beautiful. How she longed for clean wooden floors to sweep and a beautiful red tile roof to keep out the rain.

Would they leave before they built a house for her family? While she waited and watched, the fruit cellar seemed even darker and damper than ever.

Just when she was beginning to give up hope, Marie received her answer. The answer was “Yes!” Marie’s house, like the others, was built in just three days. To

Marie, it looked like the most beautiful house in the world.

On the day it was finished, the leader of the men in gray offered the front door key to Marie with great ceremony, saying, “Mademoiselle, le clef.” (Miss, the key.)

Marie took it and started to open the door officially, while her mother and grandmother and all the rest of the village looked on.

But suddenly she stopped, remembering something. She had offered them her six pennies for a house, so it wasn't really hers yet.

Quickly she ran down the old steps into the cellar and when she came up again, she walked up to the leader of the men in gray. Now that it was finished, the house looked big, and six pennies began to look very small. But it was all she had, and she counted them out into the leader's hand. Un, deux, trois, quatre, cinq, six.

Would it be enough? She hardly dared look at the man's face.

The man smiled at her and said solemnly (in French of course), “Thank you, Mademoiselle, but four pennies is quite enough.” And he handed back two of her pennies.

Perhaps you wonder how Marie could buy a house for four pennies. It was because the French government supplied all the materials and the Friends brought the tools and gave all the hours of work so people who had lost so much could have homes again to start a new life.

For information about the way the American Friends Service Committee is helping victims of violence today, you can find the Quakers on the Internet at www.afsc.org

or write to them at 1501 Cherry Street, Philadelphia, PA 19102, USA.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 489 and 490.

1. What do you need to be well and happy? Why didn't Marie have these things?

2. In a country where a war is fought, what happens to the houses? Schools? Farms? Factories? People? What happens to the way the people feel? The way they act?

3. Why do you think the workers were willing to work without pay? What do you think they gained? When you help someone, how do you feel?

4. What conditions did Marie's family have to live in? What did she find hard to accept? Have you ever been in a similar situation? Tell your personal story.

5. Why did the arrival of the workers make Marie happy?

6. Why did Marie feel such a strong need to pay for the house? Why did the man take some of Marie's money?

МЕЛАН ХІУСАМАШ - БЕЗАМАН ШОВДА

ХІара истори йийцинарҫ ву *Мелан хІусаман* боламан декъашхойх цхъаь, Юккърчу Америкера харцонах бевдда баьхкинчу мухІажаршна накъосталла дина а, царна хІусам латтійна а волу. ЦІерш а, Іаш болу меттиган цІерш а хийцина ю, хІунда аьлча хІара дийцар язdechу хенахь а цу мухІажаршна чохь Іен а, рицкъа латто а, уьш рицкъанах кхетийта а меттиг латтош берш а изза нах хиларна.

Цхъана буьйсана тхобга телефонан зІе туьйхира Малхбузехъара Штаташкахь Іаш болчу доттаҫех цхъаммо.

- *Шун тобане тІеэцалур буй ялх стагах болу доьзал?* - хаттар дира цо.

- *Уьш дукха нах ма бу!* - ЧІогІо вистхилира со. - *Ткъа тхан тоба вуно жима ю.*

- *Суна-м хууш дара иза, амма къона ши стага а, церан хІусамнаной а шайн кесталҫа дуьнен тІе даьллачу шина бераца Гватемалехь шайга латточу Іазапах бевдда кхуза баьхкина, царна шуьгара гІо-накъосталла овшур-кха. Шайн сацам сихха бахъара аш, - аьлла, тІетуьйхира цо. - Цхъа жима бер шен деца-ненаца Мексикан дозанехь дисна. Оха сагатдо, кхоччуш юург а ца хилла, и бер мацалла даларна кхобруш. Тхуна хаа лаъара, шун тобан юкъара цхъа а реза хир варий-теша, дозане а веана, царна сехъабовлуш гІо дан. Ойла яхъара аш, и ялх стаг дІа мича нисвийр ву.*

Телефон охъайиллинчул тІаьхъа суна дагаеара сайн а, сайн накъостийн а *Мелан хІусамаш* кхолла хилла ойланаш. ХІокху масех шарахь тхо сагатдеш

дара Юокъерчу Америкехъ нахана тІехъ латтош долчу Іазапна. ХІор дийнахъ газеташа хоуьйтура тхуна, Ёеннаш, эзарнаш нах гондахъа бечу тІамах, дІалецарх, шайна тІехъ латточу таІзарх а бевдда кІелхъарабовла гІерташ буйла. Стенга баха беа и божарий, зударий, бераш?

Тхо-м паргІат дІа а дуйштура буйсана бовхачу, аьхначу меттахъ, иштта паргІат хъала а гІовттура. Ткъа тхуна лаъара, тхайн кхерамазаллех дакъа царна а кхачийта, Канадехъ а, Іамерикехъ а килсашкахъ, жуьгтийн синагогашкахъ иза ма леладора. Тхо кхетара, царна гІо дар кхераме дуйла а, иза лерина бан безаш болх буйла а. Тхан низам дохо дезара, цул совнаха, дукхачу нахера гІо а оьшура тхуна.

Тхо лерина вовшахкхийтира килсехъ. Царна *Мелан хІусамаш* кхоллархъама а, дан дезаш долу гІуллакхаш дийцархъама а. РогІехъ хъала а гІуьттуш, наха къамелаш дора.

- *Хетарехъ, пацхъалкхан низам дохо дезар ду, амма вай Делан низаме ла ца доьгІча ца довлу. Баланехъ болчу нахана гІо дар ду иза,* - элира цхъаммо.

- *Вай башха дукха а дац, ткъа вайн сов бахам а бац, амма Дала ца боху вайга, оьшучунна долчух дакъа дан деза?* - элира вукхо.

Къеначу зудчо элира:

- *Нагахъ санна и сийлахъ гІуллакх вайга ваьшка тІеэцийта Далла лаахъ, вайн дегнашкахъ некъ биллина хир бу. Суна хетарехъ, вай вешан болх дІакхехъа беа.*

Цу кеппара, тохарлера буйсанан телефонан зІе хилале хъалха, тхан тобано сацам бинера, Юокъера

Америкера бевдда баьхкинчу нахана *Мелан хГусамаш* кечъян. “Амма кийча дуй-теша вай, ницкъ кхочур буй-теша вайн и ялх стаг тГезца а, царна тидам латто а?” - бохуш, хобттура ас сайга.

- Мила вахалур ву-теша дозанан йисте, жимачу берана а, цуьнан дена а, нанна а сехьадовла гГо дан? ХИинца, оцу ялханне а вайгара гГо оьшучу хенахь, вайн дегнаш кхоччуш диллина хир дуй-теша?

Оцу буййсана со а, сан цИийнда Джон а, дГа ца дужуш, дехха Гийра, къамелаш деш.

Гуйьренца охашиммо телефон туьйхира, *Мелан хГусамаш* кхоьллина йолчу Кхеташоне тхайн сацамех лаьцна дийца. Кхеташоно сацам бира, доьзал дозана сехьабаккха вьодуш волчунна гГо дан. Кхин дГа болу некъ оха тГаьхьо къастор бара, амма иза хИинца коьрта Галашо яра. Цига вахар Джонна тГедиллира, хГунда аьлча иза испански мотт шерра хууш а, бевдда баьхкинчу нахаца болх бина а волу дела. Малхбузехьа дозана кхача цхьа эзар миль дГаваха везара цуьнан. Со цГахь Гийра, цуьнан зГене ладогГа, дерриге дика хиларе са а туьйсуш. Тхуна хууш дара, нагахь Гамерикан вахархочо дозана къайлах сехьаволуш волчунна гГо дахь, иза дГалаца а, цунна кхел ян а, я гГуда тоха а мегаш дуйла. Джонна а хууш дара, нагахь и тайпа киртиг шена тГехГоттахь, шен доьзал а, Кхеташо а шена орцахбевр буйла.

Цул совнаха, хаьара тхуна, алсам кхерам бевдда сехьабовлучу нахана хилар. Дозана сехьабовлуш уьш схьалацахь, я чубухкур бара, я юханехьа Гватемале дГахьовсор бара. Оцу хенахь тхо ца кхетара къоначу дас Карлоса Гватемала хГун бахьана долуш йитина. ТГаьхьо цо дийцира тхуна, ша лакхарчу классехь

доьшуш волчу хенахь, пачхьалкхана дуьхьала къамелаш дарна, ша доьазза чувобллина хилла аьлла. ТӀаьххьара чувоблличу хенахь иза валанза ваьлла хиллера. Карлос юха а Гватемале дӀавахийтахь, тарлора, иза чуволла а, вен а.

ХӀун лелор дара тӀаккха цуьнан къоначу зудчо Марияс а, жимачу йоӀа Аннас а? Уьш дозана сехьабахар къайлах а, чӀогӀа лерина а хила дезаш дара.

ТӀаьххьара а Джонас зӀе туйхира. Цуьнан аз самукъане дара: *“Массо а зулам доцуш дозанах сехьабевлла. ХӀинца уьш шаьш паргӀатбовлар даздеш бу. Кегийра бераш вовшашка а кхийдош, вовшашна марабеттало уьш, шаьш паргӀатбовлар дукха хаза хеташ”*.

- *Ас ма-дарра дуьйцуш ду хьовга, со цӀа веъча,* - чекхдаьккхира цо шен къамел.

Иза тамашийна хӀума дара. Анна дуьнен тӀе а ялале, Карлос а, Мария а гӀиртина хиллера дозана сехьадала, амма уьш гӀаролхошна карабахазан бисина хиллера. Мексикин агӀор долчу дозанехь бевдда лелачу нехан дахар хала а, кхераме а дара. Карлосан болх лаха а йиш яцара. ТӀаьххьара а уьш тӀелецира цхьана мексикахочун доьзало, иза *Мелан хӀусамаш* йиначеран декъашхо хиллера. Анна цигахь йинера, амма нана а, бер а Ӏаламат гӀийла хиллера кхин дӀа некъ бан. Юучу хӀуманца кхачам цахилар бахьанехь, Мариян некхан шура дӀаяйнера. Уьш юхаберза бийзира шайн махка, цхьа хан яллалц Ӏан меттигна а, юучу хӀуманна а амал бан.

ТӀаьххьара а, ницкъ гулбина, уьш юха а дозанах сехьабовла тохабелира.

Джон, дозане схьакхаьчначул тӀаьхьа, машен а лаьцна, хьийзаш боьдучу новкӀа, хьалххе билгалъяккхинчу метте царна дуьхьал вахара.

Цо дозанан ша волчу агӀор, синтем байна, маситта сахьт даьккхира, гӀала юхабоьду некӀ, Ӏаржъялар бахъанехь, хӀора минотехь кхераме боьрзуш хилар дагахь а долуш. Амма цу доьзало шайн агӀор дозане билгалъяккхинчу метте схьабан безаш болу некӀ хала а, беха а хиллера. Маситта миль некӀ гӀаш бан безаш хилар бахъанехь, уьш схьакхачале, Ӏаржъелира.

Уггар хьалха керта тӀехула сехъаяккхинарг жима Анна яра. Иза чӀогӀа цӀогӀа детта йолаелира. Джонан маж схьа а лаьцна, и шена тӀеийзавора цо. Джонас ша а саеттара, мохь ца хьакха гӀерташ. Цул тӀаьхьа сехъаелира Мария. Карлос кхечу меттехула вогӀуш вара, цунна дуьхьал кхин нах бахара.

Джон, хӀоьттина йолу нана шен бераца машен чу а хайна, ларлуш юханехьа вирзира. Ӏаржъеллачу арахь, дуьхьала йогӀу машенийн серлонаш бен, гуш хӀумма а дацара. Царна чохь дозанан полици хила тарлора. ХӀорш совцо а тарлора цара. ТӀаккха хӀун хир дара?

Джон, ша ийзалушшехь, кхерам кӀайла а баьхьана, Марияга вистхила гӀоьртира. Амма иза, шен карара наб кхетта долчу бераца ша цхьаь йолу, йист ца хилалора. Ӏаьржачу буьйсана, хийрачу махкахь, вевзаш воцчу маж яьлла волчу нехан стагаца схьаеана йолчу цунах кхета хала дацара, иза мел кхераелла хир яра. Амма некӀан хьовзам боцуш уьш схьакхечира. Цхьа хан яьлча, Мария а, Анна а, Карлос а маракхийтира. Цул тӀаьхьа, жимма сапаргӀат а даьлла, иза Джонна елакъежира.

Джоншен цІа кхъаьчначу хенахъ, уьш ялхе а *Мелан хІусамехъ* дара. Маситта шота дийнахъ доттагІийн тобано къахъийгира, шайн цхъана накъостан цІа чохъ уьш дІатарбан гІерташ. Кхиболчара, дийнахъ а, буса а юьхъанца гІо дора схъабаьхкинчу доьзалшна. Тхан декхар дара, царна яа, мала, тІеюха хІума латтор. Цул совнаха, оха Іамо болийра испанхойн мотт а.

Цу хенахъ вовшахбевлла лелла ши доьзал садоІуш бара, вовшахкхетта сапаргІат а даьлла. Цул тІаьхъа цара юха а беха некъ бира Іамерикан Цхъаьнакхеттачу Штаташкахула, *Мелан хІусамийн* декъашхошкахъ са а доІуш.

Иза иштта нислора: уьш дуьххъара чубаханчу доьзало, телефон а тухий, кхечаьрга олура: “Шаволу некъашхо схъакхаьчна”.

ТІаккха наха тІеюха хІума а, кхача а гулбой, машенаш чу бензин а дуттий, кечбора и гІаддайна нах кхечу метте дІабига. Иштта цара карлабаьккхира бІе шо хъалха бевдда лелла болу лайш дІасхъалелийна болу некъ.

Ас а, Джонас а фургон лаьцнера мухІажаршна, уьш боьлхуче дІакхачо. Іуьйрана пхи сахът даьлча хъалагІаьттира тхойшиь, ломал дехъадовла кхиархъама. Апрель-беттан хаза Іуьйре яра арахъ. Тхо *Мелан хІусамашка* схъакхаьчча, бухарнаш хІума юуш бара. Тхо массо а учахъ кофе а молуш Іаш дара, и хаза бераш кар-кара а кхийдош!

ХІинца, хІара могІанаш ас язdechу хенахъ, Аннин диь шо кхаьчна, цуьнан Дэвид цІе йолуш жима ваша а ву. Цу доьзало дукха гІо дина тхан тобанна. Цара тхан берийн дола дора, Іамадора тхо шайн къоман

юург ян, бовзуйтура шайн мукъамаш а, поэзи а. Оха цхьаьна рагІ хІоттийнера Далла гІуллакхаш дан а, дуккха а кхиболу белхаш бан а.

Юккърчу Іамерикехъ хуьлуш долчух тхайн тобанан векалш кхетабора оха. Кхерам а, цакхетам а, халонаш а, халахетарш а нислора, наггахъ девнаш а довлура. Амма тІаьххъара а нийсачу новкъа девлира тхо. ХІинца тхобга кхин дІа болх балур бу гІо-накъосталлина леринчу *Мелан хІусамашкахъ*.

ТІаьххъара а США-н Конгрессо тІеийцира мухІажарш юха дІахъовсо бакъо ца луш болу низам, амма и кхочуш ца деш меттигаш а нислора. Духххъарлерачу шина шарахъ низамо ларбора уьш, амма гватемальцаш оцу юкъа богІуш бацара. Цундела 1990-чу шерашкахъ дукхахболчу мухІажаршна кхерам лаьтташ бара, царна гІо дан гІертачу нахана санна. Тайп-тайпана дин лелораш дІалольцура *Мелан хІусамаш* дІахІоттош дакъалацарна. Амма цара дІахъош бара адаман паргІатонехъа болу къийсам, цара лобхура, муьлх-хачу махкара схъавеанчу стагана а, массо а адамашна санна, паргІато хуьлуйту некъаш.

Гочдинарг - Хъасан Туркаев

Дийцаре дан хаттарш

1. Стенан ойла йора дийцаран турпалхоша, шаьш мухІажаршна гІо дан сацам бале?
2. Шун ойланаш муха хуьлу, адаман дахарна болу кхерам бахъана долуш аш низам бохо безаш хилча?
3. Муьлхачу кхерамах кІелхъарабовлуш бара мухІажарш?

4. Джонна хГун кхерам бара? Муха ойланаш йора цо, ша новкъавала кечам беш? Шу цуьнан метта хилча, хГун хетар дара шуна? Аш хГун дийр дара?

5. Муха халонаш лайра доьзало кхераме йоцу меттиг лобхуш? Церан дахарехъ муха дакъа лецира “*Мелан хГусамаш*” аьлла болчу боламо?

6. МухІажарша муха гІо дира “*Мелан хГусамаш*” аьлла болчу боламна? Церан дахаре керланиг хГун деара цара?

7. Стенах тешара “*Мелан хГусамаш*” боламан декъашхой? Юкъараллин боламаша политика хийца тарлой-те?

“СВЯТОЙ ПРИЮТ” ОЗНАЧАЕТ ЛЮБОВЬ

Эта история была рассказана одним из участников движения “*Святого приюта*”, которые оказывали поддержку и покровительство беженцам из Центральной Америки, спасавшимся от насилия.

Имена и названия мест изменены, потому что когда был написан этот рассказ, движение все еще предоставляло “*Святой приют*” тем же беженцам.

Однажды ночью нам позвонил по телефону один из Друзей, живущий на Западном побережье Штатов.

- *Может ли ваша группа предоставить приют для семьи из шести человек?* - спросил он.

- *Это слишком много!* - воскликнула я. - *У нас ведь совсем маленькая группа.*

- *Я знаю, но две молодые пары и их новорожденные младенцы, бежавшие от насилия в Гватемале, нуждаются в вашей защите и поддержке. Решайтесь быстрее,* - продолжал он. - *Им нужна срочная помощь. Одна из малюток находится со своими родителями на мексиканской стороне границы. Мы беспокоимся, что ребенок не получает достаточно питания и может умереть от голода. Нам нужно знать, согласится ли кто-нибудь из вашей группы подъехать к границе, чтобы помочь этим беженцам пересечь ее. И подумайте над тем, как укрыть всех шестерых.*

Положив трубку, я вспомнила о том, как мы с друзьями решили стать “*Святым приютом*”. Вот уже несколько лет мы были обеспокоены разгулом насилия в Центральной Америке.

В ежедневных репортажах мы слышали о сотнях и тысячах людей, спасавшихся бегством от сражений, кипевших вокруг, от арестов и пыток. Куда же деться этим мужчинам, женщинам и детям?

Мы спим спокойно ночью в теплых, уютных постелях и также спокойно просыпаемся утром. Нам хотелось поделиться своей безопасностью хотя бы с одним или двумя беженцами, подобно тому, как это делают собрания, церкви и синагоги в других частях Соединенных Штатов и Канады - они дают им приют.

Вместе с тем мы понимали, что предоставление приюта связано с риском и кропотливой работой. Нам придется нарушать закон и, кроме того, потребуется помощь многих людей.

Мы собрались на специальную Молитвенную встречу, чтобы рассмотреть вопрос о том, как стать *“Святым приютом”*. Один за другим люди поднимались и говорили.

- *Возможно, нам придется нарушить государственный закон, но мы должны следовать Закону Божьему - помогать людям, оказавшимся в беде,* - промолвил один из Друзей.

- *Нас не так много и мы не богаты, но разве Бог не призывает нас делиться тем, что мы имеем?* - спросил другой.

Пожилая женщина напомнила:

- *Если Бог хочет, чтобы мы приняли этот вызов, значит, путь будет открыт. Я думаю, нам надо идти вперед.*

Итак, еще до того ночного звонка наша группа уже приняла решение стать *“Святым приютом”* для

беженцев из Центральной Америки. *“Но готовы ли мы на самом деле и сможем ли мы окружить заботой и поддержать шестерых человек? - спрашивала я себя. - И кто способен поехать к границе, чтобы помочь малышке и ее родителям благополучно перебраться на эту сторону?”* Сейчас, когда сразу шестеро конкретных людей нуждаются в нашей помощи, будет ли действительно открыт путь? В эту ночь я и мой муж Джон долго не могли уснуть и все говорили, говорили...

А утром мы вместе позвонили в Комитет *“Святого приюта”*, созданный нашей группой, и поделились своей новостью. Комитет принял решение оказать поддержку тому, кто отправится к границе, чтобы помочь ее пересечь. Наши дальнейшие шаги мы могли обсудить позже, а сейчас необходимо было решить эту, самую неотложную, задачу. Джону, который бегло говорил по-испански и работал с беженцами, поручили ехать.

Джон отправился на запад, к границе, за тысячи миль от нашего дома. Я осталась дома и ждала его звонка о том, что все в порядке. Нам было известно, что если американский гражданин помогает кому-либо нелегально пересечь границу, он рискует быть арестованным, привлеченным к суду и, возможно, будет оштрафован и заключен в тюрьму. Джон знал, что, если это случится, семья и Комитет придут ему на помощь.

Мы все знали, что гораздо большей опасности подвергались беженцы. Если их поймают при пересечении границы, то посадят в тюрьму и отправят обратно в Гватемалу. В то время мы не знали, почему

Карлос, молодой отец, покинул Гватемалу. Позднее он рассказал нам, что его четыре раза арестовывали, когда он был еще старшеклассником, за выступления против правительства. А в последний раз он едва избежал смерти. Если бы его вернули назад в Гватемалу, Карлоса наверняка посадили бы в тюрьму и, возможно, даже убили. Что бы тогда случилось с его молодой женой Марией и крошечной Анной? Перевод их через границу должен был быть тайным и очень осторожным.

Наконец позвонил Джон. Его голос звучал радостно и возбужденно. Все благополучно перешли границу. Теперь они праздновали избавление. Младенцев передавали друг другу, радуясь спасению.

- *Я расскажу тебе все, когда вернусь,* - заключил он.

Это была необыкновенная история. Еще до рождения Анны Карлос и Мария пытались пересечь границу, но их чуть было не схватили. Жизнь на мексиканской стороне границы была очень трудной и опасной для беженцев. Карлос не мог даже искать работу. Наконец их приютила одна мексиканская семья, которая была частью "*Святого приюта*". Там родилась Анна, но мать и ребенок были слишком слабы, чтобы идти дальше. Из-за скудного питания у Марии пропало грудное молоко. Им пришлось вновь уйти в глубь страны, чтобы найти временное убежище и пищу. Наконец они набрались сил и решились опять попытаться пересечь границу.

Когда Джон прибыл на границу, он нанял джип и отправился по петляющим дорогам к условленному месту встречи. Он с напряжением ждал несколько

часов на своей стороне заграждения, сознавая, что с каждой минутой дорога обратно в город становится опаснее, так как начинало темнеть. Но путь семьи по своей стороне к условленному месту был долгим и трудным. Несколько миль им пришлось пройти пешком, и уже совсем стемнело, когда они наконец появились.

Первой через заграждение перенесли маленькую Анну. Она начала пронзительно кричать, схватила Джона за бороду и тянула к себе. Джон сам едва сдерживался, чтобы не закричать.

Затем перебралась Мария. Карлос шел в другом месте, более безопасном, и его встречали другие люди.

Джон посадил измученную мать с ребенком в джип и со всей осторожностью повел машину обратно в город. В темноте можно было видеть только огни встречных машин. В них могла сидеть пограничная полиция. Их могли остановить. И что тогда?

Джон, преодолевая страх, пытался заговорить с Марией. Но она молчала, забившись в угол со спящим ребенком на руках.

Можно было себе представить, какой страх испытывала она, двигаясь в кромешной тьме по чужой стране с чужим, бородатым человеком! Но поездка прошла без происшествий, и вскоре Мария и Анна оказались в объятиях Карлоса. Только теперь она немного расслабилась и застенчиво улыбнулась Джону.

К тому времени, когда Джон вернулся домой, все шестеро уже достигли “Святого приюта”. Несколько суббот группа друзей трудилась, чтобы при-

готовить место для размещения беженцев в доме одного из членов своей группы. Другие установили круглосуточное дежурство, чтобы на первых порах помогать прибывшим семьям. Нашей заботой было раздобыть для них еду и одежду. И еще мы практиковались в испанском языке.

Тем временем обе семьи отдыхали и радовались возможности побыть наконец вместе после долгой разлуки. Затем они снова отправились в долгое путешествие по Соединенным Штатам, проезжая многие мили каждую ночь и останавливаясь по пути в разных семьях участников движения “*Святой Приют*”.

Вот как это делалось: кто-нибудь из первой семьи, где они останавливались, заранее звонил в следующее место приюта и говорил: “*Одинокий бродяга прибыл*”. Тогда люди собирали одежду и продукты, заправляли бензином машины, готовясь перевозить беженцев в другое место. Таким образом они выходили на современную “*подпольную железную дорогу*”, очень похожую на тот путь, по которому более ста лет назад переправляли беглых рабов.

Мы с Джоном наняли фургон, чтобы доставить беглецов к конечному пункту их путешествия. Мы проснулись в пять часов утра, ведь надо было успеть переправиться через горы. Стояло дивное апрельское утро. Мы прибыли в “*Святой Приют*”, когда другие еще завтракали. Мы все вместе сидели на веранде, пили кофе и передавали из рук в руки таких чудесных малышей!

Теперь, когда я пишу эти строки, Анне уже четыре года, и у нее есть маленький братик Дэвид. Эта

семья так много сделала для нашей группы! Они заботились о наших детях, учили нас готовить гватемальские блюда, знакомили со своей музыкой и поэзией по праздникам. Мы вместе планировали дежурства, богослужения и многое другое, чтобы помочь другим людям в нашей общине и штате понять то, что происходит в Центральной Америке. Конечно, были и страх, и непонимание, и трудности, и обиды. Но мы снова и снова работали, выслушивали друг друга, бывало, и ссорились, но в конце концов путь к пониманию открылся, и теперь мы можем сделать следующий шаг в нашей деятельности по заботе друг о друге в *“Святом Приюте”*.

Наконец-то Конгресс США принял закон, в соответствии с которым беженцев запрещалось высылать обратно, но этот закон не всегда выполнялся. Только в течение первых двух лет закон защищал их, но на гватемальцев он не распространялся.

Таким образом, в начале 1990-х годов большинство беженцев все еще были в опасности, как и люди, которые пытались им помочь. Представители разных вероисповеданий подвергались арестам за работу в движении *“Святой Приют”*. Но они продолжали борьбу за возможность для любого человека приезжать в эту страну и обладать всеми правами, как и полагается человеческим существам.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 491 и 492.

1. О чем думали герои этой истории прежде, чем они решились помочь беженцам?

2. Что вы чувствуете, если нужно нарушить закон, чтобы спасти других людей, оказавшихся в опасности?

3. От каких опасностей спасались беженцы?

4. Чем рисковал Джон? Что он чувствовал, готовясь к путешествию? Что чувствовали бы вы, окажись вы на его месте? Как бы поступили?

5. С какими трудностями столкнулась семья в поисках надежного убежища? Какую роль сыграло движение “Святой приют” в их жизни?

6. Как беженцы помогали общине “Святого приюта”? Что нового они привнесли в ее жизнь?

7. Во что верят члены движения “Святой приют”? Могут ли общественные движения влиять на политику?

SANCTUARY MEANS LOVE

Setting: This story is by a member of the Sanctuary Movement which gave protection and support to refugees fleeing violence in Central America. The names and locations have been changed because when this story was written the group was still giving sanctuary to the same refugees.

The call came late one night, from a friend on the west coast of the United States. “Would your group be able to give sanctuary to a family of six?” he asked.

“That’s a lot of people!” I exclaimed. “And we’re a small group”

“I know, but two young couples and their month-old babies, fleeing from violence in Guatemala, need your support and protection. You must decide quickly,” he continued. “They need help fast. One of the babies is stranded with her parents on the Mexican side of the border. We’re worried that the child isn’t getting enough to eat and may be starving to death. We need to know if someone from your group could travel to the border to help these refugees cross, and if you think all six refugees can come and live in sanctuary.”

As I put down the phone, I thought about how our group had decided to become a Sanctuary. For several years, members had been concerned about the terrible violence in Central America. We heard daily reports of hundreds and thousands of people fleeing from the fighting around them and from arrest and torture by their governments. Where could these men, women, and children go?

We all went to sleep safely in warm, comfortable beds each night and woke up safely each morning. We began to think about sharing this security with at least one or two refugees by doing something that meetings, churches, and synagogues in other parts of the United States and Canada were doing - giving sanctuary to Central American refugees. Yet we knew that giving sanctuary involved risk and hard work. We would be breaking a national law, and it would take lots of help from lots of people.

We held a special Meeting for Worship to consider becoming a Sanctuary. People spoke one after the other. "We might be breaking our government's law, but we would be following God's law to help people in trouble," one friend said. "There aren't many of us and we aren't rich, but isn't God calling on us to share what we have?" asked another. One older woman reasoned, "If God means us to accept this challenge, the way will open. I think we should go ahead."

So when the call came that night, our group had already decided to become a Sanctuary for Central American refugees. "But are we really ready and able to provide care and support for six people?" I wondered. "And who would be able to go to the boarder to help the baby and her parents get across safely?" Now that six real human beings needed our help, would the way really open? My husband John and I talked long into the night.

In the morning, we called together the Sanctuary Committee and shared our news. The Committee decided that one member should be supported to go to the border to help with the crossing. We would discuss the next

steps later. Right now, we would meet this most urgent need. John, who speaks fluent Spanish and had worked with refugees, was asked to go.

John flew west, thousands of miles to the border. I waited at home for the call that all were safe. The danger for a United States citizen helping someone cross the border illegally was arrest, trial, and possible fine and imprisonment. John went knowing that if this happened to him, his family and the Meeting would be there to help.

We all knew that the danger for the refugees was far greater. If they were caught entering the country, they could be put in prison and sent back to Guatemala. At the time, we didn't know why Carlos, the young father, had left Guatemala. Later, he told us he had been arrested four times during night school for speaking against his government. The last time, he narrowly escaped being killed. If he was sent back to Guatemala, Carlos would almost certainly be imprisoned and might be killed. Where would that leave his young wife Maria and their baby Anna? The border crossing had to be very secret and very careful.

John finally called, his voice full of joy and excitement. All were safely across. An all-night celebration was in progress. The two baby cousins, a boy and a girl, were being happily passed back and forth. "I'll tell you more when I get home," he concluded.

It was quite a story. Carlos and Maria had tried to cross the border once, before Anna was born, and had almost been caught. Life on the Mexican side of the border was very difficult and dangerous for refugees. Carlos could not even look for work. Finally they found

shelter with Mexicans who were part of the Sanctuary Movement. There Anna was born, but mother and child were too weak to travel at first. Food was very scarce, and without enough food, Maria didn't have enough breast milk for her baby. They had to travel away from the border, where they found temporary food and shelter. Finally, they were strong enough to try to cross the border again.

When John arrived, he rented a jeep and drove through winding roads to the lonely border meeting place. He waited tensely on his side of the fence for hours, aware with each passing minute that the drive back to town would be more dangerous the darker it became. On the other side of the border, the family's trip to the meeting place was long and hard. They had to walk several miles to get there, and it was already dark by the time they arrived.

First to be passed over the fence was the baby Anna. She began to scream, grabbed John's beard, and pulled hard. John had all he could do to keep from screaming himself. Maria crossed next. Carlos came in at a different place and was met by someone else, as that was the safest way.

John bundled the tired mother and child into the jeep and began to drive cautiously back to town. He was all too aware that in the dark he could see only the lights of other cars. The border police could be in those cars, and he wouldn't know it until they pulled him over. Then what would he say?

Though frightened himself, John tried to speak to Maria during the trip. She remained silent, huddled in the corner with her sleeping baby in her arms. Imagine

how frightened she must have been, driving through the dark in a new country, with a bearded man she did not know! But the trip went without incident, and Maria and Anna were delivered safely into Carlos' arms. Only then did Maria relax and give John a shy smile.

By the time John returned home, the way had opened for all six refugees to come into our Sanctuary. Some Friends worked several Saturdays to prepare space in the home of one member of the group. Others began the difficult job of planning round-the-clock helpers to stay with the families when they first arrived. We planned how to get food and clothing for them, and we all practiced our Spanish.

In the meantime, the two families rested and enjoyed some time together after their long separation. Then they began the long trip across the United States, driving many miles each night and staying with different Sanctuary families along the way.

The way it worked was that each family they stayed with would call ahead to the next place and say, "The lone ranger is here". Then those people would gather clothes and food, get their cars fueled up, and be ready to drive the refugees to the next place. Thus they came on a modern "underground railroad" not very different from the one used by escaping slaves over a hundred years before.

John and I borrowed a van to bring them the last part of the journey. We woke at 5 a.m. to set out over the mountains. It was a fine April morning. We arrived at the Sanctuary "safe-house" just as everyone was having breakfast. We all sat on the back porch, drank coffee, and passed around those beautiful babies.

As I write this, Anna is four years old. She has a beautiful baby brother named David. Her family has brought so much to our group! They have cared for our children, taught us how to cook Guatemalan food, and shared their music and poetry at many celebrations. We have worked together to plan vigils, prayer services, and other events to help others in our community and our state to understand the situation in Central America. There have been times of fear and difficulty, misunderstanding and hurt feelings. But over and over again, we work and listen and struggle with each other, and finally, the way opens and we can take a next step in our experiment of caring for each other in Sanctuary.

(The United States Congress finally passed a law that was supposed to keep refugees from being sent back, but it didn't always work. Also, it only protected them for two years, and it didn't include Guatemalans. So in the early 1990s most refugees were still in danger, and so were the people who tried to help them. People of different faiths had been arrested for their work in the Sanctuary Movement. But they continued to work for the right of all people to enter this country with full rights as human beings.)

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 491 and 492.

1. What kinds of things did the people in the story consider before deciding to help the refugees? What made them decide to help?

2. How do you feel about breaking national law to follow our conscience in order to save other people who are in trouble? What are some other examples of this?

3. What kinds of trouble were the refugees escaping?

4. What did John risk? How did he feel getting ready for his journey? How would you feel if you were John? What would you have done?

5. What difficulties did the family go through in their search for a safer place? What role did the Sanctuary Movement play in their lives?

6. How did the refugees help the Sanctuary community? What could the community learn from the refugees?

7. What was the primary belief of the Sanctuary Movement? Do you think that movements can affect national policies?

Сайд-Хьамзат Нунуев

ЛУЛАХОЙ

Безам бацара Сайпуддин цу озачу, чамбоцучу, мера тГе куызганаш обхкинчу хьехархочуьнгахь. Цаваьлла маршалла хоттура цо цуьнга дувхьал-кхетча.

“Ца деза цунна вай, нохчий, - олура цо хГоразза а. - Шена вай дезаш хилча, цкъа мукъана а вайга цхьаь еха йогГур яра - я туьха, я сирникаш, я жГов. Лулахь, ул-уллехь дехаиш хилча, цкъа доьзал санна хила ма беа нах. Тамашена ю иза. Ша шен цГахь йолуш санна хета хир дац цунна”.

Цхьанна а ца моьттура, хГетахь кху гГала луьра тГом богГур бу. Башха тергал а ца дора хГетта гучубевллачу политикахойн ловзарш. Грозный-гГала юккъехула танканаш дГасхьахехкаяла юьйлаелча а ца моьттура, кхунах боккха тГом хир бу, ерриге гГала йоха а еш.

ТГом марсабаьлча а, дГаваха ца лууш, гГалахь вехара Сайпудди.

Шайн цГенойн подвала чохь дГалечкъара уьш - хГусамнана Маликий, ялхитта шо долу кГант Гелий, кхо шо кхаьчна йоГ Имий. Лулахой а бара цу подвала чохь дГалечкъаш. Кху чу еанера дГадийша гоьнаш, меттанаш. Пеш а йинера кху чохь цГечу кибарчигех. Цу тГехь юург йора, чай кхехкадора. Моьттура, тГом сихха чекх а баьлла, шаьш шайн квартирашка хьаладевр ду. Церан пхоьазза тГекГелдина цГа луьрачу тГамна юьстаха лаьтгара, наг-нагахь бен ца кхочура кхуза хГоь а, даьндарг а.

Цхьа-ши кІира даьлча, тІом Сайпудди Іаш волчу кІоштан юьстаха гІоьртира. ЦхьакІеззиг паргІато а хааелира. Сайпудди дохко ца велира, ша гІалара ара ца ваьлла. Цуьнан хІусамненан тІамах уьдуш лела могашалла дика а яцара.

ХІинца хи дан ваха аравала а мегара. Кестта юучуьнца гІо дийр ду бохуш а дуйцура. Цхьацца гуманитарни вовшахтохараллаш яра гІалахь болх беш.

Цу сарахь лулахочо хаам беара: гІалин урамашкахула лелаш омонахой бу, “зачистка” йо бохуш, божарий дІабуьгуш. Цара нохчий а, гІалгІай а лобху, уьш болчу подвалаш чу гранаташ кхуьйсу. Божарий, кегийнах, деха кьамелаш а ца деш, бойу...

- *Бакъ дац! Иштаниг бакъхуьлийла а дац! Со ца теша цу хабарх!* - оьгІазвахара Сайпудди.

- *Ца тешахь, ара а валий, дІасхьахьажа. ХІора цІа чохь ду Іохкуш декъий - цара байина нах!* - дуйцура лулахочо.

Дукха хан ялале хабар деара цхьаммо, “зачисткаиш” еш болу омонахой уллокхачьна аьлла. Кхин а тІетуьйхира: массо а, подвалаш чуьра хьала а ваьлла, шайн квартираш чу ваха веза. Иштта ца дахь, омонхоша дІачІаьгІна йолу квартирийн неІарш кегйо, чуьра хІуманаш лечкьайо, ягайо...

Сайпудди шен доьзалца, квартира чу хьалавала ца хІуттуш, вобхна лаьттара. Цунна хаьара, ша нохчо хилча, шена омонахоша сингаттам боккхур буй. Ведда кІелхьаравала а аьтто бацара. Подвала чохь Іийча, цу чу граната кхоссарна кхерам бара.

Сайпудди иштта воьхна лаьтташ, уллохь сецира цунна ца еза хьехархо Светлана Викторовна. Цо элира:

- *Сайпудди, хьаладовла вай вешан квартира чу? Со йолчу чуволахь хьайн доьзалца.*

- *Хьо йолчу? ХIунда?* - ца кхеташ сецира Сайпудди.

- *Со кховру цхьаь Ian. Малика, ялол. Iела, куьг лаца хьайн йишин, я соьга схьало иза.*

Омонхой подъезда чу лелхаш, буйса юккье яханера. Уьш чулелхале, ларми чохь цхьа чIогIа тата делира: цу чу граната кховссинера. Пенаш дегийра, цхьаццанхьара корашкара доьхна дисина куьзганаш а, тхов тIера хьахарш а охьаййгира.

“Кху чохь адамаш ма ду Iаш. Адамаш ду дехаи!” - маьхьарий деттара зударша, омонхой, бронезилеташ а тIехь, батенкаш етташ, ламеш тIехула хьалагIертачу хенахь.

- *Шун документаш? Нохчий, гIалгIай буй шуна юккьехь?* - хойттара зойрталчу, ши метр лекхачу хьарсачу милцочо.

- *Документаш долуш ду. Темалой бац тхуна юккьехь. ХIара сан майра ву - Саша, - дуйхьальелира Светлана. - И лаьттарг цуьнан йиша а, йишин бераш а ду.*

Сайпудди вист ца хуьлуш лаьттара.

- *Шайн документаш схьагайта,* - тIечевхира омонхо Сайпуддина а, цуьнан кIантана а.

- *ХIан. ХIара ду сан паспорт. Кху кIентан дац хIинца а паспорт. Цуьнан хIинца бен ялхитта шо ца кхавьчна.*

Омонхоcho паспорта тҫехь Сайпудди мича кҫомах ву лобхура.

- “Нохчо” - дийшира цо мацца а. - *Хҫо совца аравала. И кҫант вуь нохчо?*

- *Мича? Хҫунда? Цхҫаннахҫа а вуьгур вац кху чуьра сан майра а, и кҫант а, - меттахҫелира Светлана Викторовна. - Нагахҫ эшахҫ, тхо тхашь дҫадогҫур ду кхана комендатуре. Цул сов, кху районера комендант сан гергара стаг ву. Аш сагатдан оьшуш дац. Цул а, охҫа а ховший, садаҫа. Ас, сайн ерг, юург а хҫоттор ю шуна...*

Омонхо реза вацара. Куьйгаш кҫамделча санна, автомат ловзайора цо.

- *Со бер долуш дуьйна кхихна кху нохчашина юккҫехь. Тхо цхҫа ваша-йиша санна даьхна. Ахҫ и вехь, со а ен дезар ду шун! Суна тоха, со ю шуна ткҫе бархҫ шарахҫ школахҫ, шу санна, бераш ҫамийна! Бехк боцуш нах байа-м ца ҫамийна ас уьш!*

Ши шо хан елира цул тҫаьхҫа. Грозный-ҫала юха а тҫом беш болчу нохчийн караяхара.

Цу буса Сайпудди меттахҫваьккхира хҫусам-нанас:

- *Хҫажахҫа, стаг, цу Светлана Васильевнин чохь цхҫа гҫовҫанаш ю-кха. Маьхҫарий а детта. Тҫеюхахҫа сихха хҫуманаш. Хҫажахҫа, цу чохь хҫун ду!*

ҫовгҫанаш, маьхҫарий алсамдевлира. Сайпудди, тҫе коч юха а ца ларош, майкица, спортивни хечица араиккхира. Иза Светлана Васильевнин квартира чу иккхира. Цу чохь дерг ирча сурт дара. Коьртах

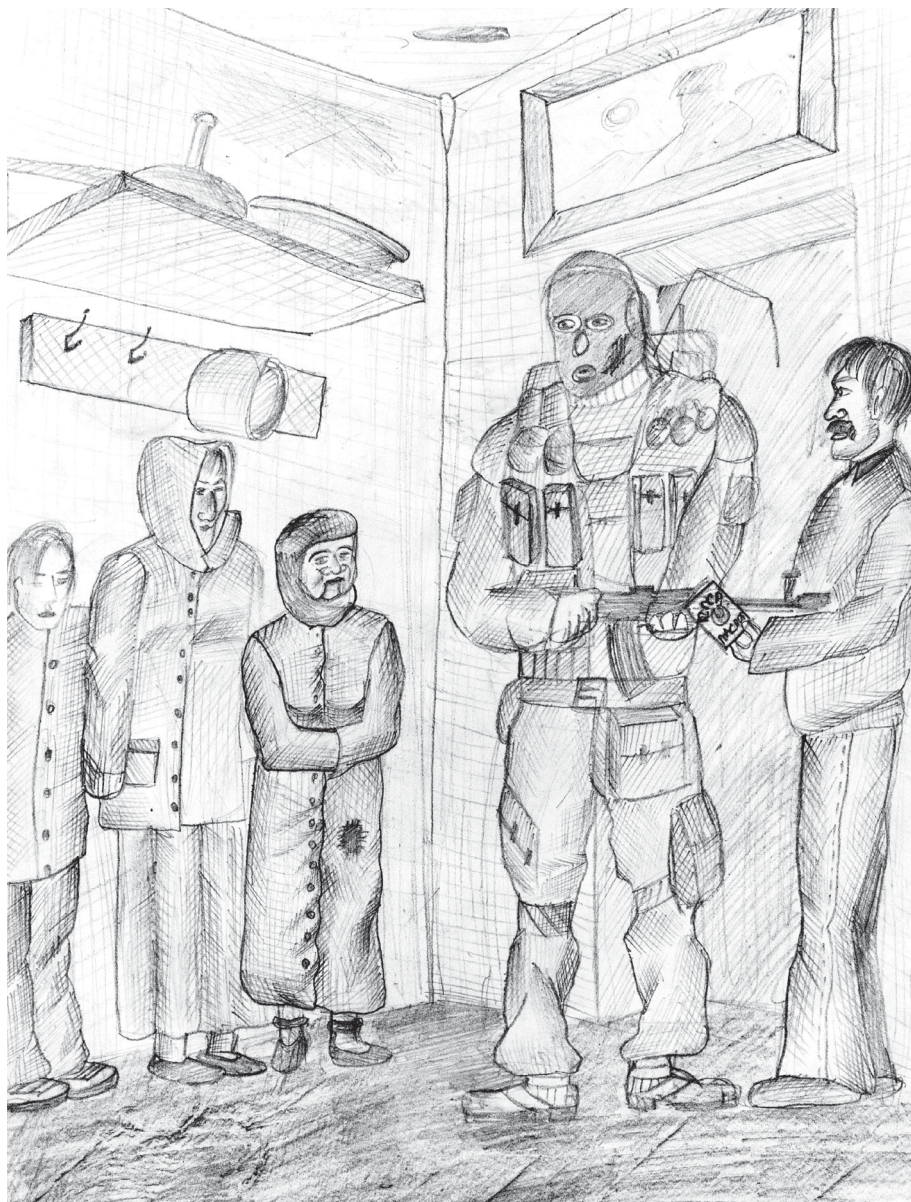

Иллюстрация к рассказу Соседи,
автор Артур Умаров, возраст 14 лет, г. Грозный /
Illustration to Neighbors by Artur Umarov, 14 years old, Grozny

Йоьхкина туйтмІаьжгаш а йолуш, ши стаг, Светлана Васильевна цІенкѡа охѡа а йиллина, цуьнан ши куьг тІехѡа дехка гІерташ воллур. КхолагІниг, автомат а карахь, неІара уллохь лаьттара.

Сайпудди хуьлуш лаьттачух кхийтира: кху чохь ерш цѡѡа жоьлгаш яра, тІемалой ду шашь бохуш, нохчийн сий дойуш лелаш йолу.

- *ДІахеца иза! Арадовла кху чуьра, боьха хІуманаш! ХІун ду аш лелориг? Делах эхь ца хета шуна?* - чукхоссавелира царна лулахо.

НеІарехь лаьттачо шен автомат Сайпуддин коьрта тІе лецира.

Иза лаг оза воллур, Іелий, Маликий чу ца иккхинехѡара.

Уьш кхуьй а Светлана кІелѡараяккха тІехѡавдира. Жоьлгаш, кхераелла, Іадийча санна, лаьттара.

ПовгІанаш алсамѡевлча, жоьлгаш кхераелира: кхин а лулахой схѡахьовда мегара. Уьш кхийтира, шайна бевдда кѡелѡарабовлар тоьлий. Амма цѡѡаммо, юха а вирзина, лаг озийра.

Кхиболу лулахой меттахьовлале, жоьлгаш кѡайлаевлира.

Баттахь Іиллира Сайпудди больницехь. Цул тІаьѡѡа цІа веара. ЦІахь дарбанаш леладора.

Аьхке цѡѡаьна яккха барт бира Сайпуддин доьзалой, Светлана Васильевнассий. Я ломахь, Сайпуддин гергарнаш болчахь. Кхузахь мел шорто, токхо ю! Я Россехь, Волга-хи уллохь. Массанѡѡа а ю шорто дикачу адамашна, нагахь воно, зуламо церан кийранаш гатбина бацахь.

Дийцаре дан хаттарш

1. Сайпуддина хІунда ца езара Светлана? ХІун леладора цо ша а, шех безам боккхуш? Цунна и цаезар бахъана и оърсийн къомах хилар дара, я и дика адам цахилар дара?

2. Муха хийцало адамиин юкъаметтигаш а, лелар а тІом болчу хенахъ?

3. Сайпудди хІунда ца тешара оърсийн салтий зуламе бу бохуш дуйцучух - хІун кхерам болуш дара и цунна а, цуьнан кІантана а?

4. ХІунда элира харцдерг хъехархочо? Маца а, стенна а дика ду харцдерг дийцар?

5. ХІун хилира божаршна а, кІенташна а оърсийн салташа дІабигина болчу?

6. Хъуна хетарехъ, Сайпудди а, Светлана а вовшашка ларам бан доладеларий?

7. ХІунда туйхира тІемалоша Сайпуддина герз, цо шаьш талор дечуъра совцийча?

8. Дийцар юкъахъ Россих а, Нохчийчоьнах а йолу ойланаш цхъаъ вукхул а вон юй?

9. Муха мах хадабо адамаша вовшийн, уьш тайп-тайпана къомах хилча? Муха Іема уьш вовшашца цхъаъ-на баха, шайн тайп-тайпана гІиллакхаш а, Іадаташ а доллушехъ? Муха ю дог-ойланаш а, вовшийн мах хадор а юкъаметтигашца дуйстича?

Сайд-Хамзат Нуноев

СОСЕДИ

/Рассказ-быль/

Сайпуддин не любил эту костлявую очкастую учительницу Светлану Викторовну, хотя при встрече на лестничной площадке или где-нибудь на улице они обменивались привычным “здрасьте”.

- Не любит она нас, чеченцев, - говорил Сайпуддин много раз, - живет среди нас всю жизнь, а наших хороших обычаев перенимать не хочет. Ни разу за эти десять лет не постучалась в дверь, не попросила ни соли, ни спичек, ни молотка. Ну, как так можно? У нас ведь, у чеченцев, не так. По соседству живут, как в одной семье. А она какая-то странная. Наверное, она не чувствует себя дома.

Никто и не думал, мысли не мог допустить, что игры политиков приведут к такой страшной войне в собственном доме. Даже когда сотни танков были на улицах Грозного, никто не предполагал, что многонациональный город будет превращен в развалины, в пепел.

Сайпуддин не захотел рисковать, пустившись в бег по насквозь обстреливаемому городу. Он с женой Маликой, шестнадцатилетним сыном Али и трехлетней дочуркой Имой скрывался в подвале своего дома вместе с другими жителями. Принесли матрасы, кто-то смастерил печку из красного кирпича. Топили дровами, варили суп, грели чай. Думали,

что бои вот-вот закончатся, и что все смогут подняться в свои не разворованные, сохранившиеся в целостности квартиры. В самом деле, этот пятиэтажный дом находился в стороне от непосредственных боевых действий, и только шальные пули, снаряды или осколки долетали до его стен.

Через неделю-другую бои переместились на южную окраину города. Стало полегче. Сайпуддин уже не жалел, что не воспользовался двухсуточной передышкой и не вышел из города. Малика, жена, сильно тогда болела, и он не стал настаивать.

Уже смело можно было идти за водой. Кто-то говорил, что вот-вот будут раздавать гуманитарную помощь. У людей появилась надежда, что самое страшное уже позади.

В тот вечер кто-то вернулся с улицы и рассказал, что ОМОНовцы начали так называемую “зачистку”. Бросают в подвалы гранаты. Ищут чеченцев и ингушей. Расстреливают всех на месте, особенно мужчин, юношей, подростков...

- *Не может этого быть! Сплетни это, подлая провокация! Не верю!* - возмутился Сайпуддин. Он был очень разозлен.

- *Не веришь, иди на соседнюю улицу, там уже прошла “зачистка”! В каждом доме десятки трупов!* - возражали ему.

Сайпуддин невольно посмотрел по сторонам. В подвале были и чеченцы, и русские, последние имели чуть больше надежды не быть убитыми.

Через час пошел слух, что на их улице тоже началась “зачистка” и будет продолжаться всю ночь. Предупредили о необходимости подняться в свои

квартиры и встречать ОМОНовцев с открытыми дверьми. В противном случае все взрывается, ломается, сжигается...

Люди заторопились. Сайпуддин заволновался, не зная, что ему делать. Могли ли его жена и дети пробраться дворами, попытаться спастись бегством?

Мужчина был близок к отчаянию, но вида не подавал. Уставившись в темноту, он посмотрел на жену, на детей, готовый к тому, что видит их в этот вечер последний раз.

И тут из тени возникла костлявая, сторбившаяся фигура соседки Светланы Викторовны. Она тихо, но твердо сказала:

- *Сайпуддин, я боюсь оставаться одна. Прошу вас, пойдите все ко мне.*

- *К тебе? Почему к тебе?* - не понял Сайпуддин.

- *Так надо. Я же сказала, боюсь. Пойдемте, Малика. Али, пошли. Возьми свою сестру. Или дайте сюда, я сама ее понесу.*

ОМОНовцы ворвались в подъезд в полночь. Перед этим был оглушительный взрыв в подвале, от которого задрожали стены, посыпались потолки, упали осколки стекол, еще державшиеся в простреленных оконных рамах.

- *Здесь живут, здесь люди живут!* - кричали женщины, когда ОМОНовцы в бронежилетах и касках, стуча тяжелыми ботинками, поднялись наверх.

- *Ваши документы! Чеченцы, ингуши есть?* - спросил рыжий ОМОНовец двухметрового роста.

- *Документы у нас в порядке. Боевиков здесь нет. Это мой муж Саша. А это его сестра и племянники,* - вышла навстречу Светлана Викторовна.

Сайпуддин молчал, готовый на все, только не на унижение перед женщинами, детьми.

- *Ваши документы!* - крикнул ОМОНовец на Сайпуддина и его сына.

- *Вот мой паспорт. Сын еще не успел получить. Ему только что исполнилось шестнадцать,* - сказал Сайпуддин и протянул ему паспорт.

Он долго искал в паспорте графу “национальность”.

- *Чеченец!* - нашел он наконец. - *Ты пойдешь со мной. Парень тоже чеченец?*

- *Зачем? Куда? Никуда вы не уведете моего мужа и этого мальчика! Если нужно, мы сами завтра придем к вам в комендатуру. Кстати, комендант этого района тоже мой родственник. Так что здесь все нормально, ребята. Все свои. Если хотите, присядьте, отдохните. Я вас угощу, чем Бог послал.*

ОМОНовец матерился и играл автоматом.

- *Я прожила среди этих людей всю жизнь. Я готова умереть с ними. Будешь стрелять - убьешь меня первой! Стреляй в учительницу, которая двадцать восемь лет учила детей добру и разуму!*

- *Ладно, живите,* - сказал ОМОНовец и опустил автомат. - *Пошли отсюда, ребята.*

Прошло два года. Грозный вновь вернулся в руки чеченцев.

В ту ночь Сайпуддина разбудила жена:

- Послушай, там, в квартире Светланы, какой-то шум, крики. Оденься быстрее, посмотри, что там.

В самом деле, крики и шум усиливались. Сайпуддин даже не стал натягивать сорочку. В майке и спортивных брюках ворвался в открытую дверь соседки. Увиденное поразило его. Двое в масках и с автоматами повалили Светлану Викторовну на пол и пытались связать ее. Третий, тоже в маске и с автоматом, стоял у дверей.

Сайпуддин сообразил, что это обычные бандитствующие юнцы, которые уже давно чинили в городе беспредел под видом бойцов народного ополчения.

- Подлецы! Твари! Сейчас же отпустите ее! Как вам не стыдно?! Бога бы побоялись! - закричал Сайпуддин и бросился спасать соседку.

Стоящий у дверей щелкнул затвором автомата, прицелился в голову и выстрелил бы в Сайпуддина, но в этот момент ворвались в квартиру Али и Малика. Все они бросились спасать Светлану Викторовну. Втроем им удалось оттащить тех, кто пытался связать женщину. На шум могли уже прибежать и другие соседи. Поняв это, трое в масках отошли к двери, чтобы бежать. Но тот, который передернул затвор, резко повернулся и выстрелил в Сайпуддина одиночным выстрелом. Когда соседи подоспели на помощь, преступники в масках уже скрылись.

Через месяц Сайпуддин уже выписался из больницы и долечивался дома.

Лето соседи решили провести вместе. В горах, в доме у родителей Сайпуддина. Здесь горы, травы, мед, барашки! А можно в деревне на Волге, у тети Светланы Викторовны. Здесь уха, ягоды, простор!

Нигде не тесно. Места много. Лишь бы человек сам себе не стеснял грудь.

Вопросы к обсуждению

Рисунок к рассказу приведен на стр. 493.

1. Почему Сайпуддин невзлюбил Светлану? Почему он считал, что она вела себя не по-соседски?

2. Как изменяются поведение и отношения людей во время войны?

3. Почему Сайпуддин не поверил людям, которые предупредили его о том, что он и его сын были в опасности?

4. Почему учительница сказала неправду? Может ли быть оправдана ложь тем, что она использована для спасения людей?

5. Что случилось с мужчинами и подростками, которых забирали русские ОМОНовцы?

6. Как ты думаешь, нравится ли теперь Сайпуддину и Светлане быть вместе?

7. Почему бандит в Светланиной квартире выстрелил в Сайпуддина, когда попытка грабежа уже провалилась? Что вы об этом думаете?

8. Имеют ли значение в этом рассказе различные национальности ее героев?

9. Как отличаются уважение и дружба от “мирного соседства”? Какое значение имеют для вас уважение и дружба?

NEIGHBORS

By Said Khamzat Numuev

Saipudin had never liked Svetlana Viktorovna, the schoolmistress. All they ever did was exchange a polite greeting if they happened to meet on the stairwell or out in the street

“She doesn’t like us Chechens.” Saipudin had said it many times. “She’s lived among us all her life, but she doesn’t fit in with our way of life. In all of ten years she’s never once knocked on the door. She has never asked us for salt or matches or a hammer. Why ever not? We Chechens all live together like one family. But she seems like a stranger. Perhaps she doesn’t feel at home.”

No one could ever have thought it: no one could have expected or even imagined it. Even after hundreds of tanks had appeared on the streets of Grozny, no one could have foreseen that a multinational city would be turned into dust.

As he fled through the town, now under bombardment, Saipudin did not want to take any risks. He took refuge in the cellar of his house, accompanied by his wife Malika, his sixteen-year-old son Ali, and his three-year-old daughter Prinesla. Other neighbours came to join them. Someone knocked a stove together out of red bricks. They chopped wood and made tea and soup. Everybody thought the war would very soon be over. Then they would be able to go back up

to their apartments that were still unplundered and undamaged. The five-story block where they lived was well away from the district where battle was raging. It had suffered nothing worse than stray bullets, shells and pieces of shrapnel.

Things began to get better. If you were brave, you could go out to fetch water again. Someone said they would be giving out relief supplies any time now. People really began to hope the worst was over.

But then, one evening, somebody came in off the street and reported that the Special Forces were beginning a so-called “moppingup operation.” They were hunting for Chechens and Ingush.

“That’s impossible. It’s all just a rumor, nothing but misinformation. I don’t believe it.” Saipudin got very worked up.

But people insisted, “You may say you don’t believe it, but they’ve already “mopped-up” in the next street.

Less than an hour later, another rumor started. This rumour said that “mopping-up” had already begun in their street and it would go on throughout the night. So it was essential for everyone to go upstairs, to return to their apartments, and to meet the Special Forces with open doors. Otherwise everything would be broken down, smashed up and set on fire.

People hurried to get away. Saipudin was desperate. He had no idea what to do. Could his wife and children try to escape by fleeing across open ground between the apartment blocks?

Although the poor man was close to despair, he did not show it. Staring out into the darkness, he looked at his wife and children, bracing himself to recognize that

he might never see them again...

But suddenly a shape appeared out of the shadows. It was the angular, stooped figure of his neighbour Svetlana Viktorovna. She spoke quietly but firmly.

“Saipudin, I am afraid to be on my own. Please will you all come upstairs and stay with me?”

“With you? Why with you?” Saipudin did not understand.

“You must, I told you. I’m afraid. Let’s go. Malika! Ali! Let’s go. Bring your sister with you. Or give her to me and I’ll carry her.”

The Special Forces broke into the stairwell at midnight. There had already been a deafening explosion in the cellar. It shook the walls, made plaster rain from ceilings, and shattered any glass that still clung to a window frame.

The Special Force Commandos tramped upstairs in their heavy boots, wearing flak jackets and helmets. The residents shouted, “We live here! People live here!”

“Your papers! Any Chechens or Ingush?” The red-haired commando was well over six feet tall. Svetlana Viktorovna came forward to meet him “All our papers are in order. There are no fighters here. This is my husband, Sasha. And these are his sister and her children.”

Saipudin said nothing. He was ready to face anything except humiliation before the women and children.

“Show me your papers!” The soldier shouted at Saipudin and his son.

“Here’s my passbook. My son doesn’t have one yet. He’s only just 16.” Saipudin handed over his passbook.

It took the soldier a long time to look through the book and find the place where it says “Nationality.”

“A Chechen,” he said at last. “You come with me. Is the boy a Chechen too?”

“What for? Where are you going? I’ll never let you take my husband away, or the boy either. If it’s really necessary, we’ll report to you at Headquarters tomorrow. Let me tell you this: the Regional Officer Commanding is a relation of mine. You see, lads, everything is quite normal here. These are my people. Sit down and have a rest. By God’s grace I’ll make you as welcome as I can”.

The commando was yelling and playing with his gun.

“I’ve lived all my life among these people. I’m ready to die with them. If you want to shoot, shoot me first. Shoot a schoolteacher who’s spent 28 years teaching children to be good and behave sensibly.”

“All right. You can stay alive.” The commando lowered his gun. “Let’s get out of here, lads.”

Two years went by, and Grozny was back in the hands of Chechens.

One night, Saipudin woke up his wife.

“Listen! There’s shouting in Svetlana’s flat. Some kind of noise. Get dressed quickly. Let’s go and see what’s happening.”

The noise got louder, the cries were more desperate. Saipudin didn’t even stop to dress properly. He rushed through his neighbor’s open door in shorts and a dressing gown, and what he saw shocked him. Two masked men with weapons had thrown Svetlana Viktorovna on to

the floor and were trying to tie her up. A third masked man with a gun was standing at the door.

Saipudin realised that these were typical young thugs who had already spread chaos through the city while pretending to be freedom fighters.

“Let her go at once. Aren’t you ashamed? Don’t you fear God?” Saipudin yelled and rushed to save his neighbor.

The man at the door moved the safety catch of his gun, and took aim at Saudipin’s head. If Ali and Malika had not rushed into the room at that very moment, he would have opened fire. They all rushed to Svetlana’s aid.

Other neighbors, hearing the noise, appeared on the scene. The three masked men realised what was happening and made for the door. But before they fled, the man who had moved his safety catch suddenly turned around and fired a single shot at Saipudin.

The neighbors rushed to help, but they kept getting in each other’s way. The three masked criminals made their escape.

Within a month Saipudin was out of hospital, recovering at home.

Saipudin and his family and Svetlana decided to spend the summer together, perhaps in the mountains, with Saipudin’s parents. There they would find hills, grassy meadows, honey, and flocks of sheep. Or it might be in the village by the Volga, where Svetlana’s aunt lives. There you can enjoy fish soup, wild berries and wide-open spaces.

There's plenty of room. Nobody need feel shut out so long as people keep their minds and hearts open to new things.

Discussion Questions

Image for this story can be found on p. 493.

1. For what reason didn't Saipudin like Svetlana? Why did he feel that she was not neighborly?

2. How do people's behaviors and relationships change during war?

3. Why didn't Saipudin believe the people who told him how dangerous it was for him and his son?

4. Why do you think the teacher lied? Is lying ever justified to save others?

5. What happened to the men and boys the Russians took away?

6. Do you think Saipudin and Svetlana like being with each other now?

7. Why did the robber in Svetlana's apartment shoot Saipudin when the robbery was already stopped? What feelings does this bring up for you?

8. Do nationality and ethnicity have any importance or role in this story?

9. How are appreciation and friendship different from "getting along"? What value do appreciation and friendship have for you?

10. Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states:

Everyone has the right to life, liberty and security of person. How did Saipudin & Svetlana work to make sure that they were each safe, protected and cared for?

11. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born

free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

- In the beginning of the story, Saipudin decided that Svetlana didn't like him or other Chechens. How did this decision go against the idea of treating a person or persons with respect?

- How did Svetlana's kindness change Saipudin's behavior?

Коъртах еккале, дагах екка чалма.

Шайна Дела веза лаахъ, нийсо еза.

Кунта-Хъаьжа

ЭВЛАЯЪ КУНТА-ХЪАЬЖА

Нохчийн эвлаяшна юкъахь уггар коъртачех, массара лоруш тӀеэцначех цхъаь ву Кунта-Хъаьжа. Кишин воI Кунта-Хъаьжа вина Мелча-Хехь 1830-чу шарахь (гергга).

ТӀаьхьо шен деца а, ненаца а Нохчийчоьн деган юкъ лоруш йолчу Илсхан-Юьрта кхелхина вахана иза. Цигахь жима волуш дуьйна иман чIагIдаран, бусалба дин даржоран беркате болх бан дIаволавелла Кунта-Хъаьжа.

Нохч-Махкана тӀехула айаделла долу маьлхан Эртана лаьмнаш а, деза ларалуш ду, Кунта-Хъаьжас паччахьан Iедалца тIом барна хIаллакьхила герга даханчу, деэшначу нохчийн къомана маршо а, паргIато а, динан а, дикаллин а цхъалла кхайкхийчахьана.

Кунта-Хъаьжа, ма-дарра аьлча, гучуваьлла шен къоман дахарехь уггар а халачу муьрехь. Цо шен беркатечу балхаца паргIатдаьккхира къоман бIарзделла са, йолуш йолчу халонийн баланех даьккхина ца Iаш, хинйолчу халонийн бала а байбира.

Хъехамчас Кунта-Хъаьжас дийцинчун, лелийначун кIоргенех, маьIнех, мехаллех лаьцна дика дуьйцуьр ду, цуьнан умматто гулбинчу хъехамаша а, мурдаша диначу тоьшалло а.

Кунта-Хъаьжас жима волуш дуьйна дора баккхийчаьрга хаттарш: *“ХIунда бо адамаша тIемаш? Вовшийн хIаллак хIунда до? ХIунда ю дуьненчохь овьга-залла? Дала хIунда ца цIандо адамаш сакхтех?”*

Иллюстрация к рассказу Эвлия Кунта-Хаджи,
автор Ася Умарова, возраст 16 лет, г. Грозный /
Illustration to Kunta_Khadji by Asya Umarova, 16 years old, Grozny

Оцу а, дуккха а кхидолчу хаттаршна жобпаш лехна эвлаян жайнаш тIехь.

Кунта-Хъаьжа воккхахиллачул тIаьхьа Iаьрбойн Малхбале вахара. Цигахь лакхара говзалла йолчу хьехархоша Iамош, коьрта бусулба динан дешаран заведенешкахь дийшира цо.

Халахеташ делахь а, вайна ца хаьа, муьлхачу дешаран заведенешкахь дешна Кунта-Хъаьжас. Амма Iаьрбойн Малхбалехь цо дукха шераш даьхна. Цигара цIа вирзича, маьрша бусулба динан агIонча хилла иза.

Цу хенахь, XIX бIешеран юккъехь, Нохчийчоьхь, ДегIастанехь дIабобдуш хилла Кавказан тIом. Ламанхой тIамна хьалагIовттийна волу имам Шамиль Россин империна герзаца дубьхало ян

Иллюстрация к рассказу Эвлия Кунта-Хаджи, автор Ася Умарова, возраст 16 лет, г. Грозный /

Illustration to Kunta_Khadji by Asya Umarova, 16 years old, Grozny

гПерташ хилла. Ткѡа Кунта-Хѡаѡжа даима а тешна хилла, чолхечу хаттаршна жоп машарца лаха дезарх.

И дика кхеташ хилла, паччахъан Тедална и тайпа дуѡхъало яро нохчийн къам хТаллакдийриг хиларх. Цундела цо лобхуш хилла, ламанхой машаре баха таро хир йолу, цТий Тенор сацоран некъаш. Тазотан Талашонаш, тТом толам хиллалц बारे кхойкхуш йолу, машаре бусулба динан Талашонаш а цхъаьна йогТуш ца хилла.

Имам Шамила, Кунта-Хѡаѡжин исторически кѡовсам, хууш ма-хиллара, чекхбаьлла Къилбседа Кавказан ламанхойн бТешерашкахъ дуѡхъало латтор, массо агТор а, царал ницкъ болчара кагдарца. Тазот кхайкхийна волу имам Шамилах Россин паччахъан веза хъаша хилира, ткѡа дуьненчохъ яккха йисина хан бусулба нехан уггар а езачу меттехъ - Маккахъ, яьккхира имама.

Шен дахарехъ, массо а ханна, машар латтабе, дикалла, нийсо ларѡе, къинхетаме хила бохуш кхайкхамаш беш лелла волу Кунта-Хѡаѡжа лецира, Александр II-чун пурбанца 1864-чу шеран Тай. Новочеркасскан а, Устюжино а набахтешкахъ, бакъболчу зуламхоша санна, лайра цо къизалла, цхъалла, мацалла, шело. Шайхо яздина, амма гергарчаьрга, добзале дТа ца кхочуш дисинчу кехаташа тоьшалла до, цо къиза бала лайна хиларан доьналлех, собарх и вобхна цахиларан а.

Массо а динан векалша - нохчочо Кунта-Хѡаѡжас, оьрсичо Лев Толстойс, индуса Махатма Гандис - кхайкхамаш бина, дерриге адамаш дикалле, къинхетаме, нийсоне кхойкхуш.

Кунта-Хъаьжин хъехамаш:

1. Шайна Дела веза лаахъ – нийсо еза, шайн даго шайга эхъ-ийманехъ дерг хъоьхуш, эхъ-иймане ладогIа. Иза – Делан аз ду шуна эхъ-ийман хъоьхуш дерг. Хъолаца шайн бусалба вежарийл совдовла ма гIерта, уьш лахара хетар – Делах довлар ду. Кураллаш ма лелае нахаца. Кураваьлларг а Делах волу, къаьсттана, и кураволуш верг нахана дола дан хIоьттина хъаькам велахъ. Нехан хъакъ диьнарг, и хъакъ баьпкан цуьрггал бен дацахъ а, Делах волу, цо къола динарг цунна къинтIера ца велахъ. ЦIена ойла йоцург тIерикъатан новкъа вала йиш яц.

2. Делах тешачу, тIерикъатехъ волчу стеган герз – тур-топ дац, Къуръан, ламаз-марха, догIена ойланаш, жайнаш, суьлхъанаш ду. Цу герзана дуьхъалбала, и герз эшо ницкъ бац, хIунда аьлча, цхъана а ницкъе Дела эшалур вац. Амма шел дуккхазза а чIогIачу, герзах воьттинчу ийманехъ воцучу стаге ша вейтар – ша-шена тоьхна валар санна хъарам ду. Бусалба стаг шен са лардан хууш хила веза, цо ларвеш верг цу са чуьра Дела ма ву! Шен де тIекхаьчча, Далла а, Делаца болчарна а дуьхъалбевларш кагбелла, атабелла дIагIур бу кхийран кхабанаш санна.

3. Дераниг дикаллица, безамца эшаве. Саьхъарниг комаьршаллица эшаве. Тешнабехк бинарг тешаме хиларца эшаве. Ца тешаш верг тешамца эшаве.

Къинхетаме, оьзда, гуттара а нахана гIо дан кийча хила. Хъо тIерикъатан новкъахъ велахъ, хIора дийнахъ а хъайгара нахана хIун дикаболх хир бара техъа, бохуш, ойланаш еш хила везаш ву. Нахана дика болх биначу буса бен мерза наб ца кхета тIерикъатехъ волчунна.

4. ТIемал йоккха акхаралла яц. Довдалаш тIамах, нагахь мостагIа шайгара эхь-ийман, сий, дин дIадаккха веана вацахь.

Шун ницкъ – шун бакъо, хьекъал, собар, дин, овздангалла. Цхъана а мостагIчун ницкъкхочур бац и ницкъ эшо, шу тIерикъатан новкъара ца до-влахь муххале а.

5. Цхъа а шайн бусалба ваша ма виталаш балехь, хуьлда иза мацалло, харцоно, цамгаро, я кхечу бохамо лашна. ГIийлачунна аш диначу гIонна Дала кху дуьненахь ял лур ю шуна.

Элчано, Делера салам-маршала хуьлд цунна, аьлла, угаре а доккха Везачу Далла аш дина совгIат – шайн кIеззиг бен доцучу тIера а овшучунна дIаделларг.

ТIерикъатехь верг, муххале, а тешна хила везашен вежарша ша балехь, вонехь ша вуьтург ца хиларх. Вовшен дезачу адамашна бен хуур дац доггаха Дела веза.

6. Бусалбанаиш! Вовшен дезалаиш, ларалаиш, вовшашна бакъдолу вежарий хилалаиш! ХIоранна а дагчуьра Дела веза хаалаиш. Адамийн даг чохь бен: я шийлачу стигланийн Iаьрчашкахь а, я даккхий кечдиначу маьждигаиш чохь а, кхин цхъанна а меттехь Дела карор вац шуна. Стеган бехк боцуиш дог дохийначо маьждиг дохийначул сов къа латадо шуна, хIунда аьлча, уьш пенаиш бен дац. Стагана чохь са ду Дала делла. Цу са чохь – Дела ву.

7. Дала муриде даима а дика гIуллакхаиш деш зама яккха боху: некъаиш, тIеиш тодеш, хиш, шовданаиш цIандеш, синтарш дуьйиш, маьждигаиш деш, тодеш.

Мурид цомгушчунна тIехIуттуиш хила веза, гIийлачарна, мискачарна, бобераишна хIун овшухьожуиш хила веза.

Далла чІогІа дезна ду наний, бераш вовшахтохар, нагахъ зудий, майрий барт боьхна делахъ.

8. ОьГІазаллина дуьхъал оьГІазалла ма яккха. ОьГІазалло оьГІазалла алсамйоккху. Хьо нийса лехъ, харцудуьйчунна эхъ хетар ду. ЦхъакІеззиг а эхъ-ийман даг чохъ ца дуьссуш вац Дала малик а дина дуьнен чу ваьккхинарг, мел дахаро иза галваьккхинехъ а. Бекхам бан а ма сихло харцо лелийначунна. Дала цунна беш болу бекхам алсам хир бу.

Бакълуьйчу стагехъа ву Дела. Цунах кхета харцудуьйриг мацца кхетта а. Цундела зама бакълуьйчаьргахъ ю.

9. Муридаш шайна ялсамани ян ца гІерта кху лаьтта тІехъ. Амма уьш кхиболчу нахана шайга ялсамани янъелча ирсе хир бара. Иштта деза декхар ду муридашна берриге а нах. Дела а, гонахъара нах а безаш даха декхар ду муридийн синош. Иштта ду бакълболчу муридийн тІерикъат.

Ялсамани санна, хІара дуьне хаздеш хила безаш бу муридаш. ХІора мурид а шена тІехъа дикаллин, хазаллин, оьздангаллин, нийсонан лар йита декхара ву.

Муридан некъ масала хила деза массарна а: муха ваха веза кху дуьнен чохъ.

10. Ламаз – бусалба динан бІогІам бу. Ламазо стеган дог-ойла, Іалашо цІанъйо, сина чу паргІато, ирс кхулуу. Ламаз – малхо якъийначу аренга догІу догІа санна, беркате, нехан синош цІандеш Іаламат ду. Ламаз – вайн синош Делах дІахуттуш тІай ду. Вайн синош цу тІай тІехула Далла улло мел гІерта, уьш сирла а, цІена а, паргІата а, ирсе а хуьлу.

11. Шайна Дала еллачу могошаллах, аьттонах, ирсах дакъа де могошалла, аьтто, ирс хаьддачаьрца. АллахІ-Далла гергахъ иза ламазал а, марха-

нел а деза ду шуна. Аьлла ма ду элчанан Хьади-са тIехь: « ламазаша а, марханаша а ялсаманин неIарна улло вуьгу, амма и неIарш схьайовьллуш ерг комаьршаллий, кьинхетаммий бу».

12. Герзаца доттагIалла ма леладе. Герзо стаг тIерикъатна генавоккху. Герзан ницкь – хIумма а йоцург ю тIерикъатан ницкьана гергахь. Герз лелош волу стаг кIезиг теша шена Делера накъосталла кхочург хиларх. Цул совнаха, Йилбазо гуттар а тIейizado куьг герзана. Цунах тIаккха зулам долу.

13. Балхах ма кхера, мел иза бежа а, хала а хиларх. Шен кьинхьегамца вехаиш воцу стаг – нехан кьица вехаиш ву. Иза хьарам ду. Иза бусалбанийн а, муридийн а некъ бац.

Пусар де юучун, хIора баьпкан цастаран а. Мел кIезиг юург а цхьа са дузош ю, хуьлда иза олхазар, зингат. Дала кхоьлинчу синера баркалла хир ду шуна.

Деза дерриге а дуьне, Дала цу тIехь мел кхоьллина дийнат. Цу безамца шайн синош хьоьстур ду аш, дузош, безамах Iабор ду аш. Шуна ма ца хаьа хIун доллу хьозанах, полланах, зингатах, уьш Дала хIунда кхоьллина. Деза уьш, Дала ял йоцуш вуьтур вац ша кхоьллина адамашна новкьарло еш доцу синош дезнарг.

14. Совнаха бахамаш ма леха, бахамашца нахал соввийла ма гIерта, иза хьарам ду, Далла гергахь овзда дац.

Бахамца соввала гIертачуьнгара Дала ламаз а, марха а, кхийолу Iамали а дIаовьцур яц.

Эхь ду, кьилахь а ду, духаршца, гIишлошца, дешица кхечу бусалбанел соввала гIертар, дуьненан даьхни совдаьллачунна шен бусалба вежаршина накъосталла дан цалаар.

Эхъ ду, кѣилахъ а ду денна духарш хувѣйцучара беркѣачу нахана кураллица тІехвѣйлар.

Эхъ ду, кѣилахъ а ду Јора когаш болчунна улохъ езачу мачашица кураллица латтар.

Эхъ ду, кѣилахъ а ду массарна а тІехула шен куй айба лаар.

Совнаха буучу кхачано, кІеда биллинчу дарин матто, сов наха тІекІелѣйначу гІишлоша Далла улло ца бугу бусалбанаи, Далла генабоху.

Овздангалло, гІиллакхо, кІеззигчух тоамбаро сий до бусалба стеган Дала.

15. Дуѣнен чохъ хѣайна цІе ян гІертаиш, нахалла хѣуо лакхара ву ала гІертаиш, баѣрче кхийдаиш ма лела. Кѣахѣоѣгуи даѣккхина доцу даѣсса сий – лоппаг ду. Хѣайн нехачул сов ду аѣлла хетарг – бахам белахъ а, хаарш делахъ а, Гилма делахъ а – дІадала сихло. Ахъ дІаделларг гуллиш ду хѣан. Кѣайладаѣккхина, хѣайна дитинарг – довиш ду.

16. Шаѣи миччахъ хиларх, АллахІ-Дела вицвай ма лелалаиш. Дела вицвай хІумма а ма делаиш. ТІерикѣатан новкѣахъ сихо хир ю шун Далла тІе кхача. Делан дуѣхѣа, Дела дагахъ воцуиш динарг дерриге а эрна ду шуна, дайна ду шуна, бІалгІа санна. Дуѣнен чохъ йоккху хан стаг зен луи ю шуна, уллогІоѣртина иза Далла я гена ваѣлла.

17. ОѣгІазалла ма латтае шайн дегнаиш чохъ. Шаѣи оѣгІаздахнехъ а, цѣхѣана ламазера вукха ламазе ма хѣуо и оѣгІазалла. Дала шуна биначу сингаттамна ял елла, кѣиноих цІандийр ду шу. Муѣлххачу а харцонна, ямартлонна, тешнабехкана, эладитина аи сатохахъ, Делера кхаѣ хир бу шуна.

Делан дуѣхѣа аи динарг цкѣа а довр дац шун.

18. ШариІат, тІерикѣат – Дала делла некѣаиш ду. Цу новкѣа дІавахнарг тоѣлур ву, юѣхѣаѣржачу

хир вац. ТІерикъат зукъаро чІагІдийр ду. Зукъаро муридийн го чІагІбийр бу, муридийн синош цІандина, литтина, паргІатдохур ду массо а вочу хІуманых.

Мурид шен хаарш алсамдохуш, Гилма Іамош, дешарца лакхаволуш хила веза, хийцалуш йолчу заманал тІаьхъа ца виса.

19. Вайн гІиллакхаш, Іадаташ, амали эзаршерийн кІоргера схъайогІуш ю, селхана юкъаевлла яц. Уьш цундела йогІу шарІаца, тІерикъатца. Цундела шайн гІиллакхаш цІена лелор – дин цІена лелор санна ду. ГІиллакхаш а, дин а лардан деза, цхъаьнгга а хийра а ца дохуьйтуш, гІел а ца дойтуш.

Зударийн сий – ларамбар, баккхийнаш ларар, царна гІодар, доьзалехъ барт а, оьздангалла а латтор, вовшашна белхешкахъ накъосталладар, диканехъ а, вонехъ а цхъаь хилла дІахІиттар, кьинхетаме хилар – иза хІора а бусалбачу стеган коьртачу декхарех ду. Ишттачу гІиллакхаша сийлахъ до къам.

20. Іедал Делера ду, аьлла ду. Иза аьлла, Іедал доцучу меттехъ адамашна юккье акхаралла юлу дела. Іедал ма кьийса, Іедалехъ берш болх бан бита, нагахъ уьш кьомана ямарт я сутар бацахъ. Цара шаьш лелочунна Далла жоп лур ду. Шун тІерикъат лакхара ду церан хъаькамаллел.

Дуьненан хІуманна тІаьхъадовлий, дакъаза ма довла. Дуьненан хІума цхъанна а тоьгна дац ша Далла кІел хилар дицдиначунна. Дуьне дезар – туьха даар санна ду. Алсам мел дуу кхин а сов деза.

ТІерикъатехъ паргІатдаха шайн синош. Цу паргІатоно бен лур дац шуна бакъдолу ирс.

21. Дуьнен чохъ йоккху зама бІалгІа санна хІума ю. Азаллера абаде диллича бІаьрг-негІар

тоххал мур а бац. Кху харц дувнен чохъ дешин а, сацкъаран бІаллан а мах цхъаъ болуш санна ваха веза. Дувненан хІуманарг Іехавелларг Йилбазан гуру лоцу. Кху дувнен чохъ баккбал а мах болуш хІума цхъаъ ю – адамийн Дела везаш долу синош.

22. ДІацІанде шайн дегнаш, синош, дуза уьш пайхамаршка, устазашка, церан хъехамашца Деле болчу безамца. Шун Іилма а эрна ду, цу Іилманца цхъаъна безам бацахъ.

23. Ша Далла мел уллохъ ву хаа лиъначо шен даге ладогІа деза. Шен даг чохъ цунна оьгІазалла, цабезам, хъагІ, кураллаш хаалахъ, иза Далла генахъ ву. Амма шен даг чохъ цунна безам, квинхетам, йовхо хаалахъ, иза Далла уллохъ ву.

24. Шен даг чуьра волла, хъагІ, оьгІазалла, цабезам дІа а даьккхина, шен дог Деле болучу безамах хъалабуьзнарг бен тІерикъатан новкба ца волу.

25. Чалба, коьрта хъарчаяле, шайн дегнех хъарчае. Шайн бусалбалла нахана гайта а ца сихлуш, дегнаш цІанде юьхъанца. Дела везнарш, Далла дукхабезнарш цкба а духаршца кбага, гІарабийла ца гІиртина, нахал базбала а ца гІиртина. Далла суьрташ хІиттораш ца безна, оьзданаш, эхъийман дерш безна.

26. Аьшнаш буттург Делах волу. Аьшнаш айбина леларш а Делах бовлу.

ТІерикъатан новкбахъ аьшпел доккха кба дац. Бусалбачу стеган дог-ойла гуттара а сирла, цІена хила езаш ю. Шен тІерикъатан некъан сий дан хууш волчо цкба а аьшнаш буттур бац, харцо лелор яц, лелочуьнга иза лелайойтур а яц.

27. КІеззиг долчух тоам бечул хъалдолуш стаг вац. Ваха атта хир ду уллохъ Устаз волчунна. Устаза шен мурд массо а вочу хІуманарг ларвийр ву.

28. Муридана шел воккхачун сий дан, иза лара хаа деза. Воккхачунна алсамо ма гина дуьненан хІуманаш. Муридана шел жиманиг Іалашван хаа деза. Цо дІадахъа дезаш ма ду тІерикъат. Мурида хІора стаг а лара веза, ша лерича бен тІерикъатан пусар дан хуур дац стагана.

29. Элий, лай ду бохуш ма къестаде адамаш. ТІебаъхкина бу, бохуш, атта а ма хета. Массо а бусалба а цхъанийсса ву, аьлла ду Къуръана тІехъ. Массо бусалбанаш а вежарий бу. Сий-пусар де массо а устазан, цара мел хьовхург а, мел бохург а цхъаъ ду. Уьш берриш а цхъаъ бу. Некъаш тайп-тайпана делахъ а, уьш дерриш а АллахІ-Далла тІе доьлхуш ду.

30. Бежанашна мотт ца хаъа. Амма уьш Дала чохъ са кховьлина ду. Бежанашна, акхарошна, жІаьлешна, ццигашна бахъана доцуш ницкъ би-нарг Пайхамара шен умматах вац аьлла. Бежанаш меца, кхабаза, хи малоза а долуш, ламаз дан хІоттар нийса дац. Дала шена ца йиначу Іамална гечдийр ду. Бийца мотт боцучу бежанна йиначу гІелонан квилара вер вац стаг.

31. Беша даьлладу бежанна тоха ма тоха, меллаша арадаккха. И беша даларан бехк адамашна тІехъ ма бу. Бежанашна наьІалташ а ма кхайкха-де, иза Іесалла а, сонталла а ю. Дуьнен чохъ мел йолу Дала кховьлина адамашна зен деш йоцу дийна хІума муридаша Іалашъеш хила еза.

32. Массо а бецана а, диттана а чохъ са ду. Эрна царна зен ма де. Хьуьнах вовдуш диг дІалачкъаде, дитташна ца гойтуш. Дитташ кховьру дагарах. Шайна оьшишург бен гІуркх а, сара а ма баккха. Стом латош долу дитт охъатохар доккха къа ду. Некъахочунна ІиндагІа луш долу дитт охъато-

хар а доккха кѣа ду. Шовданашна уллора дитташ охъадеттар а доккха кѣа ду. Муридаш дитташ дуьйи, уьйи Галаидеш хила беза. Цу дитташа луш болу стом я ГиндагГа шаьш дийна мел ду уьйи дийГинчунна мела кхайкхош хир ду.

33. Дала кховлличу Галамехъ уггаре а дезаниг – хи ду. Аьлла ду хъадисехъ, кху дуьнен чохъ мел йолу хГума Далла Гамал ечуьра сецначул тГавъха бен хи Гамал ечура соцур дац. Хи бехдар доккха кѣа ду. Шовданаш чохъ боьха хГуманаш йиттар – доккха кѣа ду. Хи чу боьхалаш кхийса маггане а мегар дац. Эрна хин татол хийцар доккха кѣа ду, цу хи чуьра дийна хГуманаш лийр ю, церан эрна синош даха адаман бакъо яц.

Гочдинарг - Шукран Сулейманова

Дийцаре дан хаттарш

1. Бераллехъ хГун хаа лаьара Кунта-Хъаьжина?
2. ХГун маьІна ду эвляяь, гІазот, мурд бохучу дешнийн?
3. Муха ойла яра Кунта-Хъаьжин имам Шамила харцоне, гІазотан тІаме кхайкхарх лаьцна?
4. Кунта-Хъаьжин хъехамаш юкѣахъ шуна уггар мехала хГун хетта?
5. Кунта-Хъаьжина бусулба стеган коьрта герз хГун хетара?
6. Мичахъ дІадаьхьира шайн дахаран тІаьх-хъара шераш Кунта-Хъаьжас, имам Шамила? ХГунда нисвелира и шиь иштта цхъаьна ца догІучу хьелашкахъ?
7. Муха пайда эца мегар ду вайн заманчохъ Кунта-Хъаьжас биначу хъехамех - кѣинхетамаллех, нахах дог лазарх лаьцна?

*Повяжите чалмой свое сердце,
прежде чем повязать ей голову.*

*Хотите любить Всевышнего Аллаха -
любите справедливость.
Кунта-Хаджи*

Сайд-Хамзат Нунуев

ЭВЛИЯ КУНТА-ХАДЖИ

На чеченском языке эвлия означает святой.

Шейх Кунта-Хаджи Кишиев, родившийся в горном ауле Исти-Су (Мелча-Хи) примерно в 1830 году, является самым ярким, общепризнанным во всем исламском мире чеченским святым - суфием, основателем суфийского братства зикристов.

Кунта-Хаджи позже вместе с родителями переселился в аул Илсхан-Юрт в самом сердце Нохч-Мохка (Ичкерии), где и начал с молодых лет проповедническую деятельность.

Солнечные горы Эртана, возвышающиеся над всем Нохч-Мохком, тоже стали святыми с тех пор, как устами великого Кунта-Хаджи возвещали утомленному и доведенному до отчаяния войной с царизмом чеченскому народу мир, покой, согласие и единение в добре и вере.

Кунта-Хаджи воистину пришел в наиболее драматический час в судьбе своего народа и действительно спас его дух своими проповедями не только от существовавших, но и от ожидавших его позже невероятных бед.

О характере и духе учения шейха Кунта-Хаджи лучше всего расскажут его проповеди и наставления,

которые собраны из свидетельств мюридов Кунта-Хаджинского братства.

Кунта-Хаджи еще в детстве задавал вопросы старшим: *“А почему люди воюют, убивают друг друга? Почему в мире существует зло? Почему Бог не устраняет все пороки среди людей?”*

Ответы на эти и многие другие вопросы Кунта-Хаджи искал в религиозных книгах - жайнах. Став взрослым, Кунта-Хаджи отправился на Арабский Восток, где в высших исламских учебных заведениях преподавали просвещенные и мудрые шейхи.

Мы не знаем, к сожалению, в каких учебных заведениях Кунта-Хаджи там учился, но провел он на Востоке много лет и вернулся оттуда приверженцем суфийского мирного ислама.

В то время, в середине XIX века, в Чечне и Дагестане шла, так называемая, Кавказская война. Имам Шамиль, возглавлявший борьбу горцев, хотел противостать Российской Империи при помощи оружия. Кунта-Хаджи был за мирное решение вопросов с Россией.

Он прекрасно понимал, что непримиримое сопротивление царской власти может привести чеченцев к полному уничтожению.

Именно это обстоятельство вынуждало его обратиться к идеям прекращения кровопролития горцами и перехода к мирному укладу жизни. Идеология суфизма противоречила идеологии газавата, требующей продолжения борьбы с противником до победного конца.

Исторический спор имама Шамиля с эвлия Кунта-Хаджи завершился, как известно, тем, что вековое сопротивление горцев Северного Кавказа с не-

соизмеримо сильным и жестоким завоевателем было сломлено. Шамиль, породивший газават, стал почетным гостем Российского царя, а конец жизни провел в священной для мусульман Мекке.

Кунта-Хаджи, всю жизнь проповедовавший смирение, мир, доброту и справедливость, был арестован с ведома царя Александра II зимой 1864 года и сполна испытал судьбу заурядного уголовника в тюрьмах Новочеркаска и Устюжино. Святой Кунта-Хаджи был замучен одиночеством, голодом и холодом. Письма шейха, которые так и не дошли до семьи и родственников, свидетельствуют о тяжелых испытаниях, которые он переносил смиренно и с достоинством.

Люди разных религий - чеченец Кунта-Хаджи, русский Лев Толстой и индеец Махатма Ганди призывали все человечество к добру, состраданию и великодушью.

Из учения эвлия Кунта-Хаджи Кишиева:

“Хотите любить Всевышнего Аллаха - любите справедливость. Желайте своему брату того же, что желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с бедными всем, чем одарит вас Всевышний. Остерегайтесь, что кто-то вам будет завидовать в богатстве. Пусть вам завидуют в справедливости и щедрости. Молитесь Аллаху, чтобы к вам не пристало ничего добытое чужим трудом, чужим потом. Такое - непреодолимая преграда на пути к тарикату.

Злого победи добротой и любовью. Жадного победи щедростью. Вероломного победи искренностью. Неверного победи верой. Будь милосердным,

скромным, готовым жертвовать собой. Ты в ответе за многих, если дух твой укреплен исламом, а вся твоя жизнь - это путь ко Всевышнему.

Не оставляйте никого из братьев своих в голоде, холоде, нищете и в униженном состоянии. Пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, говорил, что самый ценный подарок Всевышнему - это часть немногого, что у вас есть, отданная нуждающемуся. Мюрид не может быть спокойным, видя, что его брата что-то беспокоит. Вы должны твердо знать, что не останетесь один со своей бедой. Только свободные, спокойные, уверенные души способны воспринимать все величие тариката и жить в нем до конца земной жизни.

Мюриды не из тех, кто ищет для себя рая на земле. Но для мюридов было бы счастьем сделать на земле рай для других. Поэтому мюриды, идущие по тарикату, должны беречь, украшать, лелеять эту землю и все, что вокруг них. Мюрид должен оставить после себя добрый, яркий след, как пример для всех людей. Сгорая любовью ко Всевышнему Аллаху и ко всем людям, мюрид тариката должен показать истинное предназначение человека на земле.

Будьте милосердны к сиротам, больным, бедным, немощным. Всевышний Аллах сделал вас более здоровыми, богатыми, сильными. Проявите и вы великодушие. Аллах оценит это выше поста или намаза. Помните сунну пророка Мухаммада, да благословит Его Аллах и приветствует, где сказано, что пост и намаз приводят к дверям рая, но открывает эти двери перед вами ваша щедрость и милосердие.

Будьте трудолюбивы. Не бойтесь самой тяжелой работы. Тот, кто не живет своим трудом, живет трудом других. Это грешно, ибо это то же самое, что кража. Умейте ценить, относиться с великим уважением к каждой крошке хлеба. Ведь эта крошка может насытить и птицу и муравья. Вы спасете душу, созданную Всевышним, и никто кроме Него не в состоянии создать даже самое маленькое живое существо. Любите мир, созданный Великим Творцом, и всемерно берегите, украшайте его.

Проводите больше времени в молитвах. Всевышний не оставляет молящихся без внимания. Молитвы очищают наши души, возвращают в них добрые всходы, подобно летним дождям, оживляющим степи. Молитвы - мост, соединяющий наши души с нашим Всевышним Создателем. Чем чаще мы с Ним соприкасаемся, тем тверже наши надежды, тем верней наш тарикат.

Воздерживайтесь от излишеств, ибо излишества, в отличие от необходимого, не знают границ. Стыдно и грешно хотеть того, чего нет у других, желать выделяться от других роскошью, яркостью нарядов или размерами жилища. Стыдно и грешно иметь много скота и не делиться с теми, кто голодает. Стыдно и грешно менять каждый день одежды и проходить с высокомерием мимо тех, кто уже давно ходит в рваных одеждах. Стыдно и грешно стоять рядом с босоногим в дорогой и красивой обуви. Стыдно и грешно пытаться выделяться от других высокой дорогой шапкой. Лишняя еда, лишний сон, лишние одежды, лишние

жилища не приближают, а отдаляют нас от Всевышнего Аллаха.

Не стремитесь к земным почестям. Земные почести - иллюзии. Радуйтесь и гордитесь тем, что вы равные среди равных. Если обнаружите, что больше знаете или больше имеете - спешите отдалить, ибо то, что вы не отдали - пропало. А то, что вы отдали, станет свидетелем в Судный день.

Помните всегда, всюду, где бы ни были и что бы ни делали, об Аллахе. Все делайте во имя Аллаха и ради Аллаха. В этом главное предназначение человека. Смело и упорно идите дорогой тариаката, и она непременно приведет вас к хакигату - осознанному слиянию со Всевышним. Ибо все, что не Всевышний Аллах - сон, мираж, миг, испытывающий человека.

Не злитесь. Не держите зла в срок от молитвы к молитве. Простите обидчика, и ему станет стыдно. Если даже не станет, то Всевышний оценит ваше терпение и очистит вас от грехов. Всякая незаслуженная обида, нанесенная вам, всякая клевета или иная несправедливость возвеличивает вас, если будете переносить это терпеливо, во имя Всевышнего Аллаха. Ничто, совершенное во имя Аллаха, не исчезает бесследно. Все это - добрые плоды, которые укрепляют силу человека, идущего по тариакату.

Наши обычаи и нравы возникали и совершенствовались тысячелетиями. Поэтому они оказались настолько близкими исламу. Мы должны их свято беречь и не позволять опошлять никому. Отношение к женщине, как к святой, почитание старших, уважение в семье, особое отношение к гостю, коллективная взаимопомощь и обществен-

ные работы, единство в горе и в праздники, умение быть милосердными и уступчивыми - все эти качества объединяют нас и берегут нашу честь. С теми, кто попытается посягнуть на это, нужно воевать до последнего чеченца.

Не спорьте с властью, не старайтесь заменять ее собой. Всякая власть от Всевышнего. Аллаху виднее, какую власть, где и с какой целью устанавливать. У власти перед Всевышним отдельный отчет. Не соблазняйтесь кажущейся престижностью власти. Ваш тарикат несравнимо выше, ибо земная власть призвана решать земные дела. А земная жизнь, как соленая вода: чем больше пьешь ее, тем жажда усиливается.

Кусок золота и ком земли имеют одинаковую цену. Нельзя жалеть о земных потерях, глупо радоваться мнимым земным обретениям. Единственное богатство, которым нужно дорожить, - это души людей, избравших верную, угодную Всевышнему Аллаху, дорогу.

Носите чалму не ради славы и видимости, а как знак любви ко Всевышнему и исламу. Не торопитесь обвязать чалмой голову. Обвяжите ее сперва свои сердца. Святой человек стыдится своей святости. Ничтожные напяливают на себя одежды, отпускают длинные бороды, пытаясь предстать теми, кем они не являются. Это лицемеры, названные в Коране самыми большими грешниками.

Ложь безобразна. Безобразны слушающие ложь. Нельзя одобрять не только ложь, но и любые сомнительные дела, если нет уверенности, что они угодны Всевышнему. В душе мусульманина - мюрида, идущего по тарикату, должен гореть свет правды и справедливости, милости и сострадания, стойко-

сти и отваги от осознания собственной значимости, от величия пути, по которому он следует.

Любите животных, которые рядом с нами и вокруг нас, горячей любовью. Заботьтесь о них правильно и своевременно. Ведь у коровы, овцы, лошади, собаки или кошки нет языка, чтобы сказать о своих потребностях. Мы сами должны о них знать и помнить. Не спешите стать на намаз, оставив не напоенную или не накормленную скотину. Наши души должны быть совершенно чистыми и спокойными, когда мы в намазе представим перед Всевышним Творцом.

Все растения тоже живые и тоже имеют душу. Надо прятать топор, когдаходишь в лес, и рубить только то дерево или жердь, за которыми пришел. Надо бережно относиться к каждому дереву, к каждому кусту, к каждой травинке. Надо любить их и относиться к ним, как к хорошим друзьям. Страшный грех - рубить плодородное дерево, дерево у реки, дерево у дороги, дающее путнику тень в жаркий день. Мюридам надо сажать повсюду деревья, ухаживать за ними, пока они не вырастут.

Вода - самое святое из всего, что создано Всевышним, ибо вода, сказано в Коране, не перестает прославлять Всевышнего Творца даже тогда, когда все живое и неживое перестает это делать. Страшный грех - пачкать воду. В родниковой и речной воде нельзя стирать, мыть грязные вещи; нельзя купаться, смывая с себя грязь. Для этого нужно набирать воду и уходить подальше от родника или речки. Нельзя бросать в воду мусор, нельзя без надобности менять русло рек, убивая все живое в осушившемся русле.”

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 494 - 480.

1. Чем интересовался в детстве Кунта-Хаджи?
2. Что означают слова эвлия, газават и мюрид?
3. Что думал Кунта-Хаджи о несправедливости, войне и газавате, к которому призывал имам Шамиль?
4. Что в учении Кунта-Хаджи для вас важнее всего?
5. Что считал Кунта-Хаджи главным оружием мусульманина?
6. Где провели последние годы своей жизни Кунта-Хаджи и имам Шамиль? Почему они оказались в таких несхожих обстоятельствах?
7. Как можно использовать советы, сочувствие, милосердие Кунта-Хаджи в наши дни?
8. *Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: “*Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства*”. Представьте себе, насколько великой должна быть забота о других людях, даже врагах, чтобы быть готовым жертвовать собой ради их жизни, как это сделал Кунта Хаджи?
9. *Статья 19 Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: “*Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ*”. Кунта-Хаджи казнили за его убеждения, как это относится к содержанию *Статьи 19*?

*Tie a turban round your heart
Before you tie it on your head.*

*Do you desire to love Allah the Almighty? Then you
must love righteousness.
Kunta-Hadji.*

KUNTA-HADJI

By Said Khamzat Nunuev

In the Chechen language the word *evlia* means saint.

The most distinguished of Chechen saints was the Sheikh Kunta-Hadji, the son of Kishi. He was born around about the year 1830 in the village of Isti Su. As a Sufi and the founder of the Murid brotherhood, he is widely recognized and revered throughout the entire Islamic world.

When still a child, Kunta-Hadji migrated with his parents to the village of Isklan Urt, in the heart of the Chechen territory of Nokhch Mokha in Ichkeria. While still a young man he began work as a preacher and teacher.

In those days the Chechen people were being worn down, driven to desperation by the war with Tsarist Russia. Then they heard the message of the great Kunta-Hadji, speaking of peace, concord and unity through faith and goodwill.

Since then the sunlit mountains of Etran - rising high above Nokhch Mocha - have been holy places indeed.

There is no doubt that Kunta-Hadji appeared at the most dramatic moment in the history of his people. His preaching and teaching saved the soul of the Chechens

from unimaginable miseries, not only in his own day, but also in time to come.

The Murid Brotherhood, which bears his name, has collected many of his sermons and pronouncements. These provide the best witness to the spirit and content of his teaching.

Even as a child, Kunta-Hadji would put questions to the older generation. Why do people go to war? Why do they kill each other? Why is there evil in the world? Why doesn't God simply wipe out all vices from human society?

Kunta-hadji sought answers to these questions - and to many others - in the religious books of the Zhains. And when he grew up, he set off for the Arabian world where wise and enlightened Sheikhs were teaching in the highest schools of Islam.

Unfortunately we do not know exactly where he studied, but he spent many years in the Arab East (arabskiy vostok) world and returned to Chechnya as an adherent of Sufism, a peace-loving form of Islam.

This was in the middle of the nineteenth century. The so called "War of the Caucasus" was raging in Chechnya and Daghestan. The Imam Shamil was leading the mountain peoples, attempting to resist the Russian empire by force of arms. But Kunta-Hadji sought for a peaceful solution of differences with Russia.

He knew very well that all-out resistance to Tsarist authority could lead the Chechens to complete annihilation. This was why he was forced to turn to other ideas, seeking to turn highlanders away from bloodshed, towards the path of peace. The principles of Sufism contradicted those of the Gazavat, which

demanded that war be waged until final victory was gained.

The outcome of the historic controversy between the Imam (Shamil) and the Evlia (Kunta-Hadji) is all too clear. The conqueror came armed with overwhelming strength and cruelty. The long drawn-out resistance of the highlands of the Northern Caucasus was broken.

Shamil, by birth a Gazavat, became an honored guest of the Russian Tsar, and ended his days in the holy city of Mecca. Kunta-Hadji, on the other hand, had spent his whole life preaching reconciliation, peace, generosity, and justice. But he was arrested by order of Alexander II in the winter of 1864. Imprisoned in Novocherkassk and Ustyuzhino, he suffered the fate of a common criminal.

Thus Kunta-Hadji - a saint indeed - suffered loneliness, cold and hunger. A few of the Sheikh's letters got through to his family and kinsfolk. These bear witness to his trials, which he underwent with dignity and patience.

People of many faiths have summoned the human race to strive for goodness, compassion and generosity. They include the Russian, Leo Tolstoy, and the Hindu, Mahatma Gandhi, and the Chechen, Kunta-Hadji.

To this day the Chechen people remember his words:

Overcome evil with kindness and love.

Overcome greed through generosity.

Overcome falsehood by truth-telling.

Overcome unbelief through faith.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 478 - 480.

- 1. What was Kunta-Hadji interested in as a child?*
- 2. How did Kunta-Hadji feel about injustice, war, and gazavat which was called for by Imam Shamil?*
- 3. What was the most important part of Kunta-Hadji's teaching for you?*
- 4. What weapon did Kunta-Hadji consider to be the most important for a Muslim person?*
- 5. Where did Kunta-Hadji and Imam Shamil spend the last years of their lives? Why did they end up in such different conditions?*
- 6. How can Kunta-Hadji's advice, his compassion, his mercy apply in today's world?*
- 7. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood. Can you imagine caring so much about people who are considered enemies that you would be willing to give up yourself to oppose killing them as Kunta-Hadji did?*
- 8. Article 19 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Everyone has the right to freedom of opinion and expression; this right includes freedom to hold opinions without interference and to seek, receive and impart information and ideas through any media and regardless of frontiers. Kunta-Hadji was executed for his beliefs. How would you relate this to Article 19?*

Traditional Chechen proverbs:

1. Good and evil return to their creators
2. Everything passes away, but goodness is eternal
3. A kind word is a priceless treasure.
4. Take time before you do harm. Waste no time to do good.
5. Do good in silence. Don't shout about it.
6. A good neighbor is more use than a faraway brother.
7. A kind word can move a mountain.

Муса Ахмадов

АСАРАХЪ

Цхъана дийнахъ Кунта-Хъаьжин масех мурдан барт хилла, шайн устазан урд асарх цІандеш гІо дан. Амма цуьнан амал евзачу цара устазе ца хъахийна шайна дагадеанарг. Иза цхъанхъа ваха новкъаволуш лар а вина, шайн аьстеш а эцна, хъуьнан йистехъ Іуьллучу урда тІе бахана уьш.

Арахъ аьхкенан юьхъ хилла. Схъакхеттачу маьлхан зІаьнарша лепош хилла баца тІера а, диттийн гІаш тІера а тхин тІадамаш. Іуьйренан сирла хІаваъ декош хилла олхазарийн тайп-тайпанчу эшарша. Царал тІаьхъа ца йиса гІерташ, бацалахъ гІара эькхийтина йохкуш сагалматаш а хилла.

Шайн устазан урда тІера хъаьжкІаш асарх цІанъеш бохкучу мурдийн дегнаш а хилла шатайпа мукъаме эшарш локхуш.

Болх атта а, сиха а беш хилла цара. Дукха хан ялале хъаьжкІийн йоккха цхъа аса бецах, ярех цІанйина цара. ПаргІатъевлла хъаьжкІийн зІийдигаш, самаевлла, гІийлачу мохехъ техкаш, малхе кхевдда.

Шайн балхах баккхийбеш, ИндагІехъ жимма са а даьІна, юха а асар дан хІиттина мурдаш. Амма оццу хенахъ, салам а луш, веана царна тІехІоьттина Кунта-Хъаьжа. Салам схъа а оьцуш, шайн болх а сацийна, устазе хъаввсинчохъ бисина мурдаш.

- *ХІара хІун ду аш дийриг? Шубга хъан аьлла, сан урда тІехъ асар де?* - хеттаршка ваьлла Кунта-Хъаьжа.

- *Цхъамма а. Делахъ а, хъуна гІо дан лууш, даьхкинера тхо,* - бехкала бахана мурдаш.

- *Со хІинца а асар далуш ву. Ца хилча, ас эр*

дара. ХІинца аш хІун де шуна аьлча, шайн аьстеш а эций, сехъадовла. Ткъа аш асарх цІанійначу оцу меттиг тІера евр йолу хъаьжкІаш шун ю шуна. Гурахъ уьш дІаяхъа а дуьйла, - вистхилла Кунта-Хъаьжа.

Шайн устазо бохург дина мурдаша, дуьхьал дош а ца хьуш.

ХІетте а, мелла а халахетта хилла царна, устазо шайн гІо тІе ца лаяцна аьлла. Иза гучу Кунта-Хъаьжас, ІиндагІе охъа а лахвелла, шена улло охъаховша кхайкхина мурдашка. ТІаккха цо аьлла:

- Шуна хала ма хета, ас иштта аларна. Сайн куьйга къахъегначу, Дала сайна схъаделлачу рщкъанах бен, сайн дегІе пайда ца эцийта Делан дуьхъа дина ният ду сан, и дохо йиш а яц. Цундела шайн дегнашна хиллачу васана къинтІера а довла!

Цуьнан къамел дагахкхеттачу мурдийн бІаьргаш чу хиш диссина.

- Тхо девлла къинтІера! Хьо вала тхуна къинтІера, хъайга а ца хоттуш, тхо хъайн урда тІе дахкарна, - дехна цара.

- Со санна, Дела къинтІера волийла шуна! Вай хІинца, сан сискалх а кхеташ, жимма хан яхъа еза, луйш-олуш, - шен тІоьрмига чуьра шаршу юккъе хъарчийна сискал а, нехча а юккъе йиллина Кунта-Хъаьжас.

Шаьш еанарг охъайиллина мурдаша а. Иштта хІорш хилларш-лелларш дуьйцуш Іаш, делкъ-ламазан хан а хилла. Хъаьжица ламаз а дина, шаьш цІа бахка новкъабовлале, мурдех цхъаммо дехна устазе:

- Хъехам бехъа тхуна, Хъаьжа. Хъехам бехъа...

Цуьнан дехарна жоп луш, Кунта-Хъаьжас аьлла:

- Ас диъ хІума дуьйцуш ду шуна. Царах шиъ

аш дицдан дезаш ду, ткъа важа шиъ гуттар а дагахь латто дезаш ду. Шайш нахана дина дика дицделаш; иза аш дийцахь, и динера аьлла, Делера ял хир яц шуна. Шайна наха дина вон а дицделаш; иза дицдарца шу цунна генадовлу, иза шух дIакъаьста. Ткъа цкъа а диц ца деш, аш дагахь латто деза ши хIума: вай дала дезаш хилар а, Далла дуьхъалхIутта дезаш хилар а.

Иштта хьехам бинера Кунта-Хъаьжас шен мурдашна.

Дийцаре дан хаттарш

1. ХIунда лаьара мурдашна шайн устазана гIо дан? Муха ойланаш йора цара шайш болх беш? Аш дийр дарий и саннарг?

2. Кунта-Хъаьжа реза хIунда вацара мурдаша биначу балхана? Мурдашна шен декъа тIера ялта дала сацам хIунда бира Кунта-Хъаьжас? Мурдийн метта хилча, шуна хIун хетар дара?

3. Оцу масалан жамIаш муха ду: адамашна гIо дан оьшу я ца оьшу?

4. Шуна диний цхьаммо гIо, аш ма де а бохуш?

5. ХIунда дийхира Кунта-Хъаьжас мурдашка кьинтIерабовлар?

6. ХIунда елира Кунта-Хъаьжас царна шен сискал, уьш кьамел деш болуш?

7. Кунта-Хъаьжас муха хьекъал делира шен дешархошна? Шуна муха хета цо царна бина хьехамаш?

8. Кунта-Хъаьжас хIунда элира, вайн дика гIуллакхаш дицдан деза? ХIунда дицдан деза вай ваьшна дина зулам? Оцу хьехамо муха гIо дан тарло вайна дахарехь?

9. Шуна цхьа а вевзий хIинца Кунта-Хъаьжех тераниг?

НА ПРОПОЛКЕ

Однажды несколько мюридов Кунта-Хаджи договорились оказать помощь своему устазу в прополке его кукурузного участка. Но, зная его нрав, они не сказали устазу о своем намерении. Выждав время, когда тот куда-то отлучился, они взяли свои мотыги и направились к этому участку, расположенному на опушке леса.

Было это в начале лета. Капельки росы на траве и листьях деревьев ярко блестели в лучах восходящего солнца. В свежем утреннем воздухе звонко звучали разнообразные голоса птиц. Будто соревнуясь с ними, в траве звенели кузнечики.

Своеобразными мелодиями песен были наполнены и сердца мюридов, занимающихся прополкой кукурузного участка своего устаза. Работалось им легко и споро. За короткое время они очистили от сорняков широкую полосу. Высвободившиеся ростки кукурузы, будто проснувшись, потянулись к солнцу, нежно покачиваясь под легким ветерком.

Радуюсь результатам своего труда, немного отдохнув, мюриды снова принялись за работу. Но в это время, поздоровавшись, к ним подошел Кунта-Хаджи. Ответив на приветствие и прекратив работу, мюриды уставились на устаза.

- *Что это вы делаете? Кто вам поручил делать прополку на моем участке?* - спрашивает Кунта-Хаджи.

- *Никто. Но мы пришли, желая помочь тебе,* - виновато ответили мюриды.

- *Я еще сам в состоянии делать прополку. Если бы не был, то попросил бы помощи. Теперь возьмите свои мотыги и подойдите ко мне. А тот урожай кукурузы, который вырастет на прополотом вами участке, принадлежит вам. Осенью приходите за ним,* - не терпящим возражений голосом сказал Кунта-Хаджи.

Мюриды беспрекословно исполнили волю своего устаза.

Но они были несколько обижены тем, что устаз отказался от их помощи. Видевший это Кунта-Хаджи, присев в тени, подозвал мюридов к себе и сказал:

- *Не обижайтесь на меня. Во имя Аллаха я дал себе обет, что буду пользоваться только заработанным своим собственным трудом. Поэтому простите меня за причиненную обиду!*

У мюридов, тронутых его словами, глаза наполнились слезами.

- *Мы простили! Прости нас и ты за то, что мы пришли на твой участок без твоего ведома,* - попросили они.

- *Пусть Аллах простит вас, как я! А теперь мы проведем некоторое время вместе, отведаем мой чурек¹, поговорим,* - с этими словами Кунта-Хаджи достал из своей дорожной сумки свернутые салфетки и выложил из них чурек и сыр.

Достали свои припасы и мюриды. Так, за едой, в разговорах о былом, они просидели до полуденного намаза, а потом, совершили намаз с хаджой. Перед тем, как отправиться домой, один из мюридов попросил устаза:

¹ Чурек - хлеб из кукурузной муки.

- *Сделай нам наставление. Дай совет...*

Отвечая на его просьбу, Кунта-Хаджи сказал:

- *Я расскажу вам о четырех вещах. О двух из них вы должны забыть, о других двух помнить постоянно. Забудьте о добре, которое вы сделали людям; если вы будете рассказывать об этом, Аллах не воздаст вам за него. Забудьте и о зле, которое вам причинили люди; забвением своим вы отдалитесь от него, и оно покинет вас. Но никогда не забывать, всегда помнить вы должны о следующих двух вещах: о том, что мы должны умереть, и о том, что должны предстать перед Аллахом.*

Такое наставление сделал Кунта-Хаджи своим мюридам.

*Перевел с чеченского языка
Эльбрус Минкаилов*

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 497 и 498.

1. Почему мюриды хотели помочь своему устазу? Что они чувствовали во время работы? Сделали бы вы то же самое?

2. Почему устаз Кунта-Хаджи был недоволен прополкой мюридов? Почему Кунта-Хаджи решил отдать мюридам урожай с прополотого участка своего поля? Если бы вы были мюридами, что бы вы почувствовали?

3. Означает ли этот пример, что не нужно помогать другим?

4. Пытался ли вам кто-то помогать, когда вы этого не хотели?

5. Почему Кунта-Хаджи попросил у мюридов прощение?

6. Почему Кунта-Хаджи предложил им свой чурек, когда они разговаривали?

7. Какое наставление дал Кунта-Хаджи своим ученикам? Что вы думаете о его совете?

8. Зачем Кунта-Хаджи предложил забыть о наших добрых делах? И почему мы должны забыть о зле, которое нам причинили? Как это наставление может помочь нам в жизни?

9. Знаете ли вы кого-нибудь, кто сейчас похож на Кунта-Хаджи?

10. *Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: “*Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства*”. Как, вы думаете, клятва Кунта-Хаджи выполнять свою работу соотносится со *Статьей 1*? Каким образом, по-Вашему, извинения перед своим учеником относятся к *Статье 1*?

WEEDING THE FIELD

By Musa Akhmadov

It happened one day that several Murids agreed to help out in weeding Kunta-Hadji's field of maize (Murids are Muslims who follow a spiritual guide.) They took care not to tell their Ustaz (An Ustaz is a spiritual guide.) about their plan, for they knew his temperament well. Instead, they waited for a while, and then - when he had gone away for some reason or other - they set off towards the field, which lay along the edge of the forest.

All this took place at the beginning of summer. Drops of dew hung on the grass, and leaves sparkled in the rays of the rising sun. A varied chorus of birds filled the fresh morning air, and crickets sang in the grass as if in competition.

The followers of the Sheikh sang their own songs as they set about weeding their teacher's field of maize. They worked quickly and easily. Soon a wide strip of land had been cleared of weeds. As if they had awoken, the shoots of maize seemed to stretch toward the sun, swaying in the gentle breeze.

The Murids were pleased with the result of their work. They rested awhile, then set to work all over again. But then Kuntahadji himself hailed them and came over to see what they were doing. They stopped work and greeted him in turn. Then they looked intently at their teacher.

"What are you doing? Who told you to go weeding in my field?" Kunta-Hadji asked them. The Murids'

answer was apologetic. “Nobody. We came along here because we wanted to help you.”

“I’m still perfectly able to do the weeding myself. If I weren’t, I would ask for your help. Now pick up your hoes and come here. All the maize that grows in the part of the field that you’ve weeded - it will all belong to you. In autumn you can come and get it.”

Kunta-Hadji’s voice sounded displeased and upset.

The Murids obeyed their teacher without protest. But they felt hurt because their teacher had refused to let them help him. He sat down in the shade, called his followers to gather round, then he said, “Don’t be angry with me. I made a vow in the name of Allah that I would make use of only what I had gained by my own labor. So please forgive me for the hurt I have caused.”

The Murids were deeply moved. Their eyes filled with tears. They replied, “How can we forgive You? Please forgive us for coming onto your field without your knowledge.”

“May Allah forgive you - as I do! Now let’s spend some time together. We can try my maize bread...and talk things over.” With these words Kunta-Hadji opened his traveller’s knapsack, produced folded napkins, and offered them maize-bread and cheese.

In turn, Murids offered what they had, and thus time passed - in eating and chatting about what had happened, until the hour of noontide prayer. They performed the rite with great devotion, and before they left for home, one of the Murids made a request of their Teacher.

“Instruct us, please. Give us counsel.”

Kunta-Hadji spoke in answer to their request. “I will speak of four things. Two of them you must forget, and the other two you must constantly remember. Forget about the acts of kindness which you are able to do for others. If you speak of them in public, Allah will give you no reward. Forget about the evil which others have done to you. For by your forgetting you will forsake it, and in its turn it will forsake you too. But never forget - always keep in mind - that we must die, and that we must appear before Allah”. Such was the instruction that Kunta-Hadji gave to his followers.

*Translated from Chechen
by El'brus Minkailov*

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 497 and 498.

1. Why did the followers want to help their teacher? How did the followers feel while weeding? Would you have done the same thing?

2. Why was the Murids' teacher, Kunta-Hadji, displeased at their weeding his field? Why did Kunta-Hadji give the Murids the maize from that part of the field? If you were a follower, how would you have felt?

3. Does this situation mean that we should not help others?

4. Has anyone tried to help you when you didn't want it?

5. Why did Kunta-Hadji ask for the Murids' forgiveness?

6. Why do you think Kunta-Hadji offered them his maize-bread while they talked?

7. What advice did Kunta-Hadji give to his followers? How do you feel about the advice?

8. Why do you think Kunta-Hadji said we should forget about our acts of kindness? And why should we forget about the evil others have done to us? How could this guidance be helpful in your life?

9. Do you know anyone - ordinary or famous - in our times who resembles Kunta-Hadji?

10. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

- How do you think Kunta-Hadji's vow of doing his own work relates to Article 1?

- How do you think his apology to his students relates to Article 1?

- Do you think Kunta-Hadji wanted to be treated as having higher status? How is this shown in the story?

- Have you ever experienced someone who society has granted as of higher status, treat you as a friend, with respect, or with kindness? Tell about it.

БОЧИА

Воккха стаг БочІа шен дехачу дахарехъ, кхузткъе иттех сов шо дара цуьнан, дуьххъара цомгуш хиллера, метта охъа а вуьжуш. Цундела, вевза-везачуьнга хъажа вар ца лерича, больницехъ дуьххъара нисвеллера иза.

Ахкаргашкахъ сингаттам болчу БочІига лъоро операци ян еза аьллера селхана. Воккха стаг цкъа хьалха, сан хІокху дуьненахъ яккха йисинарг дукха хан а яц, кхаьрга сайх куьйгаш а ца доьттуьйтуш, Іожаллина къера хилла, кІелсоцур ву-кх аьлла, чІагІвелира. Амма делкъехъ хилла, шена гергахъ, тІаьххъара цуьнан и сацам, де суьйренга лестича, даг чу лелхачу цхъацца шеконаша (*“Магара, со тавала...”*) мелла а гІелбира.

Буйсанна воккхачу стагана тайп-тайпана гІенаш гира: цунна гергахъ, вон а, дика а. Вонаш: даьржина хиш, белла нах, цІий. Диканаш: сийна екхна стигал, баьцарчу басахъ ежа кІайн говраш. Цундела БочІас и гІенаш, хьалха санна, тида а ца туьдуш, Іадда дитира. Цунна хетарехъ, иштта бІостанехъа маьІна дан мега гІенаш гар хІокхуьнан валар иманца ца хилийтархъама гонах девлладчу шайтІанийн болх бара. Бакъду, хІокху тІаьхъарчу итт шарахъ цкъа а гІенах гина а воцучу ден сурт набарх шена дуьхьалтасаро иза, шен цамгар йицъяйтина, ойланашка ваьккхира. Макх а велла, цхъа хІума, цуьнан юьхъах хаалора, иза хаза хІума доцийла, дагалоьцуш Іийра иза, сатаса серлаяльчахъана дуьххъарлера маьлхан зІаьнарш шен корах чукхетталц. ТІаккха цо: *“Дада, хъуна дуьхьалван йиш йолуш-м вац хъуна со. ХІун дийр ду ас, сан ницкъ ца кхечи-кх и схъакаро”*, - элира, метта кІегар а хууш.

Ткъа операци яйтарна тӀехь ойла сецира цуьнан. БочӀина хаара, шен дахарехь яккха йиснарғ кӀезиг хан юйла. ХӀетте а, цу “бакъдуйненчу”, - цигахь шен да а, шиъ ваша а, кхин дуккха а бевза-безарш боллушехь, дӀаваха-м ца лабара цунна.

Екхна бӀаьстенан стигал гича, цунна дагайогура шен кергара заза доккху Ӏежийн, кхорийн беш. Царна тӀехь Ӏуналла дан ма оьшура и. ЧӀога дӀавоьллера БочӀа оцу бешах. Цунна наггахь хеталора, дитташ а, адамаш санна, чохь садолуш ду аьлла. Цу тӀе, наггахь цунна-м оцу дитташна ша шен юьртахошначул а дукхах оьшуш санна а хетара.

Цул сов, дуьххьара ло тесначу дийнахь, белшах топ а оьллина, хьуьнахахула кӀадваллалц эхханна талла ваха араваьлча, мел хаза хуьлу...

Ткъа дога догучу я дарц долчу буса, кхехкаш кхьош я жижиг долуш, шен оза меженаш цӀаре йох а йойтуш, къамелаш дечу Секимате (БочӀин зуда яра иза) ладоьгуш Ӏаш?..

И тайпа хазахета, хӀара юх-юха а дан кийча волу кхо шайга сатуьйсу хӀуманаш дуккха а дара БочӀин дахарехь. Цундела Ӏуьйранна, кӀайн халат а юьйхина, даима ма-хиллара, цхьана хӀуманан ойла еш волу лор - ткъе итт сов шо долу Хьайд, шен палати чу веача, цо дӀахайтира, ша операци яйта резахилар.

ТӀаккха дукха хан ялале, цхьана кхьоблинчу дийнахь, БочӀина операци йира, стоьла тӀе вахвеш охьа а виллина.

ХӀара, меттавеача, маьнги тӀехь Ӏуьллера, ткъа стигал кхо синкхетамехь воцуш якккхинчу юкъана, цкъа а марха ца гича санна, цӀаньяла кхийнера.

Льоро а, медийжарша а тӀехь дика Ӏуналла а деш, сихха товала вуьйлира БочӀа. “ХӀокху льоро

дахди-кх сан дахар. Дала мукъалахъ, цунна цхъа дика дийр ду-кх ас, вала ца леш висахъ", - бохуш, ойла йора БочІас кест-кеста. И шен ойла дахарехъ кхочушгъярхъама, воккха стаг юх-юха а къамеле вуйлтура шен лобраца. Цул сов, БочІас цкъа Секимате цІера дакъийна уьстагІан жижиг а даийтира цунна. Иза, БочІина хетарехъ, уггаре а дика совгІат дара, лобро, цкъа хъалха чІогІа дуьхъал а ваьлла, юха, дархочунна халахетийта а ца лиьна, халла дІаийцира. ДІаэцнехъ а, лобро йиначу дуьхъалонах БочІина хиира, жижиг цунна кхин башха оьшуш цахилар.

ХІетте а, хъайна дика диначунна дуьхъал дика дан а, вонна дуьхъал вон дан а ницкъ болуш ца хилча, дош ма дац, бохучу кхетамо денна а садуура БочІин.

Эххар а воккхачу стагана хаа-м хиира, Хъаидна оьшург хІун ю. Иза чен цІока хиллера.

Цхъана дийнахъ меллаша, Іасанна тІе а тІеІаш, больницан паркехула хІара волавелла лелаш, кхунна хезира лобро шен накъостаца деш долу къамел.

Цо бохура:

- *Ткъе итт туьма лур дара-кх ас чен цІоканах.*

- *Ой, хІун дан воллу хьо цунах, оццул боккха мах а белла, и эцна?*

- *Цхъа цІа кечдеш ву со ширачу куьцехъ, цу чу таса езара суна.*

Нийсса ши шо хъалха БочІина Хъаид вевзинехъ, цо цунна лур яра шен чен цІока. Оцу цІоканан да цо шина дийнахъ вийра. Хъалхарчу дийнахъ, топ кхетта иза коьллаш юккъехъ къайлаяьлча, кхин цунна тІаьхъаваха ца хІуттуш, цІа вахара.

ШолгІачу дийнахъ шеца накъост а валош вуха а веана оцу меттехула толлуш лелаш, БочІа юха а тІеІоттавелира ша тІом биначу чена. Иза, чов хилла,

багах цИий а оьхуш, и цИий юха кога тІера маттаца хьала а дууш, йобжна Іуьллура. БочІас шозза топ туйьхира цунна, тоьхна ваьллачул тІаьхьа чІоҫа дохко а волуш. Чено, ша леш, хьаькхна гІийла, дог лозуьйту мохь БочІина хІинца а биц ца беллера.

Цунна тІера яьккхина цІока яра БочІин чохь кхозуш. Иза цо гІалара шайн юьрта веанчу баьшна корта а, гатанан хеча а йолчу жимачу стагана елира.

Иза ткье шиь шо хир долуш жима кьонах вара, даима шеца лелош суьрташ дохку гІирсаш а болуш. Цо схьадийцарехь, кхеран юьрта суьрташ дахка а, “дохновени” боху цхьа хІума яхьа а веанера иза. И хІума кхузарчу баккхийчу нахана цкьа а гина а яцара, цундела кхузткье пхийтта шо хир долчу Къарибата ала а элира гІаларчу хьеше:

- *КІант, со хІума хаьал хилчахьана, хІокху юьртахь Іийна а ю, хІетте а суна и ахь юьйцу “дохновени” боху хІума гина а, я юьйцу хезна а яц хьуна. Эрна кхузахь кьа а ца хьобгуш, кхечу юьртахь хІунда ца хьожу хьо?*

ГІалара веанчу хьешо, вела а кьежаш:

- *Суна карор ю хьуна и-м, - аьлла, тесна дитира шена дина хьехар.*

БочІас и кІант ша волчу Іен чукхайкхира, цо арахь баннаш чохь буьйсанаш йоху аьлла а хезна. Цундела цуьнан хІора суьйранна кьамел дан стаг хуьлура.

- *И кІозарш охьа а хецна, вайн гІиллакхаш а дицдина лела хІинцалера кегий нах. Баккхий нах ца лору. Ткьа ас даима, кхин тІе а ца болуьйтуш, хьоккхий дІабошуьйту сайн корта...*

БочІина чІоҫа хазахийтира гІалара веанчу хьешо шен корта дайн гІиллакхаш лоруш дІабашийтар. Бакьдерг дийцича, Алмохьмада (иштта ю аьллера

цо БочИга шен цІе) цхъа гІиллакх дагадеана а ца динера и хІума. Корта цо шен месаш охъаэга йоьлча, кІунзал баларна кхера а велла, дІабашийтинера.

Юьхъанца чІогІа дика кІант хеттехъ а, тІаьхъ-тІаьхъа БочІина ца деза хІуманаш а гучудуьйлуро хъешан амалехъ. Уьш цо шех лаьцна дукха дийцар а (*“Со, суьрташ дехкина ца Іаш, назманаш язъеш а ву”*, *“ас выставкехъ хъалхара меттиг яьккхира”* и дІ. кх.), цул сов и *“чІогІа хъекъал долуш”* хилар а дара.

Къамел дечу хенахъ Алмохъмада дош а ца кхочуьйтура БочИга. Ша мел ала дезарг а, ца аьлча мегарг а - дерриге а Алмохъмада олура. Цул сов, халла шена дош ала аьтто а баьккхина, дукхахьолахъ баккхийчу наха деш ма-хиллара, хъехаран кепехъ БочІас къамел долиьча, кхуьнга *“хІаа”* бохуш ца Іаш, жима стаг, къамел шен кара а оьций, БочІина дагахъ мел хилларг а, цуьнан дагахъ цахилларг а дийца волалора. Нагахъ БочІа цец а волура, деллахъ, тІехъаьжча къона велахъ а, сел дукха хуу хІара сол къена-м вац-теша, олий.

Шен хъешана, иштта галъевлла амалш цуьнца елахъ а, БочІас мел хала хиллехъ а, цо еха ма-ийьххи, цІока дІаелира.

Хъешо ехнарг ца яла йиш ма яц. Иза БочІина, нанна хъанал хилар санна, деза, кхочушдан дезаш хІума дара.

Алмохъмадна чІогІа хазахийтира шена и цІока елла, цо иза сихха ги тосучу тІоьрмиг чу а йиллира. ТІаккха цо воккхачу стаге дІахайитира, ша и волчу кест-кестта вогІург хилар, дуьххъара вогІуш кхунна масех пачка тоьпан молха а, чаччамаш а, брезентан

плащ а, масех метр гена серло туху панар а, кхин дуккха а БочІина юьйцу а ца хезна тамашийна цІерш йолу хІуманаш а яхьаш. БочІа, баккъл а чІоҫа уьш схьакхаьчна евлча санна, эхь хетта, шен воккха хиларе ца хьожуш, жима бер санна, цІий а велла, “*хІан-хІа, ца овшу*” бохуш, шабарш деш лаьттара. Цунна даима а стага шен дош кхочуш ца дан йиш яц моьттура. Муха мегар ду и кхочуш ца дан? Дош кхочуш цадар БочІина, верзана эвла юккье валар санна, акха дара. Цундела цунна дага а ца деара, Алмохьмад шайн юьртахь кхин цкъа а гучу а вер вац бохург. Амма и иштта хилира.

И цІока лур яра БочІас ша товинчу лобрана, хІинца и елхьара. Елларг елла яьлла. Йоцчунна хІун дийр ду? Ойла йина-а, БочІас сацам бира, товелча, тІаьххьара цхьа эхха ден а, цуьнан цІока лобрана яла а. ХІетахь чено и гІийла мохь хьаькхчахьана, БочІас чІаҫо йинера кхин цхьана а экханна топ ца тоха. Хьуьнха водахь а, иза иштта дІа, белшах топ а тосий, волалой лелара. ХІинца и чІаҫо, ша товелча, цкъа йохо сацам бира цо. Амма и хила-м ца хилира.

Цкъа цхьана сарахь БочІина, шайн палати чуьрчу накъостаца къамеле ваьлла Іаш, хезира:

- *Вайн Хьаидан да а ву кхузахь Іуьллуш.*

- *Вуй, муьлхачу палати чохь ву иза?*

- *Терапевтически отделенехь пхийтталгІачу палати чохь ву.*

И къамел хиллачул тІаьхьа БочІа терапевтически отделени вахара, Хьаидан да схьа а лехна, цуьнца къамеле вала, цуьнга Хьаид Іаламат чІоҫа дика стаг хиларх дийца, цуьнга “*Дала маршалла дойла хьуна*” ала...

ПхийтгалгІачу палати чохъ аддам а дацара, хІара дІакхаъчча. Сени чохъ лаьтгачу цхъана жимачу стага:

- *Хьуна мила оьшура?* - аьлла, хаьттира цуьнга.

- *Суна Хьаидан да оьшура.*

- *Хирурган да вуьйций ахъ? Иза хІиница схъавогІур ву, шен гІуллакхе вахана и.*

Цо и аьлла дукха хан а ялале, халла ши ког а текхош, юьхъ, пен санна, кІай а елла, цхъа адам делира гучу. Жимачу стага БочІига, и ву Хьаидан да, элира. Лекхачу дегІахъ, доккха ши лерг, яьлла маж а йолуш волу и БочІина цкъа цхъанхъа шена гиначух тера хийтира. Бакьду, БочІина и атта вевзар-м вацара, нагахъ санна цу шиннан бІаьргийн хъажар вовшах ца кхеттехъара. ОхІо-о, и вара БочІас хІокху дехачу шовзткъе итт шарахъ лобхург. Цундела ,бос баьхъана, хІара дукха цІеххъана хиларна, ша хІун дийр ду а ца хууш, воьхна хъаьвзира иза. Цуьнан лахара балда а, куьйгаш а дего дуьйлира. Ткъа важа, хІара вевзина кхунах къаьхкинехъ а, я вовзаза, цу чохъ цхъа гІуллакх хиллехъ а, шен чу схъа а ца вогІуш, луларчу ейтгалгІачу палати чу хъаьвзира.

БочІа, коьрта чохъ ойланех кегарий а хилла, дан дезарг сихха къасто, шен палата йолчу агІор дІавахара, шеца лаьттина жима стаг цецваьллачохъ а вуьтуш.

ХІаь, и стаг БочІас хІокху шовзткъе итт шарахъ лехнарг вара. Цо шен куьйга хІаллак ма винера БочІин да а, цуьнан воккхахволу ши ваша а.

Иза иштта хиллера.

БочІина тахана гина стаг (Барзанакъа яра цуьнан цІе) Варш-Юьртахъ тІебаьхкинчу нахах вара. Ша жима стаг волчу хенахъ, цо БочІин шичин Заманан куьг лаьцнера, цо асар дечу кха тІе а вахана. И

бахъанехъ БочІин воккхахволчу шина вашас - Баудиссий, Іаднаний, Барзанақъа схъа а лаьцна, цунна тІера хеча яьккхинера. И дов-дацар юккье бевллачу баккхийчу наха, там-текъам бина, дІадерзийра.

Амма Барзанақъина дицделла ца хиллера и хІума. Цо сацам бина хиллера, Овтархин доьзална “бекхам” бан. И цо кхочуш а дира.

Шуйта-гІаларчу цхъана хъаькамна етт а, пхийтта гирда ялта а делла, барт а бина (*“Іедална дуьхъала болу обаргаш кхобуш бу”*), харц цІе кхоьллина, Овтарха а, цуьнан ши кІант Бауди а, Іаднан а лацийтира Барзанақъас.

Шаьш кхоьллинарг дерриге а бакъхилар (тІулг хи хилар) Барзанақъас а, цуьнан накъосташа а суьдехъ, бІаьрг тІе бІаьрг а хІоттийна, чІагІдира. Иштта оцу лацарх кхин цІа ца воьрзуш, тІепаза вайра БочІин дай, ши ваший.

БочІин хІетахъ пхийтталгІа шо дара. Цо хІетахъ чІагІо йира, шен ден лаам, хІуьу хилахъ а, кхочуш-бан - Барзанақъера чІир эца.

Амма Барзанақъа, ша и бохам биначул тІаьхъа ах шо а далале, Варш-Юьртара дІавахара. ХІетахъ дуьйна БочІина мел лехарх кара а ца вира иза. Иттеш шо даьлча, цхъаболчара дуьйцура, иза, цо лелийна харцонаш бахъанехъ, лаьцна, бохуш. Амма и билггала чувоеьллина мичахъ ву хууш стагга а вацара. Ткъа хІинца...

ХІаь, хІинца къена-къанвеллачу, цамгарша дегІ лаьцначу, меженаш малъеллачу дийнахъ карийра БочІина шен мостагІ. Маржа, нийсса итт шо хьалха хилла делара хІара. БочІига-м хІинца экханна а топ ма ца тохало.

“ХІан-хІа, кѳонах хила веза, хѳайна дика диначунна дика дан а деза, вон диначунна - вон... Иза вала воллуш ву... Хилча хІун ду? Могаш воцуш ма вара Дада а цо лоцуѳйтуш. Цо-м кхо стаг вийний.

Царна дуѳхѳал муха гІур ву, церан чІур ца оѳцуш? Ткѳа хІара лор цуѳнан кІант хили. Цо ма ваѳккхина со лечуѳра кІелхѳара. Везан Дела, хІара иштта хІунда нисдели-техѳа. Цхѳа гІуда хир ду-кх хІара. Со Іожаллех кІелхѳараваѳккхинчун да вен деза-кх сан. И мегар дуѳ? Мегар ду. Цуѳнан кІанта ца дича а, изза кхечу лѳвро а дийр дара. Дала ца товича, стаг товала йиш яц. Сан рицкѳ хиларна цамгарх кІелхѳараваѳккхи-кх со Дала. Ткѳа хІокху лѳраша лелораш “бахѳанаш” ду. ЧІур эца еза-кх цунах, чІур эца”. - Иштта яра БочІин тайп-тайпанчу ойланех коѳртанаш.

Амма воккхачу стеган тІаѳххѳара хиллачу сацамна дуѳхѳал цуѳнан кхетаман кІоргенехъ Іуѳллуш долу цхѳа аз дара. Оцу озо, и стаг вен ца веза, бохура. Ша бохург бакѳхилар чІагІдан оцу озан маситта бахѳана а дара. БочІа кхоѳрура оцу озах, ша ца кхоѳру моттийтахъ а. Цундела цо иза нуѳцкѳала шен кхетаман кІоргенехъ латтадора, и маѳлхе а даѳккхина, цо бохучуѳнга ла ца дугІуш. Амма и аз ондда ницкѳ болуш-м дара.

Суѳйранна массаѳрца а цхѳаѳна хІума кхалла вахара БочІа, кхин хІумма а ца хиллачуа. Бакѳду, БочІа столови хІума кхалларал дукхах шена урс дан вахара. БочІина шегахъ а, я шеца чохъ болчу накѳосташкахъ а ца карийра жимма а пайден долу урс. Ткѳа хІокху столови чохъ юѳстахо лаѳттачу

стоьла тЕхь гуттар а бепиг хадош Ёуьллу урс ира а, гЕххьачул доккха а дара. БочІас, стенна делахь а, хьалххехь тидам бинера цуьнан.

Столови хІара дІакхаьчча, масех стаг бен ца висинера хІума юуш. Важа дархой, йиьна а бевлла, дІабахнера, схьа ца бахкалуш, юург тЕкхехьа дезарш ца лерича. Шен кхачанах мотт дІа а ца тухуш, хаддаза лакха маьШехь, стоьла тЕхь Ёуьллучу уьрсан тидам бора БочІас. ХІара иштта Іаш тергалвира столовехь юург лелочу цхьана зудчо. *“ЦІера мерза хІума еана хир ю воккхачу стагана, цундела кхача ца буу”*, - оила йира цо. Ткъа БочІас, иза шега хьобжийла а хиьна, шена ца еззашехь, жимма кисель мелира.

Эххар а, массо дІа а вахана, ша висира БочІа. Столовин белхало дІайоьрзу тергал а йина, тЕе а вахана, меллаша урс схьайцира цо. Амма урс шен пхьуйша чу хьалалачкъийна валале, гучувелира. ГЕххьа воьхна а висина, сихха стоьла тЕе шен метта охьадиллира БочІас урс. Амма и юург схьалушьберг дика, эсала зуда хиллера. Цо:

- *Воккха стаг, и урс, хьайна эшахь, хьуо, кхана схьадохьур ахь*, - элира.

Цул тІаьхьа иштта оила йира цо: *“ЦІера шена деана жижиг я кхин цхьа хІума хадо воллу хир ву”*. Ткъа БочІа, кхин вист а ца хуьлуш, сихха урс схьа а эцна, чувахара.

Чувеьча, шен “герз” гІайбин буха дІа а диллина, метта а ваьлла, дІатийра БочІа.

Тайп-тайпанчу ойланаша корта сийсабора воккхачу стеган.

Шен дехачу дахарехь иштта хала киртиг БочІина, цунна дага а догІуш, масехазза бен тЕкхьачна а яцара.

“Вонна дуьхьал вон дан деза. Ас и дан деза”, - иштта яра БочІин коьртехь йолчу ойланех уггаре а нуьцкъалниг.

Цунна бІостанехъа а, мелла а дуьхьал а кхин тайпа ойланаш а яра воккхачу стеган. Амма уьш оцу нуьцкъалчу ойлано, дистинчу хиэ такхийна хьо бежана, адам, экха, - чалх санна, цара ен дуьхьало, оцу хиэ хІаллакдечу чохь садолчу хІумано йийриг санна, атта иэшощ, шен новкъа дІахьора.

БочІа иштта ойланаш еш Іаш, итт сахът а делира, цомгуш нах дІа а тийра. Эххар а воккхачу стагана, цуьнан лаамаза, набаран тар тесира. Цунна иштта гІан гира.

ІаьнтІехь ду иза. Арахь диллина доккха ло а, хьобкхуш шийла мох а бу. Амма кхеран чохь йовха ю. Паднара тІехь, баьрччехь, хиьна Іа кхеран да Овтарха. Воккхахволу ши ваша а ву цхьана хІуманех лаьцна къамел деш. БочІин нана хьолтІамаш еш йоллу.

Ткъа оцу хенахь цІийнан неІ кагло (цуьнца цхьаьна чухьокху шийла дарц, кхерчара цІе а гІельеш). ТІаккха БочІин жимахйолу йиша Непий, кхеран наний цхьана лаьмнаш юккъехь Іуьллучу есачу арахь хуьлу. КогашІуьйра бу хІорш массо а. БочІа когаш шеллуш, велха ца велха, халла садетташ лаьтта. Карахь чоблпа а долуш ю БочІин нана.

Геннахь, и аре чекхйоллучохь, бодашкара гучудолу кхеран цІа. Кхехкийна жижиг чохь долу бога а, галнаш чохь кхехка яй а ара а боккхий, лай тІе охьахІоттабо Барзанакъас. ТІаккха цо, тІехьара тІе дечиг гІортош, дІакъовлу хІокхеран цІийнан неІ. ЦІеххьана цхьа аз а хезий, ирхьхьожу БочІа. Кхоблана стигал, лаьмнаш ду, мархийн, дахкаран

Йозалла ца лалуш, букар а сеттина, лаьтгаш. Юха а аз хеза БочІа. Иза хьенан ду? Кхуьнан ден аз дац иза? Ду, кхуьнга кхойкхуш. Геннахь гун кхеран цІа даго, гІожан буьххьехь хьарчийначу бехчалгах латийна цІе а обций, дІаволало Барзанақъа. Оцу цІаро серладаьккхинчу корехь гучуйовлу Овтархин, Баудин, Іаднанан яххьаш. Уьш корах арабовла гІерта, амма бовла ца ло - кор дукха готта ду. Тқъа Барзанақъа тІекхочу цІенна, карахь цІе а йолуш.

Эццахь БочІа ша ма-вадало дІавада гІурту шайн цІа долчу агІор. Амма ши ког дІалаьцча санна, ша волччохь, мохь а болуш, вуьсу и...

Эццахь, мелчу хьацарх верриг ваша а вешна, гинарг гІенах хиларна чІогІа воккха а веш, самавелира БочІа.

Амма цуьнан воккхавер сихха дайра, гІайбин кІелахь Іуьллу урс а, иза даран бахьана а шена дага ма-дебанехь. *“Хирг дІа хир ду-кх. Дала кЪилахь ма лорийла хьо. Сайн ден чІур ца эцча волий со?..”* - маьнги тІера лаьтта воьссира БочІа.

Оцу хенахь корах чукхетгачу беттасин серлоно кЪагийра чоб. ГІийла гІовгІа еш лестара палатин коран хьалхара лекхачу таьллийн гІаш.

Шен гІайбин бухара урс пхьуьйша чу хьала а лаьцна, меллаша неІ а цІовзош, сени чу велира БочІа. Массо стаг а дІатийнера. Буьйсанна кхо сахьт даьлла хан яра.

Хорша еача санна, сихха хирургически отделенехула чекх а ваьлла, лаха маьІехь йолу цхьа неІ схьайиллира цо. Кхузахь а аддам а дацара. Цхьанаэшшарехь цомгушчу наха доху синош а, юкЪ-

кара цара туху йовхарш а ца лерича, цхьаммо а йоха ца йора тийналла. Зевне тийналла.

Кху сени чохь яга езачу дийнан серло лучу еа лампанах йогург цхьаь бен яцара. Цундела гIеххьачул сов кхоьлина яра сени чохь. “*Дукха сирла ца хилча, дикахо ду*”, - и ойла хилира БочIин.

Къу санна, тебна, гIовгIа ца ян гIерташ, вoьду БочIа эххар а дIакхечира пхийтталгIачу палатин неIаре. Ах тIех оьккхуйтуш басар хьакхначу ангалин неIарх, хьалаайавелла, когийн баххьаш тIе а хIоьттина, чухьаьжира иза. Барзанакъа кора хьалха лаьттачу маьнги тIехь Iуьллора, кест-кеста, кIажьоьхуш, йовхарш а еш. Цуьнан можа, худаелла юьхь серлаяьккхинера корах чукхеттачу беттасино.

“*XIинца, неI схьа а йиллина, чуэккха веза*”, - ойла йира БочIас.

Амма цо и кхочуш-м ца дира. Цунна бехке БочIас нуьцкъала шен кхетаман кIоргенехь латтош долу цхьа аз дара. XIетте а воккхачу стагана хаа-м ца хаьара иза.

“*Иза цхьана агIор дIавирзичахьана, чохьа вер ву со*”, - ша хьембар ойланехь кIелхьарадаьккхи-ра цо.

Амма и бахьана дIаделира сихха: БочIа шолгIа корах чухьаьжча, Барзанакъа агIор а вирзина Iуьллора. Схьадала гIерташ санна, детталора дог.

“*Лелий вала!*” - бохура цуьнга кхетаман лакхарчу тIегIанахь йолчу ойлано.

Амма кхетаман уггар а кIоргенехь долчу озо къаьсташ хIумма а ца бохура, хIетте а и нуьцкъала дара чIире кхойкхучу ойланал. Цундела иза хIинца а сацавелира. Цу тIе оцу сохьтехь ейтталгIачу палати

чуьра цхьа дархо, меллаша неI а йиллина, сени чу велира. БочIа, ша ца гайта, неIарал совбаьллачу пенна тIехьа лечкьира. И дархо, кхин хIара волчу агIор схьа а ца хьожуш, дIа а вирзина, шен гIуллакхе вахара.

“ХIара кьайлаваьлча, дийр ду ас иза”. Амма и кьайлаваьлча а, хIумма а ца хилира. Юха а кIелхьаравала бахьана карийра БочIина: *“Иза юха чу а вахийтина...”*

Дархо юха а вирзира, шен чу а вахана, маьнга а цIовзош, охьа а вижира. БочIа-м Iадда лаьттара. ХIинца цхьа а бахьана дацара цунна карош, ша и сихха кхочуш ца деш хьембар кIелхьарадаккха. Меттахъхьовш адам а дацара.

Барзанакьа букь берзийна Iуьллур, БочIин карахь урс а дара... ХIун оьшура кхин шен ден, шина вешин чIир эца дезачунна?

БочIас, халла цхьа ког а баьккхина, пхийтталгIачу палатин неI жимма дIайиллира. Амма цул тIаьхьа, кхехкаш лаьттачу яй тIера негIар схьаэцча, цу чуьра гIуьттучу Iаьнаро дагийча санна, неIаран тIам лаьцна куьг сихха схьадаьккхира цо. Оцу юкьана иза корох чукхеттачу беттасин серло ган а кхира. (Ткьа сени ах бодашкахь яра.)

- Муха хета хьуна, воккха стаг, са-м ца гатдо ахь? Кестта ира а хIуттур ву. Вала-м кхуьур ву хьо, валар ма хьехаделахь. Цкьа собардел, синпхене хьажа вайша, - кхунна юххе охьалахло кIайн духар дуьйхина стаг.

Корох чукхеттачу малхо серлаяьккхина палата. Дог-ойла а серлаяьккхина лобран дешнаша.

- Баркалла хъуна, Хъаид.

...Шен кога тѣра цѣий хъала а дууш хиъна Іа ча. Цуънан бѣаьргех хин тѣадамаш оьху. Гѣийлла “гѣам-гѣим” до цо. “Гор-ров”- евли тоьпаш...

Цхъана секундехъ и ши сурт чекхъиккхира БочІин кхетамехула.

Ша неІара тѣра, муха волу а ца хууш, цхъа ког юхаваьлтча, БочІа кхийтира, шега иза цкъаллиг цкъа а далург цахиларх.

Тѣаккха цо, йоккха гѣовгѣа а йоккхуш, охъакхоьссира шен карара урс. Цуънан бѣаьргех даккхий хин тѣадамаш девлира, хІара больница а, дерриге а наб кхетта Іалам а, дуьне а самадоккхуш мохъ тоха дог хилира цуънан. Халахетар, оьгѣазалла, доглазар, кхин дуккха а адамо цѣерш тахказа болу синхаамаш чохъ болуш хир бара и мохъ. Амма кхетаман кѣоргенехъ долчу оцу цхъана озо саційра иза дуьнене ца болуьйтуш.

Ткъа БочІа, ша лелориг къасталуш а воцуш, хъалхарчу этажа тѣе охъа а воьссина, хиъна Іашшехъ набарна тар озийначу тѣехъ кѣайн халат йолчу зудчунна уллохула, неІарна тоьхна догѣа юха а хъовзош, больницан кетѣа велира.

Стигала кхевдда, бѣаьстенан мелачу мохо къона гѣаш лестош, лаьтта таьллаш. Церан деха Іиндагѣаш Іохку кетѣахъ. Беттасин серло литтало цѣеначу хІавааьхъ, таьллин генашлахъ, гѣашлахъ. Органан гѣовгѣа хеза.

Ткъа БочІа-м, больницан кех а ваьлла, Варш-Юрт йолчу агѣор дѣавоьдура, хецца, бер санна, гѣаггѣанехъ велха а воьлхуш.

Цо наг-наггахъ, велхарна юккъехула, БочІа ша а воцуш, кхин стаг волуш санна, чѣоггѣа олура:

- *Хьайх чекх са гайти ахь а, БочІа. Дера ца хилла хьо а кьонах. Хьайна диначу вонна дуьхьал вон а ца дандели хьобга...*

Амма БочІин кхетаман кІоргенехь долчу озо-м и ца бохура, цо кхин бохура.

Дийцаре дан хаттарш

1. Дийцар чекхдолуш БочІина хууш дара, Барзнакъя цавер тІехь ша нийса вуй, амма цуьнан хІинца а дІа ца яьллера обҕазло а, лазам. Ахь хІун эр дара цуьнга?

2. Хьо цкъя а хиллий обҕазе а, тІаккха воьхна а хьабвзиний, цхья нийсадоцург хьо деш вуй хиьна? ХІун гІо хилира хьуна цу тІехь?

3. Муха туьду ахь БочІин лобрашка этІа ца войтуш юхавалар а, Барзнакъяин чІир екхарх юхавалар а?

4. БочІина дуьне довзар тайп-тайпана хилла - жима волуш а, хІинца воккха хилча а. Стен гІо дийр дара цунна адамашца йолу юкъяметтиг дикаха тарьян?

5. БочІас дукха ойланаш йора шен доьналлех, шена хетачух лаяҕна. БочІас ойла йора, *“Хьайна дика диначунна дика де, зулам диначунна зулам де”* бохучу дешнийн. Хьобца догІуш дуй и? Зуламна дуьхьал зулам даро дуьненчохь дикалла яржайо я кхин доккха зулам кхуллу? Хир буй зуламаш деш болу нах шаьш дика?

7. Муха сацам бира БочІас - шен лобраца чІир эца а, цуьнца дика хила дагахь хиллачу ойланийн хьокъехья?

8. Ахь хІун дийр дара, цу кепара халонаш эшо, хьайн догдикалла чІагІьян?

БОЧА

Боча в своей долгой жизни (а ему теперь было уже за семьдесят) впервые захворал серьезно. Впервые и в больнице этой он оказался в качестве пациента, прежде случалось тут бывать, чтобы навестить кого-то из родных и близких.

Вчера Боче его лечащий врач объявил, что у него очень плохо с почками, и предложил подумать и соглашаться на операцию. Поначалу все стариково нутро воспротивилось: тут всего-то жить осталось совсем немного, лучше сколько-нибудь так протянуть, чем умирать на операционном столе. Однако протест, так бурно захлестнувший его сразу после разговора с врачом где-то около полудня, к вечеру несколько поутих. *“А что, может, еще и поправлюсь. Что это я сразу о смерти?”* - стал теперь подумывать он.

Ночью ему снились разные сны: тяжкие и приятные. В плохих снах были какие-то мутные реки, мертвецы, кровь... Но потом виделось ему чистое синее небо, белые кони, что паслись на цветущем весеннем лугу. Несколько раз за ночь он просыпался, но о смысле снов старался не думать, как раньше, сразу сказав себе, что это попросту проделки шайтанов, которые не дают ему умереть спокойно. Потом, в который раз снова уснув, он впервые за последние десять лет увидел своего покойного отца... Почти сразу же он проснулся и на этот раз не сомкнул глаз до самого утра. Когда первые лучи солнца

весело брызнули в окно, они осветили измученное, осунувшееся от бессонницы лицо старика. Боча сел на кровати, взглянул в окно на чистое голубое небо и тихо промолвил: *“Вот, отец, не нашел я пока в себе храбрости явиться к тебе”*.

Он не мог не признаться себе, что на долгие годы в этой жизни рассчитывать ему не стоит, но и तो ропиться в иной мир, где вкушали райскую жизнь его отец, двое братьев и многие знакомые и близкие, ему не хотелось тоже.

Опять посмотрел он в окно на весенний небосвод, и тут вспомнился ему его двор, сад, где теперь уже зацветали груши, яблони. Как они там без него, заметили ли его отсутствие? Боча был искренне убежден, что деревья, как и люди, имеют душу, характер, иногда даже ему начинало казаться, что груши и яблони из его сада нуждаются в нем больше, чем люди, его земляки.

Потому в это утро, когда в палату в положенный час вошел врач Хаид и вопросительно взглянул на него, Боча, более не раздумывая, дал согласие на операцию.

День, когда его повели в операционную, был пасмурный, унылый. Бочу распяли на операционном столе, сделали укол - а там уже он ничего и не помнил. Пока шла операция, небо успело очиститься от туч, и когда Боча очнулся от наркоза в своей палате, в окне снова сияло солнце.

Под внимательной опекой врача и медсестер здоровье его быстро пошло на поправку. Пришло время, когда совсем уже окрепший Боча стал подумывать, как бы ему отблагодарить доктора, который продлил

его дни на этом свете. Когда врач появлялся в палате, он всегда старался сказать ему что-нибудь приятное, всеми силами стремился выказать ему уважение и почитание. Но всего этого ему казалось мало. Однажды он велел своей жене Секиймат принести из дому хороший кусок вяленой баранины и преподнес его доктору. Хаид поначалу наотрез отказался принять подарок, но потом, видя, как огорчился старик, поблагодарил его и взял мясо. Боца, однако, понял, что в действительности не очень-то он в нем и нуждался.

Но мысль о каком-либо значительном для врача подарке продолжала его преследовать. Как-то вечером Боца разговаривал с одним из своих соседей по палате, и тот, между прочим, сказал ему:

- А ты знаешь, у нас тут лежит и отец нашего Хаида.

- А в какой палате, ты знаешь? - спросил Боца.

- В терапевтическом отделении, палата пятнадцатая.

Боца, не медля ни минуты, отправился искать это отделение, ему не терпелось хотя бы старику - отцу Хаида, сделать приятное: побеседовать с ним, сказать, какой достойный, уважаемый человек его сын.

В палате номер пятнадцать он никого не застал. Проходивший мимо молодой человек спросил: *“Вам кого?”*

- Отца Хаида я хотел бы увидеть.

- А! Вам нужен отец нашего хирурга? Подождите здесь, он скоро придет... Да вот как раз и он!

С трудом переставляя ноги, с лицом, белым как стена, по коридору двигался человек. Высокого роста, уши оттопырены, небольшая жидкая борода: Боче показалось, что он когда-то уже сталкивался с ним. Он вспомнил, кто перед ним, лишь когда человек, шедший по коридору, повстречался с ним глазами... От неожиданности лицо у Бочи тоже сделалось белее снега, нижняя губа и руки судорожно затряслись. Между тем больной свернул не в свою, а в соседнюю четырнадцатую палату, то ли в свою очередь угадал Бочу, то ли в четырнадцатой у него были какие-то дела. А Боча, точно оглохший и онемевший от переполнявших его чувств, повернулся и заковылял к своей палате, оставив в полном недоумении молодого человека, указавшего ему на отца Хаида.

В палате Боча сел на свою кровать и, собравшись с силами, постарался успокоиться, сообразить, не ошибся ли он. Нет, сомнений не было: только что он видел человека, встречи с которым искал пятьдесят с лишним лет. Искал, чтобы отомстить.

Потому что этот человек был повинен в смерти его отца и двух старших братьев. Вот как все это случилось в те давние времена.

Жил тогда этот человек Барзанак, как его звали в родном ауле Бочи Варш-Юрт. Однажды, когда Заман, двоюродная сестра Бочи, работала в поле, Барзанак, который все увивался вокруг нее, взял девушку за руку - "коснулся" ее. В те времена такое считалось большим бесчестием для девушки и ее семьи. У Заман не было родных братьев, которые могли бы отомстить Барзанаку, поэтому это должны были сделать Бауди и

Аднан, братья Бочи. Как велел обычай, они, поймав Барзанака, спустили с него штаны. Старики примирили враждующих. Казалось, на этом все и кончится, да не тут-то было! Большое зло затаил Барзанака. Задумал он во что бы то ни стало отомстить Бауди и Аднану, а прежде всего их отцу, главе рода Доке.

Говорили люди, что Барзанака подкупил какого-то крупного чиновника в Шатое, дав ему корову и пятнадцать гирд пшеницы, - вот какого богатства не пожалел, чтобы сгубить трех ненавистных ему людей. По навету того чиновника Доку и его сыновей обвинили в помощи абрекам. Барзанака же и его дружки выступали на суде как свидетели и столько представили “*доказательств*” виновности подсудимых, что те навсегда сгинули на каторге...

Боце тогда шел пятнадцатый год. Оставшись единственным мужчиной в роду, он должен был свершить правую месть. Он поклялся себе, что кровь отца и братьев будет отомщена. Но Барзанака в скором времени исчез из Варш-Юрта. С той-то поры Боца разыскивал его и нигде не мог найти. Лишь однажды, спустя уже много лет, до аула дошел слух, что Барзанака сам угодил в тюрьму. Но когда, где - никто точно сказать не мог. И вот теперь...

Видно, так было угодно судьбе, чтобы уже на самом склоне лет, больным и слабым, Боца повстречал своего кровного врага. *“Хотя бы еще лет десять назад!* - думал он, лежа на своей койке в палате. - *Но нет, ничего! Мужчина и в старости должен оставаться мужчиной: за добро платить добром, за зло - злом...”*

И долго еще в этот день два голоса говорили между собой где-то близ сердца Бочи, спорили: *“Но ведь он теперь очень слаб, болен. Так что же! Ведь и мой отец тогда был нездоров, но его не пощадили. Трех погубил этот злодей. Как предстану я перед их душами, не отомстив за их смерть?.. Но ведь врач, которому я обязан жизнью, - его родной сын... Не этот, так другой врач сделал бы операцию. Раз суждено мне было поправиться, на то, прежде всего, воля Аллаха...”*

Все же голос, который говорил, что убивать он не должен, звучал убедительнее. Сколько ни сопротивлялся ему Боча, голос этот говорил в нем все громче и настойчивее, и старик, чтобы отмести всякие сомнения, решился. Как только приблизился час ужина, он поскорее направился в столовую, чтобы раздобыть себе нож.

Людей в столовой оказалось совсем немного. Не притронувшись к еде, Боча хлебнул киселя из стакана. Высмотрев наконец на дальнем столе, где резали хлеб, то, что ему требовалось, он подошел, быстро сунул нож в рукав и направился к выходу.

- Не забудьте вернуть нож на место! - слышался вслед ему голос посудомойки.

Испуганный Боча машинально кивнул головой и вышел из столовой.

Был уже довольно поздний час, почти все голоса в палатах и в коридоре уже стихли. Боча давно лежал в постели, под подушкой - нож. Перед ним, измученным сомнениями, представляли воспоминания, больше похожие на тяжелые, давящие сны.

Весь в поту, но все же с радостным сознанием того, что это был лишь сон, Боча проснулся. Однако радость эта тут же исчезла, едва он вспомнил, что под подушкой у него лежит нож. *“Ну что ж, я должен исполнить свой долг, - подумал он смиренно. - Смерть родных требует отпущения!”* Он поднялся, сунул нож в рукав пижамы. Луна в окне ровным светом освещала палату, из форточки доносился шелест тополиной листвы.

Дверь едва слышно скрипнула, когда он потянул ее на себя. Боча быстро проскользнул в щель. В коридорах стояла мертвая тишина. Часы на стене показывали ровно три ночи. Словно в каком-то забытии, шел он по коридорам к терапевтическому отделению, не слыша сонных бормотаний, доносившихся порой из приоткрытой двери, покашливаний и храпа. Он слышал одну только звонкую, оглушающую тишину.

Приблизившись, наконец, к пятнадцатой палате, Боча привстал на цыпочки, заглянул поверх закрашенной нижней рамы внутрь. Барзанак лежал на ближней к окну койке, он кашлянул, пробормотал что-то сквозь сон. Лунный свет, падавший из окна на его лицо, придавал ему какое-то необычное, неземное выражение.

“Быстро открою дверь и кинусь на него”, - сказал себе Боча. Но что-то заставляло его медлить. *“Как только он перевернется на другой бок, сразу вхожу”, -* решил он теперь. Барзанак, точно подчиняясь его мысленной команде, почти тотчас же перевернулся на другой бок и лег лицом к стене. Теперь, казалось, преград для Бочи больше не было: чего же,

чего он медлит?.. Ах да: из соседней палаты, четырнадцатой, вышел в коридор больной! Боца спрятался за выступ стены, и человек, не заметив его, прошел мимо. *“Как только он скроется!”* - сказал себе Боца. Потом, чуть погодя: - *“Нет, пусть сначала пройдет обратно в свою палату”*.

Когда больной из четырнадцатой возвратился и дверь за ним закрылась, у Боци больше не осталось причин медлить. Кругом тихо. Барзанак лежит лицом к стене. А нож у него, Боци, в руках. Что еще надо мужчине, приготовившемуся отомстить за родных? Он с трудом передвинул одеревеневшие ноги, взявшись за ручку, чуть приоткрыл дверь в палату, и в тот же миг отпрянул, словно неяркий лунный свет из окна ослепил его. Он стоял теперь, припав спиной к стене, и понимал, что никогда не осуществит своего замысла. За этот краткий миг, когда он занес ногу, чтобы ступить в палату, два ослепительных виденья пронеслись перед ним, остановили, отбросили назад. *“Как себя чувствуешь, отец?”* - на табурет рядом с его постелью садится человек в белом халате. - *“Все хорошо, скоро встанешь на ноги, а помирать придется в другой раз. Ну-ка, как у нас пульс?..”* - чуткие пальцы Хаида ложатся на его руку.

И все это пронеслось в долю секунды. Он с шумом швырнул нож, но никто не проснулся. Боца чувствовал, как слезы текут по его щекам, ему хотелось завывать во весь голос на всю спящую больницу от злобы и бессилия. И все же сила милосердия переборола в нем этот порыв. Он понял, что не может поднять руку на отца врача, спасшего ему жизнь.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 499 и 500.

1. В начале рассказа Боча считает, что “за добро надо платить добром, а за зло - злом”. Что вы об этом думаете? Если за зло платить злом, будет ли от этого в мире больше добра?

2. Чем похожи нежелание Бочи лечь на операцию и его неготовность расстаться с желанием отомстить Барзанаку?

3. Что сделал Барзанак? Что заставило семью Бочи жаждать мести? Как изменился Барзанак за пятьдесят лет? Как повлияло это на Бочу?

4. Как Боча разрешил свою внутреннюю дилемму жажды мести и желания добра врачу?

5. Для Бочи мир сильно изменился со времен его юности. Что помогло бы ему научиться лучше уживаться с людьми?

6. Боча испытывал добрые чувства к врачу и злые чувства к отцу врача. В конце концов добрые чувства победили, и всем от этого стало лучше. Как сделать свои добрые чувства сильнее, чтобы они побеждали в трудное время?

7. *Статья 3 Всеобщей декларации о правах человека ООН гласит: “Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность”.*

- Как Боча пришел к прощению Барзанака, отца доктора, после того как принял решение убить его?

- Требуется ли прощение, чтобы все люди имели “жизнь, свободу и личную неприкосновенность”?

BOCHA

By Musa Akhmadov

In all his long life, Bocha had never been really sick. Now he was a patient in a hospital for the first time.

Dr. Khaid said he needed an operation. At first the old man resisted. After all, he did not have much longer to live; it would make more sense to just keep going as long as he could. He might die on the operating table. His objections subsided by evening. “You never know,” he thought, “I might just get better, instead of dying straightaway.”

That night for the very first time in years, he dreamed of his dead father. After that he woke up again and could not get back to sleep.

When the first rays of the sun burst cheerfully through the window, they lit up the face of the old man, tormented and worn out by lack of sleep. Bocha sat up, looked through the window at the clear blue sky and murmured softly, “As you see, Father, I still haven’t found the courage to come and join you.”

He was much better soon, thanks to the care of the doctor and the nurses. When he was stronger, he began to think about how he could thank the doctor. When the doctor came to see him, he always did his best to say something pleasant and show reverence and respect. That was not enough! Once he instructed his son to bring a good slice of dried mutton from home. Then he chose the right moment to present it to the doctor. At first Dr. Khaid refused to accept the gift, but then he saw how deeply the old man was hurt. So he thanked him and took the meat away. All the same, Bocha realized that this was not the right gift.

He thought about how to find some special gift for the doctor.

That evening while Bocha was talking with one of the other patients, the other said, “Did you know that our Khaid’s father is a patient in this hospital?”

“Can you tell me which ward?” Bocha asked.

“In Ward Fifteen.”

Bocha set off in search of Ward Fifteen immediately. He could not wait to show some kindness to Dr. Khaid’s old father. At least he could chat with him and tell him that his son was a distinguished and much respected man.

He found no one in Ward Fifteen. But another patient asked, “Who are you looking for?”

“I would like to find Dr. Khaid’s father.”

“Our surgeon’s father. He’s the one you want. Just wait. He’ll soon be back. Look, there he is now!”

A man came down the hall. His face was as pale as the wall, and his legs could hardly carry him. He was tall, with big ears and a small beard. Bocha thought he must have seen him before. When the man coming down the corridor looked straight at him, shock made Bocha’s face turn white. The sick man turned and hurried into the ward. He had recognized Bocha.

Bocha was so shocked he could not speak. He rushed back to his own ward.

Back in the ward, Bocha sat down on the bed and tried to pull himself together. There could be no doubt. He had just seen a man he had been looking for nearly 50 years. That man had caused the death of his father and two older brothers.

This is how it all happened long ago:

In those days Barznak (Dr. Khaid’s father) lived in the village of Varsh-Yurt. One day a girl cousin of Bocha

and his brothers was out working in the fields. Barznak, who was drunk, grabbed her and kissed her. In those days such an act was considered a huge dishonor for the girl and her entire family. Zaman had no brothers of her own to avenge the insult, and so Baudi and Adnan, Bocha's brothers had to fulfill this duty. They got hold of Barznak and pulled off his trousers. The elders then made peace between the quarreling parties. That should have ended it.

But hate overwhelmed Barznak. He thought of nothing but revenge on Baudi and Adnan, but most of all on their father, Doka.

Doka and his sons were accused of helping enemy agents. People said that Barznak bribed an important state official to make the charge. Barznak and his friends gave evidence in court. Bocha's father and brothers were sent to a labor camp where they died.

At that time Bocha was just 15. He made a secret oath to avenge his father and brothers. But Barznak had left the village. From that day on, Bocha looked for him.

It was plain. After many years, when Bocha was weak and sick, fate brought them together again. Lying on his bed in the ward, Bocha thought, "If only it had happened just ten years ago! But never mind. A man is still a man, even in old age. Goodness must be repaid with goodness, and evil with evil."

All through that day, two voices were speaking, arguing in Bocha's heart. The first seemed to say, "But he too is very weak and ill..." The second, "So what? My father was ill too, but they didn't spare him. That villain destroyed three people. How will I be able to stand up and face their souls, if I don't avenge them?" "First, his son saved my life." "Second, true, but there

are a lot of doctors. Some other doctor would have done the operation.”

The voice telling him not to kill seemed to be right. No matter how much Bocha resisted, that voice kept sounding louder. Bocha decided to silence all doubts. He would get hold of a knife.

The dining hall was almost empty. Bocha did not eat anything. He went to the table where they were cutting bread, took a knife, hid it up his sleeve, and hurried out the door.

That night Bocha lay still for a long time with the knife under his pillow, then fell asleep remembering anger, his father's pain, how helpless he had felt. He twisted and turned with bad dreams and nightmares.

He woke up in a sweat, glad it had only been dreams. Then he remembered the knife under his pillow. “Never mind,” he thought calmly, “I must do my duty. I must avenge the death of my kinsmen.” He got up and hid the knife in the sleeve of his pajamas. The moon lit up the ward with its pale light. Through the open skylights Bocha heard the lime trees murmuring in the wind.

Bocha quickly slipped through the door. The halls were totally silent. It was three o'clock in the morning. Like a sleepwalker, he made his way toward Ward Fifteen. He never heard the sounds that came through the half-opened doors, the coughing or the snoring. All he could hear was the deafening silence.

At last he came to Ward Fifteen. Bocha looked through the window. Barznak was lying on the bed next to the window coughing and muttering in his sleep. The light of the moon fell on his face, giving him a strange, unearthly look.

Bocha said to himself, “I'll open the door quickly and rush him.” Something made him hesitate. “As soon

as he turns over onto the other side, I'll go in." Just then, Barznak turned onto the other side. Now there was nothing to hold Bocha back! Why did he still wait? Ah yes, a patient suddenly came out of the next ward and walked down the corridor. Bocha pressed himself against the wall, and the man went by without seeing him. "I'll just wait till he's out of sight," Bocha said to himself. Then he thought, "No, it's better to leave it until that patient is back in the ward."

When the patient from Ward Fourteen came back and closed the door behind him, Bocha did not have any more excuses to put it off. Barznak was lying with his face to the wall. He, Bocha, was holding the knife in his hand. What more does a man need to avenge his kinsfolk? He forced his legs to move. He turned the door handle and half opened the door into the ward. Then he stopped. He stood still with his back against the wall, and realized that he would never be able to carry out the plan.

For just when he drew the knife and started to go into the ward, a vision appeared to him, stopping him, forcing him to back off.

"How do you feel?" asked the man in a white coat sitting by his bed. "Everything's fine. You'll soon be on your feet. You'll have to put off dying till another day. Now then, let's check your pulse." He felt the touch of Dr. Khaid's sensitive fingers on his arm...

All this took place in a single second. The knife made a noise when he threw it on the floor, but nobody woke up. Tears ran down Bocha's cheeks. He felt angry and helpless. He wanted to howl at the top of his voice throughout the sleeping hospital. The feeling of revenge that had driven him was overcome by the power of compassion.

He could never lift a hand against the man who had saved his life. This new understanding was to be his gift to Dr. Khaid.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 499 and 500.

1. In the beginning Bocha thought that “Goodness must be repaid with goodness, and evil with evil”. What do you think? Does repaying evil with evil make more good in the world?

2. How is Bocha’s resistance to the operation like his resistance to giving up his need to take revenge on Barznak?

3. What did Barznak do that led Bocha’s family to want to take revenge? How has Barznak changed during fifty years? How might these changes have affected Bocha?

4. How did Bocha resolve his inner dilemma of seeking revenge versus his desire to offer kindness to the doctor?

5. For Bocha, the world is very different now that he is old from what it was like when he was a boy. What could help him learn new ways of getting along with people?

6. Bocha had good feelings about the doctor and bad feelings about the doctor’s father. In the end, the good feelings won, and everyone was happier. What can you do to make your good feelings stronger so they will win if you have problems?

7. Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Everyone has the right to life, liberty and security of person.

- How did Bocha get to the point of forgiving Barznak, the doctor’s father, after deciding to kill him?

- In order for all people to have “life, liberty and security of person” does it require forgiveness?

Кэлхаун Гайгер

СОХ ЛАТА ДАГАХЪ ВАРА ИЗА

ХІара истори йолаелира 1947-чу шарахь. Цхьана хазачу бІаьстенан дийнахь со вара Флорида Штатехь сайн цхьана доттагІунна бешахь гота йоккхуш. Дуьненаюкъара шолгІа тІом боьдучу хенахь, сайн даго а, хьекъало а ма-хьобхху, тІеман гІуллакх дан ца воьдуш цахь сецира со, тІом балале хьалха санна, сайн фермехь болх бан.

Тхан кхашна уллохь болх беш чубоьхкина нах бара: хи дІадохуьйту биргІанан асанаш йохкуш бара уьш. Сайн трактор цхьана коьллаш уллохь саца а йина, гора а хІобттина, нох тодан гІерташ воллура со. ЦІеххьана цхьа дайн тата хезира суна. Корта хьала а айбина, со дІасхьа хьаьжира. Коьллаш юккъера гучувелира цхьа стаг. Чубоьхкинчу нахана тІехь хуьлуш долу барзакъ дара цунна тІехь, цо белш тІехь сецайора цхьа йоккха гІаж. Масех гІулч хиллал суна юххе а веана, цо элира:

- Суна чІогІа ахча овьшу, цундела ас хьобгахь мел дерг схьадоккхур ду.

Со кхийтира, цунах со вадалур воцийла а, латалур воцийла а. Шен белш тІера гІаж суна тоха хьалаайира цо. Ткьа ас цунна цамобттург дира. Айса беш болу болх саца а бина, леррина цуьнан бІаьра а хьажна, сих а ца луш, элира ас:

- Хьайна гІо эшахь, нийсса схьаала, вайшиь девне а ца волуьйтуш.

Со юха а сайн нахарна тІевирзира. Жимма соцунгІа а хилла, шен карара гІаж охьяяхийтира цо.

Тпаккха ас хабттира:

- Вада сацам бина, бах ахь? Ткѡа ахь ойла йиний, мел нах тІаьхьабевр бу хьуна?

Цо жоп делира, ша-м оцу дерригенах а кхетара, ткѡа шавш лардеш болу нах чІогІа кѡинхетам боцуш бу-кх аьлла. Хьакхар а хьокхуш ас нахарна куьг Іуттушшехь, тхойша вистхилира. ЦІеххьана шен карара гІаж лавтта охьа а кхоьссина, элира цо:

- Хьо туьйли, со юхавоьду, - оцу дешнашца, юха а вирзина, коьллаш юккѡехь кѡайлавелира иза.

Ас Далла хастам бира сайна цо деллачу собарна а, кѡонахаллина а.

Трактор хьала а латийна, ас дІаболийра сайн болх. ХІоразза, чубоьхкиначу наха болх бечу агІор сайн охана йисте кхоччушехь, ас бІаьргашца лобхура сайна вевзинарг; амма уьш гено хиларна, иза кѡаьстийла дацара. Цул тІаьхьа тхаьшшиннан вовзар дІадаьлла аьлла, ойла хилира сан. Амма со гІалатваьлла хиллера.

Маситташо делира цул тІаьхьа. Фермера болх бита а битина, штат Флорида йолчу сайн Джексонвилл-гІалахь божаберийн клубан куьйгалхо вара со. Цкѡа, хан яллалц клубехь хье а велла, сихонца цІа воьдура со.

Сан дакѡазаллина, некѡаш галморзахдовлучохь вовшахкхийтира ши машен. ТІеваханчу суна гира: цхьа а чов янза, дийна висина ши водитель, машенаш чуьра ара а лилхина, вовшашна буйнаш бетта волавелира. Шиннех цхьаь охьавуьйжира, шолгІачо оьгІазаллица мийраш а, машенан догІа а деттара цунна.

Царна тІе а ца воьдуш сайн новкѡа дІавоьдучу суна, сайн даго сайга бохуш санна, хийтира:“ХІан-

хIа, Кэлхаун, дIа ма гIо, саца, ахь гIо дан деза царна”.

КIеззиг саца а сечна, ойла йира ас: хIун дан деза кхузахь?

Полицига кхайкха телефон леха хан ца юьсу. Суна гуш дара, дов саца ца дахь, Iуьллуш верг лийр вуйла.

Юха а кийрара цхьа аз хезира суна: *“Хьо-х ницкь болуш ма ву. Хьан ницкь хьуна цхьана спортана лерина белла ма бац. Катоххий лела!”* Машена чуьра сихонца охьа а воьссина, шина стагана тIевахара со. Цхьаь кхетамчохь воцуш Iуьллура, шолгIачо оьгIазаллица мийраш беттара цунна. Буйьса чIогIа Iаьржа яра, гена йоццуш лаьтгачу бензоколонкин гIийла богучу чиркхан серло яра некъа тIе етталуш.

ТIехьахула тIеведда, тIехь воллучун ши куьг схьа а лаьцна, букъа тIехьа хьовзийра ас. Караравала гIертара и, амма ас Iаламат чIогIа лаьцнера иза. Таса а велла, охьавуьйжира тхойша кхетамчохь воцучу стагана улло. Ас ца тухура цунна, лаза а ца вора, леташверг сецавар доцург, хIумма а ца дора. ТIевеанчу бензоколонкин белхалочо, гIо-накьосталла оьший, хаьттира. Полицига кхайкха, дийхира ас. Цу хенахь а ас сецош вара сайна неIалташ кхайкхош, карара вала гIерташ волу стаг. Важа, Iуьллушверг, кхетамчохь вацара. Дукха хан ялале полици кхечира цига. Алсамо еана йолу гIоьмаш суна тоха дагахь бара уьш, амма ас ма-дарра дIадийцира хилларг. ЛадобгIна, суна баркалла а аьлла, цара со цIа вахийтира, суна сагатдеш Iаш йолчу сайн зуда йолчу. Буйьса Iаьржа хилар бахьанехь, летачу шиннан юьхь-сибат ца къаьстира суна.

Амма сан истори чекхьяьлла яцара цу тIехь. Маситта шо даьлча, со гIо деш вара коьртаца лазар

долуш болчу дархошна лерина йолчу больницехь. Цъхана дийнахь больницин белхалочо хаам бира соьга, шега шайн хиллачу дархочо Джордж Харриса телефон тоьхна, шена со вевзаш хилла аьлла. Ткъа суна и стаг вевзаш вацара. Схъадийцарехь, Джордж Харриса хайитина хиллера цуьнга, цъхана хенахь ша лаьцна хилла хилар а, суна охана тIехь ша кхерамаш тийсар а, новкъахь стагана етташ хилларг ша хилар а: Ёаржачу буьйсана, со шена тIе а кхаьчна, ша ас саца ца винехь, стаг вийна хир вара ша, аьлла хиллера цо.

Цул тIаьхьа коьртаца могаш воцуш а хилла, цъха хан хIокху больницехь яккха дезна хиллера цуьнан. Шена гIюли хиллачул тIаьхьа, Харрис, балха а вахна, ахча гулдеш вара. Ткъа хIинца белхалочуьнгахула суна совгIат даййтира цо. Цо аьлла хиллера Харрисе, ван а волий, хьо цунна вовзийта аьлла.

Маситта де даьлча, со иза волчу вахара, сайн совгIат чохь долу гIутахь схъаэца. Цу чохь тхуна гира автоматически болх беш долу Булов цIарах долу сахьт.

Ас ойла йира, хIокхул тIаьхьа сан истори дIайоьрзур ю аьлла. Амма иза иштта ца хиллера. Цул тIаьхьа тхан доьзало бахаман маситта меттиг хийцинехь а, Джордж Харриса ша вуйла хоуьйтура. Кехат яздора цо, ша могаш вуйла а, дийна вуйла а хоуьйтуш, тайп-тайпана совгIаташ а доуьйтура цо: пхьеран белхан дечиган гIант а, тIаьрсиган сан барамехь батенкаш а, некъахьа лело “Гамильтон” фирмийн сахьт а. Посылкана тIехь долчу адресца ас баркалица жоп лора Харрисна совгIаташна дуьхьал.

Цо цкъа а жоп ца лора сан кехатана дуьхьала, амма цъхана дийнахь, со Къилбседа Каролинера

школехь пеш юттуш волуш, школана уллохь машен сецира Вирджиния штатан номерш йолуш. Водитело, суна тГе а веана, элира:

- *Хьо хир ву аьлла хета суна Кэл Гайгер.*

- *Нийса ду, -* цецвелира со. - *Хьо мила ву?*

- *Джордж Харрис ву со, -* жоп делира тГеванчо.

Цо дийцира, ша деша а вахна, хГинца школехь хьехархочун болх беш хилар а, зуда а ялийна, шиь бер шен хилар. Амма могошалла эшна йоьдуш хиларна, со ган а гина, соьга-сайгга баркалла ала лабара шена, элира цо. Цул тГабьха иза, машена а хиьна, дГавахара.

Цхьана дийнахь Джордж Харрисонан шичас Бобас телефон туьйхира соьга, Джордж Харрисон дГакхелхина аьлла.

Цу дийнахь маситта шо хьалха Джорджас суна совГатна делла хилла долу сахьт болх бечуьра сецира. Сан йишас иза тодайт дГаделира. Шуна теша хала хир ду, амма оьрсийн маттахь зорботоха хГара моголанаш ас язdechу хенахь, почтальоно суна схьаеара хГинца а дукха нийса лелаш долу Буловн цГарх сахьт чохь долу пакет.

Суна хаьа, цхьана стеган дешнаша а, леларо а, вукху стеган дахар хийца тарлойла. Джордж Харрисонан дахар хийца ас гГо динехь а, амма со-со а хийцавеллера.

Гочдинарг - Хьасан Туркаев

Дийцаре дан хаттарш

1. Кэлхаун Гайгер шен нох тодеш Гад хГунда Гийра, набахти чувоьллинчуьра веддарг арахь шена тГекхаьчча? Цуьнан ГадГеро муха хийцира хьал?

2. Хьуна хІун аьлла хета, стенан ойла йира ведда веанчо, шена тухуш йолу чхьонкар (дубина) ца гуш санна, Кэлхаун Гайгера къамел долиича?

3. Кэлхаун Гайгера ницкъаца дуьхьало цаяран цхьа некъ бу - хаттарш далар, амма цо ца хобтту, ахь и хІунда дина, дан дезарг ала гІерта и. Хьуна муха хета, хІун ба-хьана дара и иштта нисдаларан?

4. Кэлхаун Гайгера дІалаьчна шофер ву ша санна волу шофер вен гІерташ. Амма и вацара ницкъ бан дІалаьчна, хІунда аьлча Кэлхаун Гайгерна и лазо а ца лиира. ХІун аьлла хета хьуна цу хьокъехь?

5. ХІун дара Джордж Харрисах лаьчна хууш, и дикачу агІор дагавоуьйтуш? Муха нислур дара, нагахь санна Харрис Кэлхаунна цкъа а тІекхаьчна ца хиллехь?

6. Тамашийна хІун хета шуна оцу дийцар юкъахь? Стеган леларх лаьчна къаьсттана муьлха агІонаш ю оцу дийцар юкъахь гойтуш?

Кэлхаун Гайгер

ОН ГОТОВ БЫЛ МЕНЯ УДАРИТЬ

Эта история началась в 1947 году. Стоял прекрасный весенний день, я был в штате Флорида и пахал поле для одного моего друга. Во время Второй мировой войны я, по велению совести, отказался от военной службы и был счастлив вернуться домой, чтобы работать на ферме, чем я и занимался до войны.

Неподалеку от поля работал отряд заключенных. Они прокладывали дренажные трубы. Я остановил свой трактор около густого колючего кустарника, служившего оградой, и, встав на колени, пытался починить плуг.

Вдруг раздался легкий шорох. Я поднял голову и огляделся.

Из-за кустов появился человек. На нем была полосатая роба арестанта, а на плече он держал тяжелую дубинку - рукоятку какого-то инструмента.

Он остановился в нескольких шагах от меня и заявил:

- Мне позарез нужны деньги, и я заберу все, что у тебя есть.

Я тут же понял, что не могу ни убежать, ни драться с ним. Он уже занес дубинку над моей головой. И я сделал то, чего он меньше всего ожидал. Оторвался от своего занятия, посмотрел на него в упор и совершенно спокойно сказал:

- Если тебе нужна помощь, так и скажи, и давай не будем ссориться.

Я снова принялся за свой плуг. Он постоял немного и опустил дубинку.

Тогда я сказал:

- *Значит, ты решил убежать. А ты представляешь себе, какая поднимется на тебя облава?*

Он ответил, что и сам это понимает, да надсмотрщики очень злые, сил нет терпеть. Мы еще немного поговорили, пока я смазывал и налаживал плуг.

Вдруг он бросил палку на землю и сказал:

- *Ты победил, я иду назад,* - повернулся и исчез в кустах.

Я поблагодарил Бога за то мужество и находчивость, которые ощутил в себе, завел трактор и продолжил работу.

Каждый раз, когда я приближался к той стороне поля, где работали заключенные, я искал глазами моего знакомого; но расстояние было слишком велико, чтобы его узнать. Я думал, что на этом наше знакомство закончилось. Но я глубоко ошибался.

Прошло несколько лет. Я уже не работал на ферме, а возглавлял клуб для мальчиков в своем родном городе Джексонвилле, штат Флорида. Однажды мне пришлось до позднего вечера задержаться в клубе, и я торопился домой. К несчастью, как раз, когда я подъехал к перекрестку, две машины столкнулись лоб в лоб. Приблизившись, я увидел, что оба водителя, живые и невредимые, выскочив из автомобилей, набросились друг на друга с кулаками. Один из них упал на мостовую, а другой в ярости пинал его ногами и бил гаечным ключом.

Я хотел было объехать их и повернуть к дому, как вдруг совершенно отчетливо услышал внутри

себя слова: *“Нет, Кэлхаун, ты должен остановиться и помочь им”*.

Немного нехотя я остановился и подумал: а что тут можно сделать? Искать телефон, чтобы вызвать полицию, времени не оставалось. Я видел, что если не остановить избиение, лежащий умрет.

И опять заговорил внутренний голос: *“Ты же сильный, и твои мускулы даны тебе не только для спорта. Ну же, шевелись!”* Я выскочил из машины и в мгновение ока очутился около обоих мужчин. Один уже лежал без сознания, а другой, расшвыряв, продолжал пинать его ногами. Было очень темно, только тусклый свет ближайшей бензоколонки падал на дорогу.

Я подбежал сзади, и не успел мужчина опомниться, как я схватил его за руки и заломил их ему за спину. Он вырывался, но я крепко держал его. Потом, споткнувшись, мы оба с грохотом рухнули рядом с лежавшим без сознания человеком. Я не бил его, не причинял боли, а просто сдерживал нападавшего. И тут появился служащий бензоколонки и предложил помощь. Я попросил вызвать полицию.

Полиция приехала очень быстро. Я все еще держал вырвавшегося человека, который осыпал меня проклятиями. Другой все еще лежал без сознания. Полицейские привезли с собой много наручников и чуть было не надели их и на меня, но я рассказал им, что случилось. Выслушав, они поблагодарили меня и отпустили домой, к жене, которая уже очень беспокоилась. К сожалению, я не рассмотрел в темноте лиц дерущихся.

Но и это еще не конец моей истории.

Несколько лет спустя я помогал в организации досуга больных в местной психиатрической больнице. Однажды работница этой больницы сообщила мне, что ей позвонил их бывший пациент, Джордж Харрис, и сказал, что узнал меня. Это имя мне ничего не говорило. Оказалось, Джордж Харрис рассказал ей, что он был тем самым заключенным, который угрожал мне когда-то в поле, и тем водителем, который избивал человека на дороге: если бы я не появился из темноты и не остановил его, он мог бы стать убийцей.

После того случая его психическое здоровье пошатнулось, и некоторое время он провел в этой больнице. Когда Харрис поправился, он стал работать и копить деньги. А сейчас просил служащую передать мне подарок. Она попыталась уговорить его самому со мной встретиться, но он отказался. Через несколько дней я зашел к ней, чтобы забрать пакет с подарком. Когда мы развернули его, то увидели, что там были часы Булова с автоматическим заводом.

Я думал, что на этом уж моя история закончилась. Но не тут-то было. С тех пор наша семья несколько раз переезжала, но Джордж Харрис продолжал напоминать о себе. Он писал письма, чтобы сообщить, что жив и здоров, и присылал разные подарки: то деревянную скамеечку прекрасной ручной работы, то кожаные ботинки, как раз моего размера, то дорожные часы фирмы “Гамильтон”. Я всегда отвечал Харрису по адресу, указанному на посылках, и благодарил за подарки.

Он никогда не отвечал на мои письма, но однажды, когда я строил камин в здании школы в Се-

верной Каролине, около школы остановился автомобиль с номерным знаком штата Виргиния. Водитель подошел ко мне и сказал:

- *Я думаю, вы и есть Кэл Гайгер.*

- *Верно, - удивился я. - А вы кто?*

- *Я - Джордж Харрис, - ответил водитель.*

Он рассказал, что пошел учиться и теперь работает учителем в школе, женился, имеет двоих детей, но здоровье у него слабое, и ему захотелось перед смертью увидеть меня и лично поблагодарить за все. Затем он сел в машину и уехал.

Затем наступил день, когда Боб, двоюродный брат Джорджа Харриса, позвонил мне и сказал, что Джордж Харрис умер. И в тот же день маленькие самозаводящиеся часы Булова, которые Джордж подарил мне много лет назад, остановились.

Моя сестра отнесла их в ремонт. Вы, вероятно, не поверите, но в тот момент, когда я писал эти строки для русского издания, почтальон принес мне пакет с часами Булова, которые теперь идут точно и безукоризненно.

Я знаю, что слова и поступки одного человека способны изменить жизнь другого. Я помог Джорджу Харрису измениться, но изменился и сам. Когда я думаю об этой истории и о том, что она значит для меня, меня переполняет чувство благодарности за то, что я знал Джорджа Харриса. После всего, что случилось, мне трудно помыслить о том, что это - конец истории.

Благодарю Тебя, Боже, за все, что дал мне этот опыт за многие годы. Я шлю свою любовь и мир всем, кто это прочитает.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 501 - 503.

1. Когда беглый арестант Джордж Харрис подошел к Кэлхаун Гайгеру в поле, почему, по-вашему, Кэлхаун продолжал чинить плуг? Как это повлияло на ситуацию?

2. Что, по вашему мнению, подумал арестант, когда Кэлхаун Гайгер заговорил с ним, как будто не замечая его дубинки? Почему Джордж был готов Кэлхауна послушать?

3. Ответная реакция Кэлхауна Гайгера - мирная: он задает вопросы, но не осуждает поведение Джорджа Харриса и не пытается объяснить ему, как поступать. Как вы считаете, почему такой подход Кэлхауна сработал?

4. В каком смысле поведение Кэлхауна, когда он схватил и удерживал водителя, можно считать ненасильственным?

5. Как вы думаете, что заставило Джорджа Харриса написать Кэлхауну Гайгеру спустя столько лет? Что изменилось бы, если бы Джордж никогда не разыскал Кэлхауна Гайгера?

6. Что бы изменилось, если бы Кэлхаун связался с Джорджем Харрисом, а не наоборот?

7. Что вам кажется самым поразительным или неожиданным в этой истории? Какие привычные представления или убеждения о человеческом поведении подрывает этот рассказ?

HE WAS READY TO HIT ME

By Calhoun Geiger

This story begins in 1947. It was a beautiful spring day, and I was in Florida plowing a field for a friend of mine. I had been a conscientious objector during World War II and was very happy to be back at my home, farming as I had done before the war.

A group of convicts was working on a large drainpipe near one end of the field. I stopped close to the dense, scrubby bushes that hedged that side of the field and knelt to adjust and grease the plow. As I was lubricating the bearings with a grease gun, a slight noise caused me to glance up. Out of the bushes came a man. He was wearing the striped black and white uniform of a convict. Over his shoulder he carried a heavy club, the handle of a tool.

He stopped only a few feet from me, and his first words were, “I need money awful bad and whatever you have I’m going to take.”

Instantly, I realized that I could neither run away nor fight him. With his club almost over my head, there was no chance of either. So I did what he least expected. I looked up from my work and directly at him. “If you need help that badly,” I said, “why don’t you just say so, and we won’t have any rough stuff about it.”

I went back to greasing the plow. He stood there for a moment and then lowered his club. When he did this, I said to him, “So, you’re running away. Do you realize you will be a hunted man?”

He said he did, but the bosses on the chain gang were mean. We talked a few more minutes, while I

continued to grease and adjust the plow. Suddenly, he dropped the club to the ground.

“You win,” he said. “I’m going back.” He turned and without another word disappeared into the bushes.

After muttering a prayer of thanks for the strength and guidance I had felt, I cranked up the tractor and continued with my work. Whenever I was near the side of the field where the convicts were still working, I tried to see if my man was with them, but it was too far away to be sure. I supposed that this was the end of my contact with him, but it’s hard to believe how mistaken I was.

The next part of this story comes several years later. I had quit farming and become director of the Boys’ Clubs in my hometown of Jacksonville, Florida. One evening, I had been at a meeting and was anxious to get home. Unfortunately, just before I reached an intersection, two cars hit each other head-on. As I approached, I saw the two drivers, apparently unhurt, get out of their cars and run at each other, fists flying. Almost at once, one of the men went down, and the other, who seemed to be furious, began to kick the fallen man and strike him with a wrench.

I was sorely tempted to turn the corner toward home, but quite clearly came the words, “No, Calhoun! You must stop and help!” So, a bit unwillingly, I thought about what I could do. There was no time to hunt a phone and call the police. It looked to me as if a man might be dead almost at once unless the kicking and beating could be stopped.

Again the little inward voice spoke. “You are strong, and those muscles were not given to you only for sport. Move quickly!”

I jumped out of my car and crossed the short space between me and the two men: one unconscious on the pavement, the other still intent on his enraged attack. I moved behind him with only the dim light from a nearby service station to show me the way. Before he knew what was happening, I wrapped my arms around him, clamping his arms to his sides. He struggled, but I just held on. We tripped on a broken place in the pavement and fell with a crash near where the other man lay unconscious. I still just held on. I did not strike or otherwise hurt him. Soon a man appeared from the service station and offered help. I asked him to call the police.

The police arrived quickly. I was still holding the struggling man, who was calling me various unflattering names. The other man still lay unconscious nearby. The police brought plenty of handcuffs and were about to cuff me also until I explained what had happened. They became very appreciative and soon let me go home to my wife, who was wondering why I was so late. After I left, I realized and regretted that I had not looked at the faces of either of the men on that dark night.

The story doesn't end here either. Several years later I was volunteering time helping with recreation programs in a local mental hospital. One day a worker at the hospital called me to say that a former patient had called her. His name, he had said, was George Harris. He had recognized me at the hospital. I said I didn't know any George Harris, but the hospital worker said he had told her he was the escaped prisoner who had threatened me out in the field. He was also the car driver who knocked the other man down and, he

said, would have killed him if I had not come out of the darkness and stopped him. If not for me, he'd be a murderer.

After that, he'd had a mental breakdown and been in a mental hospital for a while. When he got out, he went to work and started saving his money. Now he wanted to mail her a gift to give me. She tried to persuade him to bring it to me himself, but he wouldn't. So a few days later I stopped by her office. When we opened the package from George Harris, there was a Bulova self-winding watch, which still runs well even as I tell this story, twenty-some years later.

I thought this was the end of the story, but it wasn't. Although my family moved several times, George Harris kept track of me. He would write to let me know he was doing well, and he sent me gifts several times - a beautiful woodworker's workbench, a pair of leather boots just my size, and a Hamilton "Railway Special" watch. I always wrote to thank him at a General Delivery address on the parcels.

He never answered my letters, but one day, as I was building a chimney at Carolina Friends School in North Carolina, a car with Virginia license plates pulled into the drive. The driver walked up to me and said, "Cal Geiger, I believe."

"Yes," I said, "And who may you be?"

"I'm George Harris," he said.

He told me then that he had gone to school and become a teacher. He had a wife and two children. He said his health was poor now, and he wanted to see me and thank me in person before he died. Then he walked to his car and left.

I know that what one says and does can make a big difference. I made a difference to George Harris, but I also made a difference for myself. When I think of the whole story and what it has meant for me, I have an overwhelming feeling of gratitude for having known George Harris.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 501 - 503.

1. When George Harris, the escaped convict, approached Calhoun Geiger in the field, why do you think Calhoun continued working on his plow? How did this make a difference in the situation?

2. What do you think George Harris thought when Calhoun Geiger started talking with him as if the club were not important? Why do you think George was so open to listen to what Calhoun said?

3. One of the ways Calhoun Geiger's response was nonviolent is that he asked questions but did not make judgments about George Harris's behavior nor try to tell him what to do. Why do you think this worked for Calhoun?

4. In what ways do you think that Calhoun's actions, when he grabbed and held the driver, were nonviolent?

5. What do you think could have led George Harris to write to Calhoun Geiger after so many years? How would it be different if George had never gotten in touch with Calhoun Geiger?

6. How would it be different if Calhoun had gotten in touch with George Harris instead of the other way around?

7. What do you find the most amazing or surprising thing about this story? What assumptions or beliefs about human behavior do people have that the story seems to challenge?

МАРСА ЯЛИЙТИНА ЦІЕ ДІАЯЙА ХАЛА ДУ

Юьртахъ вехаш хилла Иван цїе йолу цхъа ахархо. Дика Іаш хилла иза. Ша вара иза ницкъ болуш, юьртахъ уггар тоьлла белхало, кхо кІант вара цуьнан: цхъаъ зуда ялийна, шолгІаниг - зуда ялориг хилла, кхоалгІаниг, кхиина вогІу кІант, говрашка а хьожура, оханца гІо а дора.

Иванан йоккха стаг хьекъал долуш, дика зуда яра, дика нус нисъеллера царна - эсала а, гІуллакх деш а.

Кертахъ болх ца беш цхъаъ бен вацара - меттахъ висина воккха стаг - Иванан да (ворхІ шо дара иза, салосьцуш хиларна, пеша тІехъ Іуьллу).

Иванан бахамехъ яра кхоъ говр, бекъа, етт, эса, пхийтта уьстагІ а.

Зударша божаршна тІеюху а, когаюху а хІума тоьгура, ардаш тІехъ белхаш бора. Божарша бахам лелабора, керланиг тІедалац тоьуш ялта хьекъадора. Овесца ял дІаялар а, кхидолу хъашташ а кхочушдора.

Цуьнан кертахъ керт хотталуш вехаш вара лулахо Гаврило Хромой. Иванан мостагІалла тасаделира цуьнца.

Воккха стаг Гордей дийна волуш а, Иванан да кертахъ лелалуш волчу хенахъ а бертахъ бехара уьш. Кегийнаш кертахъ дай хилла дІахитгича, гІуллакх кхечу агІор дирзира.

Пайда боцучу хІуманна тІехула доладелира и дов.

Иванан несан котам хьалххе хІоаш дан йолаелира. Схъахетарехъ, бераша кхера а йина, керта тІехула

кхоссаелла дехъа а яьлла, лулахойн кертахъ хІоа динера цо. “ХІоа мичахъ дина ахъ?” - хабттича котамо жоп лур дац, цундела лулахошка йобду жима зуда. Цунна дуьхьал арайолу йоккха стаг.

- ХІун обшу хьуна, жиманиг?

- Сан котам ца елира шун керта, баба, цхьанхъа хІоа-м ца дина-те цо?

- БІаьрга гина а яц. Тхан тхешанаш ю, Далла бу хастам, дукха хенахъ дуьйна хІоаш деш. Тхешанаш схъаэцна оха, неханаш обшуш дац. Тхо нехан керташкахула хІоаш лехьош ца лела, жима зуда.

Халахетта зудчунна. Цо йоккхачу стаге ала ца деза дош а аьлла, цо дуьхьал шиь а аьлла, цу тІехула цушиннан дов доладелла.

Хи дохьуш йогІу Иванан зуда а цу девна юкъя-яхна. Гаврилин зуда а араиккхина, лулахочуьнга лен йолаелла.

Арара цІа вогІу Гаврила шайн зударшкахъа гІо даккха хІобттина. Шен кІантаца араиккхина Иван тасавелла царех. Леташ, вовшахъхъаьрчина уьш. Иван онда дегІ долуш хиларна, массо а дІасхъакхийсира цо. Амма Гаврилин маж тІера цхъа кан схъаяьккхина хиллера цо.

Цу тІера дІадоладелира церан мостагІалла.

Шен маж кехат юккье а хьарчийна, кІоштан кхеле дов эцна вахара Гаврила. Цуьнан зудчо лулахошна дозалла дора, шаьш Иван чувуллубуйтур ву, Сибрех вохубуйтур ву бохуш. Иштта генаделира церан мостагІалла.

Бехира цаьрга пеша тІехъ Іуьллуш волчу воккхачу стага, ма кьийса вовшашца. Кегийчара ла ца дуьйгІира. Воккхачу стага дукха бехира цаьрга:

- *Шавш ойла яйша, шадерриг а цхъа хІоа бахъана долуш доладелла. Летта-кх вовшех - къинош дина. Иза хуьлуш хуьлу. ГІой, вовшашна къинтІера довлийша, цу тІехъ чекхдаьлла-кх и. ХІуьттаренаш лело дуьйлалахъ, шайна эшам хир бу шуна.*

Ла ца дуьйгІира цара воккхачу стага бохучуьнга. Царна моьтттура, цо дуьйцург воккхачо хъекъална эшна дела дуьйцу. Иван, лулахочунна къера хилла, кІел ца сецира.

- *Ас цуьнан маж буха ца яьккхина. Иза цо шашена дина. Цуьнан кІанта, тІехъ мел йолу нуьйда а йоккхуш, сан коч вовшакъьяьккхина. Гой шуна?*

Иван кхеле вахара. Пуллакх кхелехъ луьстуш долуш, арахъ лаятта Гаврилин вордан тІера гІуй байна. Цунах шеко йолуш, ГаврилагІеран зударша Иванан кІант бІаьрза хъовзийра. Юха уьш а суьде бевлла. ЦАхъ, хІора дийнахъ бохург санна, вовшашца девнаш дуьйлура церан.

Цкъа божарий вовшашка луьйра, тІаккха шайн каяьлларг вовшийн ядайора Шайн зударий а, бераш а Іамийра изза лело. Гуламашкахъ а, кІюштан кхелехъ а дов леладора Иван Щербаковс, Гаврила Хромойс. Массо а суьдахошна кІордийнера уьш. Ялх шарахъ дахделлера церан дов. Пеша тІехъ Іаш волчу воккхачу стага гуттара а ша олуш дерг юха дуьйцура:

- *ХІун леладо аш, бераш? Дитийша шавш лелориг, гена ма далийтийша гІуллакх, нахана вас ма яйша, диканиг хир ду шуна. Шавш нахана вас мел йин а, вониг хир ду шуна.*

Ла ца дугІура воккхачу стаге.

ВорхІалгІачу шарахъ дов кхин а генаделира: ловзаргахъ Иванан несо Гаврилина нах болчохъ

Техтуйхира, лачкыйна говраш шуьгахь гучуяьлла аьлла. Гаврилас, вехна а волуш, са а ца тохаделла, ластийна хІума туйхира оцу зудчунна. КИранах меттахь Иллира зуда.

Хазахийтира Иванна, арз а эцна кхеле вахара иза юха а. *“ХІинца ас лулахочунна дан деззарг дийр ду, серий деттарх я Сибрех вахарх кІелхъара вер вац иза”*, - аьлла, хетара цунна. Амма юха а чекх ца делира Иванан гІуллакх. Талламхочо арз тІе ца ийцира, зудчуьнга хъаьжира иза; зуда хъалагІаьттинера; цуьнан дегІа тІехь цхъа а йиттина монаш долуш билгалонаш яцара.

Машаран кхеле вахара Иван, ткъа цигара цуьнан гІуллакх кІоштан кхеле дІадахыйтира. КІоштІахь дийца волавелира Иван. Старшинаний, писарний ах ведар чагІар а малийна, Гаврилина букъ тІе серий тоха сацам байтира. ДІабийшира Гаврилина кхело бина сацам: *“КІоштан урхаллехь кхело сацам бина ахархочунна Гаврилина букъ тІе ткъозза сара тоха”*.

ЛадоьгІна Гаврила юьхь тІехь, киса санна, кІайвелира. ДІа а вирзина, сени чу аравелира иза. Цунна тІаьххье Иван аравелира, шен говрана тІеваха. Цунна а хезаш Гаврилас элира:

- *Дика ду*, - элира цо. - *Сан букъ тІе еттар ю, вагор ву со, амма кхин а чІогІа иза вагош дерг ас а дийр ду.*

И дешнаш хезна, циггахь юхавирзина Иван суьдхой болчу вахара.

- *ХІай бакъонан суьдахой! Со вагор ву, боху цо!* - латкъам бира цо.

Гаврила юха чувийхира кхело, баккъал а цхъа телхинарг ма дахъара цо шена тІехь я лулахочунна

Техь аьлла хеташ. ТПаккха, хьала а гПаьттина, кьеначу суьдхочо элира:

- *Аш хIун дай, вежарий: барт байша шайна юкбахь. Ахь зудчунна нийса ца тоьхна. Хьайна кьинтIераваккха иза. Иван, хьо цунна кьинтIеравала. Оха тхайн сацам юхаязбийр бу. Уггаре хьалхара статья, сан ваша, цхьаь ю: Дела вицван мегар дац, Дала машар бан беза аьлла ду.*

Суьдхо божарийн барт бан гЮьртира, амма цунах гIуллакх ца хилира.

ТПаьхьо цIа вирзира Иван. Хезира цунна пеша тIерачу воккхачу стага йовхарш етгаш. Пеша тIерачу а текхна, гIанта тIе охьахиира воккха стаг. Гелвеллера иза гIанта тIе текхаш, етгара цо йовхарш, етгара, тIаккха стоьлах дIа а таьIна элира:

- *ТПаккха? Кхел йин?*

Ивана, эхь а хеташ, жоп делира.

- *Ткьозза букъа тIе сара тоха сацам бира.*

Реза воцуш корта ластийра воккхачу стага.

- *Хьаштдоцург леладо ахь, Иван, хьаштдоцург леладо. Цунна ца до ахь вониг, хьайна до. Дуйне мел ду лелаш ву хьо, Иван, ткъа со маситта шо ду пеша тIехь Iуьллу, цундела хьуна моятту, хьайна шадерриге го, суна ца го. ХIан-хIа, жима стаг, хIумма а ца гуш верг хьо ву: оьгIазлоно бIаьрса дайина хьан. Нехан кьинош хьуна хьалха ду, ткъа хьайнаш - букъ тIехьа ду. Хьайн син ойла ел ахь. Иштта дан мегар ду тIаккха? Ахь соьга цхьа дош, ас хьовьга - шиь, ахь суна - тIара, ас хьуна - шиь. ХIан-хIа, сан хьомениг, Дала иштта хила ца боху вайга, вай, Iовдалша, и лело мегар дац. Хьовьга дош олу - хьо вист ма хила, аьллачун-*

на шена эхь хетийта. Иштта Гамийна Цо вай. Хьуна тIара туйьхи бесни тIе, ахь хьайн важа агIо ерзае, схьатоха суна, алий. ТIаккха цунна эхь хетар ду. Хьовца тайна, ахь бохург дийр ду. Иштта Гамийна Цо вай, вовшех тийсадалихта ма ца Гамийна.

Ивана, доккха садоккхий, ойла йо: бакъ ма лов воккха стаг. Дог деша цуьнан. Амма ца хаьа цунна, и гIуллакх муха дерзо деза хIинца, машар муха бан беа. Кхин цхьаь ала гIертара воккха стаг, амма ца кхиира иза. Зударий чулилхира, чIегIардигаш санна, луйьш. Царна массо а хIума хууш дара: Гаврилина серий детта кхел яр а, цо, цIе тосур ю бохуш, кхерамаш тийсар а. Цара дуьйцучуьнга ла а доьгIна, Иванан дог юха а чIагIделира, Гаврилица машар бан ца лиира цунна.

Стеган кертахь дан гIуллакхаш даима а алсам хуьлу. Зударшца хабар дуьйцуш а ца лаьтташ, хьала а гIаьттина, Иван бун чу а, божал чу а вахара. Цу чохь цIан а йина, иза юхавале, малх чубуьзнера. “*Кертана го баккха ас, - аьлла, хийтира цунна. - Хьанна хаьа...*”

Меллаша а, тийна а ду Иванан болар, когахь юьйцина мачаш йолу дела. ЦIийнан маьIе кхаьчча дIахьаьжча, вукху агIор цхьа серло елира нахарна юххехь. И серло юха а кьайлаелира. Дог тохаделира Иванан, ша волччахь сецира иза. Иза соьцушехь, цу меттехь юха а серло елира. Дикка кьаьсташ гора цунна голаш тIе хиьна, шегахьа букъ берзийна стаг, коьртахь куй а болуш. Буйнара чен цIевнах цIе латош гира цунна. Иванан дог тохаделира. ЦIеххьана цIе серлаелира, хIинца кхечу меттехь.

Иза жима цIе яцара.

Гаврила а вара лаьтташ, ма-варра гуш.

Цицигна жІаьла санна, тІекхийтира Иван Хромойна. “*ХІинца-м лоцур вара ас хьо, - ойла йора цо. - ХІинца-м гІур вацара хьо!*”

Ивана вортан тІера лаца катуххушехь, цуьнан карара велира Гаврила. Цуьнан кучан юхах катуьйхира Ивана. Кучан юх хедира, Иван охъавуьйжира. Сихха хьалаиккхира Иван: “*Орца дала! Орца дала!*” - мохь хьаькхна, юхаведира. Иза, хьалагІатта гІерташ, тийсалуш воллушшехь, Гаврила шен цІийнан юххе кхечира, кхуззахь Иван а тІекхечира цунна. Схьалаца гІуртушшехь, цуьнан коьртах цхьа хІума кхийтира, тІулг санна еза. Иза бара Гаврилас керта юххера схьаэцца ножан хьокха. Иван шена тІекхоччушехь, цо, ластийна, цуьнан коьртах туйхира иза.

Тентаквелира Иван, цуьнан бІаьргара суйнаш тийсира, тІаккха бода хІоьттира бІаьргашна дуьхьал. Ласта а лешаш, охъавуьйжира иза. Иза меттавеача, Гаврила вацара; дийнахь санна, сирла яра, цуьнан цІенош долчу агІор, машен йогІуш санна, гІар-тата хазара. Иван цу агІор вирзича, цунна гира, шен рагІу цІе летта догуш. И цІе цІеношна гергакхьяьчнера, кІур а, цІе а, нехаш а хьерчаш яра.

- *ХІун ду теша хІара, нах?* - мохь белира Иване. - *Ас, и цІе летта чемхалгашна, схьа а даьхна, тІе мийраш хьаькхнехьара...*

Дукха адамаш схьагулделлера, амма дан хІума дацара. Лулахоша шайн хІуманаш араидайора, даьхни керташкара аралобхкура. Иванан цІенна тІера Гаврилин цІийнах дІалетира и цІе, мох белира, цІе урам-некьал дехьаелира. Ах юрт егира.

Сахиллалц егира цІе. Иван, шен керта юххе а

хІобттина, хьобжуш лаьттара, ша-шега юх-юха а бохура цо: “*ХІун дин ас, нах? ЦІе гена ялале, тІе когаш а тоьхна, дІаяйна елира ас*”.

Сахуьлллуш Иване кхайкха старостас шен кІант ваийтира.

- *Дядя Иван, хьан да леш ву, хьобга кхайкха бахара цо, весет дан.*

Шен да а вицвеллера Иванна, ца кхетара и шега бохучух.

- *Ахь хІун да вуьйцу?* - ца кхетара Иван. - *Хьабнга кхойкху?*

- *Хьобга кхойкху, весет дан. Тхан чохь ву, иза леш воллу. Схьавола, дядя Иван,* - жоп делира старостин кІанта, цуьнан куьг лаьцна, иза дІа а озош.

Иван, старостин кІантана тІабхьа а хІобттина, дІавахара.

Воккха стаг, буйна чІурам лаьцна, неІарехьа а хьобжуш, паднара тІехь Іуьлллуш вара. КІант чохьхаваьлча, воккха стаг вистхилира:

- *ТІаккха, Ванятка,* - элира цо, - *бехирий ас хьобга? Хьан тесна юьртах цІе?*

- *Цо, дада,* - элира Ивана, - *цо тесира, суна ган а гуш. Суна а гуш, цІе тхевнах тесира цо. Ас, и цІе летта чамхалгаш схьа а даьхна, тІе мийраш хьабкхнехьара, хІумма а хир дацара.*

- *Иван,* - элира вокхачу стага, - *сан Іожалла гергакхаьчна, хьо а цкьа вала везаш ву. Хьан ду кьа.*

Кхуззахь меттавеара Иван, иза а кхийтира хуьлуш долчух. Мара хьала а ийзош, вистхилира иза:

- *Сан ду, дада!* - дена хьалха горахІобттира иза, велха а воьлхуш. - *Суна кьинтІеравала, дада, хьуна гергахь а, Далла гергахь а бехке ву со.*

Воккхачу стага куьйгаш меттахдехира, аьрру куьйга чIурам схьа а лаьцна, аьтту куьг хьаж тIе дилла гIоьртира иза, амма, тIекхачале, куьг сецира цуьнан.

- *Далла хастам бу! Далла хастам бу!* - элира цо, юха а ши бIаьрг кIантана тIе а хьажош. - *XIинца xIун дан деза?*

Иван воьлхуш вара.

- *Суна ца хаьа, дада,* - элира цо.

- *Варийлахь, Иван, цхьаьнгге а ма алалахь, цIе теснарг мила ву. Нехан кьа хьулде, Дала гечдийр ду хьуна.* - ЧIурам буйна а боьल्लीна, шен ши куьг дог долчу а диллина, доккха са а даьккхина, оза а велла, дIавелира иза.

Ивана гучу ца ваьккхира Гаврила. Цхьанне ца хиира, цIе стенах яьлла.

Иванан а, Гаврилин а дегнаш дастаделира. Гаврила цецвуйлура, Ивана ша гучу цаваккхарх. Юьхьанца кхоьрура Гаврила, тIаккха дIавуйлира. Девнаш дохучуьра севцира божарий а, церан доьзалш а. ЦIенош дина бовллалц цхьана кертахь Iийра. Иванна дас дина весет, шена бина хьехам а, Дала бо-хург а *“цIе лата ма летта, дIаяйа езар”* а даимна а дагахь лаьттара.

Нагахь санна цхьаммо вониг дахь, цунна декха а ца гIерташ, и гIуллакх тодан аьтто лаха беза; нагахь санна цхьаммо вон дош алахь, кхин а вониг дуьхьал ала ца гIерташ, важа Iамо веза, и вон дош ца ала. Иштта кхето беза шайн доьзалш, зударий, бераш. Товелла Иван Щербаков, хьалхачул а тобелла цуьнан бахам.

Гочдинарг - Залта Берсанова

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІун бахъана дара йоккхачу стеган, Иванан несан дов даларан? ХІун маџна дара оцу девнан?

2. Оьшуш дарий-те хІоа бахъана долуш девнаш даха? Шуна муха хета, хІун бахъана долуш доху наха иштта кег-мерза хІуманаш тІехь девнаш?

3. Йоккхачу стеган дешнашна дуьхъал кхечу кепара муха ала мегар дара Иванан несо?

4. ХІун хир дара, нагахь Иванан несо бабин дешнаш тидаме ца оьцуш дитинехь? Я къамел кхечу хІуманна тІе дерзийнехь? Я къамел кІеда-мерза динехь? Кхин дІа долу шина доьзалан дахар тІаккха муха хир дара? Юьртан?

5. Шина доьзална юкъахь даьлла дов сацо аьтто барий-те? Аш муха дийр дара и?

6. Маца хийцаелира Иванан, Гаврилан юкъамет-тигаш? ХІунда? Стен гІо дира царна вовшех кхета?

7. ХІун хир дара, Ивана массаьрга дийцинехь, цІетеснарг Гаврила ву аьлла? ТІаккха муха дІадоьрзур дара и гІуллакх?

8. Ивана цІе ца теснехь а, стенна тІехь бу цуьнан бехк?

УПУСТИШЬ ОГОНЬ - НЕ ПОТУШИШЬ

Печатается в сокращении

Жил в деревне крестьянин по имени Иван. Жил хорошо. Сам был в полной силе, первый на селе работник, да три сына на ногах: один женатый, другой жених, а третий, подросток, с лошадьми ездил и пахать начинал. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смиренная и работающая. Только нерабочих ртов во дворе и было, что один старик-отец больной (от удушья седьмой год на печи лежал).

Всего было довольно у Ивана - три лошади с жеребенком, корова с подтелком, 15 овец. Бабы обували, обшивали мужиков и в поле работали; мужики крестьянствовали. Хлеба своего за новину переходило. Овсом подати и нужду всю справляли. Да двор об двор жил с ним сосед Гаврило Хромой. И завелась с ним у Ивана вражда.

Пока старик Гордей жив был и Ивана отец хозяйствовал, жили мужики по-соседски. А стали хозяйствовать молодые, пошло другое.

Затеялось все из пустого.

Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Только спугнули, видно, ребята курицу и перелетела она через плетень к соседу и там снесла. И спросила бы у ней, где снесла, да не ответит, и пошла молодайка к соседям. Встречает ее старуха.

- *Чего тебе, молодка, надо?*

- *Да что, - говорит, - бабушка, моя курочка к вам не перелетала, не снесла ли яичка где?*

- И видом не видали. У нас свои. Бог дал, давно несутся. Мы своих собрали, а нам чужих не надо. Мы, девушка, по чужим дворам собирать яйца не ходим.

Обидно стало молодойке, сказала слово лишнее, соседка ей два, и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена с водой и ввязалась.

Выскочила Гаврилова хозяйка, стала соседку укорять.

Подъехал с поля Гаврило, вступился за своих баб. Выскочил Иван с сыном, свалились в кучу. Иван здоровый был, раскидал всех. Гавриле клок бороды выдрал.

С того началось.

Завернул Гаврило свой клок бороды в грамотку и пошел в волостное судиться. А жена его соседям хвалится, что они теперь Ивана посадят, в Сибирь сошлют. И пошла вражда.

Уговаривал их с печи старик еще с первого дня. Не послушали молодые. Говорил он им:

- Ведь подумайте, все дело у вас из-за яйца завязалось. Ну подрались - грешные люди. Бывает и это. Ну, подите, попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете - вам хуже будет.

Не послушали молодые старика, думали, что все это старик не к делу говорит, а только по-стариковски брюзжит. Не покорился Иван соседу.

- Я, - говорит, - ему бороды не рвал, он ее сам себе выщипал, а его сын мне пельки оборвал и всю рубаху на мне. Вот она.

И поехал Иван судиться. Пока судились, пропал у Гаврилы из телеги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этим шкворнем Иванова сына.

Опять стали судиться. А дома - что ни день, то брань, а то и драка. Сначала клепали мужики друг на дружку, а потом и вправду, чуть что плохо лежит, стали и таскать. И так и баб, и ребят приучили. Судились Иван Щербаков с Гаврилой Хромым и на сходках, и в волостном, и у мирового, так что и судьям всем надокучили. И шло так у них дело шесть годов. Только старик на печи все одно говорил. Начнет, бывало, усовещать:

- Что вы, ребята, делаете? Бросьте вы все счеты, дело не спускайте, а на людей не злобьтесь, лучше будет. А что больше злобитесь, то хуже.

Не слушают старика.

Зашло дело на седьмом году о том, что на свадьбе стала сноха Иванова Гаврилу при народе срамить, стала его уличать, что он с лошадыми попался. Был Гаврило пьяный, не сдержал своего сердца, ударил бабу и зашиб так, что она неделю лежала. Обрадовался Иван, поехал с прошением к следователю.

Теперь, думает, развяжусь я с соседом, не миновать ему острога или Сибири. Да опять не вышло Иваново дело. Не принял следователь прошения. Освидетельствовали бабу: баба встала и знаков нет. Поехал Иван к мировому, а тот переслал дело в волостное. Стал Иван хлопотать в волости, писарю со старшиной полведра сладкой выпоил и выхлопотал, что присудили высесть Гавриле спину. Прочли Гавриле на суде решение: *“Суд постановил: наказать крестьянина Гаврилу Гордеева двадцатью ударами розог при волостном правлении”*.

Выслушал Гаврило, побелел как полотенце, повернулся, вышел в сени. Вышел за ним и Иван, хотел к лошади, да услышал, - говорит Гаврило:

- *Ладно, - говорит он, - мою спину высечет, загорится у меня, да у него как бы больше чего не загорелось.*

Услыхал эти слова Иван, тотчас вернулся к судьям.

- *Судьи праведные! Он меня спалить грозит.*

Позвали Гаврилу. Как бы, думают, он и впрямь чего худого над соседом или над собой не сделал. И стал старичок-судья говорить:

- *А вот что, братцы: сойдитесь-ка вы лучше добром. Ты, брат Гаврило, разве хорошо сделал - бабу ударил? Ты повинись и поклонись ему. А он простит. Мы это решение перепишем. Первая статья, братец, одна: Бога помнить надо, а помириться Бог велел.*

И стал судья уговаривать мужиков, да не уговорил. Вернулся Иван домой поздно. И слышит он, закашлялся старик на печи. Сполз старик, протащился до лавки и сел. Уморился до лавки доползать, кашлял, кашлял старик, откашлялся, оперся на стол и говорит:

- *Что ж? Присудили?*

Иван говорит:

- *Двадцать розг присудили.*

Помотал старик головой.

- *Худо, - говорит, - Иван, ты делаешь. Ох, худо! Не ему, себе худо делаешь. По всему ты, Иван, вольному свету ходишь и едшишь, а я на печи который год лежу, ты и думаешь, что ты все видишь, а я ничего не вижу. Нет, малый, тебе ничего не видно: тебе злота глаза замстила. Чужие-то грехи - перед тобой, а свои - за спиной. Ты об душе-то подумай.*

Разве так надо? Ты мне слово - я два, ты мне плюху - я тебе две. Нет, милый, Христос по земле ходил, не тому нас, дураков, учил. Тебе слово, а ты смолчи, - его самого совесть обличит. Вот как он нас, батюшка, учил. Тебе плюху, а ты под другую подвернись: на, мол, бей, коли я того стою. А его совесть и зазрит. Он смирится и тебя послушает. Так-то Он нам приказывал, а не гордыбачить.

Вздыхнул и Иван, думает: правду старик говорит, и отошло у него вовсе сердце. Только не знает, как дело это сделать, как помириться теперь. Хотел еще что-то сказать старик, да не договорил: пришли бабы в избу, застрекотали, как сороки. До них уже все вести дошли: и как Гаврилу присудили розгами высечь, и как он сжечь грозился. Послушал их речи Иван, и застыло у него опять сердце, и раздумал мириться с Гаврилой.

У хозяина во дворе всегда дела много. Не стал с бабами говорить Иван, а встал и пошел на гумно и в сарай. Пока убрался там да вернулся во двор, уж и солнышко зашло. *“Дай, обойду двор, - подумал он. - Кто его знает”*.

Ступает Иван тихо, в лаптях, так что и сам своих шагов не слышит. Дошел до угла - глядь, на том конце что-то блеснуло у сохи и опять скрылось. Так и ударило Ивана в сердце, и остановился он. Только остановился он, на том же месте вспыхнуло ярче, и явственно видно - сидит на корточках к нему спиной человек в шапке и соломы пучок в руках разжигает.

Забилось у Ивана сердце в груди как птица. Вдруг засветилось ярко-ярко, да уже не на том месте и не маленький огонек, а полымем вспыхнула соло-

ма под застрехой и на него несет, и Гаврило стоит, и всего его видно.

Как ястреб на жаворонка бросился Иван на Хромого. *“Скручу, - думает, - не уйдет теперь!”*

Только он хотел ухватить его за шиворот, вывернулся у него из-под рук Гаврило, и поймался Иван за полу. Пола порвалась, и упал Иван. Вскочил Иван: *“Караул! Держи!”* - и побежал опять.

Пока он поднимался, Гаврило уже был у своего двора, и тут Иван настиг его. И только хотел сцапать, как вдруг оглушило его что-то по голове, как камнем ударило по темени. Это Гаврило у двора поднял дубовый кол и, когда Иван подбегал к нему, со всего маху ударил его в голову.

Очумел Иван, посыпались у него искры из глаз, потом потемнело, и зашатался он. Когда он опомнился, Гаврилы не было; было светло как днем, и со стороны его двора, как машина шла, гудело и трещало что-то. Иван повернулся и увидел, что задний сарай его полыхал весь, боковой сарай захватило, и огонь, и дым, и оскретки соломы с дымом гнало на избу.

- *Что же это, братцы?* - вскрикнул Иван. - *Ведь мне бы только выдернуть из застрехи да затоптать!*

Народу сбежалось много, но делать нечего было. Соседи вытаскивали добро и сгоняли со дворов свою скотину. После Иванова занялся Гаврилин двор, поднялся ветер, перекинуло через улицу. Снесло половину деревни.

Горело долго, всю ночь. Иван стоял около своего двора, смотрел и только все приговаривал: *“Что же это, братцы? Только бы выхватить да затоптать”*. К утру прислал за Иваном староста.

- *Дядя Иван, твой родитель помирает, велел тебя звать проститься.*

Забыл Иван и про отца и не понял, что ему говорят.

- *Какой, - говорит, - родитель? Кого звать?*

- *Велел тебя звать - проститься, он у нас в избе помирает. Пойдем, дядя Иван,* - сказал старостин сын и потянул его за руку.

Иван пошел за старостиным сыном.

Старик лежал на лавке со свечкой в руке и косился на дверь. Когда сын вошел, старик заговорил:

- *Что, Ванятка, - сказал он, - говорил я тебе? Кто сжег деревню?*

- *Он, батюшка, - сказал Иван, - он, я и застал его. При мне он и огонь в крышу сунул. Мне бы только выхватить клоч соломы с огнем да затоптать, и ничего бы не было.*

- *Иван, - сказал старик, - моя смерть пришла, и ты помирать будешь. Чей грех?*

Тут только очнулся Иван и все понял. И засопел носом и сказал:

- *Мой, батюшка!* - И пал на колени перед отцом, заплакал и сказал: - *Прости меня, батюшка, виноват я перед тобой и перед Богом.*

Старик подвигал руками, перехватил в левую руку свечку и потащил правую ко лбу, хотел перекреститься, да не дотащил и остановился.

- *Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!* - сказал он и скосил глаза опять на сына. - *Что же надо делать теперь?*

Иван все плакал.

- *Не знаю, батюшка,* - сказал он.

- Смотри же, Ваня, не сказывай, кто зажег. Чужой грех покрой, Бог два простит.

И взял старик свечку в руки, сложил их под сердцем, вздохнул, потянулся и помер.

Иван не сказал на Гаврилу, и никто не узнал, отчего был пожар.

И сошло у Ивана сердце на Гаврилу, и дивился Гаврило Ивану, что Иван на него никому не сказал. Сначала боялся Гаврило, а потом привык. Перестали ссориться мужики, перестали и семейные. Пока строились, жили обе семьи в одном дворе. И жили Иван с Гаврилой по-соседски, так же, как жили старики. И помнит Иван Щербаков наказ старика и Божие указание, что тушить огонь надо в начале.

И если ему кто худое сделает, норовит не другому за то выместить, а норовит, как дело поправить; а если ему кто худое слово скажет, норовит не то что еще злее ответить, а как бы того научить, чтобы не говорить худого; и так и баб, и ребят своих учит. И поправился Иван Щербаков, и стал жить лучше прежнего.

Вопросы для обсуждения

Рисунок к рассказу приведен на стр. 504.

1. Что было причиной ссоры снохи Ивана и бабушки? Насколько это было важно?

2. Стоило ли ссориться из-за яйца? Как вы думаете, что заставляет людей спорить о таких мелочах?

3. Как могла бы иначе повести себя сноха Ивана в ответ на слова старушки?

4. Что бы произошло, если бы сноха не обратила внимания на бабушкины замечания? Перевела бы раз-

говор на другое? Вела бы речь дружелюбно? Как бы это повлияло дальше на жизнь обеих семей? Деревни?

5. Можно ли было прекратить ссору двух семей? Как бы вы это сделали?

6. Когда изменились отношения Ивана и Гаврилы? Почему? Что помогло им найти взаимопонимание?

7. Что бы случилось, если бы Иван всем сказал, что Гаврило устроил поджог? Чем бы закончилась эта история?

8. В чем вина Ивана, даже если это не он устроил пожар?

9. *ПРЕАМБУЛА Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: "...принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...". Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: "Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства". Статья 9 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: "Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию".*

- Иногда мы даем волю злости руководить нашими поступками, и мы принимаем спорные решения точно также, как это сделали Иван, его невестка и Гаврило. Статей 1 и 9 призывают нас быть разумными, относиться к другим в духе братства, и быть защищенными от произвольного или неправомерного ареста. Как повлияли на других персонажей рассказа принятые спорные решения?

- Видите ли вы в течение всего рассказа те возможности, которые возникали у всех трех персонажей принять решения отличные от тех, какие они приняли? Как бы изменился рассказ, прими они другие решения?

PUT OUT THE FIRE OR IT WILL SPREAD

By Leo Tolstoy
Shortened version

There once was a Russian peasant by the name of Ivan. He was well off and the best worker in his village. He had three healthy sons who were good workers too. The eldest son was married, the middle son engaged, and the youngest son was good at riding horses and plowing. Ivan's wife was intelligent and thrifty, his daughter-in-law quiet and hard working. The only member of the family unable to work was Ivan's father; he had trouble breathing and had lain for seven years on the stove.

Ivan had everything he could want: three horses and a colt, a cow and a calf, and 15 sheep. They had food to last them to the next harvest and beyond, oats to sell for taxes and all their needs. They should have had a good life. But in the farm next to them there lived a man named Gavriilo the Lamé, and Gavriilo and Ivan hated each other.

Ivan's daughter-in-law had a hen that started laying early in the year. But one day the children must have frightened her and she flew over the fence into Gavriilo's yard and laid an egg there. Ivan's daughter-in-law went and talked to Gavriilo's mother.

"What do you want, young woman?"

"Well, Granny, my hen flew over to your place today and I wondered if she'd laid an egg here."

"Can't say I've seen it," she said. "We don't go gathering other people's eggs."

The young woman was insulted and said a harsh word or two. The old woman responded in kind, and soon they were calling each other names. When Ivan's

wife happened along carrying water, she got mixed up in the argument. Then Gavriilo's wife rushed out and told Ivan's wife off. When Gavriilo came home from the fields, he stood up for his wife. Then Ivan and his son rushed out and joined the fray, and the red-blooded Ivan sent them all flying and tore out a piece of Gavriilo's beard.

That is how it all began.

Gavriilo wrapped the hair from his beard in a piece of paper and set off for the District Court to lodge a complaint. His wife boasted to the neighbors that they would have Ivan sentenced and sent to Siberia.

Ivan's father tried to talk the young people out their folly, saying, "To think it all began with an egg. But now ask forgiveness and put an end to it. For if you persist in your anger, things will be the worse for you."

But the young people would not listen to him. They thought he was talking nonsense, merely grumbling as old men are wont to do. Ivan refused to humble himself before his neighbor.

So Ivan pulled Gavriilo into court. And while they were there, the coupling pin of Gavriilo's cart disappeared, and Gavriilo's wife and mother falsely accused Ivan's son of having stolen it.

Again they went to court, while at home not a day passed without a squabble or even a fight. At first they merely spoke ill of one another, but then they really did begin to steal anything they could lay their hands on. They taught the womenfolk and children to steal as well. And so it continued for six years. The old man on the stove kept telling them, "Settle your scores, stick to your work, bear no one ill will, and things will be better. The angrier you are, the worse things will be."

But they would not listen.

In the seventh year, Ivan's daughter-in-law disgraced Gavriilo by telling everyone at a wedding that he had been caught stealing horses. Gavriilo was drunk and couldn't contain his temper, and he struck her, so hard that she lay in bed for a week.

Ivan was pleased. He took a petition to the investigating judge. But again Ivan's scheme did not work. The woman was examined. She got out of bed and there were no signs of wounds. So Ivan went to the Justice of the Peace, who referred the matter to the District Court. There Ivan bribed the officials and got them to agree to sentence Gavriilo to a flogging. The scribe read out the following verdict to Gavriilo. "The court sentences the peasant Gavriilo to 20 lashes."

When Gavriilo heard the verdict, he turned white as a sheet and left the court. Ivan went out after him, and as he was heading for his horse he heard Gavriilo say, "Fine. He will have me flogged and my back will burn. But see if something of his doesn't burn too!"

Having heard these words, Ivan went back to the judges at once.

"Righteous Judges, Gavriilo has threatened to set my house on fire!"

They sent for Gavriilo. "You know what, friends? Hitting a woman like that, Gavriilo, isn't right. Own up to your guilt and ask Ivan to forgive you. He'll forgive you, and we'll change the sentence. Because the law that stands above all others is: Remember God. And God commands people to live in peace."

The judge did everything he could to bring the peasants around, but he did not succeed.

Ivan got home late. He heard his father coughing on the stove. "Well, did they sentence him?" he asked. "Yes," Ivan said, "to 20 lashes."

The old man shook his head. "You have done wrong," he said to Ivan, "and you have wronged yourself more than him. Hatred has bound your eyes. You can see his wickedness but not your own. Had he alone been bad and you good, there would have been no ill will. Think of your soul. You say a harsh word, I say two. You hit me, I hit you. No, my son. Christ did not walk the earth to teach us fools that. If someone says a harsh word to you, hold your tongue. His conscience will convict him. That is what Christ taught us, son. If someone hits you, let him hit you again. "He will make his peace with you and listen to you. That is what Christ told us to do, not to be proud." Ivan sighed and thought, "Father is speaking the truth," and his heart melted entirely. But he did not know how to go about making peace.

His father was about to say something more when in came the womenfolk chattering like magpies. They had heard the news about how Gavriilo had been sentenced to flogging and how he had threatened to burn them out. Listening to what they had to say, Ivan's heart grew hard.

"Let me have a look around the house," he thought. He stole along so softly in his bast shoes that he couldn't hear his own footsteps. When he got to the far corner, what did he see but something flash near the plow and then vanish. He stood stock still, as if his heart had been struck a blow. At that moment something flashed more brightly in the same spot, and he could make out the back of a man in a cap squatting and lighting a bundle of straw.

Suddenly he saw a much brighter light in a different spot. It was no mere flash either: the straw under the eaves had burst into flame. By the time the flames spread to the roof, he could see Gavriilo standing there. There was no mistaking him.

Ivan swooped down on him like a hawk on a lark. He was about to seize him by the collar when Gavriilo slipped out of his grasp. Ivan grabbed hold of his coat, but it tore and Ivan fell. He jumped up shouting, "Stop! Police!" and dashed after him.

Gavriilo was almost in his own yard by then, but Ivan caught up with him. Then, just as he reached out to grab him, something came down on his head like a stone. Gavriilo had picked up an oak stake and struck Ivan with all his might. By the time he had come to, Gavriilo was gone. It was as bright as day and he could hear something rumbling and crackling like a machine. He turned in the direction the noise was coming from and saw that the back barn was aflame, the side barn had caught fire too, and fire, smoke, and sparks of thatch were whisking toward the hut.

"What have I done, friends?" he cried. "If only I'd pulled the burning straw out of the eaves and stamped it out."

Many people came running up, but it was too late. The neighbors dragged everything out of their huts and drove all the livestock out of their yards. Gavriilo's property caught fire after Ivan's, and the wind carried the flames across the road as well. Half the village was destroyed.

The fire burned a long time, all night. Ivan stood by, watching and repeating, "What have I done, friends? All I had to do was pull out the straw and stamp on it."

Towards morning the village elder sent his son to Ivan. "Your father is dying," he said. "He wants you to come and say good-bye."

But Ivan had forgotten all about his father and did not understand.

"He wants you to come and say good-bye. He's in our hut. He's dying. Come with me."

The old man lay on a bench with a candle in his hand, looking over at the door. When his son entered he stirred and said, "What did I tell you, my son? Who burnt down the village?"

"He did, Father," said Ivan. "He did. I caught him at it. But if I had grabbed the burning straw and stamped on it, nothing would have happened."

"Ivan," the old man said. "I am near death. You shall die one day too. Whose sin is this?"

Not until then did Ivan see his error and understand everything. He sniveled and said, "Mine, Father." And he fell on his knees before his father and wept, saying, "Forgive me, Father. I am guilty before you and before God."

The old man's hands started moving. He shifted the candle to his left hand, raised the right to his forehead: he was trying to cross himself.

"Praise be to Thee, O Lord!" he cried. "Praise be to Thee!" And turning his eyes upon his son once more, he said, "What must you do now?"

"I don't know, Father," he said.

"This is what you must do, Ivan. Tell no one who lit the fire. Hide the sin of another and God will pardon two of your own." And the old man took the candle in both hands, folded his hands on his chest, sighed, stretched his full length, and died.

Ivan never told on Gavriilo, and no one ever learned how the fire had started. Ivan's ill will towards Gavriilo vanished, and Gavriilo wondered why Ivan told no one about him. At first Gavriilo was afraid, but then he saw there was no reason to be. Both the men and the women gave up quarreling, and while they were rebuilding, the two families lived in one house. Ivan and Gavriilo lived like neighbors, as their fathers had lived.

Ivan remembered his father's bidding and the divine command to put out the fire before it spreads. If anyone did him an injustice, he did not take vengeance but tried to set things right. If anyone said a harsh word to him, he did not respond with a harsher one but tried to teach the person not to use harsh words. And he taught the same to his womenfolk and children. Thus Ivan recovered and lived even better than before.

Translated by Michael Henry Heim

Discussion Questions

Image for this story can be found on p. 504.

1. What was the reason for the quarrel between Ivan's daughter and Granny? How important was it?

2. Was it justified to argue over an egg? What do you think makes people argue over little things like this?

3. How could Ivan's daughter have responded differently to Granny's remarks?

4. What might have happened if Ivan's daughter had ignored Granny's remarks? Changed the subject? Spoken in a friendly manner? What difference might such a response have made to their families? To the rest of the village?

5. Would it have been possible to stop the argument between the families? If so, how might you go about doing this?

6. In what way was Ivan responsible for the disaster, even though he had not actually lit the fire?

7. When did Ivan and Gavrilo begin to feel differently? Why? What helped them understand each other?

8. What might have happened if Ivan had told everyone that Gavrilo started the fire? How might the story have ended then?

9. PREAMBLE: of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations states: Whereas recognition of the inherent dignity and the equal and unalienable right of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world.

Article 1. of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

Article 9. states: No one shall be subjected to arbitrary arrest, detention or exile.

- Sometimes we let our anger drive our actions and we make questionable decisions just like Ivan, his daughter-in-law and Gavrilo did. Articles 1 and 9 speak to being reasonable, treating others in brotherhood, and being safe from arbitrary arrest. How did the questionable decisions made impact the rights of the others in the story?

- Throughout the story, can you see opportunities that these three characters had to make different decisions than they made? What difference would different decisions make in the story?

Патриша Кокрелл

СО ОБИЙ-ТЕ КЪИНХЕТАМЕЧУ ДАЛЛА

ШаӀман жима волуш дуйна массарна а дукхавезара. Шен кӀедачу амалца цунна ша везийта а хаӀара.

Гобаьккхина сийна аренаш а йолуш, уллохь ирхьяхана говран нуьйрах тера раҗӀ а йолуш, хазачу метехь Ӏуьллучу Серноводск-юьртахь вехаш вара иза. Цу юьртахь бехачу наха дозалла дора шайн юьртабахаман техникумах, школах. Цул сов, довха, дарбане хиш долуш, цу хиш уллохь ехкина курорташ йолуш, массанхьа а евзаш меттиг яра Серноводск. Машаре а, ирсе а дара кхузахь дахар.

Бепиг дечу пекарнехь болх беш вара ШаӀман Нохчийчохь тӀом балале. Балхара мукъаваьлча, цӀахь цхьацца чархашца, электроникца я гӀишлошьярца говзалла лелайора цо. Эшаршка, мукъамашка ладугӀуш а чӀоҗӀа хазахетара цунна. Къасттана езара рок олу эшарш, Бетховенан произведенеш.

Юьртахь бехачу наха дукха гӀуллакхаш тӀекхобхьура ШаӀманна. Автомашенаш тӀера бедарш тоьгучу чархана тӀекхаччалц - массо а йобхна хӀума цунна гойтура. ШаӀманна уьш тоян а хаӀара.

Нахана вевзаш а, везаш а стаг вара ШаӀман, амма цхьанна а ца хаӀара, цхьа хало тӀехӀобттича, цо шегара мел турпалалла гойтур ю.

Шен 24 шо кхаьчначу хенахь цхьадолу хӀуманаш дита дийзира ШаӀманан. Иза кхийтира, цӀийнан дукъ шена тӀехь дисарх. Дена-нанна гӀо дан а, йишаваша хьалакхио а ахча дезара.

Цундела иза йоккхачу гӀала - Москва, вахара, алссам рицкӀа гулдан. Амма цигахь вежа ца Ӏавелира

иза. Цахь сингаттаме дара. Массарна а гуш дара, тЮм хирг хилар. Иштта хила а хилира.

тЮм болабелла аьлла шена ма-хеззинехь, сихонца кеманна билет а эцна, шен цІа, Серноводске, воґура ШаІман. Цу кемана чохь кхечу пачхьалкхера журналисташ кхийтира цунах. Журналисташа, шайна некъ гойтуш, хьалхавалахьара аьлла, дийхира ШаІмане. Шен машенаца цо шашь оьшу-оьшуче дІадигахь, 1000 доллар ахча а лур ду, элира. ШаІман резахилира.

Цу хенахь Грозный-гІалахь дерг къаьхьаде дара. Теетта бомбанаш, Іохку нехан декьий, дохийна ценош, аьтта куьзганан бІаьргаш, Іенна аьтгачу кибарчигийн а, тІулгийн а аьхкаш, жагІа, гІум, йохийна, дІасакхийсина мебель, кхийолу хІусамашкара хІуманаш.

Цхьана нехийн барза тІехь жимачу стеган, цуьнан нускалан сурт Іуьллура. ШаІмана ойла йира: *“Мичахь ду-те шувшиь хІинца?”*

Оццул чІоґІа дохийначу цІенойн подвалаш чохь дийна адамаш карийча, цецваьлла висира ШаІман. Дукха адамаш дара гІалара арадовлаза дисина: оьрсий, нохчий, гІажарий, кхиберш. ТІебеанчу балано царех массарах а йиша-ваша динера. Цхьаьна ловра цара халонаш. Юург, хи, йовхо, электричество - дерриге а дІадаьллера.

Цу нахах къахетта, ШаІман царна шен ма-хуьллу гІо дан вуьйлира. Шена журналисташа деллачу ахчанах цо царна юург, хи, молханаш кхоьхьура. Сих-сиха ШаІманна гІо деш улло волура цуьнан ваша Іадлан а. Иччархойх ларлуш, уьдуш, тебаш, хала лела дезара цушиннан. Юург кхехьна ца Іаш, чов хилла лазийна, цомгуш нах кІелхьарабахар а хуьлура шиша вешин.

ЦкЪа-м ШаІманан машенах даьндарг кхийтира. Дуккха а даьндаргаш, шок а етташ, уллохула юьйлура. Цхъана дийнахь боьдучу тІамна юккЪехь машенан чкЪург хийца дийзира ШаІманан. ЧІоҫа кхераме дара иза. Амма цо бохура ша-шега: *“Дела кЪинхетаме ву. Со оьшу хир вай цунна-м...”*

Кестта цуьнан юьртана Серноводскана оьрсийн эскарша го бира. Машенаца чу-ара вала аьтто бацара. 43 километр гена гІаш некЪ бира ШаІмана, лаьмнаш хедош, шен бомбанашца йохийначу юьрта молханаш а, юург а кхачо гІерташ. Оьрсийн салтий меца а, шеллуш а буйла хиЪча, царна а юург а, йовха бедарш а хьора ШаІмана. ГІийла, гІо оьшу стаг цхъаннан а мостагІ ца лорура ШаІмана.

ШаІманан юьртара машаре нах тІамна дуьхьала гІевттира: Серноводск чу богІучу боккхачу новкЪахь Машаре лагерь кхоьллира цара. Цигахь, цІерш а летош, пешаш а еш, Іа даьккхира наха. Цара даима а ламазаш дора, Деле тІом сацор доьхуш.

БІаьста Серноводскана тІе юха а бомбанаш етта йолийра, эзарнаш адамаш юха а девдда Нохчийчуьра арадевлира.

Царна юккЪехь ШаІманан доьзал а бара. Бомбанаша, цхъадика, ШаІманан доьзалера цхъа а ца вийра. Цара ГІалгІайчохь, шайн хьешашкахь, дуккха а беттанаш дехира.

Цу заманчохь а шен машаре, бакЪо кЪовсарехьа болх дІа ца теснера ШаІмана. Цунна хаьара, нохчийн кЪомана а, шен Россера доттагІашна а тІом ца оьшийла. Иза тешара, ша кестта Даймакхе юхавоьрзург хиларх а, шен доьзал а кхоьллина, ша ваха хуург хиларх а.

И зама кестта еара. Тлом чекхбелира. ШаІман а, цуънан ваша Іадлан а, церан гергарнаш а Серноводске юхабирзира.

Амма ирча дара юъртахъ. 400 сов цІа дохийнера. ШаІман шайн цІенош юхадан вуьйлира.

Цу заманчохъ ШаІманна Милана цІе йолу хаза йоІ евзира. Кестта цо иза маре йигира. Керла шо тІекхочуш цушиннан кьоначу доьзалехъ жима йоІ хилира. Диана аьлла цІе тиллира цунна.

ШаІман шен цІенош меттахІоттийна ца Іа. Шен вешица Іадланца иза юъртахъ дама доккху хьер еш ву. Цушинна гІо до Крис цІе йолчу Ингалс-махкара веъначу накъосто. Цу хьерахъ хІора дийнахъ 50 гали дама даккха йиш хир ю.

Іадлана а, Крисас а Грозный-гІалахъ тІамехъ чевнаш хиллачу берашна гІо деш центр а йиллина. “Седа” цІе тиллина цу центрана.

Россера а, Нохчийчуьра а, Ингалс-пачхьалкхера а лобраш, психологаш, хьехархой бара и центр кхуллуш гІо лоцуш. ХІинца тоделлачу берийн, хьалха тІом балале санна, ловза а, дела а, ирсе даха а йиш хир ю.

ШаІманан а, Іадланан а, цушиннан накъостийн а дахаро юха а гойту вайна, мел хала зама тІехІоттарх, адамийн ницкъ бу цу халонца кьовса. Мел боккха харц ницкъ, гамо, цабезам, кьизалла эшор ю наха, уьш цхьаьна хилча, церан барт хилча, уьш Делан кьинхетамах тешна хилча.

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хьамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІун эр дара ШаІманах лаьцна: и муха вевзаш вара, цуънан корматаллех лаьцна, наха цуънан муха мах хадабора?

2. ХІунда вахара ШаІман Москва шен 24 шо кхаьчча? Цуьнан метта хІоттавел ахь хьо. Хьуна хетарехь, и хІун лууш хилла хир ву?

3. ШаІман болх бан гІерташ йолчу Россиний, цуьнан даймохк болчу Нохчийчоьнний юкьахь тІом баьлча, и ца вирзира Нохчийчу. Цунна мила вевзира кемана тІехь и Нохчийчу воґІуш, и хІунда вахара цаьрца Соьлжа-Гала?

4. Дийца, муьлхачу хьолехь яра Соьлжа-Гала, журналисташна хьалхаваьлла ШаІман цигахь лелачу хенахь? Муха дара цигахь Іаш болчу нехан дахар?

5. Стенна дайира ШаІмана шен журналисташа делла 1000 (эзар) доллар ахча? ХІун гІо дира цо а, цуьнан вашас Іадлана а гІалахь болчу нахана?

6. Шена кхерам тІехІоьттича, ШаІмана олура ша-шега: *“Дела кьинхетаме ву. Цунна оьшуш хир ву со”*. Хьуна хетарехь, муха дог-ойла хилла цуьнан?

7. Автора яздо: *“ГІо-накьосталла оьшуш волу стаг мостагІ ца хетара ШаІманна”*. Иштта шена хеташ хилар, цо муха гайтира?

8. ШаІман вехачу юьрта бомбанаш тохале хьалха юьртахоша гайтира, шаьш машар безаш дуй. ХІун дара цара динарг?

9. ТІом балар бахьана долуш, шайн хІусамашкара дабаха дийзира ШаІманан а, цуьнан доьзалан а. ХІун дара ШаІманна дагахь, дахарх лаьцна цо ойланаш еш? Кхочушхилирий цуьнан дагахь дерг?

10. ХІун гІо дира тІамах бевдда Нохчийчуьра схьабоґІучу нахана ШаІмана, Іадлана, иштта Ингалс-пачхьалкхера жимачу стага Крисас?

11. Шен дийцар долош автора яздо: *“Цхьанна а ца моьттура, ШаІманехь иштта хьуьнар ду”*. Хьуна хетарехь, хІун ду хьуьнар хилар? Хьуна хетарехь, варий ШаІман хьуьнар долуш? ХІунда вара я хІунда вацара?

12. Хьуна хетарехь, машар бохучун хІун маьІна ду? ХІун ду аьлла хета хьуна машаре дерг а?

ВСЕВЫШНИЙ МИЛОСТИВ: БЫТЬ МОЖЕТ, Я НУЖЕН ВСЕВЫШНЕМУ

Все любили Шамана, когда он рос, и он любил всех и все вокруг. Он жил в чеченском поселке с русским названием Серноводск. Небольшой поселок лежал в зеленой долине, окруженной полями. Над ним нависала седловина невысокого местного хребта. Жители гордились своим сельскохозяйственным техникумом и школами. Горячие серные ванны поселка были широко известны. Жизнь Серноводска была мирной и счастливой.

Перед войной Шаман работал в пекарне, но это была только часть его занятий. Он любил механику, электронику, и строительство, и Бетховена, и рок-музыку. В поселке у него была репутация мастера на все руки, способного починить практически все: от автомобиля до швейной машинки. Шаман в округе пользовался славой известного и беспечного человека, но никто никогда не видел в нем героя.

Когда ему исполнилось 24, он решил, что должен зарабатывать больше денег, чтобы помочь родителям вырастить младших братьев. Он оставил семью, работу, друзей и свои увлечения и отправился в Москву в поисках большего заработка, но он не смог пробыть там долго. Дома начались беспорядки. Все боялись, что начнется война, и вскоре она началась.

Когда Шаман услышал об этом, он первым же рейсом вылетел в Серноводск. Во время полета Шаман разговорился с иностранными журналистами. Те предложили ему 1000 долларов за поездку с ними в

качестве гида и водителя в Грозный, где боевые действия уже начались. Шаман принял предложение.

В Грозном царил ужас - повсюду разрывы бомб и тела убитых, разрушенные здания, разбитое стекло, груды щебня, сломанная мебель и разбросанные пожитки. Наверху одной кучи он увидел свадебную фотографию и подумал, где же теперь эти улыбающиеся жених и невеста.

К своему удивлению, в подвалах грозненских домов он обнаружил немало живых людей. Большинство были русские, но также чеченцы, азербайджанцы, другие; все жили вместе, запуганные и

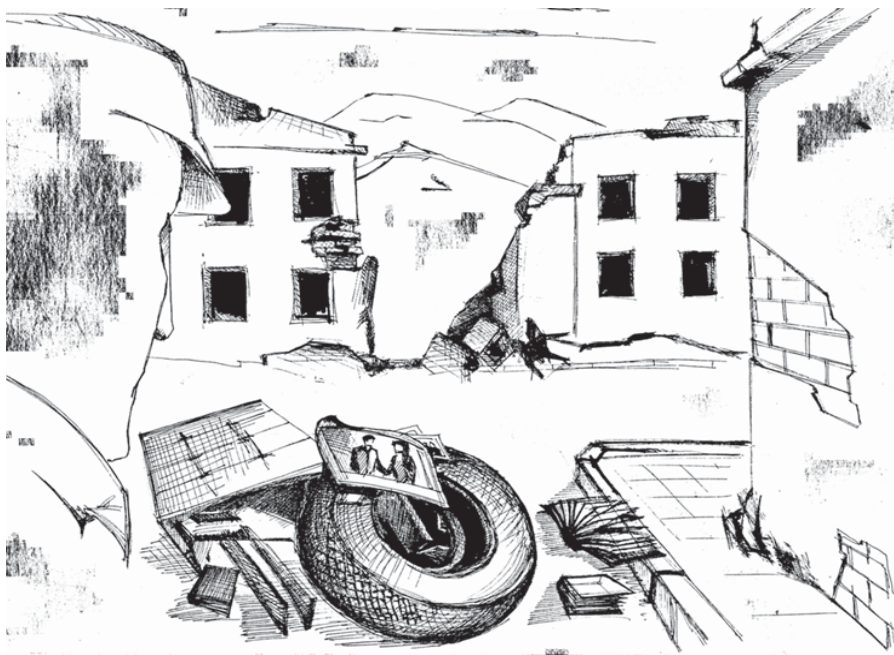

Иллюстрация к рассказу Всевышний милостив:

Быть может, я нужен Всевышнему,
автор Олеся Хомиченко, возраст 16 лет, Россия /
Illustration to Allah is Merciful: Perhaps Allah Needs Me
by Olesya Khomichenko, 16 years old, Russia

беззащитные, без пищи, воды, тепла и света. Их национальные различия, казалось, перестали что-либо значить.

Шаман обещал принести им еду, воду и лекарства и не раз сдержал обещание: он покупал продукты на деньги, заработанные у журналистов. Часто вместе с ним в Грозный ездил его брат Адлан. Они перемещались в городе перебежками, используя боковые улочки и каким-то чудом избегая снайперов. Им удавалось не только подвезти продукты, но и вывезти раненых или больных. Однажды машину Шамана задело, часто он слышал свист пуль вокруг, но все они проносились мимо. Один раз ему пришлось сменить шину недалеко от места, где шел бой. *“Всевышний милостив. Быть может, я нужен Всевышнему”*.

Позже его родной поселок был блокирован, и стало опасно выезжать и возвращаться в него на машине. Однажды он прошел 43 км пешком через горы, чтобы принести пищу и лекарства в селение, подвергнувшееся бомбардировке. Когда он узнал, что российские солдаты тоже мерзнут и голодают, он и им приносил еду. Для Шамана человек в нужде - не враг.

Тем временем жители его родного поселка выступили против войны. На главной дороге у въезда в Серноводск они разбили лагерь мира. Там они регулярно молились вокруг костра в самодельной мечети. Всю зиму люди жили в этом лагере. Но весной Серноводск стали бомбить, и тысячи людей бежали из Чечни - в том числе семья Шамана. К счастью, Шаман и его семья пережили бомбежку. Много месяцев им пришлось провести у друзей в Ингушетии.

Даже в это время Шаман участвовал в миротворческой и правозащитной деятельности. Он знал, что ни народ Чечни, ни его друзья в России не хотят войны. Он верил, что настанет время, когда он сможет вернуться в свою страну и создать собственную семью.

И это время пришло. Боевые действия кончились. Шаман, Адлан, вся их семья, а также многие их друзья вернулись в Серноводск. Они обнаружили, что свыше 400 домов было разрушено, и сразу же начали строить заново. Но лучше всего было то,

Иллюстрация к рассказу Всевышний милостив: Быть может, я нужен Всевышнему, автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration to Allah is Merciful: Perhaps Allah Needs Me by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

что Шаман встретил красивую юную девушку и женился на ней. Ее зовут Милана. На рождество у них родилась дочка. Ее имя Диана. Шаман строит сейчас не только дом для своей семьи. Он и Адлан с помощью Криса, молодого британского квакера, строят мельницу для помола зерна. Эта мельница сможет молоть до 50 мешков муки ежедневно для нуждающихся жителей юго-западной Чечни.

В то же время Адлан и Крис открыли в Грозном центр помощи детям, которые эмоционально и физически пострадали от войны. Центр назвали “Звездочка”. Психологи, медсестры и учителя из России, Чечни и Британии - все им помогали. Теперь они снова могут смеяться и играть, что и должны делать дети.

Пример Шамана, Адлана и их друзей показывает нам еще раз, что даже в трудное время человеческий дух может быть сильнее насилия и ненависти, которые пытаются его одолеть.

Перевод и обработка Михаила Рощина

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 505 и 506.

1. Зачем Шаман отправился в Москву, когда ему исполнилось 24 года? Поставьте себя на его место? Что он, по-вашему, чувствовал?

2. Зачем Шаман вернулся в Чечню? С кем он встретился в самолете и почему отправился с ними в Грозный?

3. Как тратил Шаман заработанные им 1000 долларов? Как помогал жителям Грозного его брат Адлан? Как бы вы потратили эти деньги?

4. Во время своей опасной деятельности Шаман сказал себе: *“Всевышний милостив. Быть может, я ну-*

жен Всевышнему”. Как вы считаете, что он думал и чувствовал?

5. В начале рассказа автор уверяет нас, что никто никогда не видел в Шамане героя. А что значит быть героем? Как вы считаете, был ли героем Шаман? Почему?

6. Автор пишет, что “*для Шамана человек в нужде - не враг*”. Как действия Шамана отражали это убеждение?

7. Ваша семья когда-нибудь получала или оказывала гуманитарную помощь?

8. Что для вас значит слово “мир”?

ALLAH IS MERCIFUL: PERHAPS ALLAH NEEDS ME

By Patricia Cockrell

Everybody liked Shaman as he was growing up, and he liked everybody and everything. He lived in a Muslim village with a Russian name - Sernovodsk - in Chechnya. It was a pretty little town in a green valley, with small farms around it and hills beyond. The people were proud of their agricultural college and their schools. Everyone liked to come to their hot sulfur baths. Life was good in Sernovodsk.

Before the war, Shaman worked in a bakery, but that was only part of what he did. He liked mechanics and electronics and construction and Beethoven - and rock music. He had the reputation of being able to mend practically anything, from cars to sewing machines. He was a happy-go-lucky person, and no one dreamed that he would turn out to be a hero.

When he was 24 he decided he should earn more money to help his parents support his younger brothers. So he left his family and job and all his friends and hobbies and went to Moscow to get a job that would pay more. But he didn't stay long. Trouble was starting at home. Everyone was afraid war would come, and it did. When Shaman heard about it, he took the first plane back to his Sernovodsk. There happened to be foreign journalists on the plane and Shaman got to talking with them. They offered him \$1,000 to be their guide and driver to the city of Grozny, where the fighting was going on. Shaman accepted their offer.

In Grozny, Shaman found a world of total horror - bombs and dead bodies, ruined buildings, shattered glass and rubble, broken furniture, scattered belongings everywhere. On top of one pile he saw a wedding photograph and wondered where that smiling bride and groom might be now. To his surprise, he found there were still people alive in the midst of this horror, living in basements. Most were Russians, but there were Chechens and Azeris and others too - all huddled together, terrified and helpless, without food, water, heat, or light. Their national differences didn't seem to matter any more.

Shaman promised, Allah willing, to bring them food, water, and medicine, and he kept his promise - not once but many times, buying supplies with the money he had earned from the journalists. Often one of his brothers, Adlan, went with him to help. Somehow, using back streets, running and dodging, Shaman and Adlan managed to avoid snipers, take in supplies, and even bring out sick and wounded people. Once Shaman's car was hit, and often he heard the whistle of bullets, but somehow they all missed him. Once he even had to change a tire near where shooting was going on.

"Allah is merciful," he told himself. "Perhaps Allah needs me."

Then his own village became blockaded and it was dangerous and difficult to drive in and out. Once he walked 43 kilometers (about 26 miles) over the mountains to take food and medicines to survivors in another village that had been bombed. When he discovered that the Russian soldiers were also cold and hungry, he even brought food for them. To Shaman, no person in need is an enemy.

Meanwhile, the people in Shaman's village refused to let the war be their whole life or their whole picture of reality. They set up a peace camp on the main road into their village. There they held regular prayers around a campfire in a makeshift mosque. All winter, people lived in this camp. But when spring came, Sernovodsk was bombed and thousands of people fled out of Chechnya - Shaman's family among them. Luckily, Shaman and his family all survived the bombing. For many months they lived as refugees with friends in Ingushetia.

Even there Shaman worked for peace and human rights. He knew that neither the people in Chechnya nor his friends in Russia wanted war. He kept looking forward to the time when he would be able to return to his country and raise a family of his own in peace. That time finally came. The fighting stopped, and Shaman and Adlan and the rest of their family and many of their friends returned to Sernovodsk. They found much of it destroyed - over 400 houses gone - but they started right in rebuilding. Best of all, Shaman found a lovely young girl and married her. Her name is Milana. They have a baby girl who was born on Christmas day. Her name is Diana.

Shaman is building more than just a home for his new family. He and Adlan, with the help of Chris, a young British Quaker, all from very different cultures, worked hard to set up a mill where grain can be ground. The mill can make about 50 sacks of flour a day to give to people in need in southwest Chechnya. Meanwhile, Adlan and Chris opened a center in Grozny to help children who were hurt both emotionally and physically by the war. The center is called "Little Star". Psychologists, nurses, and teachers from Russia, Chechnya and Britain also

helped. Now, these children can laugh and play again, as children should be able to do.

Shaman and Adlan and their friends show us again that somehow, even in terrible times, the human spirit can be stronger than the violence and hate that seek to dominate it.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 505 and 506.

1. Why was Shaman the one to go out of his family to Moscow to earn money? Put yourself in his place. What do you think it was like for him?

2. Why did Shaman go back home to Chechnya? Whom did he meet on the plane to Chechnya, and why did he go with them to Grozny?

3. How did Shaman spend the \$1,000 the journalists paid him? How did he and his brother Adlan help the people of Grozny? How would you have spent the money?

4. In the midst of his dangerous activities, Shaman said to himself, “Allah is merciful: Perhaps Allah needs me”. What do you suppose he was thinking and feeling?

5. The author tells us at the beginning of the story that no one dreamed that Shaman would turn out to be a hero. What does it mean to be a hero? Do you think Shaman was a hero? Why?

6. The author tells us, “To Shaman, no person in need is an enemy.” How did Shaman’s actions express this belief? Do you share these beliefs?

7. Have you or your family ever received or given humanitarian aid?

8. What does peace mean to you?

9. PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states:

Whereas recognition of the inherent dignity and of the equal and inalienable rights of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world.

Article I of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

- Shaman promised (Allah willing) to bring food to ALL many times using his own money, even Russian soldiers who where cold and hungry. How does this show that “no person in need is an enemy?” How does this relate to Article I, above?

- How do you think the “Little Star” children’s program has helped the children overcome the emotional damage of the war? How does this relate to Human Rights Preamble and Article I, above?

Рут Хант Гефверт

АННА А, БЕРОЗА КОТАМ А

Шолҫа Дуьненаюкьара тIом болуш хилла хIара Германехь. Хала дара нехан дахар, ялта ца тоьура. Нах бара гIийла а, гуттар меца а, къаьсттина бала хьобгура бераша.

ХIора кIиранах йобдура Анна юьрта ялта дан. Цуьнан яра вилспет, амма цуьнгахь гIора дацара пидалаш хьийзо; меллаша йобдура иза, руль лаьцна вилспет дIа а тоьттуш. Амма тIаккха а цуьнан дог детталора, ницкъ хуьлий. Цу деношкахь гIелъелла яра иза.

Цу тIе, холча а хIобттинера: ур-атталла фермершкахь а ца биснера хасстоьмаш. Цхьаммо елира цунна жимма буракаш, кхечаьргахь яцара хIумма я яла а, я йохка а.

ЦIеххьана Анна кхийтира, шен кхин дIаяха де доций. Саца а сецна, жимма садаIа дийзира. Вилспет тускар чуьра буракаш охьаобгур йоцучу агIор охьа йиллира цо. Ша шийлачу беца юккье дIатаьIира йоI.

Цунна гIенах дуьхьалтуьйсург яахIума яра. ТIаьххьара заманчохь цунна мел го гIан юучу хIуманах дара. ХIинца цунна гушдерг дашо басахь жIонк дара, довха а долуш, даьттан чохь кхаьрзина. ГIенаха а тамашийна дара иза, хIунда аьлча, шена дага а догIуш, тIо я даьтта а ца диьнера йоIа. Амма нанас дуьйцура цуьнга царех лаьцна, хIинца гIенах церан чам хаалора цунна - уьш мел мерза дара.

ТIаккха цунна дуьхьалтуьйсуга помидораш. ЦIарал цIен а, хилла а йолуш, чохь дуккха а мутт

долуш, дийнна цхъа барз! Царех цхъаъ кхалла гУртушшехъ, шадерриг а дІадайра, иза самаелира. Ха а хърцина, охъахира иза. Нийсса цунна дуъхъалйирзина хъобжуш лаьтгаш яра цхъа бероза котам. ЦЕххъана Анна кхийтира, котам шега цхъаъ ала гЕртарх. Мухха делахъ а, котам екара, даимна а екаш ма-хиллара.

- Стенна хъобжу хъо соьга, Іовдал? - хьаттира Аннас. - Екаш самаяьккхи-кх ахъ со.

- Вакъ-вакъ-вакъ, - элира котамо, тІаккха, Аннин резаяцаран озах кхера а елла, дІаиккхира иза.

Циггахъ гира Аннина хІоа! Лерана схъайцира цо иза. ХІоа хІинца а довха дара.

- ХІай сан хъоме котам! - мохъ белира Анне. - Суна къинтера ялалахъ, со хъайца кІоршаме хиларна. Дала сагІа дойла хІара хъан тамашийна хІоа!

Амма котам дІаяхнера, Анна цуьнан хІоа буйнахъ долуш йиснера. СадаІарна, дегІ дико хетара цунна. ЦІа яхаран сихо ян езара цо, нене и хІоа дІадала. Цо, схъахетарехъ, цунах жима омлет йийр ю!

Шен коьртара йовлакх схъа а даьккхина, лерина хІоа цу юккье а хърчийна, буракаш чохъ йолчу тускар чу диллира цо. ТІаккха вилспет тІе а хиьна, новкъахула дІаяхара иза.

Амма цуьнан синтем байра. ХІоа цуьнан ма дацара, и бероза котам йолчу ден ма дара. Меллашо хъийзо йолийра Аннас педалаш.

- ХІан-хІа, - моха еара цунна. - ХІоа сан ду. Котамо суна юххехъ дира иза, ас наб ечу хенахъ! - Цу ойланца сихо хъовзийра цо педалаш. - ТІаккха и

котам хьенан ю ма ца хаьа суна. Хиьнехь а, и котам йолчарна хуур дац, хІоа ас схьаэцнийла.

Жима кІайн цІа дара некъа йисттехь лаьтташ.

“Церан ала хІумма а дац, - ша-шеца кьубьсура Аннас. - ХІоа дика дІалачкьийна ду тускар чохь”, - аьлла, сихахо дІахаьхкира цо вилспет.

Амма вилспет гена мел йолу меллаша йоьдуш санна хетара.

КІайчу цІенна тІе ма-кхеччи, когаш шаьш сецара педалаш хьийзочуьра. Меллаша вилспет тІера охьа а йоьссина, цІа долчу агІор дІайолаелара иза. Цунна дуьхьал араелира жима зуда.

- *Хьуна хІумма а оьший?* - хаьттира цо.

- *Шун... шун... бероза котам юй?*

- *Ю, - жоп делира зудчо. - ХІунда бахара ахь?*

Меллаша леррина дІадаьстира Аннас шен йовлакх, хІоа схьаэцна, зудчуьнга дІакховдийра цо.

- *Делахь хІара а шун ду-кх,* - халла хезаш элира цо.

- *ХІай, баркалла хьуна,* - элира зудчо. - *И бероза котам йиллина цхьанхьа кхерсташ лела, маьІ-маьІнехь хІоаш охьа а кхубьсуш. Тхан тІаьххьара котам ю иза, берана чІогІа ма оьшу хІоаш. ЧІогІа цомгуш ду сан бер.*

Анна дІаяха тохаелира. ХолчухІоьттинера жима зуда.

- *Ма дика йоІ ю хьо,* - элира цо. - *Хьан тускар чу кхосса цхьаь лур яра ас, амма тховгахь ... тховгахь ... хІумма а яц.*

- *Са ма гатде ахь,* - элира Аннас, шен вилспетана тІе хууш.

Сихха дІаяха лаьара цунна, сихха дицдан и кІайн цІа а, и бероза котам а, и тамашийна хІоа.

ЦІа кхаьчча, Аннас дерриге а шен нене дІадийцира. И кхоьрура, нанас шена, хьен хІунда елла а, буракаш кІезга хІунда еана а аьлла, дов дарна. ХІоа схьа хІунда ца ийцира ахь аьлла, обгІазъяха а мегара иза.

Амма нанас Аннин коьрта тІе куьг хьобкхура, ехха цуьнга хьежа а хьобжуш, елакьежара иза.

- *Суна обгІаза-м ца яхна хьо, мама? Юьртара хасстоьмаш кхехьа дукха жима ю аьлла-м ца хета хьуна со?*

- *ХІан-хІа, - жоп делира нанас. - Ма дика йоІ ю сан бохуш, ойла еш яра со. Воккхачу стаге атта далур дац ахь, хьо меца йоллушехь, динарг.*

Гочдинарг - Залта Берсанова

Дийцаре дан хаттарш

1. КІайн жима цІа долчу кхаьчча, Аннина хІунда хетара, шен вилспет меллаша йогІуш санна?

2. Вайна оцу дийцаро муьлха халонаш гойту, тІамо берашна тІеИттаялийтина?

3. Нагахь санна и бероза котам оцу зудчун ца хиллехь, Аннас хІун дийр дара оцу хІоанах?

4. ХІун маьІна долуш дара нанас Анне аьлларг: *“Воккхачу стаге атта далур дац ахь, хьо меца йоллушехь, динарг”*? ХІун маьІна ду *“воккхачилар”* бохучу дешнийн?

5. Хьо хиллий цкъа а массо хІума хьайна хила лууш? Хьуна дагадогІур дарий, хьайн хІетахь муха дог-ойла хилла, цул тІаьхьа муха дог-ойла хилла? Хьуна хетарехь, хІунда хеташ хилла цунна ша динарг дика а, иштта вон а?

6. Аннас и хІоа хІун бахьана долуш дІаделла?

7. Масала, ишколехь хьайца даима цхьаьна ловзуш волчуьнца хьо харцахьа новкъа волу. Шуьшиь цхьанне

гуш вац. ХІун дийр дара ахь тІаккха? ХІун дина хир дара ахь? Хъан муха нисло диканиг дар, хъуна кхиниг дан луъушехь?

8. Муха юкъаметтиг ю буучу кхачанан а, нийсонан а? Буучу кхачанан а, машаран а? Ахь хІун дийр дара, хъайна нехан хІума баккъал а хъашт хилча?

АННА И КУРОЧКА-РЯБА

Эта история произошла во время Второй мировой войны в Германии. Людям жилось тяжело, продуктов не хватало. Они были худы и всегда голодны, особенно дети.

Каждую неделю Анна ездила в деревню за продуктами. У нее был вилспет, но она была слишком слаба, чтобы крутить педали; она медленно шла вперед, толкая велосипед за руль, но даже это заставляло ее сердце усиленно биться. В те дни она постоянно чувствовала усталость.

А еще она была расстроена: даже у фермеров уже не оставалось овощей. Только один человек дал ей немножко свеклы, а другие не могли ничего ни дать, ни продать.

Вдруг Анна поняла, что не может идти дальше. Она должна остановиться и передохнуть. Она положила велосипед на бок, позаботившись о том, чтобы свекла не вывалилась из корзины. Потом легла в прохладную траву и забылась.

Ей снилась еда. Все ее сны с недавних пор были о еде. В этот раз ей приснилась золотистого цвета морковь, горячая, тушенная в сметане и с маслом. Это было странно даже во сне, потому что она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь ела сметану или масло. Но мать рассказывала ей о них, и теперь во сне она ощущала, насколько это вкусно.

Потом ей снились помидоры. Красные, спелые, сочные - целая горка! Она уже собралась съесть

один, но тут все исчезло - она проснулась. Она повернулась на бок и села. Перед ней, глядя прямо ей в глаза, стояла рябая курица. Они в упор смотрели друг на друга - Анна и курица.

Вдруг Анна поняла, что курица хочет ей что-то сказать. Во всяком случае она кудахтала, как обычно кудахчут куры.

- *Что ты уставилась на меня, глупышка?* - спросила Анна. - *И своим кудахтаньем разбудила меня.*

- *Ко... ко... ко...* - сказала курица и, напуганная сердитым голосом Анны, пошла прочь.

И тут Анна увидела яйцо! Она осторожно взяла его в руки. Яйцо было еще теплое.

- *Ах, милая, милая курочка!* - вскричала Анна. - *Прости, что я была так груба с тобой. Спасибо за это чудесное яйцо!*

Но курица уже ушла, и Анна осталась с яйцом в руке. Она отдохнула и чувствовала себя лучше. Надо было спешить домой, чтобы отдать матери яйцо. Может быть, она приготовит из него маленький омлет!

Она сняла с головы платок, осторожно завернула яйцо и положила его в корзину со свеклой. Затем села на велосипед и покатила по дороге.

Но в голову пришла тревожная мысль. Ведь яйцо было не ее, оно по праву принадлежало хозяйке той рябой курицы. Анна крутила педали все медленнее.

- *Нет,* - сердито подумала она. - *Яйцо мое. Курица снесла его прямо возле меня, пока я спала!* - И она опять покатила вперед. - *И я не знаю, чья это курица. А если бы и знала, то хозяева никогда не узнают, что я взяла яйцо.*

Маленький белый домик стоял у дороги.

- *Они ничего не смогут сказать*, - спорила Анна сама с собой. - *Ведь яйцо надежно спрятано в корзине*, - *и она покатила быстрее*.

Но велосипед, казалось, двигался все медленнее и медленнее.

И когда она поравнялась с белым домиком, ноги сами собой перестали крутить педали. Очень медленно она слезла с велосипеда и направилась к дому. Навстречу ей вышла молодая женщина и спросила, что ей нужно.

Нехотя прощаясь с мечтой о маленьком омлете, Анна едва выдавила из себя:

- *У Вас... есть... курочка-ряба?*

- *Да*, - ответила женщина. - *А в чем дело?*

Очень медленно и осторожно Анна развернула платок, достала яйцо и протянула его женщине.

- *Тогда оно тоже Ваше*, - проговорила она едва слышно.

- *О, спасибо*, - поблагодарила женщина. - *Эта рябая курица вечно где-то бродит и кладет яйца куда попало. Это наша последняя курица, а моему малышу так нужны яйца. Он очень болен*.

Анна собралась уходить. Молодая женщина выглядела озабоченной.

- *Ты такая добрая*, - сказала она. - *Я бы хотела дать что-нибудь для твоей корзины, но у меня... у меня... ничего нет*.

- *Не беспокойтесь*, - ответила Анна, вскочив на велосипед.

Она торопилась уехать, чтобы поскорее забыть этот белый домик, рябую курицу и чудесное яйцо.

Добравшись до дома, Анна все рассказала матери. Она боялась, что мама будет ругать ее за то, что она задержалась и привезла совсем мало свеклы. Она даже могла рассердиться, что Анна не взяла яйцо.

Но мать только нежно гладила Анну по волосам, долго смотрела на нее и улыбалась.

- Ты не сердись на меня, мама? Ты не думаешь, что я слишком мала, чтобы ездить в деревню за овощами?

- Нет, Анна, - ответила мама. - Я просто думаю, какая у меня замечательная дочь. Ведь только взрослый человек, когда он голоден, способен поступить так, как ты.

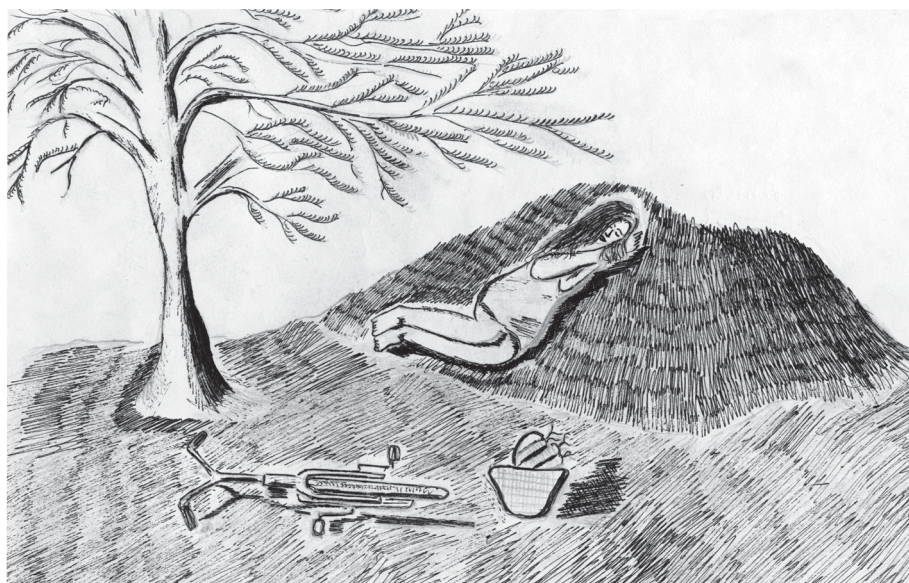

Иллюстрация к рассказу Анна и курочка ряба,
автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный/
Illustration to Anna and the Speckled Hen by Malika Saiyeva,
19 years old, Grozny

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 507 - 510.

1. Как рассказано в этой истории о том, что дети чувствуют во время войны? Как живется во время войны?

2. Почему, чем ближе подъезжала Анна к белому домику, тем медленнее, казалось, ехал ее велосипед?

3. Почему Анна решила отдать яйцо хозяйке курицы? Что придало Анне силы расстаться с яйцом? Что бы вы сделали на ее месте?

4. Что имела в виду мама Анны, когда сказала, что *“только взрослый человек способен поступить так”*? Что значит быть взрослым?

5. Случалось ли такое, чтобы вам очень хотелось чего-то, что не принадлежало вам? Приходилось ли вам когда-нибудь делиться чем-то, когда на самом деле хотелось все оставить себе? Помните ли вы свои чувства, когда пришлось поделиться?

6. Может ли голод оправдать кражу? Есть ли разница между воровством в военное и мирное время?

ANNA AND THE SPECKLED HEN

By Ruth Hunt Gefert

Setting: This story is set in Germany during World War II. Food was scarce; people were malnourished and always hungry, especially children.

Anna was on her weekly trip to the country to try to get food. She had her bicycle, but she was too worn out to ride it, so she was walking along slowly, pushing it. Even that made her heart race. She was tired all the time these days.

She was discouraged, too. Not even the farmers seemed to have any vegetables left. Except for a few beets one man had given her, no one had had anything to give or sell to her.

Suddenly, Anna knew she could go no further. She would have to stop and rest. She laid her bicycle on its side, making sure the beets did not spill out of her basket. Then she lay down in the cool grass.

She dreamed of food. All her dreams were about food lately, it seemed. This time she dreamed of carrots the color of gold, steaming hot, in cream and butter. Even in her dream, though, she knew this was foolish, for she could not remember having had either butter or cream. But her mother had told her about them, and in her dream she could almost tell how wonderful they tasted.

Next in her dream there were tomatoes, beautiful red, juicy tomatoes. There was a great pile of them, and Anna was just about to eat one when they disappeared. With a start she woke up, rolled over and sat up. And

there, looking her right in the eye, was a speckled hen. They looked at each other - Anna and the hen.

Suddenly, Anna realized the hen was talking. At least she was clucking and making the kind of talk that speckled hens make.

“Why are you staring at me, you silly thing?” asked Anna. “And making all that noise that woke me up,” she charged.

“Cu-u-u-t...” said the hen, startled at Anna’s cross sounding voice, and she backed away.

It was then that Anna saw the egg! Carefully, she picked it up, still warm.

“Oh, you beautiful, beautiful hen!” she exclaimed. “I am sorry I was rude to you. Thank you for this lovely egg!”

But the speckled hen had walked off, and Anna was left alone with the egg. She felt better now and more rested. She must hurry home so she could give the egg to her mother. Perhaps they could have a very small omelet!

Anna took off the scarf she wore on her head. Carefully, she wrapped the egg in it and laid it tenderly in the basket with the beets. Then she got on her bicycle and started up the road.

But an unhappy thought came to her. The egg wasn’t really hers. It belonged to the owner of the speckled hen. Anna’s pedaling got slower and slower.

“No!” she told herself furiously, “The egg is mine. The hen laid it right beside me when I was asleep.” Anna went on up the road. “Anyway, I don’t know who owns the speckled hen. And even if I did, they would never know that I had the egg.”

A little white house sat close to the road. “They

can't tell a thing," argued Anna with herself. "I've got the egg all covered up." She began to pedal faster.

But her bicycle seemed to go more slowly. And when she got near the white house, her legs wouldn't pedal any longer. Very slowly, she got off her bicycle and walked up to the house.

"Yes?" asked the young woman who came to the door.

Very reluctantly, with her dream of the small omelet fading fast, Anna said, "Do... do... you own a... a... speckled hen?"

"Why yes," said the young woman, "we do". Carefully and very slowly, Anna unwrapped her scarf from around the egg and handed it to the woman.

"Then this is yours too," she said in a small voice.

"Oh, thank you," said the woman. "That speckled hen is always wandering off and laying her eggs in the most unlikely places. She is the last of our hens, and we need her eggs for our little boy. He is very sick, you see."

Anna started to leave. The young woman looked troubled. "You have been so kind," she said. "I wish I had something to give you for your basket. But there is so little of everything. I... I... have nothing to give."

"It's all right," said Anna, and she climbed on her bicycle again. She was anxious now to get away from the little white house and the speckled hen and the wonderful egg.

When she got home, Anna told her mother what had happened. She was afraid her mother would scold her for being late, and for bringing home only a few beets. She might even be cross that Anna hadn't kept the egg.

But her mother only smoothed Anna's hair and looked at her for a long time, and smiled.

"Then you are not angry with me, Mother? You do not think I am too young to go to the country to bargain for vegetables?"

"No, Anna," said her mother. "I am just thinking what a fine daughter I have. When one is so hungry all the time, only a real grown-up could have made such a hard decision about the egg."

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 507 - 510.

1. *How does this story tell us about how children feel during war? What is it like to be in a war?*

2. *As Anna neared the little white house, why did her bicycle seem to go more and more slowly?*

3. *Why did Anna decide to take the egg to the owner of the hen? What gave Anna the strength to give up the egg? What would you have done if you were her?*

4. *What did Anna's mother mean when she said, ". . . only a real grown-up could have made such a hard decision about the egg"? What does it mean to be "grown-up"?*

5. *What happened when you really wanted something that belonged to someone else? Have you ever had to share something when you really wanted to have it all for yourself? How did you feel?*

6. *Can hunger justify stealing? Is there a difference between stealing in war and in peace?*

Марри Л. Ингл,
Комитет Друзей

МАҢГИ КИЕЛАРА ЭТКА

Довхачу тIергIан йовлакхо а, ехачу стоммачу юпкано а йовхо ца луш, даҕахкаш тIе кхаччалц чекхъйолучу шелоно хъийзош, цIа йогIура Элизабет Фрай. Цуьнан цIахъ, дуккха а шераш хьалха тIулгех йиначу гостиницехъ, йовха а яра, хаза а дара. Балха тIехъ чIогIа шелъеллера иза. Болх-м цуьнан Бристолера шийлачу, массанхьахула а мох чекхбуьйлучу зударийн набахтехъ бара.

“Ма ирча, чам боцуш ю набахтера и боьха камераш, и цигара шийла, тIуьна пенаш, - ойла йора цо, ша йовхачу товханна уллохъ мел йоллу. Товхана чохъ йогучу цIаро йовхо лора доккхачу цIа чохъ. - Иштта вочу хьолехъ латто мегар ма дац адамаш, уьш хан тоьхна, набахтехъ белахъ а. Кегий бераш... уьш а ду набахтехъ. Ма дика хир дара, уьш малхе даьхча, жимма церан самукъадалийта! И узарш, и летарш! Цхьа гIайгIа бан безара церан. Муьлхха белла а, цхьа болх бала а безара царна, церан куьйгашна, кортошна”. Иштта ойланаш йора Элизабета, ша хъийзаш болчу лами тIехула шен цIа чу хьалайолуш.

НеI схьа ма-йиллинехъ, иза цхьана хIуманых шекелира, шен чохъ цхьаь хиллий хиира цунна. ХIара балха йоьдуш ма-хиллара, цIийнан готта кораш чIаьгIна делахъ а, кху чохъ цхьаь хилча санна хетара. Комодан гIутакх хийра дара, цу чуьра охьадаьлла йовлакх гора. ЦIенкьахъ кагбелла чIурам Iуьллура.

Иза хьалха стоьбла тГехь лаьттара. Цеххьана дог тохаделира: тГе кьорза юргГа а тесна лаьттаху маьнги кГелара схьакъедара боьршачу стеган эткан айра.

“*ХИинца хГун дан деза?*” - юьхьанца йоьхна йисира хГусамнана. ТПаккха, ша дан дезачун ойла а еш, комодан гГутакх тГететтира, цГенкбахь Губллу чГурам, схьаэцна, шен метта охьабиллира. ТПаккха ойла йира ша дендолчун.

Элизабет, голаш тГе охьа а лахьелла, цу хала садоблуш волчу, хетарехь, ша схьалацарна кхоьруш волчу стагана Деле гГо деха юьйлира:

- *Веза Дела, кьинхетам беллахь кху стагах, кхо диначунна. Хьайн кьинхетам боссабеллахь кхуьнан даг чу, хГара нийсачу новкба хГотто аьтто беллахь!* - зудчун аз кГеда, эсала декара.

Этка меттахьхьайра.

- *Веза Дела! ХГара стаг галваьлла, кхунна хьан накьосталла оьшу, кхин хГумма а ца лачкьо, нийсачу новкба вала.*

Кьонах маьнги кГелара схьавелира. Иза чГогГа оза, маж яьлла вара, месаш боьха, вовшахьхьирчина яра цуьнан.

- *Ахь со Деле стенна вoьху? Гостиницин да схьа а кхайкхина, со Гедалан кара дГа хГунда ца ло?* - тГечевхира кьонах.

- *Ас Деле кхойкху,* - жоп делира Элизабета, - *хьо цхьана бахьанина лечкбаиш хир ма ву. Хьо гГо оьшуиш ма веана сан цГа чу.*

ХГусамнана кхоьрура цу стагах, цуьнан дагахь хГун ду ца хууш. Делахь а, накьосталла дан лаьара.

Кьонах, эхь хетта, Гункарвахана лаьттара, белшаш а охкийна.

- *Дийцахьа, хІун бахъана ду хьо кху чу валийнарг?* - хьаттира хІусамнанас.

Кьонах вист ца хуьлура. Мацца а цо элира:

- *Со чІога меца ву. Масех де а ду ас юург яанза. Наггахь ас наха бууш бисинчу кхачанак катухура. Амма цунах вуззалц юург ца хуьлу. Суна ахча дезара. ТІеюха йовха пальто а езара...*

- *Дика ду хьо со йолчу кхачна,* - жоп делира Элизабета. - *Со хьуна гІо дан хьожур ю.*

Кьонах цецваьлла хьожура хІусамнене. Иштта эсала кьамел цуьнца цхьаммо а ца динера. Ур-атталла иза почтан пайтонахь кучеран болх беш волуш а.

Элизабета, комода чуьра схьаэчна, йовха свитер кховдийра:

- *ХІара свитер сан майрачун хилла ю. Хетарехь, хІара мегар ю хьуна. ХІинца вайшиммо лаха чохь хІума юур ю.*

Кьонахчун озачу юхьа тІехь велакажар хІобтира:

- *Хьо баккьал а ю иштта дика, комаьрша? Со набахте дІавахийта декхар ма дара ахь. Я иза ду хьан дагахь?* - обҫазе тІетуьйхира цо.

- *ХІан-хІа,* - жоп делира Элизабета, - *суна дика хаьа, набахтехь муха ду. Цундела суна ца лаьа цхьа а цига хьажо.* - Кьонах шех цатешаш а хетта, цо тІетуьйхира: - *ХІума а юуш дуьйцур ду ас хьуна.*

Элизабета и стаг хьешан цІа чу вигира. Цо, цхьа сутара, кхехкийна уьстаган жижиг а, картолаш а дуьушехь, хІусамнанас ша зударийн набахтехь бечу халачу балхах лаьцна дуьйцура. ТІаккха хьешо цуьнга шен бала балхийра.

Иза кхузза кхачна хиллера набахте. Дуьххьара - декхар дІа ца даларна, шозлагІа - кьоладарна,

кхозлагIа - кхунах тешам цахиларна. ХIетахь дубйна балха хIотта хала долуш, бала хьобгуш хиллера цо. ТIера бедарш боьха, этIа хилча, ша а гIийла, миска хилча, цхьанна а лууш ца хиллера хIара балха эца. Амма юха набахти чу ца ваха, мацалла лийр ву ша аьлла, чIагIо йина хиллера цо. Иштта цу хьолехь волуш кхаьчна хиллера иза Элизабетан цIа чу.

Цу стеган дийцаро дог Iовжийра Элизабетан. Иштта гIийла дийцарш дуккха а хезнера цунна набахтехь, зударшкара.

Элизабетана хиира, цу стагана, хIаллак ца хила, баккълал а болх оьший. Иза хIун дан говза ву а хьаттина, цо хьийхира цунна, болх мичахь карор бу. ТIаккха жимма ахча а делира, хьайна саба а, чухула юху бедарш а эца аьлла.

И стаг дIавахара, вуза а вуьзна, даг чохь цхьана дикачу балхе са а тесна.

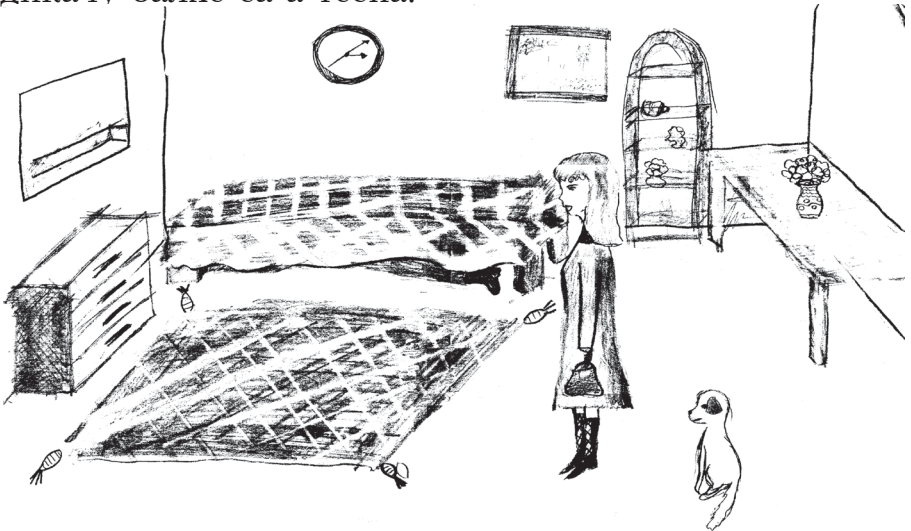

Иллюстрация к рассказу Сапог под кроватью,
автор Алина Нестерова, возраст 10 лет, Россия /
Illustration to Boot under the Bed by Alina Nesterova,
10 years old, Russia

Элизабет шен цІа чу юхайирзира, кхера а ца кхоьруш, цу стагана гІо дина чІогІа йоккхаеш. Шен дагахь дикалла кхерамал алсамъяларна Далла хастам а беш.

Гочдинарг - Залпа Берсанова

Дийцаре дан хаттарш

1. Хьуна цкъа а лиьний иштта дІалачкъа? ХІун бахьана долуш?

2. ХІун дагадеана хир ду аьлла, хета хьуна, Фрай Элизабетна маьнги кІелахь этка гича? Цо Деле доІа хІунда дира? Оцу доІано цунна муха гІо дира?

3. Цуьнан метта хьо хиллехь, ахь хІун дийр дара? ХІун дан ницкъ кхочур бара хьан?

4. И стаг къола дан веана хилла Элизабетна. ХІетте а орца ца доккхуш, хІунда елира цо цунна свитер, яахІума, иштта ахча а? ХІун дог-ойла йолуш хилла и стаг хьешан-ца чуьра дІавоьдуш?

5. Элизабетна и стаг схьалацийта лиьнехь, хІун хир дара цунах? Муха чекхдер дара и дийцар?

6. Муха ойла еш хилла Элизабета набахтех а, чубоьхкинчу нахах а лаяцна?

7. Джорджа Фокса яздина: *“Кху дуьненчохь стаг тешаш хилар - массаьрца Дела хиларан билгало ю”*. Муха тийшира Элизабет Фрай къола дан веанчух?

САПОГ ПОД КРОВАТЬЮ

В старой каменной гостинице было уютно, тепло и притягательно для Элизабет Фрай. При этом ни теплая шерстяная шаль, ни тяжелая длинная юбка не спасали от пронизавшего ее до костей холода. Она возвращалась после напряженного трудового дня, похожего на сотни других, проведенных в холодной и продуваемой со всех сторон женской тюрьме в Бристоле.

“Как отвратительны эти грязные камеры с холодными сырыми стенами, - думала она, проходя мимо большого камина, где весело горел огонь и обогревал просторную гостиную. - Так не должны жить люди, даже совершившие преступления... И бедные малыши, они тоже сидят взаперти! Как хочется вывести их на солнце, чтобы они побежали и порезвились вволю! А все эти вопли и драки! Надо постараться чем-то занять их, дать работу их рукам и голове”, - так размышляла Элизабет, поднимаясь по винтовой лестнице в свою комнату.

Открыв дверь, она почувствовала: здесь что-то неладно. И хотя узкие оконца ее комнаты были по-прежнему закрыты, как и утром, когда она уходила на работу, но ящик комода был приоткрыт, и оттуда свисала шаль. Бросив взгляд на пол, она увидела валяющуюся там сломанную свечу, которая прежде стояла на ночном столике. Вдруг дыхание у нее перехватило - из-под кровати, накрытой стеганным лоскутным одеялом, виднелась подошва мужского сапога.

Что делать? Чтобы дать себе время подумать, она тихо подошла к комоду, задвинула ящик. Затем подняла свечу с пола. Теперь решение было найдено.

Она встала на колени возле торчащего из-под кровати сапога и могла слышать тяжелое дыхание лежавшего человека.

Он, наверное, боялся, что его схватят.

- *Господи*, - сказала она, - *прости этого человека за то, что он сделал. Пусть благодать Твоя войдет в его сердце и поможет ему встать на путь праведный*, - голос ее звучал мягко и нежно.

Сапог шевельнулся.

- *Господи, этот человек запутался и нуждается в твоём водительстве, чтобы больше не воровать.*

Мужчина выполз из-под кровати. Он был очень худой, заросший темной щетиной, со спутанными волосами.

- *Почему вы молитесь за меня?* - спросил он сердито. - *Почему не зовете хозяина гостиницы, чтобы разделаться со мной?*

- *Я зову только Бога*, - ответила Элизабет, поднимаясь с колен.

Она все еще побаивалась этого человека, но смотрела на него дружелюбно.

- *У тебя, наверное, была серьезная причина забраться в мою комнату.*

Его плечи еще больше поникли.

- *Скажи, что толкнуло тебя на это?* - продолжила она.

Мужчина по-прежнему молчал, а она ждала.

- *Я голоден, мэ*, - выговорил он наконец. - *Я не ел уже несколько дней. Иногда я воровал объедки*

со стола, но они не заполняли дыру в моем желудке. Мне нужны деньги, чтобы досыта наесться. И еще мне нужно теплое пальто.

- Я рада, что ты попал ко мне, - сказала Элизабет. - Я постараюсь тебе помочь.

Мужчина изумленно посмотрел на нее. С ним никогда еще не обходились так ласково, даже когда он работал кучером на почтовой карете.

Элизабет вытащила из комода теплый свитер.

- Это свитер моего мужа, - сказала она. - Думаю, он тебе подойдет. А сейчас давай спустимся вниз и поужинаем.

Его бледное лицо расплылось в широкой ухмылке.

- Вы и вправду добры ко мне, - сказал он. - Вы должны бы отправить меня в тюрьму - или вы так и сделаете? - Он метнул дикий взгляд в сторону окна.

- Нет, - ответила Элизабет, - я слишком хорошо знаю, что это такое, и не хочу никого туда отправлять. - Заметив его недоуменный взгляд, она добавила: - Я расскажу тебе об этом за ужином.

Элизабет повела мужчину вниз, в большой зал гостиницы.

Пока он с жадностью уплетал большой кусок вареной баранины с картошкой, она рассказала ему о своей работе в женских тюрьмах. А затем и он поведал ей о своих бедах.

Он трижды сидел в тюрьме: первый раз за то, что не смог отдать долг, второй - за воровство, а третий - просто из-за плохой репутации. С тех пор он уже не мог устроиться на работу.

Одежда на нем была грязной и рваной, он выглядел так плохо, что никто не хотел рискнуть и до-

верить ему работу. Но он решил больше ни за что не попадать в тюрьму и чуть не умер с голоду, прежде чем забрался в комнату Элизабет.

Иллюстрация к рассказу Сапог под кроватью,
автор Алина Нестерова, возраст 10 лет, Россия /
Illustration to Boot under the Bed by Alina Nesterova,
10 years old, Russia

Она была тронута его рассказом. За годы работы в тюрьме она слышала много подобных печальных историй от томившихся там женщин. Своим практическим умом Элизабет понимала, что этому человеку, прежде всего, нужна работа. Она расспросила его, что он умеет делать, и посоветовала, где найти работу. А на прощание дала немного денег, чтобы он мог купить мыло и комплект чистого белья.

Мужчина ушел, набравшись немного сил, и с надеждой в сердце. А Элизабет вернулась в свою комнату с глубоким чувством мира и благодарности от того, что сумела любовью победить страх.

Вопросы для обсуждения

1. Что думала Элизабет Фрай о состоянии тюрем и заключенных?
2. Как вы думаете, что было первой мыслью Элизабет Фрай, когда она заметила торчавший из-под кровати ботинок? О чем она помолилась? Как помогла ей молитва?
3. Как бы вы отреагировали на ее месте? Как бы вы поступили?
4. Мужчина пытался обокрасть Элизабет. Почему она отдала ему свитер, накормила его и дала ему денег, а не позвала на помощь? Как чувствовал себя этот мужчина, уходя из гостиницы?
5. Если бы Элизабет позволила арестовать этого человека, что бы с ним случилось? Как бы закончилась эта история?
6. Как вы думаете, почему этот мужчина спрятался под кроватью? Приходилось ли тебе когда-нибудь прятаться? Почему?

BOOT UNDER THE BED

By Murry Engle Lauser

The old stone inn was warm inside and welcoming to Elizabeth Fry. But in spite of her heavy wool shawl and long wool skirt, she was chilled through and through. She had just returned from a day spent like many days before, working in the cold and drafty women's side of the prison at Bristol.

“Those filthy stone rooms, with the cold and dripping walls!” she was thinking as she passed the big cheerful fire that warmed the main room of the inn. “They are no fit place for anyone to stay in, no matter what crimes they have committed! And those poor little children shut up, too! How I'd like to take them out into the sunshine and let them run! All that yelling and fighting! I need to find something to occupy their minds and their hands.” So ran her thoughts as she climbed the winding stairs to her room.

As soon as she opened the door, she sensed something strange about the room. The small-paned windows were still closed, as she had left them in the morning, but a dresser drawer was partly open, with a shawl dangling from it. Glancing down at the floor, she saw the candle from the night stand lying broken on the bare boards. Then she gave a little gasp. There, under the bed, just visible below the patchwork quilt, was the sole of a man's boot.

What should she do? To give herself time to think, she went quietly to the dresser and closed the drawer. Then she picked up the broken candle. Now she had

reached a decision.

She knelt down beside the boot. She could hear someone breathing hard under the bed, perhaps terrified at the prospect of being caught. “Dear Lord,” she began, “please forgive this man for what he has done. May thy goodness enter his heart and help him to improve his ways”. Her voice was soft and kind.

The boot stirred.

“Dear Lord, this man is confused and needs thy guidance so that he will steal no more.”

The man crawled out from under the bed. He was very thin, with a dark stubby beard and long uncombed hair. “Why are you praying for me?” he asked gruffly. “Why don’t you call the innkeeper and get it over with?”

“The Lord is the only one I’ll call on,” said Elizabeth as she rose from her knees. She was still a little bit afraid, but she looked at him kindly. “Thee must have had a very special reason for coming to my room”.

His shoulders drooped.

“Can’t thee tell me what it was?” she continued. The man remained silent, and Elizabeth waited.

“I’m hungry, Ma’am,” he said at last. “I’ve been hungry for days. I’ve been stealing scraps of food, but they didn’t fill the empty hole here in my stomach. I needed money - for real food. I was looking for a warm coat too.”

“I’m glad thee came to my room,” said Elizabeth. “I think I can help thee”

The man looked at her in utter amazement. He had never been treated so kindly before, not even that time when he was working as a footman on a stagecoach.

Elizabeth pulled a heavy sweater from the drawer. “his is my husband’s sweater,” she said. “I think it will fit thee. Now let’s go downstairs and have dinner.”

The man’s pale face broke into a broad grin. “You’re sure good to me,” he said. “You could have had me put in prison - or will you anyway?” His eyes suddenly darted wildly toward the window.

“No, - said Elizabeth. - I know too much about prisons to send anyone there”. And seeing his puzzlement, she added, “I’ll tell thee about it while we eat.”

Elizabeth led the man downstairs to the big hall of the inn. While he consumed a big plate of boiled mutton and potatoes, she told him about her work in the women’s prisons. Then he gave her a full account of his own troubles.

He had been in prison three times - the first time for owing money he couldn’t pay, the second time for stealing, and the third time just because of his reputation. Since the last time, he had not been able to get a job. His clothes were worn and dirty and he looked so bad that no one trusted him enough to give him work. He was determined never to be thrown in jail again, so he had almost starved to death before coming at last to Elizabeth’s room.

Elizabeth was moved by his story. It was like so many of the sad stories she had heard from the women in the prison.

In her practical way, she thought first about the man’s need for a job. She talked with him about what work he might do and where he might look for it. When they parted, she gave him some money for soap and a clean set of clothes.

The man left with strength in his body and hope in his heart. Elizabeth returned to her room with a deep sense of peace, grateful that she had been led to respond to him with love rather than with fear.

Discussion Questions

1. *How did Elizabeth Fry feel about the conditions of the prisons and the prisoners?*

2. *How do you think Elizabeth Fry felt when she saw the boot sticking out from under the bed? Why did she pray the way she did? How did her prayer help?*

3. *If you had been in her place, how would you have felt? What might you have done?*

4. *The man was trying to steal from Elizabeth. Why did she give him a sweater, food, and finally money rather than call for help? How did the man feel when he left the inn?*

5. *If Elizabeth had chosen to have the man arrested, what might have happened to him? How might the story have ended then?*

6. *Why do you think the man hid under the bed? Did you ever hide? For what reason?*

Перл С. Бак

ИЙСА-ПАЙХАМАР ВИНА ІУЪЙРЕ

Пхийтта шо хан яра Робан. Иза фермехъ вехаш вара шен деца. ХІора Іуъйранна, дий сахът даьлча, меттара гІатта дезара цуьнан, шен дена хъелий узуш гІо дан. Цкъацкъа, чІогІа кІадлой, шега и болх кхин бан а лур буй-техъа олий, хетара цунна.

Робана шен да чІогІа везара. Мел чІогІа веза, цунна шена а ца хаьара, цхъана хенахъ шен ден-ненан къамел хаззалц. Иза дара Иийса-пайхамар вина де тІекхача масех де долуш.

- *Мэри, хала ду суна Роб самаваккха. Иза воккхахуьлуш ма ву. Наб еза цунна. Со цхъаь ларалур ву,* - элира дас.

- *Хьо ларалур ма вац, Адам,* - элира Мэрис.

- *Хаьа суна,* - меллаша, гІайгІане элира дас. - *ХІетте а къахета суна цунах, иза иштта хьалхе самаваккха.*

И къамел хезча, Робан дог тохаделира: со дукхавеза-кх дена! Хьалха цу хьокъехъ ойла ца йинера кІанта. Сихха хьала а иккхина, ши бІаьрг набаро тІейизошшехъ, шена тІе хІуманаш юьйхира кІанта.

Иийса-пайхамар вина де тІекхочуш, шен дена хазахетийта, цунна совгІат эца лиира Робана. “*ХІун оьцур яра-те, йорах галстук а ца оьцуш?*” - ойла йора цо, шен мансардин корах ара а кьерзаш.

Стигалахъ седарчий кьегара. Царна юккъехъ цхъаь къабсттана кьегана бара. “*Вифлееман седа-м бац-техъа иза?*” - ойла йира кІанта.

- Папа, хлев бохург хІун ду? - хаьттинера Робас.

- Иза божал ду-кха, - жоп делира дас.

“Іийса-пайхамар божал чохъ вина-кх, нах цу чу баьхкина хилла-кх шайн совгІаташца, - дагадеара кІантана. И ойла дагах чекхъелира цунна, дато шаьлта санна. - *Ас а дан деза сайн дена совгІат. Іуьйрре хъала а гІаттий, божал чу а гІой, дерриге а хъелий оза ас? Шадерриге а айса де ас: узур а ду, цІано а йийр ю, тІаккха дена гур ду шадерриге а. Цунна хуур ду, и хъан дина. Ма хазахетар ду цунна!*”

Цу буьйсанна иза ткъозза самавелира. Кхоь дала пхийтта минот йолуш хъала а гІаьттина, тІе хІуманаш юьйхира кІанта.

Меллаша ламеш тІехула охъа а воьссина, чуьра аравелира иза. Божала тІехула боккха, дашох кхелича санна, седа кхозура.

ХІара божала чохъхваьлча, бежнаш цецдевлла хьуйсура кхуьнга, хІара иштта хъалхе варна.

Робас ша цхъаммо цкъа а ца ознера хъелий. Амма ша шен дена беш болчу томе хъаьжча, цунна иза иштта хала а ца хетара.

Къежа а къежаш, доггаха узур Робас хъелий. Уьш-м, цецдевллехъ а, кІантана духъало ца еш, паргІат лаьттара, тІедеьнарг Іийса-пайхамар вина де дуй хууш санна.

Цу Іуьйранна кІанте болх а атта балора, ша деш дерг шен дена совгІат долу дела.

Роб, хъелий озна а ваьлла, ведда шен чу а веана, сихха юргІана кІел вуьйлира. Цхъа минот бен ца йиснера да меттахвала а.

НеІ схъа а йиллина, да чохъхавелира.

- Роб, - вистхилира да, - *хьалагІаттал. Болх бан беза вайшиммо, тІедеьнарғ Іийса-пайхамар вина де делахь а.*

- А-а... *дика ду*, - набарха санна ша олу моттийтира кІанта.

- *Ас, вахана, кечам бо хьуна*, - элира дас.

Да аравелира. Роб-м юргІана кІел Іара. Минот елира. Шиь, пхиь, пхийтта... хан мел елира хаац, амма мацца а чувогІучу ден когийн татанаш хезира.

- *Роб!*

- *ХІун боху ахь, папа?*

...Да вольура. И велар цхьа ирсечу велхарх тера дара.

- *Со Іехош ву хьо, Роб?* - хойттура дас.

- *Ас совгІат дина хьуна Іийса-пайхамар виначу денна, папа.*

Дас, маьнгина улло а хиьна, кІант маракъевлира. Чохь Іаьржа яра. Цушинна вовшен юхь-сибат ца гора.

- *Баркалла хьуна, кІант. Цу совгІатал тоьлла совгІат дан а дац хьуна.*

- *Ва, дада...* - бен, хІумма а ца алалора кІанте шен дукхавезачу дега. Цуьнан дог, безамах дуьзна, эkkха доллура.

- *Дика ду. Со-м юха а дІавижа вольду*, - элира дас. - *ХІан-хІа. ХІинца-м берийн самадовлу хан ю. Суна цкьа а ца гина шу, сайн бераш, ёлке доьлхуш. Со цу хенахь гуттара а божала чохь хуьлура. Вало, гІой вайшиь цхьаьна!*

Робас, хьала а гІаьттина, сихха шена тІе бедарш юьйхира. Кестта стигалахь, седа хиллачехь, малх лепара. Ва-а, ма хаза де дара иза! Ма доккхадера

кІентан дог цул тІаьхъа, шаьшшиь цІа веъча, дас нене а, берашка а, ша сийсара Іуьйкъана хъала а гІаьттина, шена диначу совгІатах дуьйцуш.

- *Иза дан а дара уггар доккха совгІат, суна цкъа а дицлур доцуш, со дийна мел ву!* - дуьйцура дас.

Гочдинарг - Илес Мусаев

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІун дара Робана шен дас дуьйцуш хезнарг, оццул цунна и дагах кхеттал? Хезначу къамело стен тІехь хийцавалийтира Роб?

2. Ийса-пайхамар виначу Іуьйранна бежанаш озар атта ду аьлла хІунда хийтира? Бахъана дарий и болх аттачу баларан? Хиллехь, муьлха дара? Ишколехь болх бар? ЦІахь болх бар?

3. Робан дас муха гайтира шена шен кІант везий? ХІун элира дас Робе кІанте санна? ХІун элира къонахчуьнга санна? Робас муха гайтира да шена везий? Робас диначо муха самукъадаьккхира доьзалехь?

4. Хьобга хІун далур дара хъайца Іаш волчунна я йолчунна, цуьнан де самукъане хилийта? Ахь деллачех муьлха совгІат хета хьуна уггар дика? Хъайна деллачех муьлха совгІат хета хьуна уггар дика? Дийцал, хІунда дара и совгІаташ уггар дика?

5. Ахь муха гойтур бара кхечаьрга болу хъайн безам? Муха хаьа вайна, нахана вай дезий?

6. Робас шен дена дина совгІатах цунна шена а дика совгІат муха хилира?

Перл С. Бак

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Робу было пятнадцать, он жил на ферме. Каждое утро ему приходилось вытаскивать себя из постели в четыре утра, чтобы помочь отцу доить коров. Иногда ему казалось, что он больше не может этого делать.

Роб любил отца. Но, насколько сильно, он не знал до тех пор, пока не услышал случайно разговор отца с матерью. Случилось это за несколько дней до Рождества.

- Мэри, мне тяжело поднимать Роба так рано. Он быстро растет, и ему необходим сон. Я попробую управиться один.

- Но ты не сможешь, Адам, - живо откликнулась мать.

- Я знаю, - медленно сказал отец. *- И все-таки мне жалко поднимать его до зари.*

Когда Роб услышал эти слова, что-то всколыхнулось в нем: отец любит его! Он никогда прежде об этом не думал. В мгновение ока мальчик соскочил с постели, протирая сонные глаза, и натянул на себя одежду. Его глаза слипались, но он все-таки встал!

А потом, в канун Рождества, в тот год, когда Робу исполнилось пятнадцать, он лежал на боку, задумчиво глядя в окошко своей мансарды. Ему так хотелось сделать отцу подарок получше, чем этот десятицентовый галстук из магазина!

За окном ярко светили звезды, и одна звезда столь ослепительно сверкала, что он подумал: *“Не Вифлеемская ли это звезда?”*

- Папа, - спросил он однажды, - а что такое хлеб?

- Это просто коровник, - ответил отец. - Как у нас.

Значит, Иисус родился в коровнике, и пастухи и волхвы пришли в коровник со своими рождественскими дарами. Эта мысль пронзила его, подобно серебряному кинжалу. А почему бы ему не сделать отцу особенный подарок? Он мог бы встать рано, раньше четырех, тихонько пробраться в коровник и подоить коров. Он все сделает один - и подоит, и почистит, а потом придет отец и увидит, что все уже сделано. И, конечно, он догадается, чья это работа.

В ту ночь он просыпался раз двадцать. Без четверти три он встал и оделся. Он спустился вниз, осторожно ступая по скрипучим ступенькам, и вышел из дома. Большая звезда, посверкивая червонным золотом, висела прямо над крышей коровника. Коровы смотрели на него сонно и удивленно.

Он никогда прежде не доил один, но это оказалось не так уж трудно. Он продолжал думать о том, как удивится отец. Он улыбался и упорно доил, две сильные струи лились в ведро, пенясь и благоухая. Коровы все еще удивлялись, но не противились. Они все вели себя хорошо, как будто знали, что наступило Рождество.

В то утро ему работалось легче, чем когда-либо до этого. Дойка перестала быть тяжелой повседневной работой. Теперь это был подарок отцу, который любил его.

Когда он вернулся в свою комнату, у него оставалось всего минута, чтобы сбросить в темноте одежду

и прыгнуть в постель. Он слышал, как встал отец, и закутался в одеяло с головой, чтобы заглушить свое учащенное дыхание. Дверь открылась.

- *Роб*, - позвал отец. - *Надо вставать, сынок, даже в Рождество.*

- *Мм... хорошо*, - сонно пробормотал он.

- *Я пойду и пока все подготовлю*, - сказал отец.

Дверь закрылась, а Роб все лежал в постели, хоча про себя. Минуты казались вечностью - десять, пятнадцать, он не знал, сколько прошло, прежде чем снова услышал шаги отца.

- *Роб!*

- *Да, папа...*

Отец смеялся странным, похожим на всхлипывания смехом.

- *Ты думал, что надул меня, а?*

- *Это подарок к Рождеству, папа.*

Отец присел на кровать и заключил его в объятия. Было темно, и они не видели лиц друг друга.

- *Спасибо, сынок. Нет ничего лучше такого подарка.*

- *О, папа*, - только и мог выговорить Роб. Его сердце разрывалось от любви.

- *Ну что ж, теперь я тоже пойду досыпать*, - сказал отец через минуту. - *Нет, послушай, малыши просыпаются. Подумай, сынок, я никогда не видел вас, детей, когда вы бежите рано утром к рождественской елке. Я всегда был в это время в коровнике. Пошли!*

Роб встал, снова оделся, и они спустились к елке. Вскоре солнце сияло там, где прежде горела звезда. О, какое это было Рождество! И как снова разрыва-

лось его сердце от застенчивой гордости, когда отец рассказывал матери и младшим детям о том, как Роб встал сам раньше всех.

- Это лучший рождественский подарок в моей жизни, и я буду вспоминать о нем, сын, каждый год в Рождественское утро - покуда я жив.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 511 и 512.

1. Что так глубоко тронуло Роба, когда он подслушал своего отца? Почему услышанное так повлияло на него?

2. Почему так легко было Робу доить этим рождественским утром? Может ли смысл работы сделать ее легче? Если да, то как? В школе? Дома?

3. Как высказал отец Роба любовь к своему сыну? А Роб к отцу? Как сумел подарок Роба порадовать всю его семью?

4. Сделали ли вы для кого-то, что-то похожее на то, что сделал Роб для своего отца?

5. Как можно выразить свою любовь к окружающим? Как мы узнаем, что нас любят?

6. Почему подарок Роба отцу стал подарком и самому себе?

CHRISTMAS DAY IN THE MORNING

By Pearl S. Buck

Setting: Rob was fifteen and lived on a farm. Every morning he had to drag himself out of bed at 4 a.m. to help with the milking. Sometimes he thought he just couldn't do it.

Rob loved his father. He had not known how much until one day a few days before Christmas when he had overheard what his father was saying to his mother.

“Mary, I hate to call Rob in the mornings. He's growing so fast and needs his sleep. I wish I could manage alone.”

“Well, you can't, Adam.” His mother's voice was brisk.

“I know,” his father said slowly, “but I sure do hate to wake him.”

When he heard these words, something in him woke: his father loved him! He had never thought of it before. He got up quicker after that, stumbling blind with sleep, and pulled on his clothes, his eyes tight shut, but he got up.

And then on the night before Christmas, that year when he was fifteen, he lay on his side and looked out his attic window. He wished he had a better present for his father than a ten cent tie.

The stars were bright outside, and one star in particular was so bright that he wondered if it were really the Star of Bethlehem. “Dad,” he had once asked, “What is a stable?”

“It’s just a barn,” his father had replied, “like ours”. Then Jesus had been born in a barn, and to a barn the shepherds and the wise men had come, bringing their Christmas gifts. The thought struck him like a silver dagger. Why should he not give his father a special gift? He could get up early, earlier than four o’clock, and he could creep out to the barn and get the milking done. He’d do it alone - milk and clean up, and then when his father went in to start the milking, he’d see it all done. And he would know who had done it.

Rob must have waked twenty times during the night. At a quarter to three he got up and put on his clothes. He crept downstairs, careful of the creaky boards, and let himself out. A big star hung over the barn roof, a reddish gold. The cows looked at him, sleepy and surprised.

He had never milked alone before, but it seemed almost easy. He kept thinking about his father’s surprise. He smiled and milked steadily, two strong streams rushing into the pail, frothing and fragrant. The cows were still surprised but acquiescent. For once they were behaving well, as though they knew it was Christmas.

The task went more easily than ever before. Milking for once was not a chore. It was something else, a gift for a father who loved him.

Back in his room, he had only a minute to pull off his clothes in the darkness and jump into bed, for he heard his father up. He put the covers over his head to silence his quick breathing. The door opened.

“Rob!” his father called. “We have to get up, Son, even if it’s Christmas.”

“Awright,” he said sleepily.

“I’ll go on out,” his father said. “I’ll get things started.”

The door closed and he lay still, laughing to himself. The minutes were endless - ten, fifteen, he did not know how many - and he heard his father’s footsteps again.

“Rob!”

His father was laughing, a queer, sobbing sort of a laugh. “Thought you’d fool me, did you?”

“It’s for Christmas, Dad!”

His father sat on the bed and clutched him in a great hug. It was dark, and they could not see each others’ faces.

“Son, I thank you. Nobody ever did a nicer thing.”

“Oh, Dad” He did not know what to say. His heart was bursting with love.

“Well, I reckon I can go back to bed,” his father said after a moment. “No. Listen - the little ones are waking up. Come to think of it, Son, I’ve never seen you children when you first saw the Christmas tree. I was always in the barn. “Come on!”

He got up and pulled on his clothes again and they went down to the Christmas tree, and soon the sun was creeping up to where the star had been. Oh, what a Christmas, and how his heart nearly burst again with shyness and pride as his father told his mother and made the younger children listen about how he, Rob, had got up all by himself.

“The best Christmas gift I have ever had, and I’ll remember it, Son, every year on Christmas morning as long as I live.”

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 511 and 512.

1. What did Rob hear his father say that affected him so deeply? Why did hearing this make such a difference to Rob?

2. Why did milking seem to go so easily on that particular Christmas morning? Does the reason for doing a job make any difference? If so, how? At school? At home?

3. How did Rob's father show love for his son? Rob for his father? How did Rob's gift bring joy to the whole family?

4. What have you done for someone else similar to what Rob did for his father?

5. How can you show your love for others? How do we know that other people love us?

6. How did Rob's gift to his father end up being a gift to himself as well?

Байард Растин

НИЙСОНЕ КХОЧУ НЕКЪ

Байард Растин афро-американхойн баьчча вара. Машараллин Вежарийн це йолчу тобана юкъя воҫуш, 1960-чу шерашкахь массо а Iамерикан махкахойн бакъонаш цхьатерра хилийтархьама кыйсира цо.

XIара истори цо язъечу хенахь “къорзий”, “негр” боху дешнаш нахана юкъяхь лелаш дара. Ткъя хIинца, уьш чаьмза хеташ, наха башха олуш а дац.

Юккьерчу Малхбузехь йолчу цхьана гIалахь университетехь лекцеш йоьшуш со волчу хенахь со вахара жимочу ресторане сайна цхьа стака шура а, цхьа гамбургер а эца. Цхьа хан яллалц Iийначул тIаьхьа ас тидам бира: со гушшехь, цхьаммо а со тергал ца вора. Цхьана иттех минотехь юха а собар а дина, ас сацам бира, цуьнан бахьана хIун ду, хаа.

Официанткана тIе а вахана, цунна хьалха дIа а хIоьртина, ас элира:

- *Суна гамбургер езара.*

- *Бехк ма биллалахь,* - жоп делира цо суна, - *тхан таро яц кхузахь... а-а... а-а... шун, къорзачу нехан, хьашташ кхочушдан.*

- *Иза хьан дина омра ду?* - хаттар дира ас.

Цо корта ластийра юьстахо лаьтта зуда йолчу агIор. Цул тIаьхьа цо шен балдашна тIе пIелг биллира, ша цу жобпана юкъя ма озаяхьара ахь бохуш санна.

Со, воеддушехь, ресторана чуьрачу кофеваркина уллохь лаьтташ йолчу зудчунна тIевахара.

- *Суна хаа лабара, сан хъашташ кхузахъ кхочушдан хІунда мегаш дац?* - аьлла, хаттар дира ас цуьнга.

- *А-а... кхетий хьо ... а-а... - йобхна хъаввзира иза, - иза хІун ду аьлча ... а-а, оха и тайпа хъашташ кхочуш ца до тхайн гІалахъ. Цхъанна а ресторанехъ къорзачу нехан хъашташ кхочушдеш дац тхо долчохъ.*

- *ХІунда?* - хъьттира ас юха а.

- *Уьш боьха болу дела а, царна белхаиш бан ца лаьа дела а, - элира цо. - Цундела ас церан хъашташ кхочуш ца до. Нагахъ кхочушдахъ, хІокху чуьра нах арабевр бу. ТІаккха сан йохк-эцарх хІун хир ду?*

Ас сайн кисанара схъаяьккхира Машараллин Вежарийн тобано йина доклад. Цу доклада тІехъ далийна дара кхиазхоша диначу зуламийн маситта масал, белхан меттигаш цахиларан бахъанаш, хар-цахъара леларан бахъанаш, амма церан бахъана негарша болх цабарца а, уьш зуламе леларца а доьзна лоруш дацара. Охашиммо цхъаьна жамІаш дира оцу масалшна. Царна юкъара охашиммо къастийра сан хъашташ кхочушдан цунна новкъарло еш долу масалш а.

- *Ахъ цкъа а кхочушдиний негрин хъашташ?* - хаттар дира ас цуьнга.

- *Ца дина,* - жоп делира цо, жимма оза а елла.

- *Ткъа хІунда моьтту шуна, сан хъашташ кхочушдича, шун клиенташна иза новкъа догІур ду?* - юха а хъьттира ас.

Ас цуьнга дехар дира, нийсо къасто некъ лахахъара ахъ аьлла. Жимма ойла а йина, иза реза хилира ас аьлларг дан: стоьлан йисте охъа а хиьна, ресторане баьхкинчарна дубхъал а вирзина, иттех минотехъ

сайн гамбургер а ца юуш со Иийр ву. Цу хенахь вагарвийр ву вай, со бахъанехь маса стаг аравер ву я чувогӀур вац.

Со бахъана долуш цхъа а стаг я чу а, ара а валахь, со дӀагӀур ву. Ца валахь, ас сайн гамбургер дӀаюур ю.

Со 15 минотехь хьобжуш Иийра. Цул тӀаьхъа иза суна ша тӀеера. Сан шелъелла гамбургер дӀа а эцна, суна хьалха йовханиг охъа а йиллина, цо хабттира:

- *Ахь хӀун мер ю?*

ТӀаьхьо цу тӀалахь Ӏаш болчу негаршкара а, кӀайчаьргара а хезира суна, миссис Даффиса, цхъана а кепара юхахъа а ца юьйлуш, цхъа а хьем боцуш негрийн хьашташ кхочушдора аьлла. Иза цу заманахь майралла а яра.

Гочдинарг - Хьасан Туркаев

Дийцаре дан хаттарш

1. Оцу дийцар юкьара маса стаг хилла Баярдаца оцу проблемах лаьцна кьамел дан ца лууш? ХӀунда ца лууш хилла царна цуьнца кьамел дан?

2. ХӀун дира ресторанан долахочо кхин юьхь-сибат долчу нахах теша (вай “*Ӏаьржанаш*”, “*афро-американхой*”, ткъа хӀинца “*кхин бос болу нах*” олу царех)? Цо хӀунда йийцира цуьнга шен Ӏаьржачу нахах лаьцна дог-ойланаш? Цунна цхъа а негр вевзаш хилла аьлла хетий хьуна?

3. Муха хийцийтира Баярда Растина шена хьошалла даран хьокъехь йолу цуьнан дог-ойла?

4. Хьуна хетарехь, цо диначу муьлхачу гӀуллакхаша хийцира и кафе йолчун дог-ойла? ХӀунда хийцаелира цуьнан дог-ойла?

5. ХІунда йира Растин Баярдана йовха, керла гамбургер? ХІун дара Растин Баярдана коьртаниг - ша уьш зуйьш, цара шена елла керла гамбургер я кхин дІа, цуьнан зер чекхдаьлча, цара Іаьржа нах а тІеобцург хилар?

6. Массо меттигашкахь нахана бахьанаш карадо, шайх тера боцу нах ца беза. Масала, цара кхин мотт буьйцу, дин кхечу кепара ду, уьш кхечу къаьмнех тІебаьхкина бу, я кхин юьхь-сибат ду, я кхечу пачхьалкхашкара баьхкина бу, я шайн махкара кхечу кІюштар баьхкина бу бохуш. Шу долчакх юй шуна дукхаезаш йолу тобанаш? Муха къасталур дара хьобга наха шина кепара дуьйцуш долчу къамелех бакъдерг?

7. ХІара дийцар дешча, хьайн кхоллаелла ойла йийца.

Байард Растин

ЭКСПЕРИМЕНТ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Байард Растин был афро-американским лидером, который работал в Братстве Примирения, борясь за равные права для всех американцев в 1960-х годах. Когда он писал эту историю, слова “цветной” и “негр” были вполне обычными, хотя сейчас они считаются грубыми и не используются.

Между выступлениями в университетском городке Среднего Запада я зашел в небольшой ресторан, чтобы купить себе гамбургер и стакан молока. Я просидел там некоторое время и заметил, что на меня нарочито не обращают внимания.

Подождав минут десять, я решил объясниться. Я подошел к официантке, встал прямо перед ней, так что она не могла не заметить меня, и сказал:

- *Я хотел бы заказать гамбургер.*

- *Простите,* - ответила она, - *но мы не можем здесь обслуживать... ээ... ээ... вас... цветных людей.*

- *Кто за это отвечает?* - спросил я.

Она ответила двумя жестами - первым указала в сторону женщины, стоявшей в глубине комнаты, а потом прижала палец к губам, явно умоляя меня не втягивать ее в эту историю.

Я направился прямо к женщине, стоявшей возле кофеварки в глубине ресторана.

- *Я хотел бы знать, почему меня здесь нельзя обслужить?* - спросил я.

- *Ну... понимаете... ээ...* - замялась она, - *это потому... ээ, что... мы не делаем этого в нашем*

городе. Цветных не обслуживают ни в одном ресторане.

- Почему? - спросил я.

- Потому что они грязны, - сказала она, - и не хотят работать, и потому что, если я начну их обслуживать, все выйдут отсюда. И что тогда будет с моим бизнесом?

Я вынул из кармана доклад местного отдела Братства Примирения. Там объяснялись многие реальные факты преступности несовершеннолетних, безработицы, буйного поведения и подобных пороков, которые, как многие полагали, особенно характерны для негров. Вместе с ней мы рассмотрели все эти факты. Одну за другой мы разрешили все проблемы, которые помешали бы ей обслужить меня, за исключением экономической проблемы.

Иллюстрация к рассказу Эксперимент справедливости, автор Валери Уайт, возраст 16 лет, США / Illustration to Experiment in Fairness by Valerie White, 16 years old, USA

- *Вы когда-нибудь обслуживали негров?* - спросил я.

- *Нет,* - ответила она настороженно.

- *Тогда почему Вы думаете, что это обидит ваших посетителей?*

И я попросил ее сделать эксперимент с целью расширения демократии. Немного поколебавшись, она согласилась на следующих условиях: что я буду сидеть за столиком лицом к ресторану в течение десяти минут и не буду есть свой гамбургер.

Мы сосчитаем число людей, которые выйдут или не войдут в него из-за меня. Если мы увидим хотя бы одного такого человека, я уйду сам. Если нет, я смогу съесть свой гамбургер.

Я ждал пятнадцать минут. Потом она подошла ко мне, забрала мой холодный гамбургер, положила передо мной горячий и просто сказала:

- *Что Вы хотите пить?*

Позднее я узнал от негров и белых, живших в этом городе, что миссис Даффи продолжала обслуживать в своем ресторанчике негров без каких-либо осложнений и конфликтов, что было смелым поступком с ее стороны в то время.

Перевод Т.А. Павловой

Вопросы к обсуждению

Рисунок к рассказу приведен на стр. 513.

1. Почему люди не хотели обсуждать с Баярдом описанную им проблему? Что их останавливало?

2. Почему хозяйка ресторана не хотела обслуживать его? Чего она боялась?

3. Как убедил Баярд Растин хозяйку обслужить его? Какое именно из его действий, по-вашему, оказало самое большое влияние на хозяйку?

4. Чем важно то, что она поджарила Баярду свежий гамбургер? Почему после того, как его эксперимент закончился, она продолжала обслуживать цветных людей?

5. Почти повсюду люди находят повод плохо относиться к тем, кто от них отличается. Встречалось ли вам такое? В вашей школе? В вашем городе? В вашей стране?

6. Представьте себя на месте Баярда. Приходилось ли вам чувствовать себя чужаком? Расскажите об этом.

EXPERIMENT IN FAIRNESS

By Bayard Rustin

Setting: Bayard Rustin was an African American leader who worked for the Fellowship of Reconciliation (FOR) for equal rights for all Americans during the civil rights efforts of the 1960s. When he wrote this story, the terms “colored” and “Negro” were in common use.

Иллюстрация к рассказу Эксперимент справедливости,
автор Травис Фуглер, возраст 15 лет, США /
Illustration to Experiment in Fairness by Travis Fugler,
16 years old, USA

Between speaking engagements in a Midwestern college town I went into a small restaurant to buy a hamburger and a glass of milk. I had not been sitting in the restaurant long before I noticed I was being ignored. After waiting about 10 minutes I decided that the conflict had to be faced. I moved to one corner, stood directly before a waitress so she could not overlook me and said, "I would like to have a hamburger."

"I'm sorry," she replied, "but we can't serve... er... er... you, er... colored people here."

"Who's responsible for this?" I asked.

She made her reply in two gestures - the first indicating a woman standing in the rear; and the second, a finger to the lip, an obvious appeal for me not to involve her in any way.

I walked directly to the woman standing near the coffee urn in the rear of the restaurant. "I would like to know why it is impossible for me to be served here."

"Well... er... ." she stuttered. "it's... it's because we don't do that in this town. They don't serve colored people in any of the restaurants."

"Why?" I asked.

"It's because they're dirty," she said, "and they won't work, and because if I served them everybody would walk out, and then what would happen to my business?"

I took from my pocket a report by the local FOR. It explained many actual facts about juvenile delinquency, unemployment, boisterousness, and other conditions and qualities that many people thought were especially typical for Negroes. Together, we went through those facts. One by one, we eliminated all the problems

that would interfere with my being served, except the economic one.

“Have you ever served Negroes?” I asked.

“No,” she replied warily.

“Then why do you believe that doing so would upset your customers?” I then appealed to her to make an experiment in the extension of democracy. After some hesitation she agreed to the following terms: that I would sit in the front of the restaurant for ten minutes, during which time I would not eat my hamburger. We would count the number of people who left or did not come in because of me. If we saw one such person, I would leave. If we did not, I could eat my hamburger.

I waited 15 minutes. Then she approached me, picked up the cold hamburger, placed a hot one before me, and said simply, “What will you have to drink with it?”

I have been given to understand by Negroes and whites who live in that town that Mrs. Duffy continues to serve Negroes without embarrassment or conflict, which is indeed a courageous thing in the circumstances.

You can learn more about the Fellowship
of Reconciliation on the Internet at:
www.forusa.org

Discussion Questions

Image for this story can be found on p. 513.

1. Why didn't people want to talk to Bayard about the situation? What stopped them from speaking to him?

2. Why didn't the owner wait on Bayard's table? What was she afraid of?

3. How did Bayard Rustin get the owner to change her mind about serving him? Which of the things he did made the most difference in changing the owner's mind?

4. Why was making Bayard Rustin a fresh hamburger important to the waitress and Bayard? Why do you think she kept on serving people of color after the experiment was over?

5. Almost everywhere people find excuses not to like others who are different. Has this ever happened in your life? In your school? In your town? In your country?

6. Imagine yourself in Bayard's position. Have you ever felt like an outcast? Tell about your experience.

Ася Вазаева

КЪАБХЪА СТОМ МАРЗБАЛАР

Нохчийчуьра схъаялийна берийн тоба “Голубая волна” цѐе йолчу санаторин кертахь дІатарйира. Маситта баттахь Нохчийчоьхь шело а, мацалла а лайна долчу берашна Анапехь шайна динарг доккха совгІат хетара. И совгІат царна динарш Краснодаран кІоштан куьйгалхой бара, Нохчийн берашна фондехула мах боцуш путевкаш елла болу.

Юьхъанца шадерриг а дика схъадогІуш дара. Амма пхоялгІачу дийнахь кхечу палати чу довла дийзира берийн. И палата чІогІа ирча яра, пенах доккха Іуьрг а долуш. И Іуьрг, чу гІайба а боьллина, дІадуькЪира бераша. Чохь шийла яра, цундела цхъа йоІ цомгуш хилла, дарбанан цІийне дІайигира. Амма иза хІумма а доцург хиллера хиндолчуьнга хъабжча.

Делкъал тІабхъа берийн тоба ловза араелира, палата цІанъян чохь йокхажйолу ши йоІ йитина - Седий, Луизий. Цѐехъана неІ татанца схъа а йоьллуш, чу маситта йоІ еара лулара палати чуьра. ЧІогІа резабоцуш бара уьш массо а.

- Мила вара шух тхан чу а веана хІуманаш кегийнарз?

- ХІун ду хилларз?

- Тхан массо а хІуманаш тІекІел тесна ю, цхъаццайолу хІуманаш яйна!

- Тхан хІун бехк бу тІаккха?

- Цхъана йоІана гира, шух цхъаб тхан чуьра арайолуш.

Цхъа а хІума хезаш бацара и дов дохъуш баьхкинарш: *“Тхуна хаъа, хІуманаш лачкъийнари шу дуй!”* - бохура цара.

Цу тІера дІаболабелира пхоьалгІачу отрядера нохчийн а, оьрсийн а шина тобанан тІом. Вовшашна Иттарш ца еш, тІех ца бовлура уьш. Столовехъ а, юхъ-куьг дуьлучохъ а, ловзуш долчу меттигехъ а бина ца Іаш, шайн палаташ чубирзича а ца сацабора бераша шайн тІом - пенах долчу Іуьргехула дІасхъа гІайбеш кхуьссура.

Нохчийн тобанера зудаберашна чІогІа хала дара и хІоьттина долу хьал лан. Цара тІаьххъара шайн хъехархошка дІадийцира шайца лелочу харцонех лаьцна. И гІуллакх ма-дарра талла а теллина, хъехархоша бераш схьагулдир.

- И дага а муха деара шуна - шайн отрядера накъосташна доцург кхолла? Иштта а тоьур дара царна тІехІоьттинарг. ТІамо махках а, шайн цІийнах а, школах а баьхна уьш. Царах цхъаццабери дай-наний доцуш бисина. Аш бехк боцуш хъийзош долчу берашна юккъехъ бо-бераш ду. ТІулгах дина ду шун дегнаш?

Цул тІаьхъа оьрсийн тобанера зудабераш кьера хилира, шайн цхъа а хІума ца яйнера, Нохчийчуьра далийна бераш шаьш долчуьра дІадахийта дагадеанера шайна аьлла. Ирас шен доттагІчуьнца Викица кхи-долу зудабераш массо а тешийнера: нохчийн бераш зуламе ду, царех диканиг дер дац, цундела уьш кхечу корпусе дахийта деза аьлла.

Цул тІаьхъа и дов даьккхинарш ма-хуьллу шайн бехк дІабаккха гІерташ бара. Седий, Луизий, дехарш а дина, шайн чоь мелла а йовхо ю аьлла, шаьш долчу

дІайигира цара. Нохчийчуьра берашца хІинца кІеда а, мерза а бара уьш, царна, муьлхха а, дика дан гІерташ хуьлура уьш.

Цара дехарш дора, нохчийн берашка тІамах лаьцна а, тІом беш йолу республикехь бисина болу нахах лаьцна а шайна дийца бохуш.

Викин санаторера вукхарел хьалха дІаяха дийзира. Массеран а Іодика яр ца хилира цуьнан. Иза дІаяхний хиьча, левзина чудаьжинчу берашна халахийтира. Амма кестта хиира, Викас шайга тІаьххьара маршалла кховдийний. Записки тІехь, Седина шен гІайби бухахь карийра иза, доцца яздинера Викас, амма даггара: *“Седа, суна хьо чІогІа дукхаеза! Санаторера хьайн доттагІий биц ма белахь! Ас хьан кехате сатуьйсур ду. Язделахь соьга!”*

Санаторехь яьккхина хан сиха чекхьелира. ДІасакъаьсташ, доьлхура бераш а, воспитателаш а.

Бераша шайн адресаш делира керла нохчийн доттагІашка. Царна халахетара, кехаташ цхьана агІор бен дІасадахьийта аьтто цахилар. ХІунда аьлча, Нохчийчуьра берийн адресаш дацара...

Дийцаре дан хаттарш

1. Хьуна хетарехь, цхьа йоІ бахьана долуш ерриг тоба харцдерг дуьйцур долуш ярий?

2. Муха тІейцира оьрсийн зудабераша шайн хьехархоша дина хьехар? Хьан хьехархочо хьо сацор варий, ишттаниг нисделча?

3. Иштта церан леларо хийцирий юьхьанца хилларг? Хьоьца хиллий ишттаниг цкъа а?

4. Тарлорий кьинхетамо доттагІаллин неІарш дІаелла? Муха хуьлу и?

5. Россино тIом бина Нохчийчоьнца. ХIетте а Крас-
нодарера куьйгалхоша Нохчийчуьра зудабераш дигира
шайн санаторешка садаIа. ХIунда бигнера цара уьш
садаIа? Хуьлий и тайпа хIума махкахь шайн Iедалшна
резабоцуш болчу кхиболчу нахаца?

6. Ахь лелийний иштта гамо цхьаьнца а, тIаккха хьо
гIалатхилар тIехь кьера а хилла, доттагIалла тесний?
ХIун дина ахь, хьайн гIалатах хьалхаволуш?

ГОРЬКИЙ ПЛОД, СТАВШИЙ СЛАДКИМ

Чеченским детям почти все время было холодно и постоянно голодно. Многие дома пострадали из-за войны и не отапливались, как следует. Семьи, которые жили в четырех комнатах, были вынуждены тесниться в одной. Никогда не было достаточно еды.

Потом случилось чудо! Седу, Луизу, в общем, двенадцать чеченских девочек выбрали для поездки в дом отдыха “Голубая волна”. Они не могли в это поверить.

Место было прекрасное. Можно было подолгу без опаски гулять в любое время. Кормили хорошо, даже добавку давали.

Комната, где они жили, правда, была не лучшей. Ночью в ней было неуютно, сыро и зябко, но она была большой. У каждой из девочек была кровать и место, где можно было складывать вещи. А большую дыру в стене затыкали подушкой, чтобы не было сквозняка и не проникал шум из соседней комнаты.

Все равно, это был почти рай по сравнению с домом.

Поездка эта была оплачена администрацией Краснодарского региона по линии Чеченского детского фонда.

Потом все изменилось.

Луиза и Седа были одни в своей комнате, когда дверь с шумом распахнулась и впустила русских девочек.

- *Кто из вас заходил и шарил в нашей комнате?* - закричала одна из них.

- *В чем дело?* - спросила Седа.

- *У нас все перевернуто и вещи пропали!* - воскликнула другая девочка.

- *Мы тут не при чем!* - возразила Луиза.

- *Неправда! Одна девочка видела, как кто-то из ваших выходил из нашей палаты!*

Обвинители были категоричны и никаких объяснений слушать не хотели. Так началось противостояние “чеченской” и “русской” групп 5-го отряда.

Нашла коса на камень. Противники не упускали случая поддеть друг друга. Русские девочки постоянно оскорбляли чеченок, а те обзывали русских. Словесные баталии наблюдались в местах общего пользования: столовой, туалете, игровом зале и в палатах. Всю ночь через дыру в стене подушка летала то в одну, то в другую сторону, пропуская холодный сквозняк и еще более холодные чувства.

В конце концов девочки из чеченской группы пожаловались воспитателям. Началось разбирательство, в ходе которого в комнате чеченок были обнаружены лишь вещи, принадлежащие им. После этого состоялось общее собрание.

- *Как вам такое могло прийти в голову - оклеветать товарищей по отряду?! Они невиновны и уже незаслуженно наказаны судьбой. Война разрушила их дома, разлучила со школой. Некоторые потеряли мать, отца или даже обоих родителей. И все равно вы их жестоко обидели. У вас что, каменные сердца?!*

После этого наступил мир. Прекратились оскорбления и обзывания. Девочки стали разговаривать друг с другом в столовой.

Потом они начали играть в игры и ходить вместе гулять.

Однажды Седа спросила у Вики, одной из русских девочек, обвинивших чеченок в воровстве: *“Зачем вы все это тогда затеяли?”* Вика объяснила: *“Ира (одна из старших девочек) сказала нам, что все чеченцы - попрошайки. Она сказала, что вы возьмете все, что плохо лежит, и натворите бед, если только представится удобный случай, что нам надо избавиться от вас. Сейчас мы знаем, что это было неправильно. Мы хотим загладить свою вину”*.

Они уговорили Седу, Луизу и других девочек перейти в их комнату, более теплую и уютную. Они делали все, что от них зависело, чтобы дети из Чечни чувствовали себя как дома.

Теперь им было интересно слушать рассказы о войне и о жизни там, в воюющей республике.

Вика уехала из санатория раньше других. Она не успела со всеми попрощаться. Девочки очень скучали по ней, потому что Вика была заводилой. Никому не приходилось скучать, когда она была в компании.

Под подушкой у себя Седа нашла спрятанную там прощальную записку. *“Седа, я тебя очень, очень, очень люблю. Не забывай своих друзей. Пиши обязательно”*.

Быстро пробежало время в *“Голубой волне”*. Даже воспитатели плакали, когда детям пришло время уезжать. Никто из них не сможет забыть своих волнений или своих друзей.

Вопросы к обсуждению

Рисунки к рассказу приведены на стр. 514 - 516.

1. Как вы думаете, почему одному человеку удалось убедить всю группу девочек солгать?

2. Как вы думаете, почему русские девочки приняли к сердцу совет учителей? Могли бы на вас так же легко повлиять ваши учителя?

3. После того, как изменилось поведение девочек, начало меняться и их отношение. Встречалось ли вам такое в жизни?

4. Может ли вежливость проложить дорогу дружбе? Как это происходит?

5. Между Россией и Чечней шла война. Но комитет в России организовал чеченским девочкам поездку в российский лагерь. Как вы считаете, почему это произошло? Бывает ли так, чтобы жители страны были несогласны с решениями и политикой своего правительства?

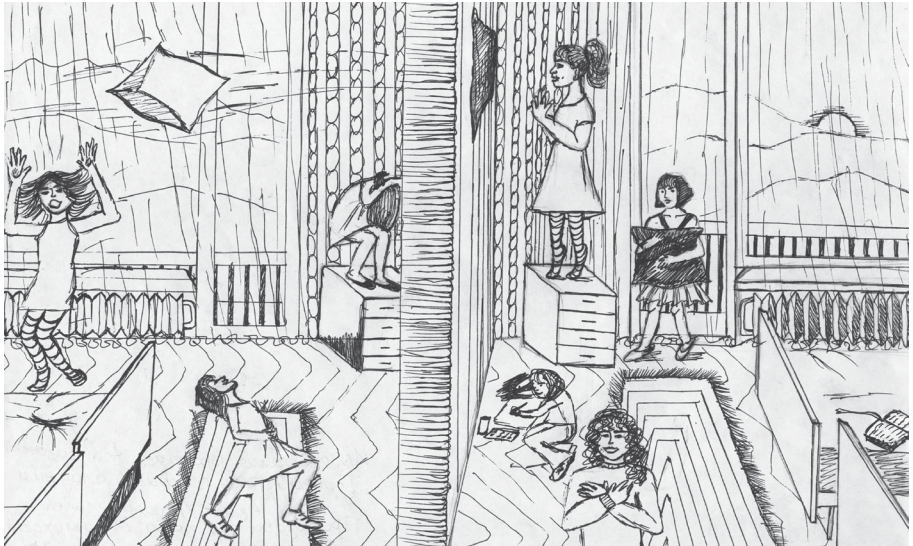

Иллюстрация к рассказу Горький плод, ставший сладким,

автор Ася Умарова, возраст 16 лет, г. Грозный /

Illustration to First Bitter, then Sweet by Asya Umarova,

16 years old, Grozny

6. Случалось ли вам недружелюбно себя с кем-то вести, а потом осознать свою ошибку и постараться подружиться? Что заставило вас осознать свою ошибку?

7. В воровстве чего, по-вашему мнению, обвинили чеченских девочек?

8. Вас когда-либо обвиняли в чем-то, что вы не делали, либо знаете ли вы кого-то, кто был несправедливо в чем-то обвинен? Что вы испытывали? Если с вами лично такое не случалось, как, вы думаете, себя чувствовали другие люди, которых обвиняли в чем-либо несправедливо.

Примечание: довольно распространено, что в мире невинные люди обвиняются в том, чего они не делали, а некоторые из них даже отправляются на долгие годы в тюрьму. Важно, чтобы студенты поняли, что несправедливое отношение и вызванные этим страдания, которые причиняются несправедливо обвиненным и их семьям.

- Как это соотносится с содержанием *Прембулы Всеобщей декларации прав человека ООН, которая гласит: "...принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира..."* и ее *Статьи 1: "Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства..."*

- Когда русские девочки осознали боль и невиновность чеченских, их поведение изменилось, они стали проводить с удовольствием время вместе и стали близкими друзьями. Как полученный ими опыт показывает путь к воплощению в жизнь духа Статьи 1?

FIRST BITTER, THEN SWEET

By Asya Vasaeva

The Chechen children were cold most of the time and hungry all the time. Many homes had been damaged by the war and could not be heated properly. Families that used to have four rooms found themselves crowd into one. There was never enough food.

Then a miracle happened! Seda, Luisa, altogether a dozen girls were chosen to go on a trip to a holiday camp called Blue Wave. They could hardly believe it.

The area was beautiful. It was safe to go on long walks without having to watch for trouble all the time. There was plenty of food at every meal. Second helpings, even. The room where they slept was not the best. It was scruffy and damp and chilly at night, but it was big. Every girl had her own bed with room around it to keep her things. There was a big hole in the wall that had to have a pillow stuffed in to keep out the draft and the noise from the next room, but it was still almost heaven, compared with home.

This blessing was paid for by the administration of the Krasnodarsk Region, which provided a free holiday trip through the Chechen Children's Fund.

Then it changed.

Luisa and Seda were alone in the room when the door burst open and several Russian girls pushed their way in. "Which of you came sneaking into our room?" one screamed.

"What's the problem?" Seda asked.

“Our room’s been turned upside down. Things are missing,” another of the intruders said.

“We did not do it.” Luisa replied.

“That’s a lie. One of our girls spotted one of yours coming out of our room. We know you have been stealing!”

The accusers would not listen to anything Seda or Luisa said. House Five came to be divided between Chechens and Russians. The opponents were well matched. Neither side missed a chance to “get at” the other. Whenever the Russian girls insulted the Chechen girls, the Chechens called the Russian girls names. It happened everywhere, in the bathroom, in the dining hall, in the game room. It even spilled over into the dormitory. All night, the pillow was frequently pushed through from one side of the wall to the other, making a way for cold drafts and colder feelings to come through.

Finally the Chechen girls complained to the teachers. The teachers organized a thorough search. Only things belonging to the Chechen girls were found in their quarters. The teachers called a general assembly.

“How could you think of trying to make others who live in the same House look bad? They are innocent, and they have already suffered a great deal. The war destroyed their houses. They could not go to school. Some of their fathers or mothers have been killed. Some have even lost both. And yet you insulted them cruelly. You must have hearts of stone.”

After that, peace broke out. The insults and name-calling stopped. The girls started talking to each other in the dining hall. Then they began playing games or walking together.

One day Seda said to Vika, one of the Russian girls who had accused the Chechens of stealing, “Why on earth did you start all that trouble?”

Vika explained, “Ira (one of the older boys) told us all Chechens are beggars. He said you would take anything you could get your hands on and make trouble if you got a chance, that we had to get you out of House Five. Now we know that was wrong. We want to make up for what we did.”

They invited Seda, Luisa, and the others girls to move into their dormitory, which was warmer and more comfortable. They did their very best to help the children from Chechnya to feel at home. Soon they were fascinated by stories about the war, and what life was like in that ravaged land.

Then Vika had to leave. She had no time to say goodbye to everybody. The girls really missed her because she was so lively. Nobody could be bored when she was around. Then Seda found a handwritten farewell note hidden under her pillow. “Seda, I love you very, very, very much. Don’t forget your friends. Be sure to write.”

The rest of the time passed quickly at Blue Wave. Even the house parents cried when it was time for the other children to leave. None of them would forget their experiences or their new friends.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 514 - 516.

1. How do you think one person could influence a whole group of girls to lie?

2. Why do you suppose the Russian girls responded to their teachers so positively? Could your teachers influence your behavior so easily?

3. After the behavior changed, then the feelings started to change. Have you ever seen this happen?

4. Could politeness leave the way open for friendship to develop? How does this come about?

5. Russia was at war with Chechnya. Yet a committee in Russia arranged for Chechen girls to go to a Russian camp. Why do you think this happened? Does it ever happen that some people in a country do not agree with their government's policies or decisions?

6. Have you ever acted in an unfriendly manner and realized your mistake and then reached out in friendship? What made you realize your mistake?

7. What do you think the Chechen girls were accused of stealing?

8. Have you ever been accused of something you didn't really do or know of someone else who was wrongly accused? How did you feel when it was you? If you never experienced this, how do you think someone else felt when they were wrongly accused.

Note: It is not uncommon all over the world that innocent people are accused of things they didn't do and some of them have even served long prison terms. It will be important for children to understand this unjust treatment and the suffering it causes the wrongfully accused and their families.

- How does this relate to the PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights: Whereas recognition of the inherent dignity and the equal and unalienable right of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world. Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights

(United Nations). All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

- When the Russian girls were able to understand the pain and innocence of the Chechen girls their behavior changed and they began to enjoy each other and became close friends. How does their experience point a way to practice the spirit of Article 1?

КЪИНТИЕРАВАЛАРАН ДАРБАНЕ НИЦКЪ

Детективо Лендрис шийла кхаь баьккхира соьга, кӀеда-мерза хила а гӀерташ. Цо элира: “*Хьовьга ца аьлча ца волу со. Хьан йоI Кетрин дийна яц. Иза йийна. Цунна урс хьаьккна*”. Иза дара 1980-чу шеран сентябрехь.

Сан дог эьккха герга дара. Со цхьана а хӀуманых ца кхетара. Шадерриг а, гӀенахь санна, тамашена хетара. Со самаяьлча, и кьематан сурт дӀадовр долуш санна, хеталора.

Амма со тийшира, и гӀенаха гинарг бакъ хиларх. Ас сайх кьинхетам ца бойтура, цхьа а сайна улло ца гӀортуьйтура, со гуттара а малъяларна кхоьруш. Сан кийрара аз ца долура. Душ чу йоьдий, хи охьа а хобций, цуьнан гӀовгӀанехь йоьлхуш, еххачу хенахь мохь хьоьккхура ас.

Сан бала, бахбелла, 8 шаре кхечира. ХӀетахь суна гӀо деш стаг вацара, со цхьана а хӀуманых ца тешара, цхьана хӀуманых сан самукъа ца долура. Со гӀийла ехара, цхьанна а сайх бала бан ца лууш.

Со чӀогӀа цхьалха яра, суна чӀогӀа хала дара, амма суна сайх сайн доьзална а бала бан ца лаьара.

Цхьана хенахь соьга машен а ца лелалора. Со цхьаь йисича, со елха йолалора, тӀаккха бӀаьрхиша некъ ца гойтура.

ХӀетахь шуна со гинехь, шуна хуур хир дацара, соьгахь мел боккха бала бу. Инзаре боккха бала, оьгӀазалла кхехкара сан кийрахь. Сан коьртехь гуттара а лаьттара, муха бийр бара-техьа бекхам сайн йоI йийначунна.

Сан йоІ йийна Дуглас Микки схъа а лаьцна, тоьпаш туху кхел а йина, чувовьлинера 1982-чу шарахь. Соьга наха олура, цу боьхачу хІуманна тоьпаш тоьхча, сан дагна паргІато хир ю. Со цунах тешара. Иза вере сатуьйсусш Іара со.

Цул тІаьхъа и инзаре деха 8 шо хан яьлча, сан дагна жимма гІоли хила юьйлира. Ас медитацин курсаш чекхъехира. Сан корта жимма серлабелира. Суна со ехаш санна хийтира.

Ас сайн цомгуш Іуьллу нана Іалашйора. Цуьнан хъашташ кхочушдар лорура ас сайн коьрта декхар. Ас иза килсе юьгура. Цъхъа жима килс тхан цІеношна генайоццуш яра. Цу килсехъ суна Делан ницкъ хаабелира. Ас, цу килсера обций, динах лаьцна книгаш йоьшура. Со кхийтира, со Дала кхоьллиний, Делан безам баьржира сан дагчохъ.

Цъхъана дийнахъ суна кино гира килсехъ. И кино къинхетамах лаьцна яра. Цу кинохъ Холокостан бала лайначу жуьктийчуьнга хеттарш дора. Иза немцошна а, массо фашисташна а къинтІера волура, цара берриге а шен доьзал бийнашшехъа. Цул тІаьхъа сан коьрте цъхъа серло яьржира.

Дукха ойланаш мел йин а, суна хетара, со сайн йоІ Кетрин йийначунна къинтІера ялалур йолуш санна. Иза ас килсехъ хъахийра. Цъхаммо соьга элира, и хъайн ойла хъайн йоІ йийначуьнга дІахайта еза ахъ аьлла. Со обгІазъяхара. Суна ца лаьара и стаг ган.

Новкъахъ, цІа йогІуш, сан коьртехъ ойла кхоллаелира: *“Хъан декхар ду цу стагана къинтІера яла а, иза цунна дІахайта а!”* И ойла, и аз чІогІа дара. Со цо цу буса наб кхета ца йитира. Іуьйранна

диъ сахът даьлла дара со цу сайн Кетрин йийначу стаге кехат яздан охъахууш. ХIара ду и кехат:

“Хьоме Микки! 12 шо хьалха сан йоI яра Кетрин цIе а йолуш. Иза чIогIа кьона, хьекьал долуш, кхеташ йоI яра. ЧIогIа тайна, цIена, исбаьхьа яра иза, тулгIеш санна, хьийзина месаш а, кьегаш бIаьргаш а, догцIена елакьажар а долуш. Самукьане яра иза, безам бара цуьнан дагчоьх. Цуьнан шиъ газанан буьхьиг,10 кIеза а долуш немцойн овчарка, Iаьрбийн махкара говр яра.

Шен 19 шо кхаьчначул тIаьхьа ши бутт баьлча, Кетрин, хIара дуьне дитина, дIаяхара. Кетрин хIинца вукху бакьдуьненахь ю. Кетрин еллачу хенахь, суна иза ца хаьара. Суна хуург - со сайн берах яьллера. Кетрин зуда хилла яхахаа ца ларийнера.

Со ца кхетара цуьнан са дIазцначу кьизаллех. Со холчахь яра, суна, со кху дуьненчоьх цкьа а ирсе хир яц аьлла, хетара.

Сан доьзална дагара ца йолура Кэтрин. Тхан дахар шина декъе декъаделлера - Кетринца цхьаьна хилларг а, иза йоцуш деьнарг а. Хьо сан мостагI вара, суна сихха хьуна таIзар дан, хьо вен лаьара.

Ахь тхуна инзаре боккха бохам беанера, сан кху дуьненчуьра ирс а, сатийсам а дIадаьхнера.

Диъ шо хьалха ас кху дахарехь керла некъ болийра. Суна керла хьехамчаш карийра. Ас сайн ойла Далла тIе ерзийра. ЦIеххьана суна хийтира, сайн хьуна кьинтIера яла ницкъ кхочур болуш санна. Иза дац, хьан бехк бац, ахь айхьа диначунна жоп дала ца деза бохург. Амма со цхьана хIуманаш

кхийтира: хьо а Дала кхоьллина адам ду. Хьуна чохъ а Делан са ду, хьо а Делан кьинхетамна кIел ву, набахтехъ велахъ а. Делан кьинхетам массанхъа а бу!

Со хъан политически а, юкъараллин а гIовнча хила гIерташ яц. Низамо мах хадор бу хъан кхолламан. Вохий, кхоьруш, холчухIоттий ма даха хъайн тIаьххъара денош. Стаг вийча хедаш дац цуьнан са.

Кху кехато хьуна жимма ницкъ лур болуш санна хета суна, хъайн хиндолчуьнга ладогIа. Дуьненчохъ безам а, кьинхетам а алсам ма бу, вайна тахана иза иштта ца хетахъ а.

Суна луур дара кхин дIа а хьога кехат яздан а, хьо волчу ян а, хьуна лаахъ. Дала кхинхетам бойла хьохъ а, хъан доьзалах а. Дала ишта боху совга.

Гейл, Кетринан нана”.

Хинца а хаало суна сайн дегIе деана зов, ас и кехат почтан яьшки чу кхуссуш. Цу яьшкин неIаран цIовзаран гIовгIанца бассабелира сан оьгIазаллех а, мостагIаллех а буьзна хилла кийра.

Цу муьрехъ суна цхъа а вен, цхъанна а вон болх хила ца лаъара.

МостагIаллин ойла дIаелира сан дагчуьра. Суна сайн дагчохъ дикалла, машар кхио лаъара... Суна ца лаъара, сайна хиллачу балина дуьхьал цхъа а вейта. Дуглас Миккера сайн кехатна дуьхьал жоп дезарца а дацара сан дагчу паргIато яр. Суна гIоли йинарг - ас сайн дагчохъ кхиййна дикалла, кьинхетам, Деле болу боккха безам, Делан дуьхъа ас хIуьбу а дийриг хилар дара.

Хетте а Дугласа сан кехатна дубхьал жоп дайитира.

Цо баркалла бохура, ас шегга кехат яздина. Иза члогла дохковаьлла, холчахь хиллера шегара даьллачунна. Гуш дара, цо длаихначу шерашкахь бала лайна хилар.

Шен кехата тӀехь цо яздора:

“Гейл, хьан кехатан мах хадо хала ду суна. Иштта деза ду сан дагна цу тӀера могӀанаиш. Со бахьанехь хьуна айса биначу балано холчухӀоттийна дехира ас и шераш. Хьан кехато дика паргӀато йина сан дагна. Хьо хьайн еллачу йоьӀан баланах жимма а паргӀатъяларо, хьан дагчу кӀинхетам боссаро паргӀатбоккху сан кийра а. Ас воккхаверца дӀалур дара сайн дахар, и хӀетахьлера буйса хийца ницкӀ кхавьчначунна”.

Со кхийтира: Кетрин еллачу буса Дугласан дахар а хаьддера.

Постскриптурм

Цул тӀаьхьа Аба Гейл маситгазза а яхара Дуглас а, кхиболу чубоьхкинарш а болчу. Топаш туху кхел йина зударий а, божарий а болчу. ХӀинца иза церан политически а, юкьараллийн а адвокат яра. Дугласа го дора чубоьхкинчарна цхьацца арз яздан.

Журналисташа хобтту Аба Гейле: *“Хьан кӀинхетам боцуш нах буй, байа кхел йина, чубоьхкинчарна юкьӀехь?”*

Цо жоп ло: *“Со цаьргара даьллачуьнга ца хьоьжу. Цунна шен низамца кхел хир ю. Суна гушдерг - уьш Дала кхобллина адамаш ду. Со теша,*

дикалло, безамо, квинхетамо вайн дуйне дика а, кхерамазала йолуш а хуьлуьйтург хиларх”.

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хамзат
Дийцаре дан хаттарш

1. Хиунда моттура Аба Гейлна ша елха а ца еза, я цхьаьнгара гЮ деха а ца деза, шена и бохам хилча? Хьобгахь хиллий цкъа а иштта хьал?

2. Шен йоI йийначунна квинтIера яла, и стаг вовза оьшурий Аба Гейлна?

3. Хиун хилира Аба Гейл а, Дуглас а вовшийн девзинчул тIаьхьа?

4. КвинтIераваларо муха гЮ до гечдеш волчунна а, квинтIера воккхучунна а?

5. Хиун дира вовшийн квинтIера бевлча Аба Гейлас а, Дугласа а? Хиун хийцаделира цул тIаьхьа?

6. Дийцал, хьан хиллий, масала, хьайна цхьа хIума динарг ахь гечдина вуьтуш? Хьуна хIун хийтира тIаккха? Хиун бахьана долуш гечдира ахь цунна?

7. Дийцал, хьуна гечдиний цхьаммо а,цкъа а? Хьуна хIун аьлла хийтира тIаккха?

8. Аба Гейл шена квинтIера яьлча, муха хийцаделира Дугласан дахар? Хиун гЮ дира Дугласа кхиболу набахти чуьрчу нахана?

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА ПРОЩЕНИЯ

Детектив Лэндри в офисе шерифа был вежлив, когда говорил мне ужасные вещи: *“Мне очень жаль, но Ваша дочь Кэтрин мертва. Ее убили, зарезали”*.

Это случилось в сентябре 1980 года.

Мое сердце разрывалось. Я ничего не понимала. Сам день казался нереальным. Я надеялась, что проснусь, и кошмар закончится, но глубоко внутри знала - это правда. Я не позволяла никому обнять меня, боялась, что сломаюсь окончательно. Не могла кричать. Меня могли услышать. Включала душ, и пока вода лилась во всю мощь, я редела и редела.

Мое время затмения продлилось 8 лет. Тогда у меня не было никакой системы поддержки и не было веры. Я жила тихо и боялась создавать проблемы. Я думала, что достаточно сильна, чтобы помогать другим. Мне не хотелось быть бременем для моей семьи. Я думала, что у нее и без того достаточно своих забот. Какое-то время я не могла водить свою машину: когда я оставалась одна, то временами начинала плакать и плохо видела дорогу.

Если бы вы знали меня в то время, то, возможно, и не заметили, как мне было тяжело. Вы могли бы подумать, что со мной все в порядке, хотя мне было так одиноко. Глубокая, темная ярость бурлила во мне. Я все время думала о мести за гибель любимой дочери.

Дуглас Микки был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни в 1982-м за убийство

Кэтрин. Мне говорили, что как только этого подонка казнят, моя боль пройдет, и все снова будет хорошо. Не зная лучшего, я думала, что это правда. Я ждала и ненавидела.

Через восемь долгих лет я сделала свой первый шаг к исцелению.

Я прошла курс медитации и смогла спокойно сидеть, сохраняя ясность мысли и осознавать, что живу именно сейчас.

Для меня стало благословением жить с моей больной мамой и заботиться о ней. Мне хотелось дать ей почувствовать жизнь во всей полноте. Я решила водить ее в церковь. Недалеко от дома я нашла маленькую красивую церковь. Там я открыла не только себя, но и образ Божий в себе. Я стала брать книги в церковной лавке и искать свой путь и поняла, что я - возлюбленное чадо Божие, и что Бог есть Бог любви.

Однажды я смотрела видео в церкви, и в нем промелькнул для меня первый проблеск исцеляющей силы прощения. На видео показывали еврея, пережившего Холокост. Он был способен простить не только немецкий народ, но и охранников в лагерях, убивших всех членов его семьи. Что-то во мне прояснилось, когда я услышала его свидетельство прощения.

После многих часов раздумий, молитвы и разговоров с людьми я пришла к мысли, что, наверное, смогу простить человека, убившего Кэтрин. Однажды я упомянула об этом во время занятий в церкви, и кто-то предложил, что я должна дать знать убийце о своем желании. Я возмутилась.

Мне совсем не хотелось общаться с ним. То, что произошло, было между Богом и мной.

После занятий я все еще была не в себе. По дороге домой я услышала внутренний голос: *“Ты должна простить его и сообщить ему об этом!”* Этот голос был настолько громким и властным, что в ту ночь я не смогла уснуть. В четыре утра я уже сидела и печатала письмо человеку, убившему Кэтрин. Вот это письмо:

“Уважаемый господин Микки!

Двенадцать лет назад у меня была красивая дочь по имени Кэтрин. Она была юной, умной и одаренной женщиной. Она была стройной, а ее кожа излучала здоровье и энергию. У нее были длинные волнистые волосы, искрящиеся глаза и теплая открытая улыбка. Она светила любовью и радостью. У нее было две козы, немецкая овчарка с десятью щенятами и арабская кобыла.

Два месяца спустя после своего девятнадцатого дня рождения Кэтрин оставила свое земное тело. Я знаю, что теперь Кэтрин там, где лучше, чем где-либо на Земле. Я не знала этого тогда, когда Кэтрин умерла. Я знала, что меня лишили моего чудесного ребенка, а ее лишили возможности превратиться в настоящую женщину и полностью раскрыться. Я не могла понять жестокость, с которой ее вынудили покинуть Землю. Я была безмерно огорчена и чувствовала, что уже никогда не смогу быть счастливой.

Моя потеря Кэтрин стала постоянной притчей во языцех для всей моей семьи. Семейную историю стали делить на две части: до и после

смерти Кэтрин. Я ненавидела Вас и хотела, чтобы Вас наказали как можно строже. Вы нанесли непоправимый урон моей семье и моим надеждам на будущее.

Четыре года назад я начала свое новое странствие по жизни. Я встретила прекрасных учителей и постепенно стала учиться искать Бога внутри себя. И, вот, я неожиданно обнаружила, что могла бы простить Вас. Это не значит, что Вы невиновны или не отвечаете за то, что произошло.

Но я узнала вот что: Вы - один из детей Божьих. В Вас тоже есть Святой Дух. Вы окружены Божественной любовью, даже когда сидите в камере. Во всем есть милость Божья.

Не смотрите на меня как на своего политического или общественного защитника. Пусть закон определит Вашу судьбу.

Не тратьте свои последние дни на земле в терзаниях и страхе.

Смерть, как мы знаем, есть новое начало.

Я надеюсь, это письмо позволит Вам прямо смотреть в будущее. В мире царят только любовь и добро, несмотря на то, что сегодня Вам это может казаться иначе. Я бы желала писать Вам или посещать Вас, если Вы захотите. Посылаю Вам благословения для Вас и Ваших детей. Христос во мне посылает благословения Христу в Вас.

Гэйл, мать Кэтрин”.

Я до сих пор помню дрожь, пробежавшую по мне вдоль тела сверху вниз, когда я услышала скрип висячего почтового ящика, опуская туда свое письмо.

С этим звуком исчезли весь мой гнев, вся ярость и вся жажда отмщения.

В этот момент я была полна чудесным чувством радости и мира. Я узнала в этом святое мгновение и не хотела, чтобы кого-то казнили для моего выздоровления.

Дело было не в том, чтобы Дуглас Микки ответил на мое письмо. Я получила более глубокий ответ. Я вылечилась благодаря простому акту предложения простить. И все же я получила ответное письмо.

Я была удивлена вежливостью и доброжелательностью автора. Дуглас написал слова признательности. Он очень переживал за свое преступление, понимая, сколь пусто звучат слова его раскаяния. Было очевидно, что он провел многие годы в мучительных раздумьях об этом.

Он писал: *“Гэйл, Ваше письмо значит для меня много больше, чем я могу сказать. Сознание того, что я Вам причинил столь ужасную боль, висело на мне непосильным грузом. Ваше письмо прощения освободило меня от этого. Сознание того, что Вы смогли примириться со смертью Кэтрин и найти новые источники любви и мудрости, очень отрадно для меня и избавляет меня от духовной агонии. Я охотно бы сейчас отдал жизнь, если бы это могло каким-то образом изменить ту ночь”.*

Я поняла, что в ночь, когда Кэтрин потеряла свою жизнь, Дуглас также потерял свое будущее.

Постскриптум

После ряда посещений тюрьмы Аба Гэйл стала регулярно приходить к Дугласу и другим людям,

мужчинам и женщинам, приговоренным к смерти за свои преступления. Теперь она выступает в роли политического и общественного адвоката этих узников, а Дуглас консультирует других заключенных по вопросам прощения.

Журналисты часто спрашивают Абу Гэйл, есть ли такие люди среди узников-смертников, к кому она не смогла бы отнестись с сочувствием. Она отвечает: *“Я не касаюсь их преступлений. Для меня важен дух Господа в них. Это в них истинное, как и во всех нас. Я глубоко верю, что любовь и прощение сделают наш мир добрее и безопаснее”*.

Перевод Михаила Рощина

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 517 и 518.

1. Почему Аба Гэйл не чувствовала себя способной плакать или попросить кого-то о помощи, когда была убита Кэтрин?

2. Обязательно ли было Абе Гэйл знать, кто убил ее дочь, чтобы простить убийцу?

3. Что произошло, когда Аба Гэйл и Дуглас познакомились?

4. Кому больше помогает прощение: тому, кто прощает, или прощенному?

5. Когда Аба Гэйл полностью простила Дугласа? Какие обстоятельства способствовали этому?

6. Вспомните и расскажите о том, как вам удалось простить кого-то за причиненную вам неприятность. Каковы были ваши чувства? Что помогло вам простить?

7. Расскажите о том, как кто-то простил вас. Что вы чувствовали?

8. Могли бы вы простить, как Аба Гэйл? Первая встреча Абы Гэйл с Дугласом постепенно выросла в дружбу. Что вы об этом думаешь?

9. Как данное Абой Гэйл прощение повлияло на жизнь Дугласа? Как стал Дуглас помогать другим заключенным?

10. *Прембула Всеобщей декларации прав человека ООН* гласит: “...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...”

Статья 1. Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: “Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства”.

Декларация прав человека не указывает прямым образом на прощение. К тому же мы ежедневно встречаемся с жестоким насилием в мировых новостях. Зачастую насилие является результатом ненависти, привнесенной через поколения, чья жизнь протекала в атмосфере насилия и возмездия. Люди, находящиеся по обе стороны вражды, лишены многих прав, о которых говорится в Прембуле и Статьях Декларации. Как, вы думаете, прощение может трансформировать нечеловеческие процессы и заменить их взаимным “духом братства”? Как могут люди различных религий и этнического происхождения научиться прощению?

THE HEALING POWER OF FORGIVENESS

By Aba Gayle

Detective Landry of the Sheriff's Office was gentle as he spoke terrible words to me: "I'm sorry, but your daughter Catherine is dead. She was murdered, stabbed to death." That was September 1980.

My heart broke. My brain couldn't think. None of this day was real. Surely I would wake up to find the nightmare over. But deep inside, I knew it was real. I couldn't let anyone hug me for fear I would break down. I couldn't cry. Someone might hear me. I took a shower. With the water running full blast, I screamed and screamed and screamed.

My time of darkness lasted eight years. I had no support system during this time and no faith. To survive I stayed calm and avoided causing problems. I thought I had to be strong to help everyone else. I didn't want to burden my family. I thought they had enough to do to put aside their own pain. For awhile, I couldn't drive my car alone because when I was alone, I would cry and couldn't see the road.

If you knew me at that time, you may not have seen the dark cloud I carried. You would have thought I was getting along fine. Yet, I found myself isolated. A deep, dark rage began to boil. All I thought about was revenge for the death of my beloved child.

Douglas Mickey was arrested, tried, convicted of murder, and sentenced to death in 1982 for the murder of Catherine. People told me that once this villain was executed, I would be healed of my pain, and all would

be well again. Not knowing any better, I thought this was true. So, I waited and hated.

After eight long years, I began my first step toward healing. I took a course in meditation. I was able to sit quietly, to be quiet in my head, and to be in the present moment.

I was blessed to be able to live with and care for my ailing mother. I looked for ways to help her enjoy the highest quality of life possible. One way was to take her to church. I found a beautiful little church not far from our home. There, I found, not just myself, but the image of God in me. I started reading my way through the church's bookstore. I came to the awareness that I am a beloved child of God and that God is a loving God.

I saw a video at the church in which I got my first glimpse of the healing power of forgiveness. They interviewed a Jew who was a holocaust survivor. He was able to forgive not only the German people, but also the actual guards in the camps who had killed every member of his family. Something in me became clear when I heard his testimony of forgiveness.

After many hours of study, prayer, and discussions with others, I thought that perhaps I could forgive the man who murdered Catherine. One evening I mentioned it in class, and a church classmate suggested that I should let the murderer know of my intent. I was outraged! There was no way I wanted to communicate with him. This was between God and me.

I was still feeling "out of sorts" after class. Then, as I drove home, I heard a voice within me say, "You must forgive him and you must let him know!" The voice was

so loud and so convincing that I didn't sleep that night. At 4:00 am I found myself typing a letter to the man who murdered Catherine. Here is my letter:

Dear Mr. Mickey,

Twelve years ago, I had a beautiful daughter named Catherine. She was a young woman of unusual talents and intelligence. She was slender and her skin glowed with health and vitality. She had long naturally wavy hair that framed her sparkling eyes and a warm bright smile. She radiated love and joy. She was raising two milk goats, her German shepherd with a new litter of ten puppies, and an Arabian mare.

Two months after her 19th birthday, Catherine left her earthly body. I know that Catherine is in a better place than we can ever know here on earth. I did not know that when Catherine died. I knew I had been robbed of my precious child and she had been robbed of growing into womanhood and achieving all her potential. The violent way she left this earth was impossible for me to understand. I was saddened beyond belief and felt that I would never be completely happy again.

And indeed my loss of Catherine became the point of reference for my entire family. All family history was prefaced as happening either before or after Catherine's death. I was very angry with you and wanted to see you punished to the limit of the law. You had done irreparable damage to my family and my dreams for the future.

Four years ago, I started my journey of life. I met wonderful teachers and slowly began to learn about my God-Self. In the midst of this, I was surprised to

find that I could forgive you. This does not mean that I think you are innocent or that you are blameless for what happened.

What I learned is this: You are a divine child of God. You carry the Holy Spirit within you. You are surrounded by God's love even as you sit in your cell. There is only the goodness of God.

Do not look to me to be a political or social advocate to your behalf. The law of the land will determine your fate. Do not waste your last days on earth with remorse and fear. Death as we know it is really a new beginning.

I hope that this letter will help you face your future. There is only love and good in the world regardless of how things may appear to you now. I am willing to write to you or visit you if you wish. I send blessings to you and to your children. The Christ in me sends blessings to the Christ in you.

(Signed) Gayle, Mother of Catherine.

I can still feel the shivers going up and down my spine as I heard the little "click" the hinged mailbox made as I dropped in this letter. With that sound, all the anger, all the rage, all the lust for revenge simply vanished.

In its place, I was filled with the most wonderful feeling of joy and peace. I knew in that Holy Instant, I did not need to have anyone executed for me to be healed.

It would not matter if Douglas Mickey responded to my letter. I had received a more profound answer. I had been healed by the simple act of offering forgiveness. However, I did get a letter back.

I was amazed at the gentleness and kindness of the writer. Douglas wrote words of gratitude. He expressed sorrow for the crime, adding that he understood how empty such words might sound. He had obviously spent years searching for answers, himself.

He went on to say, “Gayle, your letter meant more to me than I can ever tell you. The knowledge that I had inflicted such terrible pain on you was a burden my heart and soul could not bear. Your letter of forgiveness released me of that pain. Knowing you were able to deal with Catherine’s death and find new sources of love and wisdom gave me exquisite pleasure and released my soul’s agony. I would gladly give my life, this instant, if it would in any way change that terrible night.”

I realized that the night Catherine lost her life, Douglas also lost his future.

Post Script

Aba Gayle did visit San Quentin Prison, her first time inside a jail or prison. She was surprised to discover that the men awaiting execution were ordinary-looking, not monsters. Douglas greeted her;

“The spirit of Christ in me most gratefully accepts and returns blessings of divine Wisdom, Love and Charity to the spirit of Christ in you.” After many visits, Aba Gayle began a mini prison ministry, visiting with Douglas and other men and women sentenced to die for their crimes. She became a political and social advocate for these prisoners. In turn, Douglas has been counseling other prisoners on forgiveness.

Reporters ask her if any of the people on Death

Row have committed such awful crimes that she cannot treat them with compassion. She says, “I don’t deal with their crime. I deal with the God spirit within them. That is the truth of their being. It is the truth for every one of us. I believe deeply that practicing love and forgiveness is the way to make our world a kinder, safer place.”

You can contact Aba Gayle at:
the Catherine Blount Foundation, Box 4952,
Santa Rosa, CA 95402
and by e-mail at: abagayle@pacbell.net;
and www.catherineblountfdn.org.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 517 and 518.

1. Why did Aba Gayle not cry or ask others for help when Catherine was killed?
2. Did Aba Gayle have to know the person who killed her daughter before she forgave him?
3. What happened after Aba Gayle and Douglas got to know one another?
4. Does forgiveness help the forgiver or the forgiven more?
5. When exactly did complete forgiveness happen between Aba Gayle and Douglas? What was going on then?
6. Tell about a time when you were able to forgive someone who did something to you. How did you feel? What made it possible for you to forgive?
7. Tell about a time when someone forgave you. How did you feel?
8. Would you be able to forgive as Aba Gayle did?

9. The first meeting between Aba Gayle and Douglas grew into an ongoing friendship. How do you feel about this?

10. How did Aba Gayle's forgiveness change Douglas's life? What did he do to help other prisoners?

11. PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Whereas recognition of the inherent dignity and the equal and unalienable right of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world.

Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

The above human rights document does not address forgiveness directly. Yet we see great violence in the world news daily. Often the violence results from hatred brought down through generations of violence and retaliation. People on both sides are deprived of many of the rights described in the PREAMBLE and Articles. How do you think forgiveness might transform these inhuman histories and replace them with a mutual 'spirit of brotherhood'? How might people of all religions and ethnic backgrounds learn forgiveness?

Юсеф Башир
(литературни дҫаяздар - Энтони Манусосан)

КЪИНТЕРАВАЛАР - БУСУЛБА ХИЛАР ДУ...

Сан ҫе Юсеф ю. Со палестинец ву. Со тхан доьзалехь долчу ворхҫ берах доьалҫа бер ду. Сайн дахарехь хьалхара кхойтга шо ас сайн доьзалца - ненаца, деца, ненан ненаца, веа вешица, йижаршца а - Газа олучу асанехь даьккхина. Тхо дехаш дара кхузза тҫекҫединачу ҫа чохь Дейр эль-Балах олучу поселкехь, Израилан Кфар Даром ҫе йолчу нах бехачу меттигна уллохь. Со Газехь кхуьучу хенахь, ас ойла ца йора политикин а, сайна гонах йолчу кьоблин а. Суна хазахетара спортан ловзарш, уггар ҫоҫа езара футбол. Ас сатуьйсуре мацца цкьа ҫараваьлла футболист хила.

Амма массо хҫума хийцаделира 2000-чу шарахь, Израилна а, Палестинина а юкьахь тасадалар дҫадоладелча. Тхан поселок цу юккьехь нисьеллера.

Цхьана дийнахь цхьаммо ҫоҫа неҫ туьйхира тхан. Сан дас неҫ дҫайиллира. Цуьнан юьхь-дуьхьал лаьттара, герз керахь, израилан салтий.

“Дҫаҫо кхузара, - элира цара, - шун ҫенеш ҫоҫа герга ду жуьгтий бехачу меттигашна. Шуна кхераме ду кхузахь диса”.

“Хҫунда ваха веза со дҫа? - хаьттира дас. - Со цхьана хҫуманна бехке вац”.

“Шу кхузахь дисахь, - элира салтичо, - боккха бала ловр бу аш”.

Таккха цо дийцира, тхо дисахь, тхан бакьонаш муха хир ю.

Салтий дІабахча, оха ойла йира, кхин дІа хІун дан деза аьлла. Массо лулахой дІабахнера, церан цІенош дохийна дІадаьхнера. Амма сан дас шен ойланаш йора.

“Шайна лаахъ, дІагІо, - элира цо. - Амма вай дІадолхахъ, цара вайн цІенош дохор ду, кхин уьш вайна гур а дац. Хирг хир ду, со вуьсу”.

Цо чІогІа тешош къамел дира, тІаккха оха массара диса сацам бира.

Амма де дийне мел долу цІахъ Іан хала дара. Израилан салташа, бахка а баьхкина, тхан цІийнан тхов шайн тІеман гІирсаца къайла а баьккхина, юххе гІарол хІоттийна, камераш ехкира. Дахар халчу хьоле делира.

Салташа дІалецира тхан цІийнан лакхара этаж. Цара чубахка лерина бакьо йолу нах - журналисташ, ООН-ан белхалой – бен, кхи цхьа а чу ца вуьтура.

Ур-атталла тхо ца дохкуьйтура лакхарчу этажаш тІе. ТІемалоша тхобга аьллера, и *“В участок”* ю, цигахъ массо хІума Израилан салтийн куьйгаллехъ ду, палестинцийн цигахъ бакьонаш яц.

Тхо, ворхІ стаг, чохъ Іаш долу доккха цІа *“А участок”* яра, цигахъ яра палестинцийн бакьонаш а. Амма оха цунах набахти олура.

Ванни чохъ, кухня, дІавуьжу чохъ яра *“Б участок”*, цигахъ хила бакьо яра тхан, палестинцийн, амма кхерамаллех жоп лора израилан салташа. Сан йишас массо неІарш тІехъ йозанаш яздинера. Ванни чу а, кухни чу а доьлхуш оха хатта дезаш дара, мегар дуй аьлла, цул сов, тхобца массанхьа а салти вогІура.

И хьал пхеа шарахъ лаьттира. Тхан дахарехъ

даима уллохь салтий, дуйлуш герз, танкаш, ракеташ, дохораш - цкъа а чекхдер ду ца моьттура и хьал.

И чолхе зама оха муха яьккхира, ца хаьа суна-м. Ценойх ца довла биначу сацамо ницкъ луш хилла хир бу-кха тхуна. Ткъа иштта тхан тешамо, массо а цхьа адамаш ду, мацца а цкъа барт хир бу бохуш. Сан дас олура: *“Шу массо а - Аврааман бераш ду. Вай палестинцаш ду, вайн бакъо ю парҫат даха, израилан къоман а ю и бакъо”*. Амма дагчохь со цунах цкъа а ца тешара.

Дахар чIогIа халоне даьллера, тIаьхьо кхин а вочу хьоле делира.

Цкъа тхо долчу бакка бакъо йолуш болу ООН-нан белхалой баьхкира.

Уьш дика нах бара, цундела сан самукъадолура. Ас дийцира царна, сайна езаш йолчу футболан тобано толам баккхарх лаьцна. Царах цхьаммо хастийра сан майка, цу тIе языйина суна езачу Италин командан цIе яра - Рома. ЦIийнна хьалха цаьрга куьг лестош лаьттара со.

ЦIеххьана цхьа инзаре хIума хилира. Сан дегIах цхьа хIума йогIаелча санна хийтира суна. Цкъа хьалха лазар ца хаалора. Амма тамашийна хетара.

- *Дада*, - элира ас, - *схьахетарехь, суна чов йина*.

Цкъа хьалха иза цецваьлла висира, тIаккха кхеравелла хьаьжира соьга, берриг а доьзал санна.

ТIаккха со лаьтта охьавуьйжира.

Сан дас, тIекхетта, маравоьллира со.

“Сан кIант, муха ву хьо?” - хьаттира цо.

“Массо хIума а дика ду, дада, - элира ас. - *Сан массо хIума дика ду. Ас тахана математика*

дГаелла, ас историна дика оцѣнка яьккхина... иштта... вайчара толам баьккхина тахана...”

Таккха суна хааделира лазар. ЧПогГа лазар, ас далийра ШахГадат - дешнаш, бусулба наха леш олуш долу.

“Массо хГума а дика хир ду, сан кГант. Хьо лийр вац,- элира дас. - Хьо лийр вац”.

Цхьа шеко йоцуш элира цо и дешнаш. Иштта ву сан да. Цкъа а юхавер воцуш. Цо лобрийн машен кхайкхира, со Газа-гГала больнице вигира. Амма тхо цига муха дахара, суна дага ца догГу. Со кхетамчохь вацара.

Метта веача, суна наб арха санна. Со Губллура боккхачу, кГайчу маьнги тГехь, сан куьйгах йобллина цхьа хГума яра. Да суна уллохь Гаш вара. Со самаваьлла гича, велакеьжира и.

“ХГун хилла?” - хаьттира ас, набарха санна.

“Хьан букъ лазийна, - элира дас. - Хьан букъдаьГахках даьндарг йоблла. Лобраша, операци ян кхераме ду, боху. Массо хГума а дика хир ду. Хьо вехар ву”.

Со когаш меттахбаха гГертара, амма гГуллакх ца хуьлура сан.

“Дада, - элира ас, - сан когаш меттах ца бовлу... Со лелалур вуй?”

Сан дас хГумма а ца элира. Ойла а йина, тГаккха элира цо: *“Нагахь Далла лаахь, сан кГант. Лобраша шайга далург деш ду”.*

Суна а хаьара, лобраша шайга далург деш дуй, амма церан оьшуш болу гГирс бацара. Суна со гГорасиз хетара, сайн дахар хаьдда хетара. Пхийтта шо кхаьчна кГант вара со, кхин цкъа сайн когаш

тIехь волавала йиш йоцуш, сайна езачу футболах ловза йиш а йоцуш. Сан чIогIа дог доьхнера, кхин вистхила а ца лууш. Сан коьртехь бала бара.

Масех де даьлча со носилкаш тIехь лобрийн машена чу виллина, кхечу больнице вигира.

Суна кIезиг хIума дага догIу цунах. И цхьа кIоршаме гIан дара.

Со кхетамчу веьча, ас тидам бира, и больница кхечу тайпана хиларна.

Лобраша, медийжарша ивритан мотт буьйцура. Со ца тешара.

“*Со мичахь ву?*” - хаьттира ас.

Уьш сан дуьххьара дешнаш дара тIаьхьарчу деношкахь.

Сан да суна юххехь хиьна Iаш вара. Цунна тIехьа лаьттара медийша - жуьгти. Ас бIаьргаш дIабиллина гича, и елакьежира.

“*Самавели*”, - элира цо.

Цуьнан аз чIогIа кIеда, кьинхетаме дара, ненан санна. Суна дуьххьара гуш вара израилан тIеман духар доьхна воцу стаг. Цул сов, сайна велакеьжаш а волуш.

ТIаьхьара кIиранашкахь, беттанашкахь суна дуккха Израилан бахархой гира - лобраш, медийжарий, бераш, дай-наной...

Со волчу богIучу лобраша забарш йора, самукьане хуьлура.

Медийжарий чIогIа кьинхетаме бара. Со цецвуьйлура цу гIуллакхах. Израилан бахархой - адамаш ду?

Масех кIира даьлча сан да-нана Газе дIадахара, со цхьаь висира. Сан чIогIа сагатлора царна. Со ца тешара сайна гонах болчу нахах.

Жуьгтийн доьзал богТура шайн кІант волчу, и соьца палати чохь вара. Цкъа хьалха уьш резабацара шайн кІант Іаьрбичуьнца цхьана чохь хиларна. Амма суна хилларг хиъча, сан цхьалла гича, уьш кьинхетаме хилира соьца, цхьацца кегий совГІаташ а дохьура цара суна.

Цара даима терго йора, суна яахІума а, хи а ца оьшуьйтуш.

Суна цкъа а бицлур бац уьш.

Цул тІаьхьа цхьа шо со сайн могошалла меттахІотто гІерташ дІаделира. Цу заманчохь ас деца дукха дийцира хиллачух лаьцна.

Иштта чІогІа балахьобгуш, кьизаллехь хІунда ду оццул дукха адамаш?

Кьинхетам хила йиш юй-те?

ТІаьхьара сан ойланаш хийцаелира. Со кхийтира, сайна топ цхьана жуьгтичо тоьхна хиларх а, амма дуккха а Израилан бахархоша сайна дийна виса гІо дина хиларх а.

Иштта со кхийтира, сайн дас, нанас бохург бакъ дуй а: Израилан бахархой, массо а санна, адамаш ду. Дуьхьара сайн дахарехь сайгахь адамалла хиларх кхийтира со.

Суна чІогІа лаьара дуьненчохь долу хьал хийца, машар, маршо хилийта, цхьа диканиг дан.

Лобрашка сан букьдаьІахках йоллу даьндарг дІа ца яккхалора.

Ас больницехь ворхІ бутт баьккхира, амма со лела ца лора. ХІинца со паргІат волало, амма сан букьах йоллуш даьндарг ю. Схьахетарехь, со велла дІаваллалц соьца хир а ю иза.

ТІаьхьара а аьтто хили сан машар баржош

кьахьега. Суна хиира, “Машаран хІуш” цІе йолу программа хиларх дерг. Оцу программо Израилан а, Палестинин а кегиърхой Іамерикан Мэн олучу штатехь цхьаьнатуху. Церан аьтто хуьлу вовшийн довза а, доттаҫалла таса а. Со цига вахара, оцу кегиърхошца цхьа аькхе яьккхира ас.

Палестинин кегиърхошна, лагерехь, тІаккха цІахь, сан истори евзича, царна лиира оцу масаллица дІадийца, Израилан бахархоша деш дерг мел доккха зулам ду. Со реза вацара. Уьш суна обҫазбахара. “Ахь хІун дуьйцу, Юсеф, хьо кхетамехь вуй? Хьо хьаьнца ву - тховца я царьца?”

Цхьана агІор суна хила ца лаьара. Сан дагна хаара, “ҫалатвалар - адам хилар ду, ткьа кьин-тІеравалар - бусулба хилар ду”. Ас массаьрца доттаҫалла леладора. И атта дацара.

Цхьаболу гергара нах херабевлира сох, царна ас шайна ямартло еш хетара. Амма сан дас, нанас суна ҫо дора.

Со Газе юхавирзича, цхьана Израилан салтичунна, Орина, тхьоггахь Іаш волчу, суна хилларг хаа лиира. Оха дукха дийцира машаре дахарх лаьцна. Ас дийцира цунна, букьах даьндарг йоллушехь, суна чІоҫа лаьа машаран некъ лело аьлла. Орина сох кьахетара, ас цунна хьехар дира, “Машаран хІуш” цІе йолчу лагеран декъашхо хила аьлла. Тхан кьамел чекхдаьлча, ас цунна совҫатна “Машаран хІуш” футболка елира.

Ори даггара велакъежира.

“Баркалла, - элира цо. - Ас лелор ю хІара, арми чекхъяьлча”.

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІунда реза вацара Юсефан да шен цІа чуъра аравала?
2. Муха нисделира Юсефан доьзалан пхеа шарахъ шайн цІа чохъ Іар, салташа и схъалаьцна доллушехъ?
3. ХІун дира Юсефан дас герз тоьхча?
4. ХІун дора ша Юсефа герз тоьхча?
5. Израилан медйижарийн лъьрийн муха юкъаметтиг яра Юсефца?
6. Муха хийцавелира больницехъ ехха хан йоккхуш Юсеф?
7. Юсефан букъах даьндарг валлалц юьсур йолуш ю. Муха валавелира и къинтІера?
8. ХІун дан сацам бира цо тІейогІучу хенахъ?
9. Шу даккхий хилча, стен гІо дийр ду шуна нехан халонех, баланех кхета?

Юсеф Башир
(литературная запись - Энтони Манусоса)

ПРОЩАТЬ - БОЖЕСТВЕННО...

Меня зовут Юсеф. Я - палестинец. Четвертый из семи детей. Первые тринадцать лет моей жизни я прожил в полосе Газа с моей семьей - папой, мамой, бабушкой, четырьмя братьями и сестрами. Жили мы в трехэтажном доме в поселке Дейр эль-Балах, рядом с израильским поселением Кфар Даром.

Пока я рос в Газе, я не слишком задумывался о политике или окружающей меня нищете. Больше всего я любил спортивные игры, особенно футбол. Я мечтал стать когда-нибудь знаменитым футболистом.

Все изменилось в 2000 году, когда начались схватки между израильтянами и палестинцами. Наш поселок оказался в центре междоусобиц.

В один из тех дней к нам в дверь громко постучали. Дверь открыл мой отец, и оказался лицом к лицу с израильскими солдатами с автоматами наперевес.

- Уезжайте, - сказали они. - Ваш дом находится слишком близко к еврейскому поселению. Вам здесь опасно оставаться.

- Почему я должен уехать? - спросил мой отец.
- Я ни в чем не виноват.

- Если вы здесь останетесь, - сказал солдат, - поплатитесь за это, и дорого.

Тут он объяснил, какие ограничения у нас будут, если мы решим остаться. Когда солдаты ушли, мы всей семьей стали обсуждать, как быть. Все соседи уехали, и их дома снесли. Но мой отец думал иначе.

- Если хотите, уезжайте, - сказал он, - но если мы уедем, они снесут наш дом, и мы его никогда уже не увидим. Будь, что будет, а я остаюсь.

Он говорил с таким убеждением, что мы все решили остаться.

С каждым днем жить дома становилось все тяжелее. Приехали израильские солдаты: накрыли нашу крышу камуфляжной сетью и колючей проволокой. Установили пост и наблюдательные камеры. Невозможно стало жить нормальной жизнью.

Солдаты заняли верхний этаж нашего дома. Никого не впускали, кроме солдат и людей с пропуском, типа журналистов и работников ООН. Даже нас не пускали на второй и на третий этаж, потому что военные нам сказали, что это “Участок В”, где всем распоряжается армия Израиля, и у палестинцев там нет прав. Большая комната, где мы должны были ночевать всемером, называлась “Участок А”. “Участок А” - это там, где, по идее, распоряжаются палестинцы, но мы этот участок называли тюрьмой.

Ванная, кухня и спальни были “Участком Б”, где палестинцы, то есть мы, могли бывать, но израильские военные отвечали за безопасность. Моя сестра сделала надписи на всех дверях в доме. Нам нужно было просить разрешения войти на кухню. Если надо было пойти в ванную, нас сопровождал солдат.

Это продолжалось пять лет. В нашей жизни мы постоянно видели солдат, обстрелы, танки, ракеты и, казалось, бесконечные разрушения.

Как мы пережили эти безумные времена, я не знаю. Может быть, привязанность к дому дала нам силы это вынести. А, может быть, это была наша вера в то, что все мы - люди, которые как-нибудь сумеют ужиться вместе. Отец мой говорил: “Все мы - дети Авраама. Мы, палестинцы, имеем право жить спокойно, и израильтяне тоже”, но в глубине сердца я никогда ему не верил.

Хуже жить было некуда, но потом стало еще хуже.

Как-то работники из ООН, которые имели право нас посещать, пришли к нам. Они были очень славные, и мне было весело. Я рассказал им, как футбольная команда, за которую я болел, только что выиграла матч. Один из них похвалил мою футболку: на ней было имя моей любимой итальянской команды - Рома. Я стоял у дома и махал им рукой.

И тут произошло что-то ужасное. Как будто что-то вонзилось мне в тело, в спину. Сперва не было больно. Но чувство было странное.

- *Папа, -* сказал я, *- по-моему, меня ранили.*

Он взглянул с удивлением, потом с ужасом, как и вся семья. Потом я рухнул на землю. Мой отец бросился ко мне и обнял меня.

- *Сынок, ты в порядке?* - спросил он.

- *Конечно, папа, -* сказал я, *- все у меня в порядке. Я сдал математику сегодня, и я... я хорошую оценку получил по истории... и... наши выиграли...*

И тут я почувствовал боль. Такую сильную, что я прошептал шахаду - слова, которые при смерти произносят мусульмане.

- *Все будет в порядке, сын,* - сказал отец. - *Ты не умрешь.*

Он произнес это с полной уверенностью. Такой у меня отец. Никогда не сдается. Он вызвал скорую, и меня увезли в больницу, в город Газу. Как мы ехали, я не помню. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, меня все время клонило в сон. Я лежал на большой белой койке, и у меня было что-то воткнуто в руку - внутривенная трубка. Отец сидел у постели. Увидев, что я проснулся, он улыбнулся.

- *Что случилось?* - спросил я сонно.

Тебя ранили в спину, - сказал отец. - Пуля засела у тебя в позвоночнике. Врачи сказали, что слишком опасно делать операцию, но все будет в порядке. Ты выживешь.

Я пытался пошевелить ногами, но не мог.

- *Папа,* - сказал я, - *у меня ноги не шевелятся...*
А ходить я смогу?

Сперва мой отец ничего не ответил. Потом он сказал: *“Если будет на то воля Всевышнего, сын. Врачи делают все, что могут”*.

Я знал, что врачи делают все, что было в их силах, но у них не было элементарного медицинского оборудования. Я чувствовал себя бессильным, как будто жизнь моя кончилась. Вот я такой, пятнадцатилетний, и, может быть, никогда уже не смогу ни ходить, ни играть в футбол. Я впал в такую депрессию, что перестал говорить. Я был в шоке.

Через несколько дней меня перенесли на носилках в другую машину скорой помощи, а потом

повезли в новую больницу. Я мало что помню. Это было как кошмарный сон.

Когда я очнулся, заметил, что в этой новой больнице все было другим. И медсестры, и врачи говорили... на иврите! Мне не верилось.

- *Где я?* - спросил я. Это были мои первые слова за много дней.

Мой отец сидел у постели. За ним стояла медсестра-израильтянка. Когда она увидела, что я открыл глаза, улыбнулась.

- *Проснулся,* - сказала она. Голос у нее был добрый и мягкий, как у моей матери.

Впервые в жизни мне улыбнулся израильтянин. Впервые я увидел израильтянина, который не был солдатом.

В течение последующих недель и месяцев я повидал многих израильтян - врачей, медсестер, детей, родителей... Посещавшие меня врачи улыбались и шутили. Медсестры были добрыми. Меня это ошеломило. Неужели израильтяне тоже люди? Несколько недель спустя мои отец и мать вернулись в Газу, и я остался один. Я по ним очень скучал, и не доверял израильтянам.

Семья еврейских поселенцев навещала сына, который был в одной со мной палате. Сначала им не нравилось, что их сын лежит в одной палате с арабом. Но когда они узнали, что со мной случилось, и увидели, как мне было одиноко, они стали добрее ко мне относиться, приносили небольшие подарки. Они следили за тем, чтобы мне всегда хватало еды и воды. Я никогда их не забуду.

Весь следующий год я пытался поправиться. За это время мой отец и я много раз говорили о значении происшедшего.

Почему столько людей должны мучиться и гибнуть? Возможно ли прощение?

Постепенно мои взгляды изменились. Я осознал, что меня подстрелил один израильский солдат, но спасало много израильтян.

И еще я понял, что мой отец и мать говорили правду: израильтяне были людьми, такими же, как и я. И впервые в жизни я почувствовал себя по-настоящему человеком. Я хотел что-то сделать, чтобы изменить мир, сделать его более мирным.

Врачи не смогли удалить пулю из моей спины. Я прожил семь месяцев в больнице и не мог ходить. Теперь я нормально хожу, но пуля до сих пор сидит у меня в спине и, наверное, навсегда там останется.

И вот, наконец, у меня появилась возможность стать миротворцем. Я узнал о программе, которая называется *“Семена Мира”*. Это программа собирает израильских и палестинских подростков вместе в лагере в штате Мэн в США. Подросткам дают возможность общаться, узнать друг о друге, подружиться. Я полетел в Мэн и провел лето с группой израильских и палестинских подростков.

Когда палестинские подростки в лагере, а потом дома, услышали мою историю, они захотели использовать ее, чтобы доказать, какое зло творят израильтяне. Я был против. Они на меня сердились: *“Ты что, Юсеф, ненормальный, что ли? На чьей ты стороне? На их, или на нашей?”*

Ни на чьей стороне я быть не хотел. Я знал сердцем, что *“ошибаться - человечно, а прощать - божественно”*. И я дружил и с палестинцами, и с израильтянами. Это было нелегко. Даже некоторые родные отвернулись от меня, как от “предателя”. Но мои отец и мать всегда меня поддерживали.

Когда я вернулся в Газу, один из израильских солдат, Ори, живший у нас дома, заинтересовался моей историей. Мы долго обсуждали мирную жизнь. Я сказал ему, что даже с пулей в спине я хотел сделать все возможное, чтобы стать миротворцем.

Ори мне сочувствовал, и я посоветовал ему тоже подумать о том, чтобы стать сотрудником лагеря “Семена Мира”. Когда мы закончили наш разговор, я подарил ему футболку из лагеря.

Ори тепло улыбнулся.

- Спасибо, - сказал он, - *буду ее носить, когда отслужу в армии.*

Перевод Михаила Рощина

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 519 и 520.

1. Почему отец Юсефа отказался покинуть свой дом?
2. Почему семья Юсефа смогла выжить в течение 5 лет, когда их дом был занят израильскими солдатами?
3. Как отец Юсефа реагировал на выстрел?
4. Как реагировал сам Юсеф?
5. Как относились израильские медсестры и врачи к Юсефу?

6. Как изменился Юсеф во время длительного лечения в больнице?

7. Пуля в спине Юсефа останется на всю жизнь. Как он смог простить?

8. Что он решил делать в будущем?

9. Как вы думаете, что может вам помочь лучше понять бедствия других людей?

10. Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: “Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства”. Какое отношение выказали Юсефу в больнице медсестры и израильская семья соседа по палате, как это укладывается в содержание Статьи 1?

11. Статья 18 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: “Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов”.

- Как вы считаете, смогут ли израильтяне из рассказа лучше понимать других арабских людей после знакомства с Юсефом и его семьей? Каким образом?

- Что узнал Юсеф об израильтянах в результате того, как к нему отнеслись медицинский персонал и израильская семья?

- В начале рассказа Юсеф не верил, что у каждого есть право на мир, как его учил этому отец. Что испытал Юсеф, что заставило его изменить свои убеждения?

- Случалось ли такое, что вы замечали что-то хорошее в ком-либо, кого ваша культура, в общем, не воспринимает? Как это было для вас?

TO FORGIVE IS DIVINE...

*By Yousef Bashir
as told to Anthony Manousos*

My name is Yousef, and I am a Palestinian. I am the fourth of seven children. For the first 13 years of my life, I lived in the Gaza strip with my family - my dad, my mom, my grandmother, and my four siblings. We lived in a three-story house in the village of Deir el-Balah next to the Israeli settlement of Kfar Darom. Growing up in Gaza, I didn't think much about politics or the poverty which surrounded me. My main interest was playing sports, especially soccer. I dreamed of being a soccer star someday.

Things changed in 2000 when violence broke out between Israelis and Palestinians. Our village was caught in the middle of it.

One day there was a violent knock at the door. My father opened it, and a group of Israeli soldiers armed with M-16 rifles glared at him. "You have to leave your home," they said. "Your house is too close to the settlement. It will be dangerous for you to stay here."

"Why should I leave my house?" my father asked. "I didn't do anything wrong."

"If you stay here," the soldier said, "you're going to pay the price. A big price." He then explained the restrictions we would have to live under, if we decided to stay.

When the soldiers left, my family discussed what to do. My mother was frightened and wanted to leave immediately. All the neighbors had left, and their houses had been destroyed. But my father had a different idea.

“You can leave if you want to,” he said. “But if we leave, they will destroy our home and we’ll never see it again. I plan to stay, no matter what happens.” He spoke with such conviction that we all decided to stay.

But living in our home became more difficult every day. The Israeli soldiers moved in. They covered the roof of our house with camouflage nets and barbed wire. Then they put up a machine-gun post and cameras. We could no longer live normal lives.

Soldiers occupied the top floors of the house. No one was allowed to come inside, except for the soldiers and those who had permission to enter, such as journalists and UN workers.

Even we were not allowed on the second and the third floors of our house because the army told us that they were “Area C,” where the Israeli military government runs everything and the Palestinians have no authority. The living room, where all seven of us had to stay at night, was “Area A.” “Area A” is where Palestinians are supposed to have power, but we called this area “the jail.” The bathroom, kitchen and bedrooms were “Area B” - where Palestinians administer themselves but Israel has security control. My sister labeled the doors of the house. We had to get permission to go into the kitchen. If we had to go to the bathroom, a soldier would come with us.

This continued for five years. Our lives were dominated by tanks, soldiers, shooting, rockets, and seemingly endless destruction. How we survived this crazy period, I don’t know. Maybe it was the love of our home that gave us the power to keep going. Maybe

it was our belief that we are all human beings, who can somehow live together. My father used to say, “We are all children of Abraham. We Palestinians have the right to live in peace and so do the Israelis.” But I never really believed him in my heart.

It seemed as if things could get no worse, but they could, and did.

One day some UN workers, who had permission to visit us, came to our home. They were very nice, and I was feeling good. I told them how my soccer team had just won the game. One of the UN workers complimented me on my soccer shirt: it had on it the name of my favorite Italian team - the Romas. I was standing outside my house, waving goodbye to the UN workers.

Then something terrible happened. It was as if something had entered my body, from the back. It didn't hurt, at first. But it felt very strange.

“Dad,” I said. “I think I've been shot.”

He looked surprised, then horrified. So did the rest of my family.

Then I crumpled to the ground.

My father rushed over and took me into his arms. “Son, are you okay?” he asked.

“Sure, Dad,” I said. “I'm fine. I passed my math test today, and I, I got a good grade in history...and... my team won....”

Then the pain hit me. It was so intense that I whispered the Shahadat, the words that Muslims say when they die.

“It's going to be okay, son,” my father said. “You're not going to die.”

He said it as if he really meant it. That's the way my father is. He never gives up. He called an ambulance, and I was taken to the hospital in Gaza city. But I don't remember much about the trip. I had passed out.

When I awoke, I was very drowsy. I could tell I was in a hospital. I was in a big white bed and something was stuck in my arm - an I.V. My father was sitting by the bedside. He smiled when he saw I was awake.

"What happened?" I asked groggily.

"You were shot in the back," he said. "The bullet lodged in your spine. The doctors say it's too dangerous to operate. But you're going to be okay. You'll live."

I tried to move my legs but I couldn't. "Dad," I said. "I can't move my legs... Will I be able to walk?"

My father didn't say anything at first. Then he said, "If God wills, son. The doctors are doing everything they can."

I knew that the doctors did their best, but they lacked basic medical supplies. I felt helpless, as if my life were over. Here I was, 15 years old, and I might never walk again and never play soccer. I was so depressed that I stopped talking. I was in shock.

A few days later, I was taken on a gurney to another ambulance. Then I was driven to a new hospital. I don't remember much. It was like a bad dream.

When I was finally became conscious, I noticed that this new hospital was different. The nurses and doctors were speaking... Hebrew! I couldn't believe it.

"Where am I?" I asked. Those were my first words in days.

My dad was sitting by my bed. Behind him was

an Israeli nurse. When she saw me open my eyes and speak, she smiled.

“He’s awake,” she said. Her voice was kind and gentle, like my mother’s. It was the first time that an Israeli had ever smiled at me. The first time I had ever seen an Israeli who wasn’t a soldier.

Over the next few weeks and months, I saw many Israelis - doctors, nurses, children, parents. The doctors who came to visit me smiled and joked. The nurses were kind. I found this bewildering. Is it possible that Israelis really were human after all? After a few weeks, my father and mother had to return to Gaza, and I was left alone. I missed them very much. And I was nervous about being alone with Israelis.

A settler family had been visiting their son who was in the same room with me. At first, they had been upset that their son was in the same room as an Arab. But when they learned what had happened to me, and saw how lonely I was, they began to be nice to me. They brought me little gifts. They made sure I had all the food and water I needed. I will never forget them.

Over the next year I struggled to regain my health. During this time I had long conversations with my father about the meaning of what had happened. Why do so many people have to get hurt and die? Is forgiveness possible?

Little by little my attitude changed. I came to see that one Israeli soldier had shot me, but many Israeli people had worked to save my life.

I also came to realize that what my father and mother had said was true: Israelis really were human beings just like me.

I felt truly human for the first time in my life. I wanted to do something to change the world, to make it a more peaceful place.

The doctors were not able to remove the bullet from my body. I lived for seven months in the hospital without being able to walk. Today I am walking fine but the bullet is still in my back and probably always will be.

I finally got my chance to be a peace maker. I learned about a program called “Seeds of Peace.” This program brings together Israeli and Palestinian teens in a camp in the state of Maine in the U.S.A.

U.S.A. Teens are given the opportunity to talk with each other, to learn about each other, and to make friends. I went to Maine and spent the summer with a group of Israeli as well as Palestinian teenagers.

When some Palestinian young people at the camp, and also later back at home, heard my story, they wanted to use it to show how bad the Israelis can be. I refused to let them use my story in this way. And then they became angry at me. “What’s wrong with you, Yousef? Whose side are you on?”

I didn’t want to take sides. I knew in my heart that “to err is human, to forgive is divine.” And so I made friends with the Israelis as well as the Palestinians. This was hard. Even some members of my own family rejected me for being a “traitor.” But my father and mother always gave me their complete support.

When I was back in Gaza, one of the Israeli soldiers named Ori, who was stationed in my home, became interested in my story. We had long conversations about peace. I told him that even though I probably

would have a bullet in my back for the rest of my life, I would do all I could to be a peacemaker. Ori was very sympathetic, and I suggested that he should think about becoming a counselor at a Seeds of Peace camp. When we finished our conversation, I gave him a “Seeds of Peace” t-shirt.

He smiled warmly. “Thank you. I will wear it when I am done with my military service.”

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 519 and 520.

1. Why did Yousef’s father refuse to leave his home?
2. What made Yousef’s family able to survive five years of their home being occupied?
3. How did Yousef’s father react to the shooting?
4. How did Yousef react?
5. What did the Israeli nurse and the doctors do for Yousef?
6. How did Yousef change during his long hospital stay?
7. Yousef will carry the bullet in his back for the rest of his life. How was he able to forgive?
8. What did he resolve to carry forward in his life?
9. As you have grown, what has made you the most aware of the plight of other people around you?
10. Article 1 of the Universal Declaration of Human Right (United Nations) states: All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience.” and should act towards one another in a spirit of brotherhood. How did the hospital, the nurses, the Israeli family of Yousef’s hospital roommate honor him in the spirit of brotherhood as stated in Article 1?
11. Article 18 of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations) states: Everyone has the right

to freedom of thought, conscience and religion; this right includes freedom to change his religion or belief, and freedom, either alone or in community with others and in public or private, to manifest his religion or belief in teaching, practice, worship and observance.

- Do you think they will become more understanding of other Arab people as a result of knowing Yousef and his family? In what ways?

- What did Yousef learn about Israelis as a result of how he was treated by the medical staff and the family?

- In the beginning of the story Yousef did not believe that everyone has the right to peace as his father taught. What did Yousef experience that changed his belief?

- Have you ever had the experience of seeing something good in someone who is not generally liked by your culture? What was it like for you?

Изабель Чемп Уолсли

МАРМЕЛАД

Тхо диъ кесталгІа керста дин тІеэцна дара. Цкѡа тхайн доьзалехъ Библи йовшущ, тхо тІеІоттаделира *“хъайн мостагІ меца велахъ, вузаве и”* бохучу дешнашна.

Оцу дешнаша итгий, ворххІий шераш кхаьчна волу тхан ши кІант ойланашка вахийтира.

- *МостагІ хІунда вузо веза вай?* - цецвелира и шиъ.

Сан цІийнда Джон а, со а делира цец. Цхъа жоп карийра дена шина кІанте дала:

- *Вай иштта дан деза, Дала иштта боху дела.*

Тхуна дага а ца деара цу хенахъ, кестта оцу дешнаша бохург оха тхаьш кхочушдийр ду аьлла.

ХІора дийнахъ пхобалгІачу классехъ доьшуш волу тхан кІант Джон, ша школера цІа веьча, резавоцуш хуьлур а шеца доьшуш, шена тІехъа Іаш волчу кІантана:

- *Мисс Смит дІайовьрззушехъ, Бобас гуттара а суна муьшканаши йо. Ловза арадевлачхъана, ас хоуьйтур ду цунна.*

Со со а яра, школе а яхана, Бобе йистхила дагахъ. Хууш дара, иза харцахъа кІант хилар. Цул совнаха, мисс Смиа сел вон Іуналла хІунда до берашна? Ас цуьнга а хоуьйтур ду, со цунна реза йоцийла.

Со гІеххъа обгІазъяханчуьра метта янза яра, цІеххъана сан ворхІ шо кхаьчначу кІанта, Джонан вашас:

- *Цул а, шен мостагІ вузийча ца тоьлу-те?* - аьлча.

Тхо кхоь а цецделира. Цхъанна а ца моьттура, кхузахь вуьйцуш верг и тайпа “*мостагI*” ву. МостагI пхьолгIачу классехь доьшуш хуьлийла дуй? МостагI генахь верг вара, цигахь, цхъанхъа... генахь, амма мичахь ву, къаьстина дацара. Тхо массо а дега дIахъавсира, ткъа цо тхуна дала мегаш цхъа жоп дара, шен маIна - цо хьалха аьлла ма-хиллара а долуш:

– *Дала шитта боху.*

Ас а кIанте Джоне элира:

– *Дала бохуш хилча, ахь а шита дан деза. Хьуна хавий, хIун еза Бобина массо а хIуманал дукха? Нагахь санна иза вузо хьуна лаахь, цунна уггар а дукхаеза хIума яла еза ахь цунна.*

Жимма ойла а йина, Джон, аз айIина, вистхилира:

– Мармеладан цIазамаш! Бобана уьш чIогIа дукхадеза.

Оха цхъа гIутакх мармеладан цIазамаш ийцира, шолгIачу дийнахь Джоне школе дахьийта. Тхуна хаа лаьара, “*мостагI вузаве*” бохург нийса ду я дац.

Суьйранна, тхаьш дендолчунна ойла еш Ийна, сацам бира оха: юха Бобас шен муьшка ма-йиннехь, Джонас, тIехъа а вирзина, шен “*мостагIчунна*” стоьла тIе мармелад чохь йолу гIутакх охьадуьллур долуш.

ШолгIачу дийнахь собар кхачийна школан можачу автобусе хьобжуш лаьттара со. Автобус сецча, со шина кIантана дуьхьала едир.

– *Нисдели хьуна, мама! Нисдели хьуна!* - мохь белира сакъераделла волчу Джоне.

Цуьнан вашас кураллица тIетуьйхира:

– *XIей, диц ма делаи, и суна дагадеана хилар!*

Дерриге ма-дарра хаа лаьара суна.

– *ХІун дира Бобас? ХІун элира цо?*

– *Дукха цецваьлла, хІумма а ца олуш, цо мармелад дІаййцира. Цул тІаьхьа тхан урокаш дІайовллалц кхин суна муьшканаш ца йира цо.*

Цу хенахь дуьйна Джон а, Боб а ши доттагІ а хилира - дерриге а жимачу мармеладан гІутаkho дІанисдира.

ТІаьхьо тхан ший а кІант кхечу мехкашкахь дин хьеха волавелира. Цара оцу мехкашкара бахархой шайга схьакхойкхура, шайн динан уьш мостагІий ларалуш белахь а, царна яахІума а, чохь Іен меттиг а латтош.

Схьахетарехь, “*мостагІий*” гуттар а меца бу. Цундела аьлла хир ду Дала, уьш бузабе аьлла.

Гочдинарг - Хьасан Туркаев

Дийцаре дан хаттарш

1. Оцу дийцар юкьара доьзало хІунда сагатдеш хилла, мостагІ мила ву кхета лууш?

2. Бобас хІунда еш хилла аьлла хета хьуна Джонна муьшкаш?

3. ХІунда хетара, шена мармеладаш елча, Боб хийцалур ву Джонца?

4. МостагІ воцучу стагах ойла ян атта хІунда ду?

5. Джонна хаа эшарий Бобан кхечу берашца йолу юкьаметтиг? Нагахь санна Джонна хууш хиллехь, Боб массаьрца гоме вуй иштта? ХІун аьлла хетара дара цунна ша диначух лаьцна?

6. ХІун бахьана долуш хета хьуна цабевза нах мостагІий? Хьо теший царех лаьцна дуьйцург бакь ду бохучух?

7. Джонан санна, сингаттам хиллий хъан? Ахъ хІун дира?

8. Цкъа а цІеххъана хазахетар хиллий хъуна? ХІун бахъана долуш хилла и?

9 Муха хийти хъуна хІара дийцар? ХІун хазахийтира хъуна? ХІун хаза ца хийтира?

Изабель Чэмп Уолсли

МАРМЕЛАД

Мы четверо были новообращенными христианами, когда однажды, читая Библию в семейном кругу, наткнулись на стих: *“Если враг твой голоден, накорми его”*. Наши сыновья, которым в то время исполнилось семь и десять лет, были особенно озадачены.

- *Почему мы должны кормить врага?* - удивились они.

Мой муж Джон и я тоже удивились, и единственным ответом, который отец смог дать мальчикам, было: *“Мы должны так поступать, потому что так говорит Бог”*. Нам и в голову не пришло тогда, что вскоре мы познаем это на собственном опыте.

Каждый день Джон-младший, приходя домой из школы, где он учился в пятом классе, жаловался на своего одноклассника, который сидел сзади него:

- *Боб все время толкает меня, как только мисс Смит отвернется. Когда мы будем играть во дворе, я ему задам.*

Я готова была сама пойти в школу и задать Бобу. Ясно, что он был негодным мальчишкой. А потом, почему мисс Смит так плохо смотрит за детьми? Я и ей задам заодно - своими словами.

Я еще продолжала кипятиться, как вдруг мой семилетний сын, брат Джона, сказал:

- *Может быть, лучше накормить своего врага?*

Мы все трое были поражены. Никто не был уверен, что здесь речь идет именно о таком “враге”. Разве враг может учиться в пятом классе? Врагом был тот, кто был где-то там... далеко, однако, где именно, оставалось неясным. Мы все посмотрели на отца, но единственным ответом, который он мог нам предложить, было то же самое, что он сказал прежде:

- Так говорит Бог.

И я сказала Джону-младшему:

- Раз так говорит Бог, лучше так и поступи. Ты знаешь, что Боб любит больше всего? Если ты хочешь его накормить, надо дать что-то такое, что он любит.

Чуть подумав, Джон воскликнул:

- Мармелад! Боб его просто обожает!

Мы купили пакет мармелада, чтобы на следующий день Джон отнес его в школу. Нам было любопытно узнать, сработает ли принцип “*накорми врага*”. Весь вечер мы разрабатывали план действий и решили, что когда Боб в очередной раз толкнет Джона, тот повернется и положит пакет с мармеладом на парту своего “*врага*”.

На следующий день я с нетерпением ждала желтый школьный автобус. Когда он подошел, я ринулась к двери, чтобы встретить мальчиков.

- Получилось, мама! Получилось! - радостно закричал Джон.

Его братишка с гордостью добавил:

- Эй, вы помните, что это я придумал!

Я хотела узнать подробности:

- Что сделал Боб? Что он сказал?

- Он был так удивлен, что не сказал ничего, а только взял мармелад и больше ни разу не толкнул меня до конца занятий!

С тех пор Джон и Боб стали лучшими друзьями - и все из-за маленького пакета с мармеладом. Впоследствии оба наших сына стали миссионерами в других странах. Они приглашали жителей этих стран, которые считались их “врагами” по вере, к себе домой, чтобы разделить с ними стол и кров.

Видимо, “враги” всегда голодны. Может быть, поэтому Бог и велел накормить их.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 521 и 522.

1. Как вам кажется, почему семье в этом рассказе нелегко было понять, кто такой “враг”?

2. Как вы считаете, почему Боб все время толкал Джона?

3. Почему, получив мармелад, Боб стал иначе вести себя по отношению к Джону?

4. Как выражен в вашей религии совет из этого рассказа: “Если твой враг голоден, накорми его”?

5. Стоило ли Джону разузнать, как Боб обращается с другими ребятами? Если бы Джон узнал, что Боб жесток ко всем, изменило ли бы это его чувства? Поступил бы он иначе?

6. Почему “врагами” легче считать тех, кого мы не знаем? Как вы можете узнать, правда ли то, что о них говорят?

7. Случалось ли с вами что-нибудь, похожее на неприятности Джона? Что вам пришлось сделать?

8. Оказывался ли кто-то неожиданно добрым к вам?
Как это случилось?

9. Понравился ли вам этот рассказ? Что в нем понравилось? А если нет, что не понравилось?

JELLY BEANS

By Isabel Champ Wolseley

The four of us were new Christians when we ran across the verse, “If your enemy is hungry, feed him” (Romans 12:20), during our family Bible reading. Our sons, seven and ten at the time, were especially puzzled. “Why should you feed your enemy?” they wondered.

My husband and I wondered too, but the only answer John could think of to give the boys was, “We’re supposed to because God says so.” It never occurred to us that we would soon learn by experience.

Day after day, John Jr. came home from school complaining about a classmate who sat behind him in fifth grade. “Bob keeps jabbing me when Miss Smith isn’t looking. One of these days when we’re out on the playground, I’m going to jab him back!”

I was ready to go down to the school and jab Bob myself. Obviously the boy was a brat. Besides, why wasn’t Miss Smith doing a better job with her kids? I’d better give her an oral jab, too, at the same time.

I was still stewing over this injustice to John Jr. when his seven-year-old brother spoke up; “Maybe he should feed his enemy.”

The three of us were startled.

None of us was sure about this “enemy” business. It didn’t seem that an enemy would be in the fifth grade. An enemy was someone who was way off . . . well, somewhere. (Exactly where, however, remained a bit vague).

We all looked at John, but the only answer he could offer was the same one he had given before: “Because God says so.”

“Well if God says so, you’d better do it,” I told John Jr. “Do you know what Bob likes to eat? If you’re going to feed him, you may as well get something he likes.”

Our elder son thought a moment. jelly beans! he shouted. “Bob just loves jelly beans.”

So we bought a bag of jellybeans for him to take to school the next day. We would see whether or not enemy feeding worked.

That night we discussed the strategy to be used. When Bob jabbed John Jr. in the back the next time, John would turn around and deposit the bag of jellybeans on his enemy’s desk.

The next afternoon I watched and waited patiently for the yellow school bus to pull up, then dashed out the door to meet the boys before they got even halfway to the house. John Jr. called ahead, “It worked, Mom! It worked!” His little brother claimed responsibility, “Hey, remember, it was me who thought it up.”

I wanted details: “What did Bob do? What did he say?”

“He was so surprised he didn’t say anything - he just took the jellybeans. But he didn’t jab me the rest of the day!”

Well, it wasn’t long before John Jr. and Bob became the best of friends - all because of a little bag of jellybeans.

Both our sons subsequently became missionaries in foreign fields. Their way to show friendship was to

invite the inhabitants of those countries into their own homes to share food around their own tables.

It seems enemies are always hungry. Maybe that's why God said to feed them.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 521 and 522.

1. Why do you think the family in the story had trouble deciding who is an “enemy”?

2. Why do you think Bob kept jabbing John?

3. Why did giving Bob the jellybeans change the way he behaved to John?

4. How does your religion express the same advice as in the story: “If your enemy is hungry, feed him.”?

5. Should John have tried to find out how Bob treated other people? If John found out that Bob was unkind to almost everybody, do you think it would have made a difference in how John felt? In what he did?

6. Why is it easier to think of people you do not know as “enemies”? How can you find out if the things said about people are true?

7. Did anything like John's problem ever happen to you? What did you do?

8. Has someone ever been unexpectedly nice to you? What happened?

9. Did you like this story? If so, what did you like? If not, what didn't you like?

КЕРЛА ДЕШАРХО

Ма-дарра аьлча, кхера а кхоьрура, эхь а хетара суна дуьххьара школе яха. Шо хьалха девзинера суна керлачу дешархочун хьал. Дукха кьахьега дийзира хIетахь, кхидолчу берашка со ларамца тIеэцийта. Дозаллаш дан-м ца лаьа суна, амма хIетахь сайна ма-хетта дIа-м нисдира ас сайн гIуллакхаш.

Школе яхале, хьалххе кечдинера ас сайн духар, хIетте а цу Iуьйранна доьазза хийцира.

Малх кхетта, исбаьхьа Iуьйре яра иза, 1959-чу шеран сентябрь-беттан Iуьйре, со сайн накьосташца школа хьалха кхочуш.

Со сайн накьосташца школан хьалха лаьттара лахарчу класса чу яла кийча.

- *Цуьнца тIекере хила барт хилла вайн,* - элира Анетас.

- *Хьаьнца?* - хаьттира ас, айса ечу ойланашна юкьара а йолуш.

- *Оцу Iаьржачуьнца, вайн школахь деша дагахь йолчуьнца,* - элира Анеттас. ТIаккха тIетуьйхира: - *Директоро вайн кхузахь, Литтл Рокехь санна, халонаш хир яц-м аьлла.*

Либин елар иккхира:

- *ТIаккха цунах “Iаьржаниг” баха а ца оьшу.*

- *Дера ца оьшу,* - реза хилира со. - *Вай цуьнца доттагIалла лело деза.*

ХIетахь кхета хала дара, муха доьшур ду цхьана школахь Iаьржачара а, кIайчара а. Цу тIе, тхан школа йоккха яра. И Iаьржаниг-м суна цкьа а ца ган а мега аьлла, хетара.

Амма иза иштта ца хиллера. Цуьнан це Линн яра. Хьалхарчу алгебра урокехь иза тЕхьарчу парти тЕхь хиьна Iара.

Шолҕа урок английски яра. ХIинца иза, йист а ца хуьлуш, хьалхарчу парти тЕхь хиьна Iара. КхозлагIчу урокехь иза мичахь яра тидам ца хилира сан, амма йобалҕачу истори урокехь иза суна уллохь нисъелира.

Хьехархочо дуьйцург ас башха тергалдеш а дацара. Ас ойланаш йора, урок чекхьяьлча, столови мичахь ю гойтур ду ас цунна бохуш. Суна дагахь лаьттара, шо хьалха иштта дуьххьара школе яханчохь сайна мел хала дара со цхьяь столовехь стоьла тЕхь юург юуш хиьна Iан, уллохь цхья а вевзарг а, накьост а воцуш. Цундела, урок чекхйюлуш горгали ма-бийккинехь, ас иза сайца столови кхайкхира.

Тхойшиь тхьяшшиннан шкафашна улло а яхана, уьш а юх-юххехь хиллера, тIаккха столови яхара. Цигахь йоккха раҕI лаьттара, тхойшиь чохья ма яьлла, массо а, шайн хабарш а совцийна, тхойшинга хьяьжжинчохь висинера. Тхойшиь жижиг а, картолин худар а эцна, шаннаш а карахь, сецна лаьттара, охьяхаа яьсса стол лохуш. Амма ерриш а дIалаьцна яра, цхьянхья а охьяхаа меттиг яцара, Либана уллохь а, я кхечу тхойшинна девзачу берашна уллохь а. Мацца а суна гЕххья парҕIат стол гира. Цу гонахьара масех стаг сихха дIавахара, тхойшиь улло яхча. Гуш дара, цхьянна а тхойшинна уллохь саца лууш цахилар.

Тхойшиь тхьяшшиь, акхачу гIайри тЕхь санна, хиьна Iара цу нахах юьзначу столовехь, вовшашка а хьобжуш.

Цуънан йоца Гаържа месаш хыйзина яра. ДегГа тЕра чкъор Гаържа-боьмаша бос кхеташ дара. Сан а яра Гаържа, хыйзина, йоца месаш а, малхо дагийна чкъор а, цуънан санна, ала мегар долуш, Гаържа. Суна хийтира: тхойшиъ-м ши йиша ю ала а мегар ду.

Линнас, шен чомехъ йоцучу юучунна тЕе ши бГаьрг охъа а бахийтина, элира:

- Хьо декхарийлахъ яц соьца юург яа. Хьо хъайн накъосташна тЕеяха мегар ду хъуна.

Ас, цо аьллачун ойла еш, сайн юург а кегош, гЕеххъа хан ялийтира. ТПаккха гГийлла элира:

- Царна вайшиннан стоьла улло охъаховша ца лаахъ, суна уьш сайн накъостий бу аьлла ца хета.

Цу дийнахъ со Линна уллора дГа ца елира. Цул тГаьхъа, массо шерашкахъ а, тхойшиъ цхъаьна яра. Дуккха а дика а, вон а хГуманаш Иттаделира цу шерашкахъ.

Тхойшиннан цкъа а яьсса стол леха ца дезара. Тхойшиннан стол гуттара а яьсса лаьттара. Хала-м хетара, цхъанна а тхойшинна улло ван лууш цахилар.

Сан доттагГий а, кхидолу бераш а Линница кГоршаме дацара.

Делахъ а цхъа херо хаалора. И херо соьца а лелайора бераша, ас Линница доттагГалла лелорна. Либас элира соьга: *“Тхо цуьнца тЕекере делахъ а, цунах доттагГ ян дагахъ ма дац!”*

Цхъацадолчу бераша тхойшинна тЕхъашха маьттаза хГуманаш дуйцура. Наггахъ, ластайой, хГума а тухура. Амма, цул сов, кхин яккхий новкъарлонаш а, хГуьттаренаш а ца лелайора.

Суна-м хазох а хетара, айса Линница леладо доттагГалла а, тхойшиъ школехъ иштта евзаш хилар а.

Цул сов, тхойшиннан дуккха а хIуманаш вовшех тера а догIура: цхьатерра предметаш Iамор а, цхьатайпанчу хIуманех самукъадалар а. Суна хетара, тхойшиь шкоলেখь ца евзинехь а, миччахь а кхечанхьа евзар яра, доттагIалла а тасалур дара аьлла.

Цу шерашкахь тхойшинна америкерчу квакерин Кхеташонехь гIуллакх деш долу адамаш а девзира. Цара тхойшиь цхьаьнца а гамо ца лело, массаьрца а бертахь хила Iамийра, церан бос, мотт, дин мухха делахь а. Цара тхойшиь Къилбседа Каролина олучу меттерчу нахана а йовзийтира. Цара а бохура, дегIан бос муьлхха хилча а, стеган муьлххачу шкоলেখь деша йиш ю, муьлхха а говзалла Iамо бакъо ю. Цаьрца дуккха а хан йоккхура охашиммо.

И шераш дагальоьцуш, со сих-сиха сайн альбоме хьобжу, цу тIе сайн накъосташа яздиначуьнга.

Шкоলেখь ас добшуш, шозлагIчу шарахь дуккха а дика хIуманаш яздинера бераша сох лаьцна. Цул тIаьхьа, кхозлагIчу шарахь - оха цхьаьна Iамийначу предметех лаьцна яздинера.

Сох лаьцна цхьа а дош а дацара.

Лакхарчу классашкахь сан альбома тIехь яздина йозанаш кхитайпа дара. Массара а къобалдора сан Линница долу гергарло, со сайн лаамехь а, сайн кхетам болуш а хилар. Царна товш хетара, со нийсоне гIертар, ас кIайчарна а, Iаьржачарна а юккъехь къестамаш цабар. Суна хазахетара и цара яздина могIанаш.

Амма массарел а дика ша Линнас яздинера. Цо яздинчу могIанаша дийнна цхьа агIо дIалаьцнера. Цо яздора, мел кхоьруш Iара ша цу дуьххьара школе еанчу дийнахь, мел хазахийтира шена ас шеца къамел дина, доттагIалла тесна. Со кIеззиг цецьяьллера:

иза цу дийнахъ кхераелла хаалуш а ма яцара аьлла.
 Стеган дагара хаа хала ду, иза хьан уггар а дика
 доттагI велахъ а!

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хьамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. ХIунда элира Кэрола Линне столови чу йола?

2. Кэролна хIун аьлла хийтира, кхиболу дешархой шайн стоьла тIера хьалагIевттича? ХIун аьлла хийтира Линнина а? Хьуна муха хетар дара, и саннарг хьайца хилча?

3. Кэрол Iад хIунда Iийра Линница хIума юуш? ХIун кхерам бара цунна цу тIехъ? Нийса дуй, даима сингаттам болуш хилар?

4. Царех хIора а шен аматаш долуш ву. ХIунда хета маIне дегIаца йолу билгалонаш гучуяхар? Муьлхарниш ю царех цхьаерш? Хьуна хIун хетар дара, хьайца иштта цхьа билгало хилча?

5. Хьо вуй (юй) кхин аматаш долуш йолчу тобанах (хьан доттагIашна юкьахъ вуй, шун тобан юкьахъ, я лулахойн добзалехъ вуй)? Муха хиира шуна ишттаниг ву я вац? Муха веара царех верг шуна юкьа?

6. Хьо хиллий цкъа “*керланиг*” цхьанна меттехъ: лагерехъ а, ишколехъ а я лулахо хилла а? TIаккха хьуна муха хетара?

7. Муьлххачу тобана юкьахъ дукхахболчу наха лоруш ма-хиллара, тидаме оьцуш хилла и билгалонаш я шайна хIиттийна низамашка хьаьжжина хилла?

Кэрол Пассмор

НОВЕНЬКАЯ В ШКОЛЕ

Откровенно говоря, я очень волновалась в ожидании первого дня в школе. Год назад я была новенькой, и мне пришлось приложить очень много усилий, чтобы завоевать авторитет у ребят. Я не хочу хвастаться, но я действительно добилась успеха.

Я приготовила всю одежду за несколько дней до начала занятий, но в то утро четыре раза ее меняла. И наконец чудесным, солнечным сентябрьским утром 1959 года я стояла с друзьями перед главным входом в школу, готовая войти в младший класс.

- Итак, мы решили, что будем с ней вежливы,
- сказала Аннетта.

- С кем? - спросила я, поняв, что замечталась.

- С той черномазой, что будет учиться в нашей школе, - ответила Аннетта. *- Директор сказал, что у нас не будет таких проблем, как в школе Литтл Рок.*

Либ хихикнула:

- Тогда незачем называть ее черномазой.

- Конечно, - сказала я. *- Думаю, мы должны быть с ней дружелюбны.*

Тогда я не представляла себе, что в нашей школе могли бы учиться все вместе - и черные и белые. К тому же школа была такой большой, что я могла с ней никогда и не встретиться.

Я заблуждалась. Новенькую звали Линн, и на первом уроке алгебры она молча сидела на последней парте. Вторым уроком был английский. Она также

молча сидела впереди. Я не заметила, где она была на третьем уроке, но на четвертом, уроке истории, она сидела возле меня.

Я едва слышала то, что говорила учительница, так как в моей голове все время крутилась мысль, что надо показать ей, где находится столовая. Я спрашивала себя, не означало ли бы это быть *“слишком доброй”*, но помнила свой первый обед в одиночестве год назад. Поэтому, когда прозвенел звонок, я вежливо предложила Линн проводить ее в столовую.

Сначала мы подошли к нашим шкафчикам, которые оказались рядом, а затем отправились в столовую. Там стояла длинная очередь, и все замолкли, когда мы вошли. Мы взяли мясо и картофельное пюре и стояли с подносами в руках, высматривая свободный столик. Но кругом все было занято, и не оставалось ни одного свободного места рядом с Либ и другими нашими ребятами. Я нашла наконец полупустой столик, за которым сидели несколько незнакомых ребят. Они сразу встали и ушли, так что мы с Линн оказались одни за столом в переполненной столовой. Было совершенно очевидно, что никто не собирается садиться с нами.

Мы сидели вдвоем, как на необитаемом острове, посреди переполненной столовой. Я смотрела на Линн, а она на меня. Ее короткие черные волосы вились, а кожа была темно-коричневая.

У меня тоже были темные, вьющиеся, короткие волосы, а кожа, покрытая летним загаром, была почти такая же коричневая, как и у нее. Я подумала: мы можем сойти за сестер.

Линн опустила глаза на отвратительного вида мясное блюдо и сказала:

- Ты не должна есть вместе со мной. Ты можешь идти есть к своим друзьям.

Я стала мешать горошек с пюре, раздумывая об этом. Потом пробормотала:

- Если они не хотят садиться с нами за один стол, то я не уверена, что они - мои друзья.

Итак, я осталась, и все годы, пока мы учились в школе, Линн и я обедали вместе. За это время произошло много хорошего и много плохого.

Нам с Линн никогда не приходилось искать свободный столик в столовой - у нас был свой собственный, прямо посредине. Плохо было то, что больше никто никогда не осмеливался сесть вместе с нами.

Хорошим было и то, что мои друзья, а также ребята из других классов, были вежливы с Линн. Плохо то, что они были в такой же мере вежливы и со мной. Когда я однажды столкнулась с Либ в туалете, она объяснила:

- Говоря "дружелюбны", мы не имели в виду, что должны быть к ней настолько дружелюбны.

Некоторые ребята обзывали нас плохими словами, а то и бросали в нас чем-нибудь, но ничего более серьезного не случалось. Вместе с тем было приятно, что теперь все в школе знали нас.

Еще хорошо было то, что через несколько недель после нашего знакомства с Линн мы, обсуждая происшествия в наших классах, обнаружили, что у нас много общего. Мы не только изучали одни и те же предметы, но и интересы наши совпадали.

Если бы судьба не свела нас тогда, мы, возможно, все равно встретились бы и подружились.

Пожалуй, самым лучшим за эти два года было то, что я познакомилась с людьми, которые работали в квакерском американском Комитете служения. Они научили нас с Линн не применять насилия и помогли сохранять дружелюбие к тем, кто обзывал нас. Они познакомили нас с другими людьми в Северной Каролине, которые считали, что цвет кожи не должен определять в какую школу ходить или какую профессию выбрать. С этими людьми мы проводили вместе много времени, что доставляло нам большую радость и заменяло тот факт, что мы не участвовали в общественной жизни школы.

Вспоминая эти годы, я иногда достаю свои старые школьные альбомы и читаю то, что ребята писали мне на память. На втором году моего пребывания в школе, когда я так старалась завоевать популярность, многие ребята писали, какая я хорошая.

А на следующий год только несколько человек с одобрением отзывались о наших совместных занятиях английским языком или алгеброй, но ничего не написали обо мне.

В старшем классе все было иначе. Все известные ребята, с кем я хотела дружить, оставили записки в моей тетради. Они писали, что восхищаются человеком, который умеет настаивать на том, что считает справедливым. Они не говорили, что изменили свое отношение к расовой проблеме, и, может, их восхищение было данью моему одиночеству, но я была рада, что они захотели расписаться в моем дневнике.

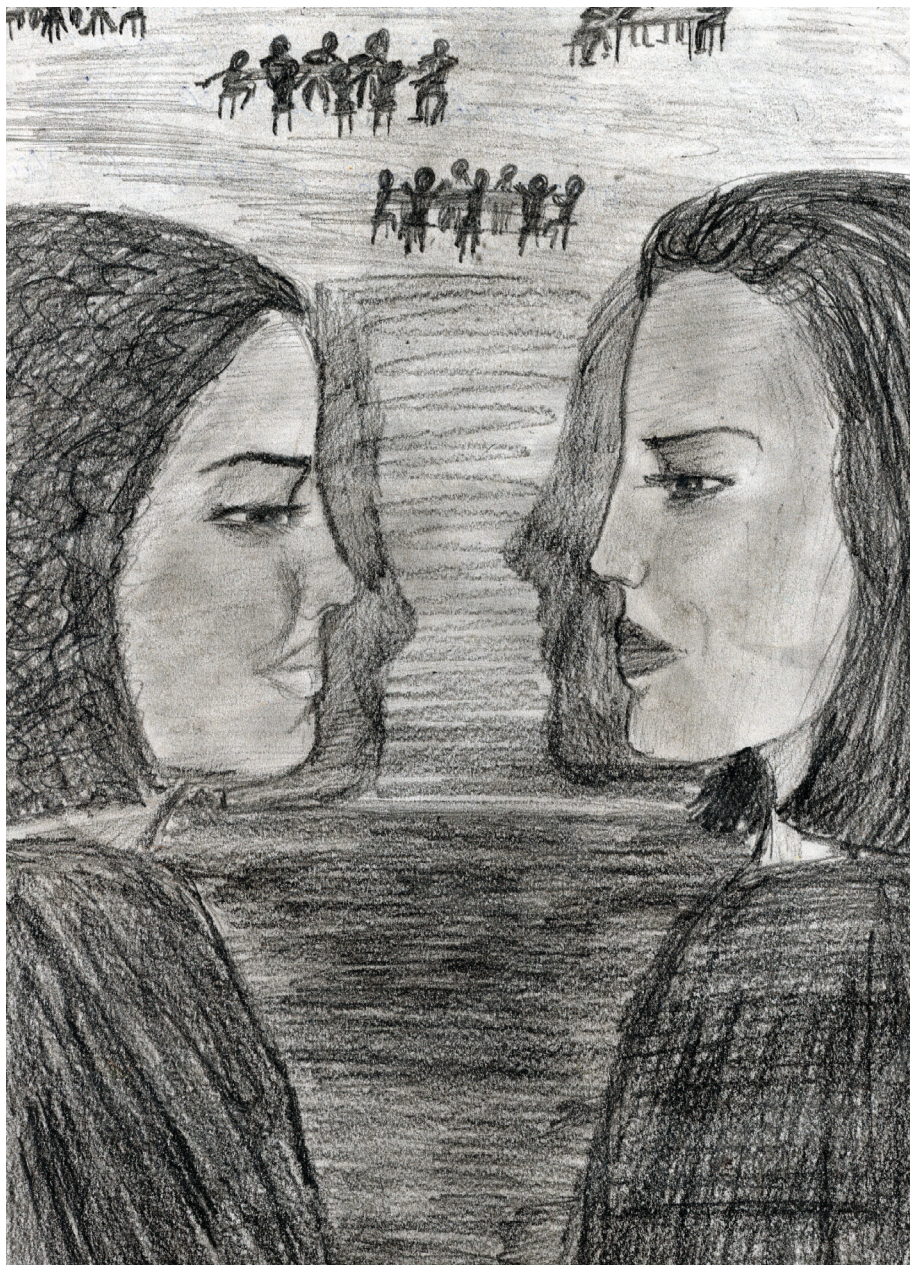

Иллюстрация к рассказу Новенькая в школе,
автор Мадина Саиева, возраст 15 лет, Грозный/
Illustration to New Girl in School by Madina Saiyeva,
15 years old, Grozny

Лучше всех была запись от Линн, которая занимала целую страницу. Она писала, как страшно ей было в тот первый день в школе и как она обрадовалась, когда я заговорила с ней. Я удивилась, потому что она вовсе не выглядела испуганной. Но ведь не узнаешь всего даже о своем лучшем друге!

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 523 и 524.

1. Почему Кэрол предложила повести Линн на “экскурсию” в столовую?

2. Как вы думаете, как почувствовала себя Кэрол, когда остальные ребята встали из-за стола и ушли? Что почувствовала Линн? Какие были бы у вас чувства, если бы это произошло с вами?

3. Почему Кэрол потом продолжала обедать с Линн? Чем она в результате этого пожертвовала? Всегда ли самое правильное действие оказывается самым простым?

4. Что делает людей “не такими, как все”? Как вы себя чувствуете в обществе “не такого, как все” человека?

5. К каким группам принадлежите вы: в семье, в школе, в сообществе или еще где-либо? Чем они отличаются? Какова ваша роль в этих группах? Кто решает, кто входит в данную группу, а кто нет?

6. Случалось ли, что вас исключали из какой-то группы? Как это было? А приходилось ли вам когда-нибудь помочь кому-то “вступить” в какую-то группу?

NEW GIRL IN SCHOOL

By Carol Passmore

What can I tell you except that I was excited about the first day of school. I'd been the new kid the year before and had worked really hard at being popular. I don't mean to brag, but I had been fairly successful.

I picked my clothes a day ahead and changed my mind four times that morning. Finally, I was standing with my friends in front of High Point Central High on a beautiful sunny morning.

"So," said Annette, "we decided to be nice to her."

"Who?" I asked, realizing that I had been daydreaming.

"To the nigger who's coming to school," said Annette. "The principal says we aren't going to have any trouble like they did in Little Rock."

Lib giggled. "Then you had better not call her a nigger."

"Sure," I said. "I think we should be nice to her." I hadn't really thought about our school being desegregated. Besides, High Point Central High was a big school. I'd probably never see her anyway.

I was wrong about that. Her name was Lynn, and she was in my first period algebra class, sitting quietly in the back of the room, and in my second period English class, sitting quietly in the front. I didn't know where she went third period, but in fourth period history, she was sitting right beside me.

I didn't hear too much of what the teacher said, because somehow I got the idea that I would show her

where the cafeteria was. I wondered if that would be considered being too nice, but I also remembered my first lunch alone the year before. So when the bell rang, I politely offered Lynn a guided tour to the lunchroom.

By the time we went to our lockers - hers was near mine - and then to the cafeteria, there was a long line. Everyone got quiet when we joined it. After we got our meatloaf and lumpy mashed potatoes, I could see that the tables were getting full and I didn't see any space with Lib and the others. I spotted a half-empty table with some kids I didn't know and we sat there.

Instantly, those kids all got up and left, so Lynn and I had eight extra chairs in that jammed cafeteria. It was obvious that no one was going to join us.

There we sat, like two kids on a deserted island, in the middle of that crowded cafeteria. I stared at Lynn and she stared at me. Her short black hair was wavy and her skin was a rich coppery brown. My brown hair was short and wavy and my skin with its summer tan, was almost as brown as hers. I figured we could pass as sisters.

Lynn poked at the disgusting-looking meat loaf. "You don't have to eat with me," she said. "You can go eat with your friends."

I stirred my peas into my potatoes while I thought about that. "If they don't want to come and eat with us," I muttered, "I'm not sure they're my friends."

So I stayed, and for all of our junior and senior years, Lynn and I ate lunch together. There was lots of good in those years and plenty that wasn't so good.

Lynn and I never had to hunt for a table in the cafeteria. We had our own private table right in the

middle. The bad part was no one else ever worked up the courage to join us.

Another good thing was that my friends and a lot of other kids were polite to Lynn. The bad part was that they were polite to me also. When I bumped into Lib in the bathroom one day, she explained. “When we said ‘friendly’, we didn’t mean that friendly.”

Some kids called us names and occasionally threw things at us, but nothing serious. To look on the bright side, there wasn’t anyone in the school who didn’t know who we were.

Another good thing was that after a few weeks of talking about what had happened in our classes that day, Lynn and I discovered that we had lots in common. Besides having almost all the same classes, we also had the same interests. If fate hadn’t thrown us together, we’d probably have met and become good friends anyway.

Probably the best thing about those two years was that I met some people who worked for the American Friends Service Committee. They taught Lynn and me about nonviolence and helped us be nice to the people who called us names. They also introduced us to some other people in North Carolina who didn’t think that the color of your skin should determine where you went to school or what job you could have. We had lots of fun with these people, too, which made up for the fact that we weren’t involved in many of the high school social activities.

Sometimes now I think about these years and get out my old high school yearbooks. In my sophomore

yearbook, when I was working at being popular, lots of kids signed my book, saying how nice I was. In my junior year, only a few kids signed my book, and all they wrote was how they enjoyed being in my English class or algebra class, but nothing about me.

My senior year, they wrote different things. All those popular kids I had wanted for my friends wanted to sign my yearbook. They wrote how much they admired someone who would stand up for what she believed was right. They didn't say they had changed their minds about race relations, and I'm not sure being admired made up for being lonely and left out, but I was glad they were willing to sign.

But the best one was from Lynn, who wrote a whole page. She wrote how scared she had been on that first day and how glad she had been when I spoke to her. I was surprised, because she hadn't looked scared at all, but then, you don't know everything about your best friend.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 523 and 524.

1. Why did Carol offer to take Lynn on a tour of the lunchroom?

2. How do you think Carol felt when the other schoolmates got up and left the lunch table? How do you think Lynn felt? How would you feel if this happened to you?

3. Why did Carol continue to eat with Lynn? What did she sacrifice by doing this? Is the right thing always the easiest?

4. What makes people different? How do you feel when you are with someone who is different?

5. What groups do you belong to (families, schools, communities, other)? Are there any rules in these groups? How do these groups differ? What role do you play in these groups? What kind of people wouldn't be accepted in each of these groups? How is it decided who is in or who is out?

6. Have you ever been left out? How did you feel? Have you ever included someone who had been left out?

*Джанет Сабина,
Марни Кларк*

СИНТАРШ ДОГІАР - ЛАТТА ТОДАР

1960-чу шарахь паргІато яьккхинчул тІаьхьа Кени пачхьалкхан куьйгалхоша дукха кьахьоь-гура цуьнан кхиамаш хилийта, амма халонаш шорта яра. Цу халонех цхьаь яра - кьам чІогІа сиха кхуьуш хилар. Алсамдолучу халкьо дитташ охьадеттара аха латтанаш мукьадохуш а, пешахь дагочу дечигна а. Хьалха дитташа латта лардеш хиллехь, догІанан хишка охьа ца кхоьхьуьйтуш, хІинца пайденна латтанаш жимлуш лаьттара.

Хьун хиллачу меттигашкахь гІамарш ловзура.

ХІара дийцар цхьана зудчух лаьцна ду. Кенехь дехачу адамийн дахар аттачу даккха гІертара иза. Цуьнан цІе Вангари Маатей яра. Атта бацара цуьнан болх.

Колледжехь дешна йолуш, дика говзалла йолчех цхьа ирсе йоІ яра Вангари Маатей. Иза а, цуьнца цхьаьна дешнарш а бара Кенехь, шаьш куьйгалла деш, ирсе дахар хІотто декхарийлахь берш.

Вангарина гуш дара шайн дакьалуш, хІаллакьхуьлуш долу латта. Цундела, ша колледж чекхъяьккхина яьлча, лиира цунна массанхьа а синтарш а дугІуш, латта тодан. Дукха, Іаламат дукха, миллионаш синтарш догІа, царах даккхий дитташ хилийта!

Юьхьанца аьтто ца хилира йоьІан. Ялх эзар синтар бен ца хилира цунна. Уьш а дара кегий, дуткьий орамаш а долуш. Бан болх боцуш, бала хьобгучу нахе делира йоІа и синтарш, амма цаьргахь уьш дІаден

гГирс а, оьшучу дГабаха аьтто а ца хиллера. Цул сов, йокъа а хГобттина, Гедало, хи кхоош, синтаршна хи дилла бакъо а ца елира. Дерриге а синтарш, шиь бен ца дуьсуш, дакъаделира. ЧГогГа сингаттаме гГуллакх хилира цунах.

ХГетахь Вангари Канаде Дуьненаюкъбара цхьаьнакхетачу къаьмнийн вовшахтохараллин конференци яхара. Цигахь цунна ши зуда евзира - Маргарет Миде а, Мать Тереза а. Цушиннан йоккха корматалла яра адамийн дахар аттачу даккхарехь. Цушимма дог-ойла иракарахГоттитийра Вангарин.

Шега цхьаьнга дукха хГума далур доций хаьара йоГана.

Вангарис шен махка, Кени, юха а еана, шайн кГюштахь зударийн кхеташо гулйира. Цара шайна хьалха Галашо хГоттийра - Кенин коьрта шахьарахь Нойберехь ворхГ кьоман турпалхочун сийнна ворхГ синтар догГа. Церан суьрташ, газеташ тГе тоьхна, нахана довзийтира кхеташонерачу зударша. И гГуллакх нахана юккъехь чГогГа дГадаьржира. Амма и синтарш а, царна хидилларна наха ледарло а йина, кестта дакъадалаза делира.

Цул тГаьхьа Вангарис а, цуьнан Кхеташоно а Галашо хГоттийра юкьарчу латтанаш тГе цхьа миллион синтар догГа. Уллохь дехачу адамаша царна Гуналла дан декхар дара.

Цу проектана зударша цГе тиллира “*Харамбэй латта кГелхьардоккхур ду вай*”. (Ха-рам-бэй бохург церан маттахь “*массо а цхьаьна*” бохург ду.)

Правительствера хьуьнабахаман декъан ур-халла реза хилира зударша хГоттийначу проектана. Реза хилира царна мах боцуш синтарш дала. Амма

цара пхийтга миллион синтар дехча, оццул дукха дала йиш яц шайн, элира. Иза чIогIа дукха дара.

ТIаккха Вангарина кхин Iалашо дагаеара: зударий шаьш Iамо беза синтарш кхио! И синтарш кхиош, церан ахча даккха таро а хир ма яра.

И Iалашо кестта кхочушхилира.

Зударшна Iамийра даккхийчу дитташ тIера хIуш муха лахьо деза, и хIуш дIа а дийна, царех синтарш муха кхио деза.

Зударий, цу кеппара, шайна а, шайн лаьттана а гIо дан хIиттира.

Ма дика гIуллакх хуьлура цунах!

Кестта царна шайн дитташ цхьана моIаршца дIадегIа Iемира. Иштга дегIча, уьш мохашна дубьхал дика лаьттара, цара лаьттаца тIуналла а дика латтайора. Синтарш даккхий хилча, уьш нилхадаха оьшуш хуьлура. Нилхадеш схьахедийна дитташ даго мегаш хуьлура. Иза а бара цхьа боккха пайда.

Газеташа, радионо, телевиденихь – массанхьа а зударша дечу дикачу гIуллакхах лаьцна дийца долиьра. Школашкара, килсашкара, юкьараллин вовшахтохараллонашкара – массанхьара а кехаташ кхобхуьйтура, шайна синтарш дайита бохуш. Вангарис дагалаьцначунна кхин цIе елира - *“Баьццара аса”*.

Кенин массо а гIаланашкахь кхеташонаш кхобллира. *“Баьццарчу асин”* декъашхоша гуламаш бора, дитташ муха дегIа деза дубьцуш.

Цара бошмаш лело гIирсаш а, хи чу дотта хIуманаш а дIасхьайоькьура, кегий синтарш муха Iалашдан деза а дубьцура.

Болх ца карош лела заЙапхой а балха схьяоьцура цара. Иштта, дукхачу адамийн аьтто хилира болх каро.

Цхьана хенахь Вангарина хааделира, синтарш дІадуьйш цхьаболчу нехан самукьадолуш хиллехь а, цул тІаьхьа цара и болх, синтарш Іалаш ца деш, дІатосуш хилар. Цундела синтарш, дакъа а лой, хІаллакхуьлура. ТІаккха “*Баьццара аса*” декъашхоша кхин план хІоттийра. Дитташ дІадийначул тІаьхьа ялх баттахь уьш хІаллак ца хилахь, шаьш ахча лур ду, элира цара. ТІаккха наха кегий синтарш дика Іалашдан долиьра.

Вангарин цхьана кхечу хІумано а сагатдора: наха синтарш кхечу махкара кхехьа долиьра. Уьш сиха хьалакхуьура. ТІаккха уьш сихха охьа а детташ, дохка аьтто хуьлура нехан. Царех са алсам йолура. Ткъа Кенера синтарш сиха ца кхуьура, амма цара латта еххачу хенахь дика латтадора.

Цул сов, Кенерчу дитташа Іалам дика латтадора, бежнашна даа гІа хуьлура, царна тІера моз, стом оьцура, нахана дарбане дара. Ткъа кхечанхьара деанчу синтарша, сиха хьалакхиар бен, и пайда ца бора.

Вангарис боккха болх бора, нахана и дерриге а дІадовзийта гІерташ. Цу тІехь а кхиам хилира церан. Шийтта шарахь цара цхьа эзар ах эзар синтарийн йоккха бошмаш аьллера кхуллуш. Иштта миллион сов шайн махкахь кхиййна синтар дІадуьйгІира “*Баьццара аса*” боламо. Дукхахдолу синтарш школашна гонахьа дІадуьйгІира. Дешархоша шаьш Іалашдора уьш. Миллион сов бер дара и болх беш. ХІора школьнико а цхьаь я шиь синтар Іалашдора.

1989-чу шарахь Вангари Маатейна совгIатна итт эзар доллар делира Кенехь дитташ дерна а, уьш Iалашдарна а. Массарна а хаа лаьара, хIун дийр ду Вангарис цу ахчанах. Шена и совгIат схьалуш Вангарис элира, ша и ахча дерриге а “*Бабьцара аса*” боламна дIалур ду, ерриге а Африкехь синтарш догIийта.

Вангари Маатейс боху, *Дела вайца массабрца а ву. Вайца Дела хилар - вайна адамашна а, вайн хьомечу лаьттана а дика болх бан лууш хилар!*

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хьамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. Муьлха аьтто бахьана долуш йолаелира Вангари Маатей махкана а, нахана а гIо-накьосталла дан?

2. ХIун Iалашо яра Вангари Маатейн дахарехь? Сиха кхочушхилирий цуьнан лаам? Муьлха кегийра гIулчаш ехира цо шен Iалашо кхочушъеш?

3. ХIунда кхочуш ца йира Вангарис шен хьалхара Iалашо? ХIун пайда ийцира цо, шен кхиндIа дитташ дIадегIа йолучу Iалашонах?

4. Муха йовзийтира Вангарис шен Iалашо нахана юкъахь гIарайоккхуш?

5. Вангари Маатейс шена гIо дайта кхин зударий Iамош, цуьнан цу тIехь кхиамаш хIунда хилира? Кхин хIун динера цо?

6. ХIун сацам бира “*Бабьцара аса*” цIе йолчу боламан декъашхоша, шаьш дийна синтарш лардеш? Муха кхочушбора цара шайн сацам? И сацам бахьана долуш цара кхин кхачамбацарш муха къастадора?

7. Дукха нах буй хІинца “Баьццара аса” олучу боламан юкбахь дакьалоцуш? ХІун дакьалецира цу юкбахь бераша?

8. Муха даьа дагахь яра Вангари Маатей шена совҫатана делла ахча, шен сацам кхочушбан?

9. ХІун маьІна долуш дара Вангари Маатейс аьлла дешнаш: “Вайн массеран а дегнаш чохь Дела ву”? Хьо муха кхета “массо адамца а Дела ву” бохучу дешнех?

10. Ахь цкьа а Іалашдиний дитташ я гІо диний кхийолу ораматаш кхиош? ХІун бахьана долуш?

*Джанет Сабина,
Марни Кларк*

САЖАТЬ ДЕРЕВЬЯ - ЛЕЧИТЬ ЗЕМЛЮ

С тех пор, как Кения получила независимость в шестидесятих годах прошлого века, правительство прилагало все силы, чтобы ускорить ее развитие, но возникало много проблем. Одна из них состояла в том, что население все время увеличивалось, и люди вырубали деревья, чтобы заниматься земледелием, обогревать свои дома и готовить пищу. Если раньше корни деревьев укрепляли почву и не позволяли дождям размывать ее, то теперь плодородный слой земли исчезал. И на месте леса появлялась пустыня.

Эта история о том, как одна женщина старалась улучшить жизнь для народа Кении. Ее звали Вангари Маатей, и работа ее была нелегкой.

Вангари Маатей была одной из тех кенийских девушек, которым посчастливилось получить хорошее образование в колледже. Ей и другим молодым людям, учившимся вместе с ней, предстояло стать руководителями своей страны. На них была возложена огромная ответственность за будущее Кении. Вангари относилась к этому очень серьезно. Она видела, как оскудела земля, и поэтому после окончания колледжа решила заняться посадкой деревьев, но не нескольких деревьев перед домом и даже не сотен деревьев в небольшом лесу, а тысяч и даже миллионов деревьев.

Первый проект Вангари не был очень удачным. Ей удалось получить бесплатно шесть тысяч молодых

саженцев - маленьких деревьев с тонкими корнями и несколькими листьями.

Она решила поручить посадку людям, нуждавшимся в работе. Но у них не оказалось необходимых инструментов и денег, чтобы добраться до места работы. К тому же стояла сильная засуха, и правительство запретило использовать воду для поливки. Все деревья, кроме двух, погибли. Это было очень печально.

В то время Вангари поехала в Канаду на конференцию Организации Объединенных Наций. Там она встретила таких людей как Маргарет Мид и Мать Тереза, людей, у которых был большой опыт по улучшению жизни людей. Их пример вдохновил Вангари, но она понимала, что одной ей не справиться.

Вангари вернулась в Кению и сформировала комитет женщин в своем графстве. Первым проектом комитета было привлечение известных лидеров для посадки семи деревьев в Найроби, столице Кении, в честь семи национальных героев. Фотографии лидеров были размещены в газетах, а они сами сделали себе отличную рекламу. К сожалению, люди, которым было поручено заботиться о деревьях, недостаточно их поливали, и все деревца вскоре погибли.

Затем Вангари и ее комитет поставили себе целью посадить миллионы деревьев на общественных землях. Люди, живущие поблизости, заботились бы о деревьях. Проект назвали “*Спасем землю Harambee*”. Слово “*Harambee*” переводится дословно с языка Суахили как “*возьмемся все вместе*” и обозначает традицию в Кении делать что-то полезное общими усилиями.

Отвечающий за лесное хозяйство отдел в правительстве одобрил план женщин и согласился выдать им бесплатные саженцы. Когда же комитет попросил пятнадцать миллионов саженцев, правительство решило, что не сможет дать столько деревьев. Пятнадцать миллионов - это слишком много.

Тогда у Вангари появилась новая идея. Кроме заботы о своей земле, она хотела помочь и людям обрести уверенность в себе. Почему бы не научить женщин создавать питомники для выращивания деревьев? Они могли бы зарабатывать деньги, поставляя деревья, которые она хотела посадить.

Эта идея осуществилась. Женщинам показали, как собирать семена с деревьев, которые уже росли поблизости. Их учили выращивать саженцы, ухаживать за ними и вести дело с умом. Учась помогать себе, женщины одновременно помогали земле. Это было замечательно!

Вскоре местные деревца высадили длинными рядами в определенном образом, чтобы защитить их от ветра и поддерживать требуемую влажность в почве. Когда саженцы подросли и стали густыми, их нужно было проредить. Те, которые пришлось удалить, использовались как топливо. Это тоже было замечательно.

Газеты, радио, телевидение - все сообщали о саженцах и молодых деревцах. Из школ, церквей и различных общественных организаций приходили письма с просьбой прислать деревья для посадки. Идея Вангари получила новое название - движение *“Зеленый пояс”*.

Люди во всех городах Кении стали формировать комитеты. Участники движения “Зеленый пояс” проводили собрания, разъясняя, как важно выращивать деревья. Они распределяли садовый инвентарь, баки для воды и учили людей, как нужно ухаживать за молодыми деревцами. Часто они нанимали на работу тех, кому по причине инвалидности было трудно найти работу. Таким образом сотни людей находили себе занятие.

Вангари обнаружила, что иногда люди сажали деревца с большим энтузиазмом, а затем уставали ухаживать за посадками, так что многие деревья погибали. Тогда члены движения “Зеленый пояс” разработали другой план. После того как деревья были посажены, они обещали присылать деньги за те из них, которые в течение шести месяцев не погибнут. Мысль об этих деньгах заставляла людей более усердно заботиться о маленьких деревьях, посаженных в землю.

Вместе с тем Вангари беспокоило, что многие люди, занимавшиеся выращиванием деревьев, завозили их из других мест.

Деревья эти росли быстрее, их можно было срубить и продавать быстрее, чем тот вид деревьев, которые естественно росли в Кении. Люди поняли, что таким образом легче заработать деньги. Но деревья, посаженные только для того, чтобы их срубили через несколько лет, не решали проблему сохранения почвы. К тому же эти деревья нарушали природное равновесие. Напротив, естественные породы деревьев, произрастающих в Кении, помимо топлива и строительных материалов, обеспечивали

корм животным, а людям давали плоды, мед, сырье для целебных трав - ничего такого дерева, завезенные из других мест, не приносили.

Вангари постоянно старалась убедить людей, что местные породы деревьев более полезны для Кении. В конце концов ее усилия увенчались успехом. Только за двенадцать лет было создано около полутора тысяч общинных питомников деревьев.

Свыше десяти миллионов местных деревьев уже было посажено по всей стране движением “Зеленый пояс”. Большинство деревьев сажали вокруг школ, и школьники сами ухаживали за ними. Более миллиона детей делали эту работу. Каждый ребенок взял на себя заботу об одном или двух деревцах.

В 1989 году Вангари Маатей была отмечена премией в десять тысяч долларов за посадку деревьев и заботу об окружающей среде в Кении. Всем было интересно узнать, что она сделает с этими деньгами. На церемонии награждения она объявила, что все деньги отдает в питомники деревьев и комитетам “Зеленого пояса” в других частях Африки.

Вангари Маатей рассуждает о том, что *“от Бога”* есть в каждом из нас. Она верит, что *“от Бога” у нас наша способность заботиться о людях, подразумевая всех людей, и о нашей драгоценной Земле.*

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 525 и 526.

1. Что дало возможность Вангари Маатей помочь ее земле и народу?

2. Чего мечтала добиться Вангари Маатей? Какие маленькие шаги пришлось ей сделать на пути к великой цели?

3. Почему первый проект Вангари Маатей не увенчался успехом? Какой урок дал ей этот неудачный опыт, и как он помог ей подготовить следующий проект посадки деревьев?

4. Когда Вангари Маатей решила научить других женщин выращивать саженцы, почему этот подход оказался более успешным?

5. Как преодолели участники движения “Зеленый пояс” проблему обеспечения постоянного ухода за молодыми деревьями? В какие новые проблемы это вылилось?

6. Какое участие принимают дети в движении “Зеленый пояс”?

7. Как Вангари Маатей планировала использовать свою премию, чтобы распространять свою идею?

8. Что имеет в виду Вангари Маатей, говоря, что “от Бога” в каждом из нас есть?

9. Удался ли бы подобный проект в вашей стране?

PLANTING TREES TO HEAL THE EARTH

By Janet Sabina and Marnie Clark

Setting: Since Kenya gained its independence in the 1960s, its government has worked hard to modernize the country, but there have been many problems. One is that as more people crowd onto the land, they keep cutting down more trees for space to farm and for firewood for cooking and heating. Then, without tree roots to hold the dirt together, heavy rains wash the good soil away. New deserts are appearing where forests used to be.

This is the story of how one person is working to make life better for the people of Kenya. She is Wangari Maathai, and her job is not easy.

Wangari was one of the lucky Kenyan girls to get an education all the way through college. She and other young people in school with her were told they would be future leaders of their country. They would have special responsibility to help the Kenyan people. Wangari took this seriously. When she finished school and saw what was happening to the land, she decided to help by planting trees - not a few front yard trees, not even a few hundred trees in a small forest, but thousands of trees, millions even.

Her first project didn't work very well. She was able to get 6,000 free seedlings - tiny trees with small roots and just a few leaves. She decided to get them planted by people who needed work badly. But the people she found to plant them didn't have the tools they needed or enough money for bus fare to get to

where the work was. And then, because of an especially dry season, the government said no water could be used on gardens. All but two of the little trees died. It was discouraging.

About that time, Wangari went to a United Nations conference in Canada. There she met people like Margaret Meade and Mother Teresa, people with lots of experience working to improve people's lives. She was inspired to keep trying, but she realized she couldn't do it alone.

Wangari went back to Kenya and started a committee of women all over the county. Their first project was to have important leaders plant seven trees in Nairobi, the capital city of Kenya, in honor of seven important Kenyan heroes. The leaders got their pictures in the paper and a lot of publicity. Unfortunately, the people who were supposed to take care of the trees didn't give them enough water. Before long, they had all died.

Next, Wangari and her committee set a goal of planting millions of trees on public land. People who lived nearby would care for them. They called the project a "Save the Land Harambee." Harambee is a Kenyan tradition of community self-help events, e.g. fundraising or development activities. Harambee literally means "all pull together" in Swahili.

A forestry department of the government liked the women's plans and agreed to give them free seedlings. But when the committee asked for 15 million seedlings, the forestry people decided they couldn't afford to give away the trees. Fifteen million was just too many.

This gave Wangari another idea. Besides helping the land, she wanted to give power to people who didn't have any. Why not train women to start tree nurseries? Then the women could earn money by supplying the trees she wanted to plant.

This idea worked. Women were shown how to gather seeds from trees that grew naturally in their part of the country. They were taught how to start seedlings and take care of them, and how to run a small business. They were learning to help themselves and help the land at the same time. It was wonderful.

Soon people were planting the right kinds of native trees in long strips to make windbreaks and to hold moisture in the soil. As the seedlings grew and became crowded, they could be thinned. The ones that were taken out could be used for firewood. This was wonderful too.

Radio and TV and newspapers all carried news about the seedlings and young trees. Letters came from schools and churches and public institutions asking for trees to plant. Wangari's idea got a new name. It was called the Green Belt Movement.

People in towns and cities all over Kenya began to form committees. The Green Belt people held meetings to explain how important trees are. They provided garden tools and water tanks and training for the people who were hired to care for the trees. Often they hired people who had handicaps that had made it hard to find work. Hundreds of people found jobs this way.

Wangari discovered that sometimes people planted their seedlings with a lot of enthusiasm and then got tired taking care of them, so many seedlings died. So the

Green Belt people tried another new idea. After that, when new trees were planted, they promised to send money to the group for all the trees that were still alive six months after they were planted. Knowing about this money when they started planting made people more anxious to take good care of the little trees while they were getting established in the ground.

Wangari was worried because many tree farmers have been bringing in new kinds of trees to plant because they grow faster and can be cut and sold sooner than trees that grow naturally in Kenya. People have found that they can make money quickly this way. But trees that are only planted to be cut down in a few years don't solve the problem of soil being washed away. Equally important, these trees upset the natural balance of nature. Besides firewood and building material, the native trees of Kenya also provide animal fodder, fruits, honey, and herbal medicines, that the imported trees do not.

Wangari is working hard to teach people that the native trees are better for Kenya. And she can see that her efforts have made a difference. In only 12 years, 1,500 community tree nurseries have been started. Over 10 million native trees have been planted on public lands by the Green Belt Movement. Many of them are in green belts near schools and are taken care of by schoolchildren. Over a million children do this work, each child taking care of one or two trees.

In 1989 Wangari Maathai was given \$10,000 by Global Windstar Awards for her tree-planting and environmental work in Kenya. People wondered what she would do with all that money. At the award

ceremony she announced that she would give it to young tree nurseries and green belt committees in other parts of Africa.

Wangari Maathai talks about “that of God” in us all. She believes “that of God” is our ability to care about people - all people - and about our precious earth.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 525 and 526.

1. What opportunities made it easier for Wangari Maathai to help her land and people?

2. What was Wangari Maathai’s vision? What small steps did she have to take to reach her goal?

3. Why did Wangari Maathai’s first tree project fail? What did she learn from it that helped her plan the next tree project?

4. When Wangari Maathai decided to train other women to help grow seedlings, why was this more successful?

5. How did the Green Belt people overcome the problem of getting long-term care for the new trees? How did the solution lead to more problems to solve?

6. What part do children now play in the Green Belt Movement?

7. How did Wangari Maathai plan to use the prize money to spread her dream?

8. What does Wangari Maathai mean when she talks about “that of God” in all of us?

9. Would a project similar to this one be possible in your country?

Виктор Гюго

ДАТО ЧІУРАМХІОТТОРАШ

I

1815-чу шарахь Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мириэль Динь цӀе йолчу гӀалахь епископ вара. КхузткӀе пхийтта шо долуш воккха стаг вара иза. Цу даржехь цо болх бора 1806-чу шарахь дуьйна.

Массо а баккхийчу а, дукхахболчу хьекьал долчу наха а санна, наб кӀезиг йора цо. Амма и кӀеззиг наб а тоара цунна. Гуьйранна, цхьана сахьтехь оьшучун, дан дезачун ойланаш а йой, килсехь я цӀахь Далла гӀуллакх дора цо. Ша Далла гӀуллакх дина а ваьлла, Гуьйренца хӀума яа охьахиьча, цо дуура Гаьржачу баьпкан цастар, керла яьккхина бежанан шура тӀе а молуш. Цул тӀаьхьа болх бора цо. Эзар гӀуллакх - килсехь а, шен хьашташ а кхочушдина ша ваьлча, йисина хан цо хьажайора миска а, цомгуш а, сингаттаме а болчу нахана. Церан массеран а гӀуллакхаш деш йисина хан цо хьажайора балхана: шен беш охкура, я цхьацца тептарш доьшура я яздора. Цу шинна а белхан цхьа цӀе яра - *“бешахь кӀахьегар”*. *“Беш - хьекьал ду”*, - олура цо.

ДелкӀехь, нагахь санна де декхна делахь, чуьра ара а волий, гӀали юккӀехула я цуьнан йисте а волий волавелла лелара иза, сих-сиха кӀечу нехан хӀусамашка а вьодуш. Шен ойланашка а вьодий, лаьтта бӀара а хььожуш, шен Гасана тӀе а тевжий, ша цхьаь лелара иза.

Иза кхаьчначохь самукӀадала дезаш дара. Хетара, цо шеца серло а, йовхо а яхьаш санна. Бераш а, баккхий нах а арабовлура цунна дуьхьала,

маълхана дуьхьала санна. Царна вовшийн гича хазаетара. ХІора а гІо-накъосталла оьшуш верг цуьнан хІусамашка хъажавора наха.

Кест-кеста саца а соций, цо къамел дора божаберашца а, зудаберашца а, церан наношна вела а къежаш. Шегахъ ахча долучу хенахъ, иза къен нах болчу вьдура; ахча кхачийча, иза хьал долу нах болчу вьдура.

Иза чохъ Іаш волу цуьнан цІенош шозза тІекІел дина дара: кхо чохъ лахахъ, кхо чохъ лакхахъ. ЦІеношна тІехъа беш яра.

Ала деза, цІенойн ерриге а чьнаш Іаламат цІена лелош ерг епископан йиша Батистина а, церан белхало Маглуар а яра. Епископо могуьйтуш болу бахам - цІано яра.

- *Къечу нахера хІумма а ца доьху цІаноно, -* олура цо.

Билгалдаккха дезара, хиллачу бахамах цуьнан биснарг дато ялх Іайг-маІар а, чьлпа а хилар. Церан нуьре лепаро дагна там бора Маглуарна.

Царел совнаха епископна йисинера дато йоккха шиь чІурамхІоттораш.

ЧІурамаш чу а хІоттийна, епископ вьужучохъ, пеша тІехъ лаьтгаш хуьлура и шиь. Хьеший баьхкича, Маглуара ший а чІурам хъала а латабой, стоьла тІе охъахІиттайора уьш.

ЦІенойн цхъа а неІ яцара догІа тухуш. ТІехволучо мичча а хенахъ схъаелла тарлора уьш. Епископо Библин агІонаш тІехъ язбинчу кхаа могІанан маьІна чІогІа тидаме эцнера: *“Льоран неІ цкъа а къевлина хила ца еза, килсехъ гІуллакх деш волчуьнан неІ гуттар а йиллина хила еза”*.

II

1815-чу шеран октябрь-беттан хьалхарчу деношкахь, малх чубуза цхьа сахьт дисинчу хенахь, Динь-гГалин чу цхьа некъахо вуйлира.

Цу хенахь корехула арахьобжуш хилла кӀеззиг болу бахархой а, шайн уйтӀа бевлла лаьттарш а кхерамца хьобжура цу некъахочуьнга. Хала дара цул беркӀа духар тӀехь долуш волу кхин некъахо духьалкхета. Иза вара юккӀерчу дегӀахь, онда, гӀементхӀоьттина стаг. ТӀехьабжна цунна дала мегар дара шовзткӀе ялх я ворхӀ шо. Хьаж тӀе охьаобзна тиллинчу лабано ах кӀайлаяьккхинера цуьнан малхо еттина, хьацардаьлла юьхь.

Префектура тӀекхечира иза, цул тӀаьхьа семинарана хьалха нисвелира. Килсан майдана кхаьчча, цунна тӀе а вирзина, буй ластийра цо.

Килсан майдано гола тухучохь типографи яра. ПӀора а кхачийна, кхин хӀумане тийса са а ца хилла, некъахо типографин неӀарехь лаьттачу гӀанта тӀе вахвелла агӀорвелира.

Цу хенахь килси чуьра араелира цхьа йоккха стаг. Iaьржачу араь гӀанта тӀехь Iуьллуш стаг гира цунна.

- *Хьо хIун деш ву кхузахь?* - хаттар дира цо.

- *Хьуна ца го, хIай кӀинхетаме зуда? Со дIавижа гIерта-кх,* - оьгIазе жоп делира стага.

- *ХIокху гIантIа тIеххьий?* - юха а хьаттира йоккхачу стага.

- *ТкӀаесна шарахь вижина Iиллина-кх со аннаш тIехь,* - элира стага. - *Тахана тIулгаш тIехь а вуьжур-кх.*

- Цхъанхъа а дIатарвала гIоъртиний хъо?
Буьйса иштта яккхалур юй хъовга? Хъох-х меца
а, шийла а хила тарло. Къинхетам болчо чувита
тарлора-кх хъо.

- Ас дукхачеран неIарш йиттира.

- ТIаккха?

- Со массо а меттера лоллура.

Къинхетам болчу зудчо, вевзаш воцучу стеган
белшах дай куьг а Iоьртина, майдана йистехъ
лаьтташ долчу жимачу цIенойн агIор а хъаьжна, юха
а хаяттира:

- Массеран а неI тоьхна, боху ахъ?

- ХIаъ.

- Ткъа дIогарчу цIенойн?

- Церан неIарх ца тоьхна.

- Ткъа тохал.

III

ЧIогIа неI туьйхира цхъаммо.

- Чувола! - элира епископа.

НеI шуьйрра схъаеллаелира. Чоьхъавелира цхъа
стаг. Иза вара гIалахула хIинца шена вижа меттиг
лехнарг.

Чоьхъа а ваьлла, цхъа гIулч а яккхина сецира
иза, шена тIаьхъара неI дIа а ца къовлуш.

Цуьнан белшаш тIехъ кхозуш таьлсаш дара,
буйнахъ гIаж яра, цуьнан хъажар гIийла а, оьгIазе а
дара.

Маглуаран, дукха кхераяларна, мохъ хъакха
ницкъ ца тоьира. Иза, чIогIа цецъяларна, эго
йолаелира.

Схъайрзина Батистина, чохъваваьлла стаг а гина, кхераелла, хъалаайаелира гІанта тІера; цул тІаьхъа, пеша уллохъа Іаш волчу шен вешига дІахъаьжча, цуьнан юьхъ юха а серлаелира.

Епископ паргІат а, леррина а хъаьжира чувеанчуьнга. Хъуна хІун оьшу аьлла, цуьнга вистхила дагахъ цо бага схъайоьллусехъ, чувеьнарг, шен карарчу гІаж тІе а таьІна, воккхачу стаге а, шинна а зудчуьнга хъаьжна, епископ вист а ца хуьлбуьйтуш, стомма аз дина, вистхилира:

- *Со Жан Вальжан ву. Со каторгехъ Іийна ткъаесна шарахъ. Диъ де ду со арахецна, хІинца со Понтарлье воьдуш ву. Диъ де ду со гІаш Тулонера схъаоьху. Суьйрана, хІокху гІала со кхаьчча, со нах совцучу хІусамашка вахара, амма мэрехъ сайн можа паспорт ас гайтича, со цигара араваьккхира. Со кхечанхъа а вахара. “Аравала”, - элира соьга. Массо а меттехъ изза олура соьга. Цхъанна а ца лира со чувита. Набахте а вахара со, амма цигахъ а чу ца витира со. ЖІаьлин бун чу гІоьртира со. Суна цергаш а йоьхкина, цо а аракхоьссира со, адамо санна. Моьттура, цунна хаьара, со мила ву. Эрна арахъ буьйс а яккха дагахъ, кхаиш долчу вахара со. Амма стигал мархаша къайлаяьккхира. ДогІа догІур ду моьттуш, гІала юхавирзира со, цхъанхъа а цхъа бен карор бацара-теша аьлла. Кхузахъ, хІокху майданахъ, тІулгех диначу цхъана гІанта тІе дІавижа дагахъ тохавелира со, амма цхъана къинхетамечу зудчо, тІе а еана, шун цІенош а гайтина, элира: “Церан неІ тохахъа”, - аьлла. Ас шун неІ туьйхира. ХІара хІун меттиг ю? Нах буьйсанна совцуш йолу меттиг юй хІара? Соьгахъ ахча а ду. Со чІогІа кІад а, мац а велла. Суна кхузахъ виса бакво лой аш?*

- *Маглуар!* - элира епископо. - *Кхин а цхъа кад-Іайг хІоттабе стоъла тІе.*

Маситта гІулч сехъа а ваьлла, чиркх богучу стоълана йисте веара и стаг.

- *Собардел,* - элира цо, шен лергашна хезначух ца кхеташ. - *ХІара хІун ду? Шуна хезарий? Со набахтера вогІуш ву.*

- *Маглуар!* - элира епископо. - *ЦІена шаршош яхка иза вуъжучу метта.*

Маглуар цо аьлларг кхочушдан араелира. Епископ вистхилира цавевзачу стаге.

- *Сударь, охъа а хаий, вохло. Вайшиммо пхъор дуъушехъ, мотт кечбийр бу хъуна.*

Чувеанчун хъекъало хІинца схъалецира шега бохург. ХІора минотехъ хийцалуш хилла оьгІазе юхъ серлаелира, самукъане йирзира. Цо гІам-гІим дора, телхинчо санна:

- *Баккъал а? Иза хуьлийла дац! Со кхузахъ вуьтур ву аш? Аравоккхур вац? Со? Каторжник? Ахъ соьга “сударь” боху? Ахъ соьга “хъо” ца олу? Ахъ суна виса бакъо ло? Баккъал а, шу къинхетаме нах ду! Соьгахъ ахча ду шуна. Ас мах лур бу шуна. Бехк ма биллалахъ, хъан цІе хІун ю?*

- Со килсехъ мозгІар ву, кху чохъ вехаш а ву, - элира епископо.

Чуеара Маглуар. Схъаеана кад-Іайг стоъла тІе охъаХІоттийра цо.

- *Маглуар!* - элира епископо. - *ХІара пхъегІааш йовхонна герга хІуттае.* - ТІаккха хъеше дІа а вирзина тІетуьйхира: - *Альпашкахъ буьйсана мох инзаре шийла хуьлу. Хъо, хетарехъ, чІогІа шелвелла.*

ХІоразза мерза-кІеда, доттаҫГаллин озаца цо “сударь” мосазза олу, хьешан юьхь, сакъералой, серлайолура.

- *Каторгахочунна “сударь” боху дош - хьогалла леш воллучунна хин стака санна ду.*

- *Чиркх ма кховлина богу!* - тидам бира епископо.

Маглуар кхийтира епископо бохучух: иза вуьжучу а яхана, цуьнан пеша тІехь лаьтта дато чІурамхІоттораш схьа а эцна, уьш хьала а латийна, стоьла тІе охьахІиттийра.

- *Господин кюре!* - элира хьешо. - *Хьокъинхетаме стаг ву. Со дегаза ца хийти хьуна. Со тІеэцна ахь. Сан дуьхьа чІурамаш латийна ахь. Ткьа ас кьайла ма ца даьхна хьох, со стенгара воҫІу а, со лаьцна лелла стаг хилар а.*

Уллехь Іаш волчу епископо цуьнан куьйгех дай куьг Іоьттира.

- *Иза-м ахь дийца овьшуш дацара соьга, хьо мила ву. ХІара хІусамаш сан яц, хІара хІусамаш Делан ю. ХІокху неІарх чохьваваьллачуьнга хьан цІе хІун ю ца хотту, хьовгахь бала буй олий, хотту. Нагахь хьо бала хьовгуш велахь, хьо меца а, хьогах а велахь - марша воҫІийла хьо! Суна ма баха баркалла, соьга ма ала, ас сайн чу хьо витина алий. Кху хІусамийн да - гІо-накьосталла овьшург ву.*

Цу хенахь Маглуара кчаца охьахІоттийра. ЦІеххьана Епископан, самукьадаьлла, юьхь-сибат серладелира.

- *Схьахила стоьлана герга!* - самукьане элира цо.

Пхьор даа буьйлабалале епископо доІа дира, цул тІаьхьа, гуттар а санна, мел волчунна чорпа йоьттира. Хьаша сутараллица тІекхийтира юучунна.

Цехъана епископо тидам бира:

- *Амма вайн стоьлан тІехъ цхъа хІума ца тоьуш санна хета суна.*

Нийса дара иза.

Маглуара, стоьлана йистехъ Іачаьрга хъаьж-
жина, кхо кад-Іайг бен ца хІоттийнера стоьла тІе.
ХІокху чохъ низам дара, епископна тІе хъаша веъча,
ялххе а кад-Іайг стоьла тІе охъахІоттош. Шатайпа
дозалла дара иза.

Маглуар кхийтира къадийначу дешнийн
маІнах. Цо, меллаша чуьра ара а яьлла, минот
ялале, епископо схъаехна пхъегІаш стоьла тІе
охъахІиттийра. Юург йиъна бевлча, шен йишин
буьйса декъал а йина, монсеньор Бенвенюса стоьла
тІера дато чІурамхІотториг схъа а эчна, шолгІаниг
хъеше дІа а елла, элира:

- *Схъавало, хъо вуьжучу дІавуьгур ву ас хъо.*

Хъаша дІаволавелира цунна тІаьххъе.

ХІусамийн чьонаш шатайпа йинера: Далла
Іамаллин чьона чу кхача, епископ вуьжучухула
ваьлла бен вьдийла дацара.

Цу чухула хІорш бовлучу хенахъ Маглуар дато
Іайг-мІара шкафа чу дІахоттош йоллура.

Цунна билгалъяккхина йолчу чьонаш чу
дІавигира хъаша.

ЦІена мотт-гІайба бара хъешана кечбина.
Епископо чІурам охъахІоттийра стоьла тІе.

- *Буьйса декъала йогІийла хъан,* - элира
епископо. - *Кхана Іуьйранна, новкъавалале, тхан
бежанийн керла яьккхина шура мер ю ахъ.*

- Баркалла хьуна, - элира хьешо.

Ціеххьана воккхачу стаге схьа а вирзина, ши пхьарс некха тІехь чучча а биллина, хІусамдега акхаройн хьесапехь дІа а хьаьжна, чІогҕа элира цо:

- *ХІинца кхийти со! Ахь, схьахетарехь, хІокку чохь, хьайна уллехь дІавуьжуйту со!* - КІеззиг саца а сецна, тІетуьйхира, кхерамца вела а кьежна: - *Ойла йиний ахь айхьа дечун? Хьуна хІун хаьа, ас стаг вийна хила а ма тарло?*

- *Кьинхетаме волчу Далла хуур ду иза,* - жоп делира епископо.

IV

Килсан пена тІехь кхозучу сахьта тІехь буьйсана шиь даьлла гойтучу хенахь самавелира Жан Вальжан.

Цуьнан са а, ойланаш а кхоьлина яра. Тайп-тайпана ойланаш кхоллалора, дІа а йовра, амма цхьа ойла юх-юха карлаюьйлура.

Цу ялххе дато кад-Іайго сапарҕат ца дуьтура цуьнан. Уьш уллехь яра... Масех гІулч бен генахь йоцуш... Уллера чуьра ша волчу чу сехьаволуш, кхунна гира: йоккхачу стага дІаехкира уьш маьнгин коьртехь кхозучу шкафа чу... Цо лерина тидам бира цу шкафан... Юург юучуьра схьавогІуш, аьтту агІор... Уьш механа еза пхьегІаш яра, цул совнаха, хьалхалерачу датонах... Цу массо хІуманах, шайца чоблпа а долуш, мел кІезга а 200 франк лур яра.

19-на шарахь цо даьккхинчул шозза дукха дара иза.

Аьтту куьйга чІурам а лаьцна, са айдина, бай ког а боккхуш, уллера епископ вуьжуш волчу чобнан неІаре вахара и.

НеIаре вахча, кIеззиг йиллина карийра цунна
иза. Епископо кхоччуш дIа а ца къевлинера неI.

Жан Вальжана ладуьйгIира. Цхъа а тайпа гIовгIа
яцара.

Цо дIатеттира неI. НеI, кIеззиг, гIовгIа а йоцуш,
херъелира.

Жимма собар а дина, юха а неI майрра дIатеттира
цо.

ГIовгIа а йоцуш схъаеллалуш яра неI. Цул
тIаьхъа иза чохъаваллал схъаеллаелира иза.

ТIаккха цунна неIар тIехъа лаьтташ стол
хааелира, шен маьIагца дехъаволийла дIа а къевлина.

Жан Вальжанна гира и дуьхъало. ХIуьу дина а
шоръян езаш яра неI.

Сацам а бина, хъалхачул а чIогIа дIатеттира цо неI.

Цхъа гIулч хиллал чохъавелира иза. Цу чохъ
тийна дара. Халла къасталора цу чуьра хIуманийн
сибаташ. Жан Вальжан, ларлуш, чуьрчу хIуманех
тасаваларна кхоьруш, дIагIертара хъалха.

Схъахезаш дара епископан нийса а, паргIат а
садеIар.

Жан Вальжан маьнгина уллохъ сецначу
минотехъ, хIуьттаренна санна, марха дуьхъалара дIа
а яьлла, лекхачу корехула чукхийтира беттан серло.
Цо серляьккхира епископан беса юьхъ.

Иза маьрша набъеш вара. Цуьнан юьхъ-сибат
серляьккхинера кIорггерчу, ойланаша ца хьийзочу
набаро. Гуш йоцчу серлонан инзаре хаза зIаьнарш
яра вижина Iуьллучун сибатна тIехъ лепаш. Далла
гIуллакх дечу нехан синошна гIенаха стигалан
къайленаш го. Гуш йоцу стигалан зIаьнарш а лепаш
яра епископан юьхъ тIехъ.

Жан Вальжан ИндагІехь меттах ца хьовш лаьттара, буйна дато чІурамхІотториг лаьцна, оцу сирла воккхачу стаге а хьобжуш. Батто серлаяьккхина пешан тІехула кхозура жаІар, цхьаь кьобал веш, шолгІачунна гечдеш санна.

ЦІеххьана Жан Вальжан сихха, епископе дІа а ца хьожуш, маьнгина уллехула нийсса шкафана тІе вахара, цо неІ схьайиллира: дуьххьара цунна гинарг дато чохь долу тускар дара. Иза схьа а эцна, йоккха гІулч йоккхуш, цхьанна а кепара галвалар а доцуш, ша деш долу татанаш тергал а ца деш, неІаре кхечира. Іамал ечу цІа чу а вахана, кор схьа а диллина, шен гІожах ка а тоьхна, корехула аравелира иза. Дато пхьегІаш шен тІоьрмиг чу а ехкина, тускар лаьтта охьа а кхоьссина, ведда, цІоькьа-лом санна, бешан керта тІехула кхосса велла, дІа кьайлавелира.

V

ШолгІачу Іуьйрана, малх схьакхеттачу хенахь, монсеньор Бенвеню бешахула волавелла лелара. ЦІеххьана цунна тІееара синтем байна Маглуар.

- Хьан сийлалла, хьан сийлалла! - мохь беттара цо. - Хьуна хабий, ас дато пхьегІаш чохь лелош долу тускар мичахь ду?

- Хаьа, - жоп делира епископо.

- Далла хастам бу! - хазахийтира Маглуарна. - Со кхеташ яцара, иза айса стенга даьхьана.

Епископо хІинцца хас тІера схьаэцнера и тускар. Цо иза Маглуаре дІакховдийра.

- ХІара ду-кх иза, - элира цо.

- Муха? - цецъелира иза. - Даьссий? Ткьа кху чуьра дато кад-Іайг?

- *Ой! Ахъ датона сагатдо?* - элира епископа. -
Суна хууш дац, и мичахъ ду.

- *Къинхетам бе ахъ, Дела! Иза лачкъийна!*
Хъан селханлерачу хъешо лачкъийна иза!

Бѡаьрг-неГар тухучу юкъана, шеца йолчу
 сихаллица, Маглуар еда яхара Гамаллин чобна чу.
 Чу а хъаьжна, сихха епископна тѢеара.

- *Хъан сийлалла!* - мохъ беттара цо. - *Иза*
дѢавахана! Дато пхъегѢаш лачкъийна!

Епископо, вист ца хуьлуш а Гийна, леррина
 Маглуаре а хъаьжна, доцца хаттар дира:

- *Мичахъ аьлла ду, дато пхъегѢаш вайн ю аьлла?*

Маглуар, цецъаьлла, Гадийнера. Тийна тап-аьлла
 Гийна, епископ юха вистхилира:

- *Госпожа Маглуар! Со нийса вацара, сел*
дукха хенахъ и дато пхъегѢаш лелаярна. Уьш
къечу нахана йогѢуш яра. Мила вара и стаг? Шеко
йоццуш, миска стаг вара.

Жимма хан яьлча, епископ шен йишица хѢума
 юуш вара сийсара шай, Жан Вальжанний Гийначу
 стоьла тѢехъ. Ваший, йиший хъалагѢоттучу хенахъ,
 цѢехъана неГ туйхира.

- *Чувола,* - элира епископо.

неГ дѢаеллаелира. Дикка карзахъаьлла ада-
 мийн тоба гучуелира. Кхаа стага вортана тѢера а
 лаьчна валош вара вобалГаниг. Кхоъ жандарм вара,
 вобалГаниг - Жан Вальжан.

Жандармин эпсар, царех лакхарниг, неГарехъ
 сецира. ГѢаьхьо чохъа а ваьлла, епископна тѢе а веана,
 куьг коьрте хьош цуьнан сий а дина, вистхилира:

- *Хъан сийлалла...* - аьлла, волавелира иза.

И дешнаш хезна, кхоьлина лаьтташ волчу Жан
 Вальжана, цецваьлла корта хъала а айбина:

- *Хъан сийлалла!* - меллаша элира цо. - *Схъадийцарехъ, хьо мозгIар вац-кх.*

- *Вист ма хила!* - элира жандармо. - *Хьуна хьалха лаьтташ верг сий долу епископ ву.*

Монсеньор Бьенвеню, шен хенаца догIучу боларца, сихха дуьхьалвелира царна.

- *XIан, шу ду хIорш!* - чIогIо элира цо Жан Вальжане, цунна тIе а вирзина. - *Со чIогIа воккхаве хьо гарна. ЛадогIал, ас хьуна чIурамхIоттораиш а ма елира. Уьш а ма ю дато, важа пхъегIаиш санна. Царах а лур ю хьуна ши бIе франк. ДIа хIунда ца яьхьира ахъ уьш а хьайн дато пхъегIаишца?*

Жан Вальжан шуьйра биллинчу бIаьргашца епископе дIахьаьжира. Адаман маттаца дIадийцалур дацара оцу хьажаран маьIна.

- *Сий долу епископ,* - элира жандармийн эпсаро, - *ткъа хIокху стага дийцинарг бакъ ду-кх? Тхуна дуьхьалведда вогIуш вара хIара. XIара цхъаннах ведда аьлла хетара, хIара гича. Эшахъ а аьлла, сацийра оха хIара. Кхуьнца хIара дато пхъегIаиш а яра.*

- *Кхо элира шуьга,* - вела а велла, хьаттира епископо, - *хIара дато пхъегIаиш воккхачу стага-мозгIара шена елла аьлла, ша буйьса яьккхинчу цIа чуьра? Кхийти, кхийти. Аш кхуза схъавалийна хIара? Шу нийса ца кхетта.*

- *XIета хIара дIавахийтий оха?* - хаттар дира эпсаро.

- *Нийса ду,* - жоп делира епископо.

Жандармо аравалийтира Жан Вальжан.

- *Сан доттагI!* - элира епископо цуьнга. - *Хьо дIавовдуш, хьайн дато чIурамхIоттораиш схъаэца виц ма лолахъ! XIорш ю уьш!*

Цо, пешана тЕе а вахана, чІурамхІоттораш, схъа а эцна, Жан Вальжане дІакховдийра. Жан Вальжанан дерриг дегІ дегош дара. Ойла а ца еш, воха а воьхна, цо буйна йоьхкира и чІурамхІоттораш.

- *ХІинца*, - элира епископо, - *марша гІойла хьо*.

- Цул тІаьхъа жандармашка дІа а вирзина:

- *Господа! Шун дІадаха бакьо ю*, - элира цо.

Жандармаш арабевлира.

Гуш дара, Жан Вальжан хІинца кхетамчуьра вала герга вуйла. Епископо, цунна тЕе а вахана, аз дайдина элира:

- *Диц ма делахъ, цкъа а диц ма делахъ, айхъа суна делла дош: хІокху дато пхъегІаша хьоьх хъанала стаг вийр ву айхъа алар*.

Жан Вальжан, ша и алар дага а ца догІуш, воьхна хъаьвзира. Епископо кхоччуш тЕе тидам бохуйтуш элира и дешнаш. Даггара кхин а тІетуьйхира цо:

- *ХІай сан ваша Жан Вальжан! Кхин дІа йолчу хенахъ, хьо зуламах хадий ас, дикаллах дІатуьйхи. Хъан са оьцу ас хьоьгара. Іаьржачу ойланашкара схъа а давккхина, Деле дІа а ло ас и*.

Текст кечийнарг М. Роцин.

Гочийнарг - Хъасан Туркаев

Дийцаре дан хаттарш

1. Муха хийцалора Жан Вальжанан епископох йолу дог-ойла? Ткъа епископан дог-ойла муха хийцалора?

2. Епископо хІунда элира, ша елла чІурамхІотто-раш Вальжан Жана? Цо Жана уьш лачкъийна аьлলেখъ, хІун хир дара? Нийса варий епископ? ХІунда вара и нийса?

3. Муха гойту дийцаро моттарҕане хьаналла? Тобаш хуьлий-те гуш йолу агҕо хҕуманан кҕорге кхача?

4. Хетийта шайна Жан Вальжанах хьанал стаг хирг цахилар, цо юха а кьола дийриг хилар а. Тҕаккха епископо лелийнарг эрна хир дацара?

5. Гуттар ца нисло цхьаьна хьанала а, дог-цҕена а хилар. Аш хҕун до шайна тҕе иштта киртиг хҕоьттича?

6. Шуна муха хета епископо лелийнарг? Кьинтҕеравала бохург хҕун ду? Хала дуй-те и дан? Юй-те зҕе адам дезарна а, цунна кьинтҕераваларна а юккьехь?

7. Нагахь хьайна нехан хҕума езаелла и схьаэца лиьнехь, муха тола веза оцу лаамал?

8. Ийса-пайхамара аьлла: *“Цҕена дог дерш бу ирсе, царна гур ву Дела”*. И бохург хҕун ду, и муха кхочу епископна?

Виктор Гюго
Отрывок из романа *Отверженные*

СЕРЕБРЯНЫЕ ПОДСВЕЧНИКИ

В 1815 году Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мириэль был епископом города Динь. Это был старик лет семидесяти пяти; епископскую кафедру в Дине он занимал с 1806 года.

Домашняя жизнь Мириэля так же полно отражала его взгляды, как и его жизнь вне дома. Добровольная бедность, в которой жил епископ Диньский, представила бы привлекательное и в то же время поучительное зрелище для каждого, кто имел бы возможность наблюдать ее вблизи.

Как все старики и как большинство мыслителей, он спал мало. Зато этот короткий сон был глубок. Утром епископ в течение часа предавался размышлениям, потом служил обедню в соборе или у себя дома. После обедни съедал за завтраком кусочек ржаного хлеба и запивал его молоком от своих коров. Потом работал.

Время, которое оставалось у него от тысячи дел, церковных служб и отправления треб, он в первую очередь отдавал неимущим, больным и скорбящим; время, которое оставалось от скорбящих, больных и неимущих, он отдавал работе: вскапывал свой сад или же читал и писал. Для той и другой работы у него было одно название - *“садовничать”*. *“Ум - это сад”*, - говорил он.

В полдень, если погода была хорошая, он выходил из дома и пешком гулял по городу или

его окрестностям, часто заходил в бедные лачуги. Он бродил один, погруженный в свои мысли, с опущенными глазами, опираясь на длинный посох, в фиолетовой мантии, подбитой ватой и очень теплой, в грубых башмаках и фиолетовых чулках, в плоской треугольной шляпе, украшенной на всех трех углах толстыми золотыми кистями.

Всюду, где бы он не появлялся, наступал праздник. Казалось, он приносил с собою свет и тепло. Дети и старики выходили на порог навстречу епископу, словно навстречу солнцу.

Он благословлял, и его благословляли. Каждому, кто нуждался в чем-либо, указывали на его дом.

Время от времени он останавливался, беседовал с мальчиками и девочками и улыбался матерям. Пока у него были деньги, он посещал бедных; когда деньги иссякали, он посещал богатых.

Дом, в котором он жил, был двухэтажный: три комнаты внизу, три наверху, под крышей - чердак. За домом - сад в четверть арпана.

Вообще надо сказать, что весь дом сверху донизу содержался женщинами (сестрой епископа Батистиной и служанкой Маглуар) в образцовой чистоте. Чистота была единственной роскошью, которую допускал епископ.

- *Это ничего не отнимает у бедных,* - говаривал он.

Следует, однако, заметить, что от прежних богатств у него оставалось еще шесть серебряных столовых приборов и разливательная ложка, ослепительный блеск которых на грубой холщовой скатерти каждый день радовал взор Маглуар. И так

как мы изображаем здесь епископа Диньского таким, каким он был в действительности, то мы должны добавить, что он не раз говорил:

- Мне было бы нелегко отказаться от привычки есть серебряной ложкой и вилок.

Кроме этого серебра, у епископа уцелели еще два массивных серебряных подсвечника, доставшихся ему по наследству от двоюродной бабушки. Подсвечники с двумя вставленными в них восковыми свечами обычно красовались на камине в спальне епископа. Когда же у него обедал кто-либо из гостей, Маглуар зажигала свечи и ставила оба подсвечника на стол.

В доме не было ни одной двери, которая бы запиралась на ключ. Дверь в столовую, выходящая прямо на соборную площадь, была в прежние времена снабжена замками и засовами, словно ворота тюрьмы. Епископ приказал снять все эти запоры, и теперь эта дверь закрывалась только на щеколду и днем, и ночью. Прохожий в любой час мог открыть дверь - стоило лишь толкнуть ее. Что касается епископа, то три строчки, написанные им на полях Библии, поясняют или по крайней мере излагают его мысли: *“Вот в чем тончайшее различие: дверь врача никогда не должна запирается, дверь священника должна быть всегда отперта”*.

II

В первых числах октября 1815 года, приблизительно за час до захода солнца, в городок Динь вошел путник.

Те немногочисленные обитатели, которые в это время смотрели в окна или стояли на пороге своих домов, не без тревоги поглядывали на этого прохожего. Трудно было встретить пешехода более нищенского вида. Это был человек среднего роста, коренастый и крепкий, в расцвете сил. Ему можно было дать лет сорок шесть, сорок семь. Надвинутая на лоб фуражка с кожаным козырьком наполовину закрывала его загорелое от солнца, обветренное лицо, по которому струился пот. Грубая рубаха из небеленого холста, заколотая у ворота маленьким серебряным якорем, не скрывала его волосатой груди; на нем был скрученный в жгут шейный платок, синие тиковые штаны, изношенные и потертые, побелевшие на одном колене и с дыркой на другом, старая и рваная серая блуза, залатанная на локте лоскутом зеленого сукна, пришитым шпагатом; за спиной у путника висел туго набитый солдатский ранец, тщательно застегнутый и совершенно новый; в руках он держал огромную суковатую палку; подбитые железными гвоздями башмаки были надеты на босу ногу; голова у него была острижена, а борода сильно отросла.

Он дошел до префектуры, потом очутился у семинарии. Проходя по Соборной площади, он погрозил кулаком церкви.

На углу площади находилась типография. Выбившись из сил и ни на что больше не надеясь, путник растянулся на скамье у дверей типографии.

В это время из церкви вышла старая женщина. Она заметила лежащего в темноте человека.

- *Что вы здесь делаете, друг мой?* - спросила она.

- *Разве вы не видите, добрая женщина? Я ложусь спать,* - ответил он резко и злобно.

- *На этой скамье?* - снова спросила она.

- *Девятнадцать лет я спал на голых досках,* - сказал человек. - *Сегодня посплю на голом камне.*

- *Но скажите, пытались ли Вы устроиться где-нибудь? Не можете же Вы провести так всю ночь. Вам, наверное, холодно, Вы голодны. Кто-нибудь мог бы приютить вас просто из сострадания.*

- *Я стучался во все двери.*

- *И что же?*

- *Меня отовсюду гнали.*

Добрая женщина прикоснулась к плечу незнакомца и указала ему на низкий домик, стоявший по ту сторону площади.

- *Вы говорите, что стучались во все двери?* - еще раз спросила она.

- *Да.*

- *А в эту?*

- *Нет.*

- *Так постучитесь.*

III

Кто-то громко постучал в дверь.

- *Войдите!* - сказал епископ.

Дверь открылась.

Она открылась широко, настежь; видимо, кто-то толкнул ее решительно и сильно.

Вошел человек. Мы уже знаем его. Это тот самый путник, который только что блуждал по городу в поисках ночлега.

Он вошел, сделал шаг вперед и остановился, не закрывая за собой двери. На плече у него висел ранец, в руке он держал палку, выражение его глаз было жесткое, дерзкое, усталое и злобное.

У Маглуар не хватило сил даже вскрикнуть. Она задрожала и словно остолбенела.

Батистина обернулась, увидела входящего человека и в испуге приподнялась со стула; потом, медленно повернув голову в сторону камина, посмотрела на брата, и лицо ее снова стало безмятежным и ясным.

Епископ устремил на вошедшего пристальный и спокойный взгляд. Он уже открыл рот, видимо, собираясь спросить у пришельца, что ему угодно, но человек обеими руками оперся на палку, окинул взглядом старика и обеих женщин и, не ожидая, пока заговорит епископ, начал громким голосом:

- Вот что. Меня зовут Жан Вальжан. Я каторжник. Я пробыл на каторге 19 лет. Четыре дня назад меня выпустили, и я иду в Понтарлье, к месту назначения. Вот уже 4 дня, как я иду пешком из Тулона. Сегодня я прошел 12 лье. Вечером, придя в этот город, я зашел на постоялый двор, но меня выгнали из-за моего желтого паспорта, который я предъявил в мэрии. Ничего не поделаешь! Я зашел на другой постоялый двор. Мне сказали: "Убирайся!" То же самое было везде, и никто не захотел впустить меня. Я был и

в тюрьме, но привратник не открыл мне. Я залез в собачью конуру. Собака укусила меня и выгнала вон, словно это не собака, а человек. Можно подумать, что она знала, кто я такой. Я вышел в поле, чтобы переночевать под открытым небом. Но небо заволокло тучами. Я решил, что пойдет дождь и что нет Бога, который мог бы помешать дождю, и я вернулся в город, чтобы устроиться хотя бы в какой-нибудь нише. Здесь, на площади, я уже хотел было лечь спать на каменной скамье, но какая-то добрая женщина показала мне на ваш дом и сказала: “Постучись туда”. Я постучался. Что здесь такое? Постоялый двор? У меня есть деньги. Я очень устал и страшно проголодался. Вы позволите мне остаться?

- Госпожа Маглуар! - сказал епископ. - Поставьте на стол еще один прибор.

Человек сделал несколько шагов вперед и подошел к столу, на котором горела лампа.

- Погодите, - продолжал он, словно не поверив своим ушам, - тут что-то не то. Вы слышали? Я каторжник. Галерник. Я прямо с каторги.

- Госпожа Маглуар! - сказал епископ. - *Постелите чистые простыни на кровати в алькове.*

Маглуар вышла исполнить его приказания.

Епископ обратился к незнакомцу:

- Сядьте, сударь, и погрейтесь. Сейчас мы будем ужинать, а тем временем вам приготовят постель.

Только теперь смысл сказанного дошел до сознания путника.

Иллюстрация к рассказу Серебряные подсвечники,
автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный/ Illustration to
Silver Candlesticks by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

На его лице, до этой минуты суровом и мрачном, изобразились чрезвычайное изумление, недоверие, радость. Он забормотал, словно помешанный:

- Правда? Быть этого не может! Вы оставите меня здесь? Не выгоните вон? Меня? Каторжника? Вы называете меня “сударь”, вы не говорите мне “ты”? Вы позволите мне остаться! Право, вы добрые люди! Впрочем, у меня есть деньги. Я хорошо заплачу вам. Прошу прощенья, как вас зовут, господин трактирщик?

- Я священник и живу в этом доме, - сказал епископ.

Вошла Маглуар. Она принесла прибор и поставила его на стол.

- Госпожа Маглуар! - сказал епископ. *- Поставьте этот прибор как можно ближе к огню. - И, повернувшись к гостю, добавил: - Ночной ветер в Альпах - это очень холодный ветер. Вы, должно быть, сильно озябли, сударь?*

Всякий раз, как он произносил слово “сударь” ласковым, серьезным и таким дружелюбным тоном, лицо прищельца озарялось радостью. Сударь для каторжника - это все равно, что стакан воды для человека, умирающего от жажды.

- Как тускло горит лампа! - заметил епископ.

Маглуар поняла епископа; она пошла в его спальню, взяла с камина два серебряных подсвечника и поставила их с зажженными свечами на стол.

- Господин кюре! - сказал прищелец. *- Вы добрый человек. Вы не погнушались мною. Вы приютили меня у себя. Вы зажгли для меня свечи. А ведь я не*

утаил от вас, откуда я пришел, не утаил, что я преступник.

Епископ, сидевший с ним рядом, слегка прикоснулся к его руке.

- Вы могли бы и не говорить мне, кто вы. Это не мой дом, это дом Иисуса Христа. У того, кто входит в эту дверь, спрашивают не о том, есть ли у него имя, а о том, нет ли у него горя. Вы страдаете, вас мучит голод и жажда - добро пожаловать! И не благодарите меня, не говорите мне, что я приютил вас у себя в доме. Здесь хозяин лишь тот, кто нуждается в приюте.

Между тем Маглуар подала суп. На лице епископа внезапно появилось веселое выражение, свойственное радушным людям.

- Прошу к столу! - с живостью сказал он.

Епископ прочитал перед ужином молитву и, по своему обыкновению, налил всем суп. Гость жадно набросился на еду. Вдруг епископ заметил:

- Однако у нас на столе как-будто чего-то не хватает.

В самом деле, Маглуар положила на стол только три прибора, по числу сидевших за столом человек. Между тем, когда у епископа оставался ужинать гость, обычай дома требовал раскладывать на скатерти все шесть серебряных приборов - невинное тщеславие! Наивное притязание на роскошь являлось своего рода ребячеством, которое в этом гостеприимном и в то же время строгом доме, возводившем бедность в достоинство, было исполнено особого очарования.

Маглуар поняла намек. Она молча вышла из

комнаты, и через минуту три прибора, которые потребовал епископ, сверкали на скатерти, симметрично разложенные перед каждым из трех сотрапезников. После ужина, пожелав сестре спокойной ночи, монсеньор Бьенвеню взял со стола один из серебряных подсвечников, другой отдал своему гостю и сказал:

- Пойдемте, сударь, я провожу вас в вашу комнату.

Путник последовал за ним.

Как известно, расположение комнат в доме было таково, что войти в молельню, где находился альков, или же выйти из нее можно было только через спальню епископа.

В ту минуту, когда они проходили через спальню, Маглуар убирала столовое серебро в шкафчик, висевший над изголовьем кровати. Она каждый вечер заканчивала этим свои хозяйственные дела, перед тем как лечь спать.

Епископ проводил гостя до самого алькова. Там его ожидала постель с чистым и свежим бельем. Путник поставил подсвечник на столик.

- Ну, желаю вам спокойной ночи, - сказал епископ. *- Завтра утром, перед уходом, вы выпьете чашку парного молока от наших коров.*

- Спасибо, господин аббат, - сказал путник.

Внезапно он живо обернулся к старику, скрестил руки на груди и, устремив на своего хозяина дикий взгляд, хрипло закричал:

- Вот оно что! Так вы, значит, укладываете меня в доме, вот здесь, рядом с собой! - Помолчав,

он прибавил с усмешкой, в которой таилось что-то страшное, - *Подумали ли вы о том, что делаете? Почем вы знаете, может быть, мне случилось на своем веку убить человека?*

- *Про то ведает милосердный Бог,* - ответил епископ.

IV

Когда на соборной колокольне пробило два часа пополуночи, Жан Вальжан проснулся.

Он находился в том состоянии духа, когда все мысли и представления бывают смутны. У него возникало и исчезало множество мыслей, но одна из них упрямо возвращалась, вытесняя все остальные. Эту мысль мы сейчас откроем: он заметил шесть серебряных приборов и разливательную ложку, которые Маглуар разложила за ужином на столе.

Эти шесть приборов не давали ему покоя. Они были здесь... В нескольких шагах... Когда он проходил через соседнюю комнату, направляясь в ту, где находился сейчас, старуха-служанка убирала их в шкафчик у изголовья кровати... Он отлично заметил этот шкафчик... С правой стороны, если идти из столовой... Они были тяжелые и притом из старинного серебра... За них вместе с разливательной ложкой можно было выручить по меньшей мере 200 франков... Вдвое больше того, что он заработал за 19 лет...

Он взял подсвечник в правую руку и, затаив дыхание, неслышным шагом направился к двери соседней комнаты, служившей епископу спальней.

Подойдя к этой двери, он нашел ее полуоткрытой. Епископ даже не затворил ее как следует.

Жан Вальжан прислушался. Ни малейшего шума. Он толкнул дверь.

Дверь подалась едва заметным, бесшумным движением, слегка расширившим отверстие.

Он подождал секунду, потом еще раз толкнул дверь уже смелее.

Дверь продолжала бесшумно открываться. Теперь отверстие расширилось настолько, что он мог бы пройти. Однако возле двери стоял столик, который углом своим загораживал вход.

Жан Вальжан заметил это препятствие. Надо было во что бы то ни стало сделать отверстие еще шире.

Он решился и в третий раз толкнул дверь сильнее, чем прежде. На этот раз одна из петель, видимо, плохо смазанная, вдруг издала во мраке резкий и протяжный звук.

Он застыл на месте, превратившись в соляной столб, не смея пошевелиться. Прошло несколько минут. Дверь была отворена настежь. Он отважился заглянуть в комнату. Оттуда не доносилось ни звука. Он прислушался. В доме стояла тишина. Скрип ржавой петли не разбудил ни одной души.

Сделав шаг вперед, он вошел в комнату. Там царило полное спокойствие. Можно было различить смутные, неясные очертания предметов. Жан Вальжан осторожно подвигался вперед, боясь задеть за мебель. Из глубины комнаты доносилось ровное, спокойное дыхание спящего епископа.

В ту минуту, когда Жан Вальжан остановился у кровати, туча, словно нарочно, разорвалась, и луч луны, проникший сквозь высокое окно, внезапно озарил бледное лицо епископа.

Он мирно спал, одетый в коричневый шерстяной подрясник, который закрывал его руки до кистей. Голова его откинулась на подушку, вся поза говорила о полном и безмятежном отдыхе; рука с пастырским перстнем на пальце, сотворившая столько добрых дел и оказавшая столько милостей, свесилась с кровати. Лицо его было озарено мягким выражением удовлетворения, надежды и покоя. Оно не улыбалось, оно сияло. Чудесное отражение невидимого света трепетало на челе спящего. Душам праведников снится небо, полное тайн. Отблеск этого неба лежал на лице епископа.

Жан Вальжан стоял в тени неподвижно, держа в руке серебряный подсвечник, и смотрел, ошеломленный, на этого светлого старца. Освященное луной распятие, вырисовывавшееся над камином, словно раскрывало им объятия, благословляя одного, даруя прощение другому. Внезапно Жан Вальжан быстро, не глядя на епископа, прошел вдоль кровати прямо к шкафчику, видневшемуся у изголовья; он поднял железный брус, видимо желая взломать замок, но ключ торчал в скважине; он открыл дверцу; первое, что он увидел, была корзинка с серебром; он взял ее, прошел большими шагами, без всяких предосторожностей и не обращая внимания на производимый им шум, через всю комнату, дошел до двери, вошел в молельню, распахнул окно,

схватил свою палку, перешагнул через подоконник, положил серебро в ранец, бросил корзинку на землю, пробежал по саду и, с ловкостью тигра перепрыгнув через забор, скрылся.

V

На следующее утро, когда солнце только еще восходило, монсеньор Бьенвеню прогуливался по саду. Вдруг к нему подбежала сильно встревоженная Маглуар.

- *Ваше преосвященство, ваше преосвященство!*
- кричала она. - *Вы не знаете, где корзинка, в которой я держу серебро?*

- *Знаю,* - ответил епископ.

- *Слава Богу!* - обрадовалась она. - *А то я понять не могла, куда это она делась.*

Епископ только что подобрал на клумбе эту корзинку. Он подал ее Маглуар.

- *Вот она,* - сказал он.

- *То есть как?* - удивилась она. - *Пустая? А серебро?*

- *Ах, вы беспокоитесь о серебре?* - проговорил епископ.

- *Я не знаю, где оно.*

- *Господи помилуй! Оно украдено! Это ваш вчерашний гость - вот кто его украл!*

В мгновение ока, со всей живостью, на какую была способна эта подвижная старушка, Маглуар побежала в молельню, заглянула в альков и снова вернулась к епископу.

- *Ваше преосвященство!* - кричала она. - *Он ушел! Серебро украдено!*

Епископ помолчал, затем поднял на Маглуар серьезный взгляд и кротко спросил:

- *А где сказано, что это серебро наше?*

Маглуар оцепенела от изумления. Снова наступило молчание, потом епископ продолжал:

- *Госпожа Маглуар! Я был неправ, пользуясь, и так долго, этим серебром. Оно принадлежало бедным. А кто такой этот человек? Несомненно, бедняк.*

Через несколько минут он завтракал за тем же столом, за которым накануне сидел Жан Вальжан. Брат с сестрой собирались уже встать из-за стола, как вдруг раздался стук в дверь.

- *Войдите,* - сказал епископ.

Дверь открылась. Необычная группа возбужденных людей появилась на пороге. Три человека держали за шиворот четвертого. Трое были жандармы, четвертый - Жан Вальжан.

Жандармский унтер-офицер, по-видимому, главный из трех жандармов, остановился в дверях. Затем вошел в комнату и, подойдя к епископу, отдал ему честь по-военному.

- *Ваше преосвященство...* - начал он.

При этих словах Жан Вальжан, стоявший с угрюмым и подавленным видом, в изумлении поднял голову.

- *Преосвященство!* - прошептал он. - *Значит, это не простой священник...*

- *Молчать!* - сказал жандарм. - *Перед тобой его преосвященство епископ.*

Между тем монсеньор Бьенвеню пошел к ним навстречу с той быстротой, какую только позволял его преклонный возраст.

- *Ах, это вы!* - воскликнул он, обращаясь к Жану Вальжану. - *Очень рад вас видеть. Но, послушайте, ведь я вам отдал и подсвечники. Они тоже серебряные, как и все остальное, и вы вполне можете получить за них франков двести. Почему же вы не захватили их вместе с вашими приборами?*

Жан Вальжан широко раскрыл глаза и взглянул на почтенного епископа с таким выражением, которое не мог бы передать человеческий язык.

- *Ваше преосвященство,* - сказал жандармский унтер офицер, - *так значит то, что нам сказал этот человек, правда? Он бежал нам навстречу. У него был такой вид, словно он спасался от погони. На всякий случай, мы задержали его. При нем оказалось это серебро.*

- *И он вам сказал,* - улыбаясь, прервал епископ, - *что это серебро ему подарил старичок-священник, в доме которого он провел ночь? Понимаю, понимаю. А вы привели его сюда? Это недоразумение.*

- *В таком случае, мы можем отпустить его?* - спросил унтер-офицер.

- *Разумеется,* - ответил епископ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, тот неволью попятился.

- *Друг мой!* - сказал епископ. - *Не забудьте перед уходом захватить ваши подсвечники. Вот они.*

Он подошел к камину, взял подсвечники и протянул их Жану Вальжану. Жан Вальжан дрожал

всем телом. Машинально, с растерянным видом он взял в руки два подсвечника.

- *А теперь,* - сказал епископ, - *идите с миром.*

Затем он обернулся к жандармам:

- *Господа! Вы можете идти.*

Жандармы вышли.

Казалось, Жан Вальжан вот-вот потеряет сознание.

Епископ подошел к нему и сказал тихим голосом:

- *Не забывайте, никогда не забывайте, что вы обещали мне употребить это серебро на то, чтобы сделаться честным человеком.*

Жана Вальжана, не помнившего, чтобы он что-нибудь обещал, охватило смятение. Епископ произнес эти слова, как-то особенно подчеркнув их. И торжественно продолжал:

- *Жан Вальжан, брат мой! Вы более не принадлежите злу, вы принадлежите добру. Я покупаю у вас вашу душу. Я отнимаю ее у черных мыслей и духа тьмы и передаю ее Богу.*

Текст подготовлен Михаилом Роциным

Вопросы для обсуждения

Рисунок к рассказу приведен на стр. 501.

1. По мере развития действия как изменялось отношение Жана Вальжана к епископу? А отношение епископа к Жану Вальжану?

2. Епископ сказал, что он отдал Жану Вальжану подсвечники. Почему? Если бы он сказал, что Жан

Вальжан украл подсвечники, что бы произошло? Были ли епископ прав, и почему?

3. Что говорит этот рассказ о формальной честности? Всегда ли бывает достаточно только фактической стороны дела?

4. Предположите, что Жан Вальжан не стал бы честным человеком, а снова начал бы воровать. Разве усилия епископа в этом случае не были бы напрасными?

5. Иногда трудно быть честным и добрым одновременно. Как вы поступаете, когда такое случается?

6. О чем говорит вам поступок епископа? Что значит слово “*прощать*”? Трудно ли это? Есть ли связь между прощением и любовью?

7. Когда хочется взять то, что принадлежит другому, как это преодолеть?

8. Иисус сказал: “*Счастливы чистые сердцем, - они увидят Бога*”. Что это значит и как это относится к епископу?

THE SILVER CANDLESTICKS

*By Victor Hugo
extracts from Les Miserables*

I

In the year 1855, Charles Francois Bienvenu Myriel was about 74 years old. He had served as Bishop of Digne since 1806. His home life was inspired by the same ideals as his public work: he had freely chosen an ascetic life - impressive to anyone who got to know him.

He slept little, but soundly. Each morning began with an hour of meditation, after which he celebrated Mass, either at home or in the cathedral. Then he would take a breakfast of rye bread dipped in milk from his own cows. If his countless tasks left time - after conducting services or reading from his Prayer Book - he would give it to the needy, sick, and suffering. If he had time left over, he would spend it in work. Sometimes he would be busy with a hoe in his garden. At other times he would read or write. He gave the same name, "gardening," to both kinds of labor: "The mind," he would say, "is a garden."

About mid-day, if the weather was fine, he would go out walking in the town or the country, often visiting people in their cottages. He would stroll along, deep in thought, dressed in a warm, padded purple overcoat. His stockings, also purple, were thrust into clumsy shoes, and he wore a flat hat with three golden acorns hanging like tassels from each corner.

Whenever he came along, it would be time to celebrate. He seemed to bring life and warmth with him. Old men and children came to the door to welcome him - just as they would greet warm sunshine. He would give them his blessing, and they would bless him in return.

He would stop to chat with little boys and girls and smile at their mothers. As long as he had money, he would visit the poor, and when his money was gone, he would visit the rich.

If anyone were in need, people would point out the way to the Bishop's house. His two-story abode had three rooms on the ground floor, three bedrooms on the next, and a storeroom in the attic. Behind the house lay a garden, a quarter of an acre.

His house was beautifully clean from top to bottom. It was run by two women: Mademoiselle Baptistine, the Bishop's sister, and Madame Magloire, a servant. A clean house was the one luxury the Bishop allowed himself. He used to say, "It takes nothing from the poor."

We do have to admit, however, that six silver spoons and six forks and a soup ladle were still remaining in the house. Madame Magloire took great and daily delight in seeing them gleaming on the coarse tablecloth. And as we are doing our best to describe the Bishop of Digne just as he really was; we must admit that he was heard to say, more than once, "I don't think I could give up eating with silver." His silver plate included two heavy candlesticks which he had inherited from a great aunt. Each held two wax candles and usually stood on the

Bishop's chimney piece. But whenever a guest came to dinner, Madame Magloire would light the candles and place them on the table.

Not a single door in the house could be locked. The dining room door, opening straight onto the Cathedral square, had once been decorated with bolts and locks like the gate of a prison. But the bishop had all this iron work removed: only a latch kept it closed, both night and day, so that any passer-by could come in at any time of the day or night. We can get an idea of the Bishop's thinking from three lines he wrote in the margin of a Bible: "The difference is this: A doctor's door must never be closed. A priest's door must always be open."

II

At the beginning of October in 1815, about an hour before sunset, a traveller entered the town of Digne on foot. A few of the inhabitants, who happened to be at their window, watched him anxiously. A more wretched looking wayfarer it would be difficult to meet. He was of middling height, strong and muscular and in the prime of life. He could have been around 45 years old, with close-cropped hair and a thick beard. His sunburnt face, soaked in perspiration, was half-hidden by a cap with a leather peak. His shirt of coarse yellow calico, fastened with a small silver anchor, showed his hairy chest. His neck-cloth was twisted like a rope, his trousers of blue twill were worn and threadbare with one knee white and the other torn open, and his ragged

grey jacket was patched at one elbow with a scrap of green cloth. His iron-shod shoes had no stockings. He carried a strong, knotty stick in his hand and new, large, loaded knapsack on his back.

He went past the Prefecture and the Seminary and, as he passed through Cathedral Square, he shook his fist at the church. A printing shop stood at the corner of the square. He was worn out and lay down on a stone bench outside it. At that very moment an old lady came out of the church and noticed the man stretched out in the darkness. "What are you doing here, my friend?" She asked.

The man replied harshly, "My good woman, can't you see that I'm going to sleep?"

The woman tried again, "On the bench?"

"I've had a wooden mattress for the last 19 years." he said. "Now I've got a stone one."

"You should try something else. You can't possibly spend the night here. You must be cold and hungry; some kind person might take you in."

"I've knocked on every door already. They all sent me away"

"But have you tried that one?"

"No."

"Then try it now."

III

There was a rap on the front door, firm and loud. "Come in," said the Bishop.

The door was thrown wide open, as if someone strong was giving it a determined push. In came the

traveller. There he stood, leaving the door wide open, with his knapsack on his shoulder, and stick in hand. Madame Magloire could not even find the strength to cry out. She stood shaking, her mouth wide open.

Mademoiselle Baptistine half rose in terror, but then turned toward her brother sitting by the hearth. Her face became serene. The Bishop looked calmly at the man and opened his mouth to ask him what he wanted. But the latter gave him no time. Leaning on his stick with both hands, he said loudly, "My name is Jean Valjean, and I'm a galley slave. I've done 19 years as a convict. They let me out four days ago and I set off from Toulon for Pontarlier. Today I've covered twelve leagues.

When I got to this town I went to the inn, but they sent me away because I had yellow identity papers - which I'd already had to show at the Police Station. I went to another inn, and the landlord told me to go away. It was the same everywhere. Nobody would have anything to do with me. I went to the prison, but the jailer wouldn't let me in. I got inside a dog kennel, but the dog bit me and drove me away. It behaved like a man, as if it knew who I was.

I went out into the fields to sleep by starlight, but there weren't any stars. I thought it was sure to rain, because there was no God to stop it raining. Then I came back into town to sleep in a doorway. I was lying down on a stone bench in the square when a good woman pointed to this house and told me to knock on the door. What sort of house is this? Do you keep an inn? I've got money. I'm very tired and terribly hungry. Will you let me stay here?"

“Madame Magloire,” said the Bishop. “Please lay another knife and fork.”

The man took three steps forward and came close to the lamp on the table. He seemed to think that the Bishop had not understood him. “Wait a minute. Didn’t you hear me say that I was a galley slave - a convict - and that I had just come out of prison?”

“Madame Magloire,” said the Bishop, “kindly put clean sheets on the bed in the alcove.” Madame Magloire left the room to do as requested. Then the Bishop turned to the man. “Sit down and warm yourself, sir. It’s nearly time for supper. Your bed will be prepared while we are eating together.”

The grim look on the man’s face disappeared. He looked stupefied, joyful; he began to stammer like a madman. “Is this true? You really will let me stay? You know I’m a convict, but you won’t turn me out? You call me “sir” and treat me with respect. You really do mean to let me stay here. I can see that you are good people - but I do have money, and I can pay you well. Please. Mr Landlord, what is your name?”

“I’m a priest,” said the Bishop, “and I live in this house.”

Madame Magloire came back, bringing a silver spoon and fork which she placed on the table. “Madame Magloire,” said the Bishop, “please lay them as close to the fire as you can.” He turned to his guest and said, “The night wind blows bitter on the Alps, and you, sir, must be feeling cold.”

Every time he said “sir” in that grave and gentle voice, the man’s face would light up. To say “sir” to a

convict is like giving a glass of water to a man dying of thirst.

“This lamp gives a very poor light,” said the Bishop. Madame Magloire understood - and went to fetch the two silver candlesticks from the mantelpiece in the Bishop’s bedroom. She lit them and placed them on the table.

“Monsieur le Cure,” said the traveler. “You are truly kind. You don’t despise me. You accept me as a friend and light your fine candles for me, even though I’ve told you where I’ve come from, and what a poor devil I am.”

The Bishop, seated beside him, touched his hand. “There was no need to tell me who you were. This is the house of Christ, not my house. When someone comes in, the door does not ask for your name, or whether you are in trouble. You are suffering, hungry, and thirsty - and so you’re welcome. Don’t thank me. Don’t think that I am the one who is taking you in. Only one person is at home here: the one who needs shelter.”

Meanwhile, Madame Magloire had brought in the soup, and the Bishop’s face suddenly lit with delight, which comes naturally to people who like to entertain others. “It’s time to take our seats at table,” he said eagerly. The Bishop said grace and then served the soup himself as usual. The man began to eat greedily. Then, all at once he said, “Something seems to be missing from our table.”

The fact was that Madame Magloire had laid out as little of the silver as possible. But when the Bishop

had an invited guest, they would usually set out all the silver, a kind of innocent display: for this was a house where people lived strict and gentle lives, giving dignity to poverty - which made the display of luxury all the more full of childish charm. Taking the hint, Madame Magloire went out without a word, and soon all the remaining spoons and forks lay glittering, neatly arranged for each guest.

When dinner was over, Monseigneur Bienvenu said goodnight to his sister, picked up one of the silver candlesticks and gave the other to his guest. "Let me lead you to your room, "sir"," he said. The man followed him.

To reach the alcove in the private chapel, they had to pass through the Bishop's bedroom and were doing so just as Madame Magloire was putting the silver plate away in a cupboard on the wall at the end of the bed, as she did every night. The Bishop led his guest to the alcove, where a clean bed had been made ready for him. The man placed the branched candlestick on a small table. "I hope you sleep well," said the Bishop. "Tomorrow morning, before you set off, our cows will provide you with a glass of fresh milk."

"Thank you, Monsieur L'Abbe." said the man. Then he suddenly turned on the old gentleman. Folding his arms, he gave him a savage look. "Do you really want me to sleep as close to you as this?" He uttered a monstrous laugh and added, "Doesn't it occur to you that I might have committed a murder?"

"That," replied the Bishop, "is a matter for God."

IV

Jean Valjean woke up just as the cathedral clock struck two in the morning. At such a time the mind is often troubled with conflicting ideas. He had noticed the six silver forks and spoons and the great ladle that Madame Magloire had put on the table. He had taken careful note of the cupboard. It was on the right coming in from the dining room. The silver plate was old and heavy, and the big soup ladle was worth at least 200 francs - twice what he had earned in the last 19 years.

He picked up the candlestick, held his breath and walked soundlessly towards the door of the next room, where the bishop was sleeping. When he got to the door, he found it ajar - the Bishop had not closed it.

Jean Valjean listened, but there was utter silence. He gave the door a push. He waited for a moment, and gave it a bolder push. But the hinge was badly oiled, and a screeching sound pierced the darkness.

He stood still, like a statue of salt, not daring to move. A few minutes went by, and the door remained wide open. Then he plucked up courage to look into the bedroom and found that nothing had stirred. Here and there were dim shapes, vague and confusing. He made his way forward, taking care not to bump into the furniture. He could hear the calm breathing of the Bishop, sleeping at the far end of the room.

And then, just as Jean Valjean stopped at the foot of the bed, a cloud suddenly divided, and a moonbeam cast light on the Bishop's pale face. He was sleeping peacefully, wrapped in a long garment of brown wool,

which covered his arms to the wrists, and the hand that had done so many good deeds hung down at the side of the bed, wearing his pastoral ring. A look of well-being lit his face, with a smile that almost seemed to glow.

John Valjean stood stock still, holding a crowbar from his pack, terrified at the sight of the radiant old man. A moonbeam cast a dim light on the crucifix that hung over the mantelpiece. It seemed to open its arms for both of them - with blessing for one and pardon for the other.

All at once Jean Valjean walked quickly along the bed without looking at the Bishop. He went straight to the cupboard and raised his crowbar to force the lock. But the key was still in place. He opened the cupboard and seized the first thing he saw: the basket that held all the silver plate.

He hurried across the room, heedless of noise, and went back into the private chapel. Grabbing his stick, he thrust the silver into the knapsack, leapt into the garden, threw away the basket, and bounded over the wall like a tiger.

V

Next morning at sunrise, as Monsieigneur Bienvenu was walking in the garden, Madame Magloire came running in a state of panic. "Sir! Sir!" she shouted. "Does Your Eminence know where the silver plate basket is?"

"Yes," said the Bishop.

“Praise the Lord! I didn’t know what had become of it.” The Bishop had just picked up the basket in a flower bed. He handed it to her. “But there’s nothing in it,” she said. “Where’s the silver plate?”

“Ah” said the Bishop. “So you are worried about the plate. I have no idea where it is.”

“Good Lord. It’s been stolen - by that man who came here last night!” Quick as a flash, she ran to the chapel, went into the alcove, and came back to the Bishop. “Monseigneur! The man’s gone. The plate’s been stolen.”

The Bishop stood silent for a moment, then looked earnestly up at her and said gently, “By the way, did that silver plate really belong to us?” Madame Magloire was speechless. After another moment of silence, he went on, “Madame Magloire, it was wrong of me to keep that silver, which plainly belonged to the poor. And who was that man? Plainly he was poor indeed.”

A few minutes later, he was having breakfast at the very same table where Jean Valjean had sat on the previous evening. Just as he and his sister were rising to leave, there came a knock at the door. “Come in,” said the Bishop. The door opened, and a strange group, tense with violence, appeared on the threshold. Three gendarmes were holding Jean Valjean by the collar.

A corporal came in. Walking up to the Bishop, he gave a military salute. “My Lord Bishop,” he said. Jean Valjean looked utterly crushed. At the words

“My Lord Bishop” he looked up. “My Lord Bishop?” he muttered. “So he isn’t just the local priest?”

“Be quiet!” said one of the policemen, “This gentleman is indeed My Lord the Bishop.”

Meanwhile, Monseigneur Bienvenu had come forward as quickly as his great age would allow. “Ah! There you are!” he said, looking at Jean Valjean. “I’m glad to see you. I gave you the candlesticks as well. They are made of silver too, and they will fetch you 200 francs. Why didn’t you take them with you, along with the rest of the plate?” Jean Valjean looked up and gave the Bishop a look that no language could describe.

“My Lord Bishop,” said the Corporal, “is what this man told us true after all? We met him. He seemed to be running away, and so we arrested him. He had this silver plate.”

The Bishop interrupted him with a smile, “And he told you that it had been given to him by an old priest who had given him a bed for the night. I see it all. And so you brought him back here. That was a mistake.”

“In that case,” said the Corporal, “may we let him go?”

“Of course,” answered the Bishop. Jean Valjean staggered backward as the policemen let him go. “My friend,” the Bishop went on, “Before you go, you must take your candlesticks.” He went to the mantelpiece, and fetched the two candlesticks, which he gave to Jean Valjean. The poor man was trembling in every limb. He accepted the candlesticks like a man in a daze. “Now go in peace.” said the Bishop.

Then he turned to the policemen and said, “Gentlemen, you may leave us.” They did so.

It looked as if Jean Valjean were about to faint. The Bishop walked over to him and said quietly, “Never forget that you promised me to use this money in order to become an honest man.” Jean Valjean stood silent. He could not remember making any such promise. The Bishop added in a solemn tone, “Jean Valjean, my brother, you belong to evil no longer. You belong to good. I have rescued your soul. I set it free from black thoughts and the spirit of destruction. I place it in the hands of God.”

Adapted by Michail Roshchin and John Coutts.

Discussion Questions

Image for this story can be found on p. 501.

1. At different points in the story, how did Jean Valjean feel toward the Bishop? The Bishop towards Jean Valjean?

2. The Bishop said he had given the candlesticks to Jean Valjean. Why? If he had said that Jean Valjean had stolen them, what would have happened? Was the Bishop right or wrong? Why?

3. What does this say about literal honesty? Do observable facts always tell the whole story?

4. Suppose that Jean Valjean had not become an honest man, but had returned to the life of a thief. Would the Bishop’s efforts have been wasted?

5. Sometimes it is hard to be both honest and kind. What should you do when this conflict occurs?

6. What does the Bishop’s action say to you? What does it mean to forgive? Why is it hard? What is the relationship between forgiveness and love?

7. When a person is tempted to take something that belongs to someone else, how can this desire be overcome?

8. Jesus said, “Blessed are the pure in heart, for they shall see God.” What does this mean? In what way does it apply to the Bishop?

САТИЙСАМАН ЗИЙДИГАШ

Масех шо хьалха со Нохчийчохь Iаш вара, Серноводск олучу курортехь, СемаIашкана уллохь, мацах берийн беш хIиллачу хIусамехь.

Сан цIийнан гонахьарчу бешахь лекха акацин дитташ дара. Наггахь хеталора, Серноводск хIинца а, хьалха санна, зазодоккхуш курорт ю олий. Амма дитташка хуьлуш дерг кьайла ца даккхалора.

ТIеман гIовгIано - еттачу яккхийчу тоьпаша, стигалхула лелачу тIеман кеманаша - шеко ца юьтура. Иза дара 1995-чу шеран апрелехь.

Нохчийчоьнна а, Россина а юккьехь дIабобьдуш тIом бара. Серноводскехь тIемах бевддачу нехан четар-гIала хиллера. Со Дуьненаюкьарчу адамийн бакьонаш Iалашьечу вовшахтохараллахь болх беш вара. Пуллакх чIогIа даьржиний, машаран тIабьхьало йоцушший хетара. Цхьа диканиг дохьур дац цу адамаш дайро а, ярташ а, гIаланаш а йохаяро а олий, хетара суна.

Со цIа вогIуш ас сайца масех акацин га деара, тIехь ира кIохчалш а долуш. Суна хаара, уьш сайн жимачу кIантана Кириллана тамашийна хетар дуй. Цо акацин масех хIу зезагаш чохь долчу кхаби чу дIадийра.

Нохчийчуьра хеза керланаш синтеме дацара. СемаIашкахь юха а тIом бара. Серноводск йохийнера. Со чохь Iийна берийн беш а хIинца йохийна дIаяьккхинера. И суна гина хилла лекха акацин дитташ а дерриге а тIамо хIаллакдинера.

Аьлча а, дерриш ца хиллера хIаллак. Сан кIанта кхаби чу дийначу акацин хIуно орам теснера. И гIийла зIийдиг Россин дагчоь хьалакьедера. Оха терго йора, и зIийдиг онда хьалаялийта, цунах синтар а хилла, иза маьлхан серлоне, йовхоне кховдийта, цунах доккха дитт хилийта.

ХIетахь дуьйна дикка шераш дIадевлира.

Дукха мехкашкахь девнах тIом хуьлу. Цу цIийнна, баларшна юккьехь дахар толаме долу,

Иллюстрация к рассказу Семена надежды, автор Артур Умаров, возраст 14 лет, г. Грозный / Illustration to Seeds of Hope by Artur Umarov, 14 years old, Grozny

цхъаммо машаран хІу дІадуьйш хилча, и хІу хъаладалийта латта ма-дезза охуш хилча.

Догдилла мегар дац, тІом дІабер бац аьлла.

Сан цІенна уллохъ, Россехъ, Нохчийчуьра деанчу хІух хъалакхиъна акаци-м денлуш ю.

Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хъамзат

Дийцаре дан хаттарш

1. ХІунда ду мехала, нагахъ санна Нохчийчуьра еана акаци Россехъ хъалакхиахъ?

2. Оцу историно муха сатийсаман ницкъ ло вайна?

3. “*Дуьненаюкъара адамиьн бакъоне хъажархо*” бохург хІун ду? Уьш стенна оьшуш бу?

4. ХІокху дийцаро гойту: цхъанхъа хІаллакьхилларг вукханхъа юха кхоллало. Иза дитташца доьзна Іаш ца хила мега. Шуна муха хета?

Виктор Лозинский

СЕМЕНА НАДЕЖДЫ

Несколько лет назад я жил в Чечне, в здании, которое когда-то было детским садом, недалеко от деревни Самашки, в зоне отдыха Серноводска. Двор вокруг моего дома был полон высоких, колючих деревьев акации. Деревья эти скрывали от глаз большую часть внешнего мира. Иногда мне казалось, что Серноводск все еще курорт. Но деревья не могли утаить правды. Звуки канонады и бомбардировщиков над головами сделали реальность слишком близкой.

Это было в апреле 1995 года. Между Чечней и Россией шла война. Серноводск стал лагерем беженцев. Я был одним из международных наблюдателей по правам человека. Ситуация казалась все более и более невозможной и даже безнадежной. К чему же могли привести все эти убийства и разрушения?

Когда я поехал домой, я взял с собой несколько стручков акации подлиннее и ветвь, покрытую огромными шипами. Я знал, что мой маленький сын Кирилл заинтересуется всем этим. И, конечно же, он посадил несколько семян в цветочный горшок.

Новости из Чечни не заставили себя долго ждать. Плохие новости. Самашки были атакованы снова. Серноводск пал. Бывшего детского сада больше не существовало. И все те массивные, крепкие деревья акации, как я узнал, погибли. Но не совсем все. Одно из семечек, которое мой сын посадил, дало корень. Одинокий, хрупкий росток взошел на земле в сердце России. Мы заботились о нем, поливали,

следили, как он постепенно развивался в крепкое растение и тянулся к свету. А когда пришла пора, мы высадили его на улице, в надежде, что оно будет продолжать расти.

Во многих странах разногласия переходят в войну. И где-то среди крови и смерти хрупкая жизнь все же может пробиться, если мы посадим семена мира и увлажним почву. Не все еще потеряно. А у меня дома, в России, акация из Чечни продолжает расти.

Вопросы для обсуждения

Рисунки к рассказу приведены на стр. 527 и 528.

1. Почему важно, чтобы акация из Чечни выросла в России?

2. Какой урок надежды дает нам эта история?

3. Что значит быть *“международным наблюдателем по правам человека”*? Зачем нужны такие наблюдатели?

4. Этот рассказ показывает, что даже если что-то погибает в одном месте, оно может возродиться в другом. Возможно, это касается не только растений?

5. *ПРЕАМБУЛА Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: “Принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами...”* Почему развитие ростка акации, привезенного из Чечни в центр России, дало надежду в преодолении горькой ненависти и продолжающегося насилия в Чечне?

SEEDS OF HOPE

By Victor Lozinsky with Deborah J. Rasmussen

Some years ago, I lived in a building in Chechnya that had once been a kindergarten. It was near the village of Samashki in the resort area of Sernovodsk.

The yard around my building was full of tall, thorny acacia trees. These trees hid much of the outside world from view. Sometimes I could almost imagine that Sernovodsk was still a resort.

But the trees could not hide the truth.

The sound of cannon fire and bombers overhead brought reality all too close. This was in April of 1995. Chechnya and Russia were at war. Sernovodsk was now a refugee camp.

I was part of a group of international human rights observers. The situation seemed more and more hopeless, even impossible. What would come of all this killing and destruction?

When I went home, I took with me some of the longest seedpods from the acacia trees and a branch covered with enormous thorns. I knew that my small son Kirill would find them interesting. Sure enough, he planted several seeds in a flowerpot.

Before long, more news came from Chechnya. Bad news. Samashki was attacked again. Sernovodsk had fallen. The former kindergarten no longer existed. And all of those rugged acacias, I learned, were gone.

Not quite all.

One of the seeds my son had planted in a pot took root. A single, fragile sprout peeped through the soil in the heart of Russia.

We watered it, cared for it, watched it gradually uncurl into a sturdy plant and reach toward the light. When it was ready, we planted it outside, hoping it would continue to grow.

Years have passed since then. In many countries, disagreements still turn into war. Somewhere amid the blood and death, fragile life can still break through if we plant the seeds of peace and tend the soil.

All is not lost. At my home, in Russia, a Chechen acacia tree still grows.

Discussion Questions

Images for this story can be found on p. 527 and 528.

1. Why is it important that a Chechen acacia tree is growing in Russia?

2. What lesson about hope can we take from this story?

3. What do you think an “international human rights observer” does? Why do we need them?

4. This story shows that even if something dies in one place, part of it can live some other place. How might this be true about something other than plants?

5. PREAMBLE to the Universal Declaration of Human Rights (Unuted Nations) states: Whereas it is essential to promote the development of friendly relations between nations. Why did the development of an acacia sprout taken from Chechnya to Russia give the author hope in the bitter hatreds and continuing violence between Russia and Chechnya?

ДУЙ-ТЕХЪА САН ДАШО ТАЙ

*Мукъам а, дешнаш а Пута Сигеран
Гочдинарг - Нунуев Сайд-Хъамзат*

Тпаьхъара алар:

*Делара сан тай
Буткъа маха а белара
Тоггур дара ас
Стелалад,
Стелалад.*

*Тоггур яра майралла
Вайн берийн нанойн,
Бекх цахилар
Кху дуьненачу массо а
Берийн, берийн.*

*Гена хлурдал дехъа
Со глур вара сайн ойланца
Нехан глаланашкахула
Хлора махка.*

*Гойтур бу вежаршна, йижаршна
Сайн стелалодан маша,
Дерриг дуьне
Машарна вовшахтоха
Куьйгашца, дагца, хъекъалца,
Куьйгашца, дагца, хъекъалца.*

*Гена хлурдал дехъа
Со глур вара сайн ойланца*

*Нехан глаланашкахула
Хлора стагана тлекхача.
Кхетийта хлора а.
Хлора а сайх кхетийта.*

БЫЛА БЫ У МЕНЯ ЗЛАТАЯ НИТЬ

*Музыка и слова Пита Сигера
Перевод Михаила Рощина*

Припев:

*Была бы у меня золотая нить,
И такая тонкая игла,
Чтобы выткать волшебную пряжу
Радуги,
Радуги.*

*В ней бы я выткал смелость
Рождающих женщин,
В ней бы выткал невинность
Детей всей Земли,
Детей всей Земли.*

*Далеко за моря
Я дойду со своим волшебным оркестром
Через чужие города
До каждой отдельной земли,
До каждой отдельной земли*

*Покажу моим братьям и сестрам
Мою пряжу радуги,
Чтобы сплотить наш печальный мир
Руками, сердцем и умом,
Руками, сердцем и умом.*

*Далеко за моря
Я дойду со своим волшебным оркестром*

*До каждого человека,
Чтобы все поняли,
Чтобы поняли все.*

Вопросы к обсуждению

Рисунки к рассказу приведены на стр. 529 - 532.

1. Как бы мог помочь дух открытости объединению различных культур и рас в мире?

2. Как вы думаете, что имеет в виду Пит Сигер, называя мир печальным?

3. Как вы думаете, какой смысл Пит Сигер вкладывает в фразу: *“...Чтобы выткать волшебную пряжу радуги”*?

4. У Пита Сигера есть свое видение изменения мира. Как вы думаете, что он хочет, что бы мы все поняли? Какой вы можете привести пример, в котором люди вредили друг другу? Как мог бы измениться мир с изменениями в *“сердцах, и руках, и умах”*?

5. Какие строки из песни относятся к приведенным ниже абзацу из ПREAMБУЛЫ и Статьи 1 Всеобщей декларации о правах человека ООН, соответственно:

“Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и ...принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей...”

“Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства”.

OH, HAD I A GOLDEN THREAD

Words and music by Pete Seeger

*Oh, had I a golden thread
And needle so fine
I'd weave a magic strand
Of rainbow design,
Of rainbow design.*

*In it I'd weave the bravery
Of women giving birth,
In it I'd weave the innocence
of children over all the Earth,
Children of all Earth.*

*Far over the waters
I'd reach my magic band
Through foreign cities
To every single land,
To every land*

*Show my brothers and sisters
My rainbow design
Bind up this sorry world
With hand and heart and mind,
Hand and heart and mind.*

*Far over the waters
I'd reach my magic band
So they would understand,
So they'd understand.*

*Oh, had I a golden thread
And needle so fine
I'd weave a magic strand
Of rainbow design,
Of rainbow design.*

Questions for discussion

Images for this story can be found on p. 529 - 532.

1. How would a spirit of openness help to connect the different cultures and races of the world?

2. What do you think Pete Seeger means by the words 'sorry world'?

3. What do you think Pete Seeger means by 'weave a magic strand of rainbow design'?

4. Pete Seeger has a vision for transforming the world. What do you think he wants us all to understand? What experience do you have of people harming each other? How could the world be changed with a change of 'heart and hands and minds'?

5. What lines in the song relate to the paragraph from the PREAMBLE Universal Declaration of Human Rights (United Nations) and Article 1 below?

PREAMBLE of the Universal Declaration of Human Rights (United Nations): Whereas recognition of the inherent dignity and of the equal and inalienable rights of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world.

Whereas disregard and contempt for human rights have resulted in barbarous acts which have outraged the conscience of mankind, and the advent of a world in which human beings shall enjoy freedom of speech and belief and freedom from fear and want has been proclaimed as the highest aspiration of the common people.

Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights
(United Nations):

All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood.

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Молитва за мир к с. 51 - 64), автор Диана Мамиева, возраст 15 лет, г. Грозный / Illustration (top image) to Vigil for Peace (p. 51 — 64) by Diana Mamieva, 15 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Молитва за мир (к с. 23 - 33), автор Анастасия Рощина, возраст 17 лет, Россия / Illustration (bottom image) to Vigil for Peace (p. 51 — 64) by Anastasia Roshchina, 17 years old, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Воссоединение (к с. 23 - 33), автор Глеб Комаров, возраст 9 лет, г. Грозный / Illustration (top image) to Reunion (p. 23 — 33) by Gleb Komarov, 9 years old, Grozny
Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Воссоединение (к с. 23 - 33), автор Вика Теппор, возраст 8 лет, г. Грозный / Illustration (bottom image) to Reunion (p. 23 — 33) by Vika Teppor, 8 years old, Grozny

Иллюстрация к рассказу Мечеть (к с. 34 - 50),
автор Ровзан Эльнукаева, г. Грозный / Illustration to Mosque (p. 34 — 50) by
Rovzan Elnukayeva, Grozny

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Мечеть (к с. 34 - 50), автор Лера Невзорова, возраст 8 лет, Россия / Illustration (top image) to Mosque (p. 34 — 50) by Lera Nevzorova, 8 years old, Russia

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Мечеть (к с. 34 - 50), автор Алена Овенко, возраст 8.5 лет, Россия / Illustration (bottom image) to Mosque (p. 34 — 50) by Alyona Ovenko, 8 years old, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Мечеть (к с. 34 - 50), автор Катя Бакина, возраст 9 лет, Россия / Illustration (top image) to Mosque (p. 34 — 50) by Katya Bakina, 9 years old, Russia

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Мечеть (к с. 34 - 50), автор Хезер Крогер, возраст 20 лет, США / Illustration (bottom image) to Mosque (p. 34 — 50) by Heather Kroger, 20 years old, USA

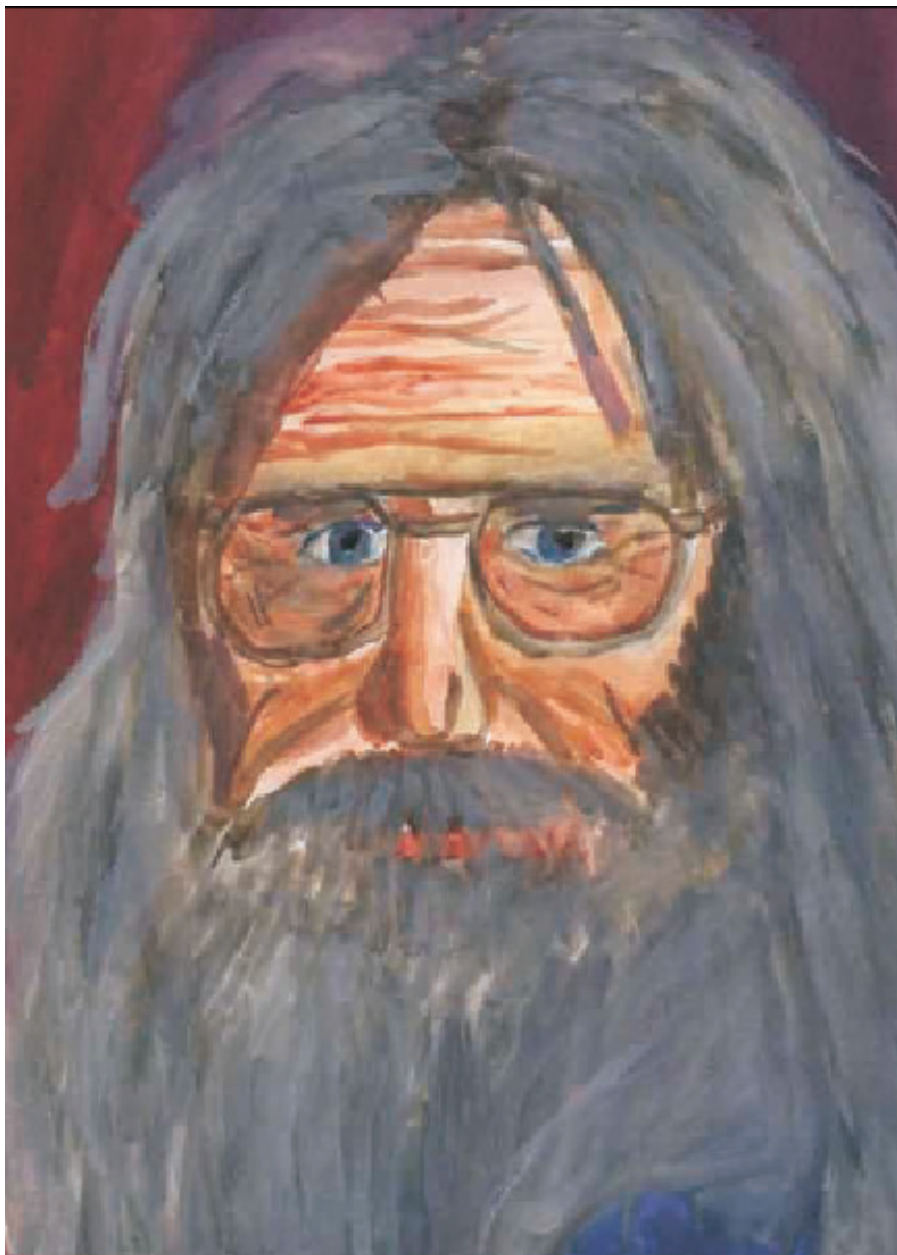

Иллюстрация к рассказу Молитва за мир (к с. 51 - 64), автор Анастасия Рощина, возраст 17 лет, Россия / Illustration to Vigil for Peace (p. 51 — 64) by Anastasia Roshchina, 17 years old, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Милосердие: воспоминания поэта (к с. 65 - 73), автор Артур Черов, возраст 14 лет, Грозный / Illustration (top image) to Mercy: a Poet's Memory (p. 65 - 73) by Artur Cherov, 14 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Милосердие: воспоминания поэта (к с. 65 - 73), автор Магомед Саиев, возраст 13 лет, Грозный / Illustration (bottom image) to Mercy: a Poet's Memory (p. 65 - 73) by Magomed Saiyev, 13 years old, Grozny

Иллюстрация к рассказу Милосердие: воспоминания поэта (к с. 65 - 73), автор Ольга Тимошенко, возраст 12 лет, Россия / Illustration to Mercy: a Poet's Memory (p. 65 - 73) by Olga Timoshenko, 12 years old, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Дом, что построила любовь (к с. 74 - 90), автор Мадина Мамаева, возраст 13 лет, Грозный / Illustration (top image) to The House that Love Built (p. 74 - 90) by Madina Mamayeva, 13 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Дом, что построила любовь (к с. 74 - 90), автор Женя Соколова, возраст 10, Россия / Illustration (bottom image) to The House that Love Built (p. 74 - 90) by Zhenya Sokolova, 10 years old, Russia

Иллюстрация к рассказу Дом, что построила любовь (к с. 74 - 90), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration (top image) to The House that Love Built (p. 74 - 90) by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Святой приют (к с. 91 - 113), автор Хоуп Уилсон, США / Illustration (top image) to Sanctuary Means Love (p. 91 - 113) by Hope Wilson, USA

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Святой приют (к с. 91 - 113), автор Элизабет Хендерсон, США / Illustration (bottom image) to Sanctuary Means Love (p. 91 - 113) by Elizabeth Henderson, USA

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Святой приют (к с. 91 - 113), автор Лиза Энгельгардт, Германия, возраст 14 лет / Illustration (top image) to Sanctuary Means Love (p. 91 - 113) by Lisa Engelhardt, Germany, 14 years old

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Соседи (к с. 114 - 133), автор Лиза Энгельгардт, Германия, возраст 14 лет / Illustration (top image) to Neighbors (p. 114 - 133) by Lisa Engelhardt, Germany, 14 years old

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Эвлия Кунта-Хаджи (к с. 134 - 160), автор Осет Озниева, Грозный, возраст 17 лет / Illustration (top image) to Kunta_Hadji (p. 134 - 160) by Oset Ozniyeva, Grozny, 17 years old

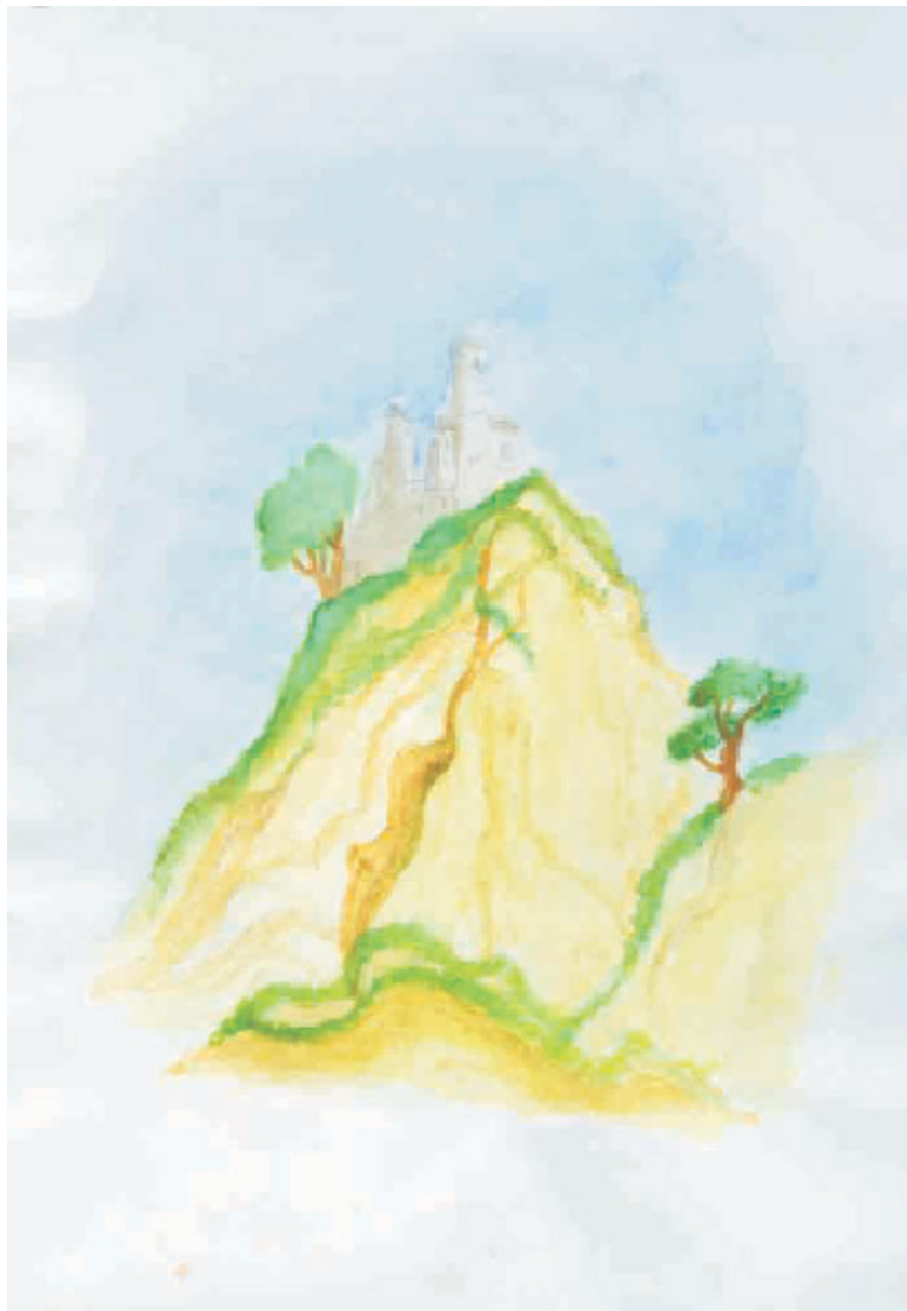

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Эвлия Кунта-Хаджи
(к с. 134 - 160), автор Залипхан Зайпуллаева, Грозный, возраст 18 лет /
Illustration (top image) to Kunta_Hadji (p. 134 - 160)
by Zalipkhan Zaipullayeva, Grozny, 18 years old

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Эвлия Кунта-Хаджи (к с. 134 - 160), автор Зулихан Алиева, Грозный, возраст 18 лет / Illustration (top image) to Kunta_Hadji (p. 134 - 160) by Zulikhan Aliyeva, Grozny, 18 years old

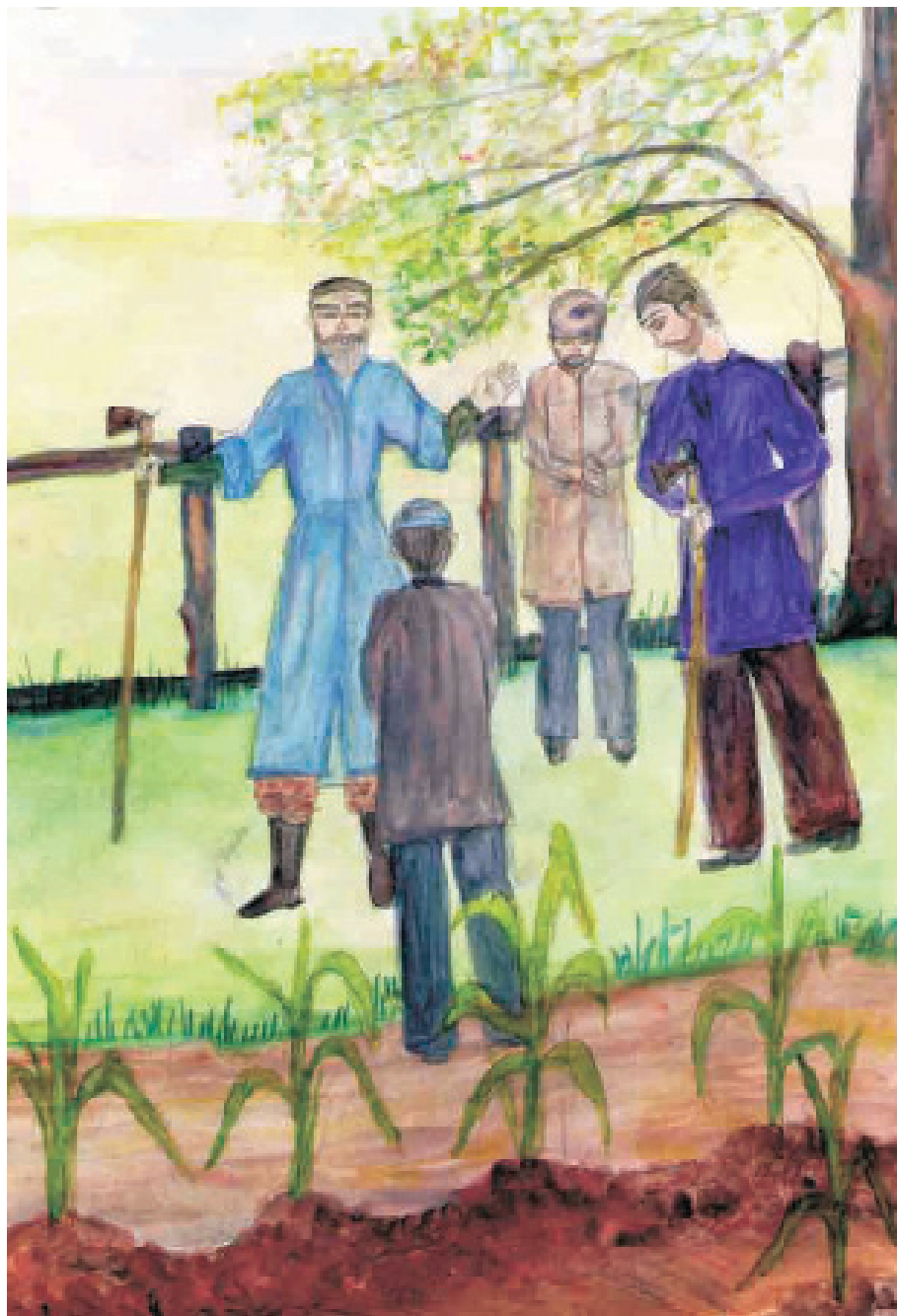
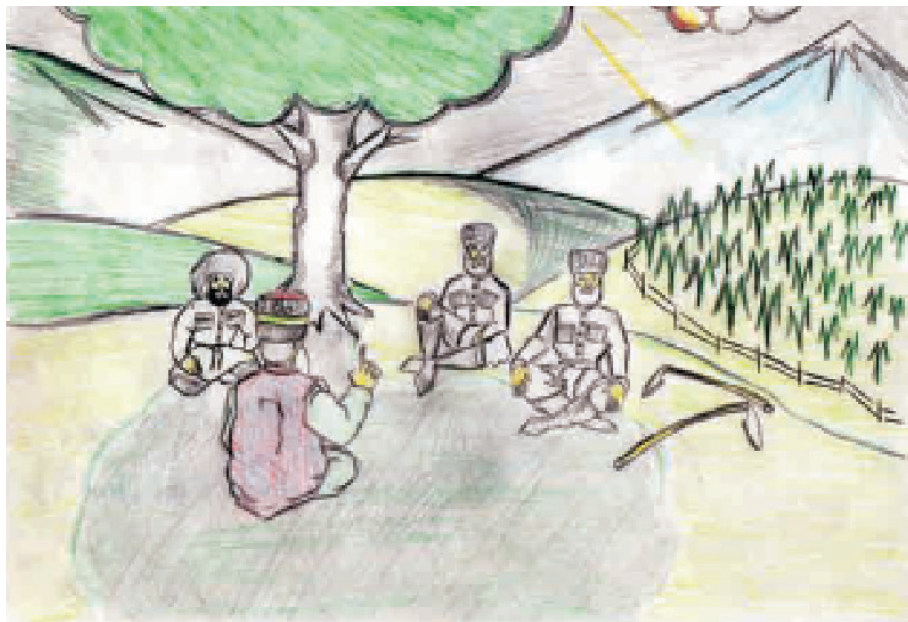

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу На прополке (к с. 161 - 171), автор Зулихан Алиева, Грозный, возраст 18 лет / Illustration (top image) to Weeding (p. 161 - 171) by Zulikhan Aliyeva, Grozny, 18 years old

Иллюстрации к рассказу На прополке (к с. 161 - 171), автор Зулихан Алиева, Грозный, возраст 18 лет / Illustrations to Weeding (p. 161 - 171) by Zulikhan Aliyeva, Grozny, 18 years old

Иллюстрация к рассказу Боча (к с. 166 - 198),
автор неизвестен / Illustration to Vochia (p. 172 - 202) by unknown author

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Боча (к с. 172 - 202), автор Катя Бакина, возраст 9 лет, Россия / Illustration (top image) to Bochia (p. 172 - 202) by Katya Bakina, 9 years old, Russia

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Боча (к с. 172 - 202), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration (bottom image) to Bochia (p. 172 - 202) by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Он готов был меня ударить (к с. 203 - 219), автор Хезер Крогер, возраст 20 лет, США / Illustration (top image) to He Was Ready to Hit Me (p. 203 - 219) by Heather Kroger, 20 years old, USA

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Серебряные подсвечники (к с. 417 - 465), автор Виктория Кузнецова, возраст 14 лет, Россия / Illustration (bottom image) to Silver Candlesticks (p. 417 - 465) by Viktoria Kuznetsova, 14 years old, Russia

Иллюстрация к рассказу Он готов был меня ударить (к с. 203 - 219), автор Марко Чакон, возраст 16 лет, США / Illustration to He Was Ready to Hit Me (p. 203 - 219) by Marco Chacon, 16 years old, USA

Иллюстрация к рассказу Он готов был меня ударить (к с. 203 - 219), авторы Мэтью и Майкл Уорд, возраст 11 и 10 лет, США / Illustration to He Was Ready to Hit Me (p. 203 - 219) by Mathew and Michael Ward, 11 and 10 years old, USA

Иллюстрация к рассказу Упустишь огонь - не потушишь (к с. 217 - 245),
автор неизвестен / Illustration to Put Out the Fire or It Will Spread
(p. 220 — 246) by unknown author

Иллюстрация к рассказу Всевышний милостив:

быть может, я нужен Всевышнему (к с. 247 - 262), автор Олеся Хомиченко, возраст 16 лет, Россия / Illustration to Allah is Merciful: Perhaps Allah Needs Me (p. 247 — 262) by Olesya Khomichenko, 16 years old, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Всевышний милостив: быть может, я нужен Всевышнему (к с. 247 - 262), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration (top image) to Allah is Merciful: Perhaps Allah Needs Me (p. 247 — 262) by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Всевышний милостив: быть может, я нужен Всевышнему (к с. 247 - 262), автор Олеся Хомиченко, возраст 16 лет, Россия / Illustration (bottom image) to Allah is Merciful: Perhaps Allah Needs Me (p. 247 — 262) by Olesya Khomichenko, 16 years old, Russia

Иллюстрация к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Уля Бадаева / Illustration to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Ulya Badayeva

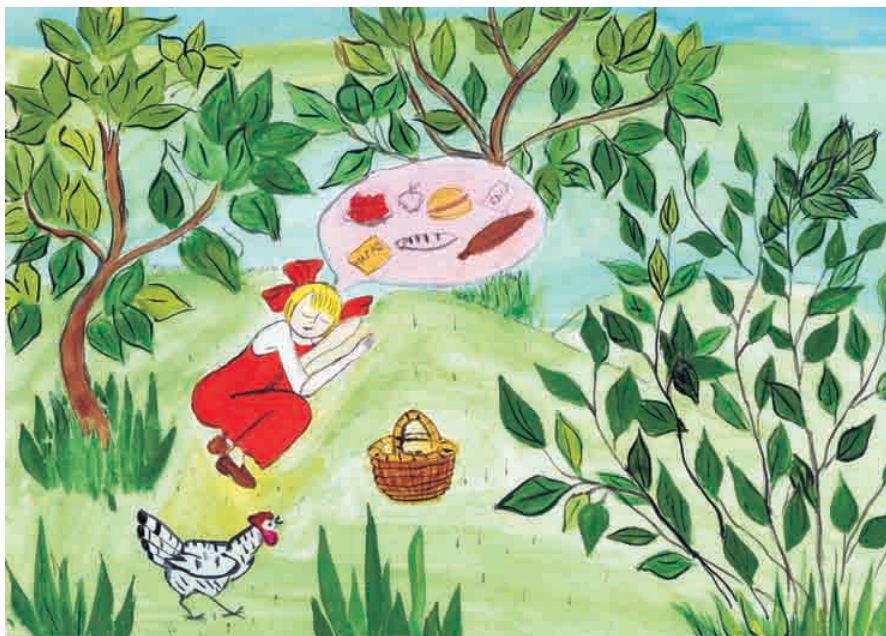

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Милана Курбанова, возраст 11 лет, Грозный / Illustration (top image) to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Milana Kurbanova, 11 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration (bottom image) to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Милана Курбанова, возраст 11 лет, Грозный / Illustration (top image) to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Milana Kurbanova, 11 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Магомед Мальзоров, возраст 11 лет, Грозный / Illustration (bottom image) to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Magomed Malzorov, 11 years old, Grozny

Иллюстрация к рассказу Анна и курочка ряба (к с. 263 - 276), автор Милана Зелимханова, возраст 12 лет, Грозный / Illustration to Anna and the Speckled Hen (p. 263 — 276) by Milana Zelimkhanova, 12 years old, Grozny

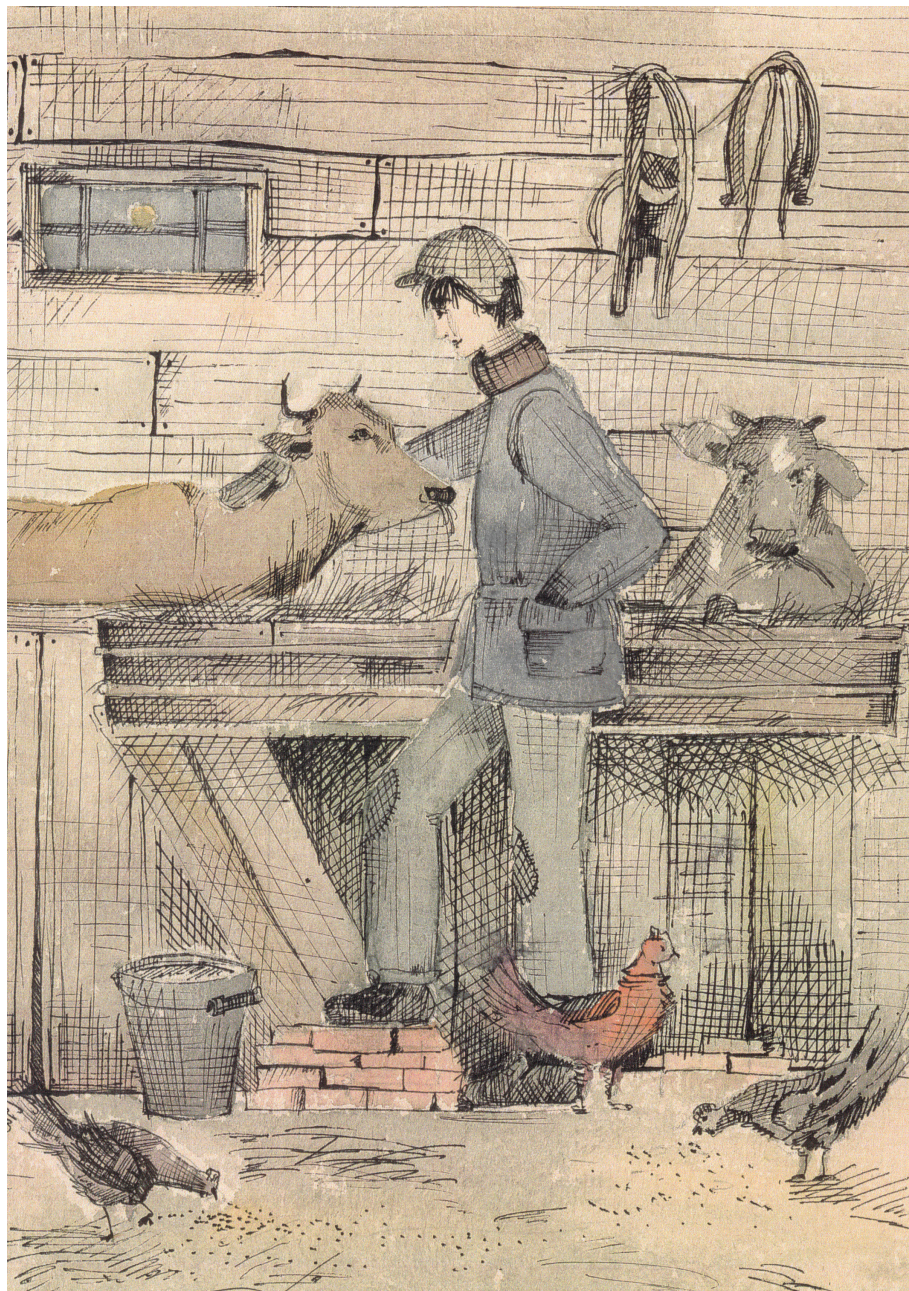
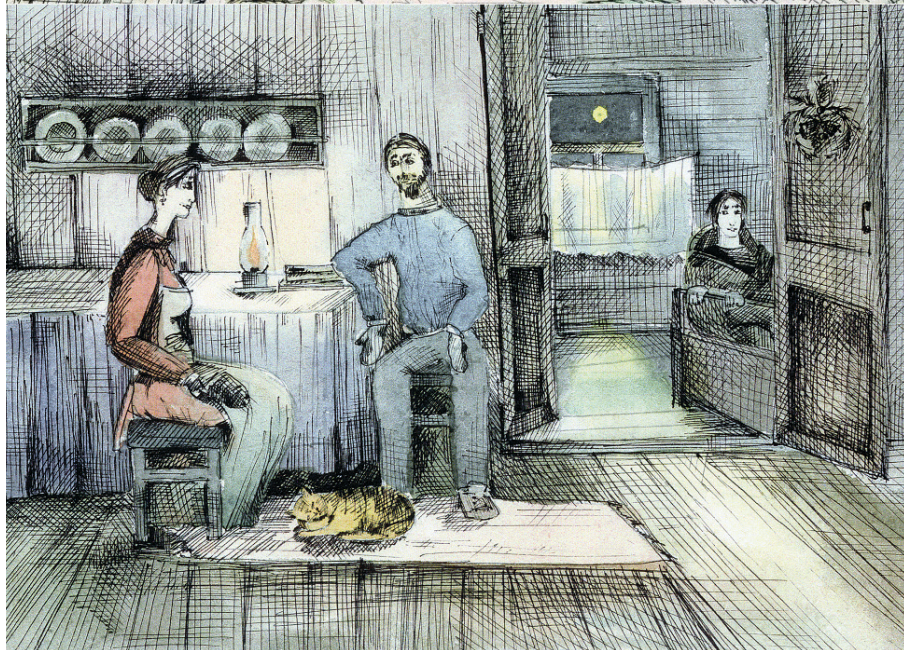
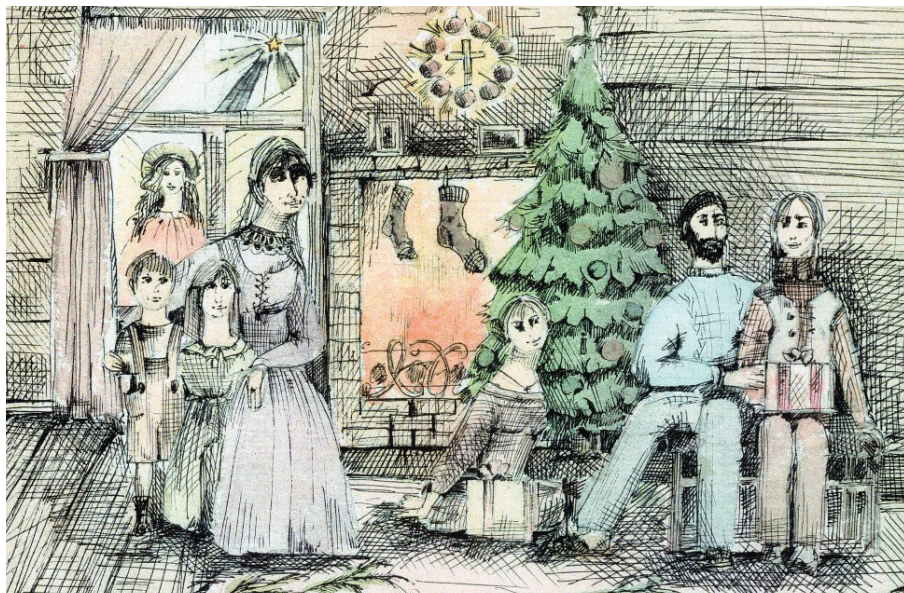

Иллюстрация к рассказу Рождественское утро (к с. 291 - 302), автор Анастасия Гагаринская, возраст 14 лет, Россия / Illustration to Christmas Day in the Morning (p. 291 - 302) by Anastasiya Gagarinskaya, 14 years old, Russia

Иллюстрации к рассказу Рождественское утро (к с. 291 - 302), автор Анастасия Гагаринская, возраст 14 лет, Россия / Illustration to Christmas Day in the Morning (p. 291 - 302) by Anastasiya Gagarinskaya, 14 years old, Russia

Иллюстрации к рассказу Эксперимент справедливости (к с. 303 - 314), работа группы школьников, США / Illustration to Experiment in Fairness (p. 303 — 314), school group drawing, USA

Иллюстрации к рассказу Горький плод, ставший сладким
(к с. 315 - 328), автор Молли Уилсон, возраст 9 лет, США / Illustration to First
Bitter Then Sweet (p. 315 — 328), Molly Wilson, 9 years old, USA

Иллюстрации к рассказу Горький плод, ставший сладким (к с. 315 - 328), автор Алхазур Каримов, возраст 15 лет, Грозный / Illustration to First Bitter Then Sweet (p. 315 — 328), Alkhazur Karimov, 15 years old, Grozny

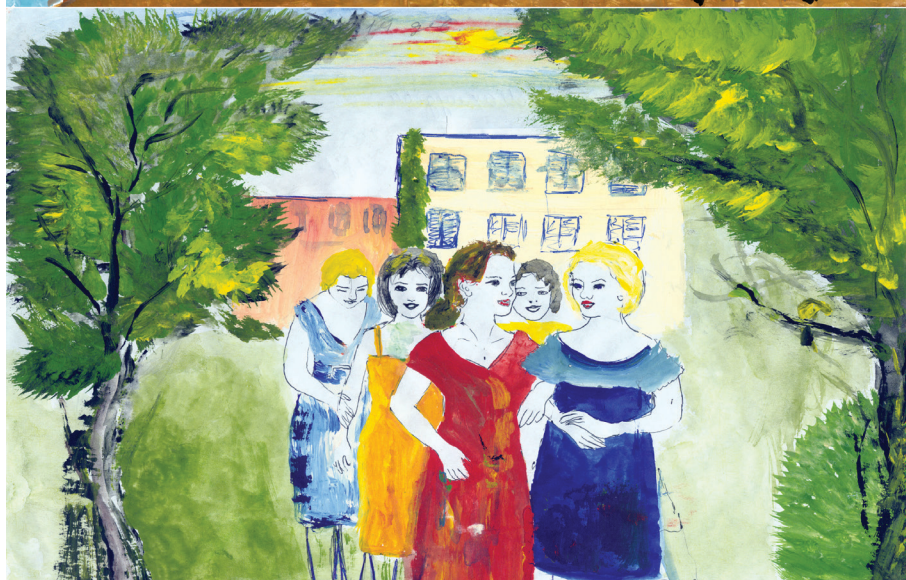

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Горький плод, ставший сладким (к с. 315 - 328), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration (top image) to First Bitter Then Sweet (p. 315 — 328) by Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Горький плод, ставший сладким (к с. 315 - 328), автор Аня Кацман, возраст 9 лет, Россия / Illustration (bottom image) to First Bitter Then Sweet (p. 315 — 328) by Anya Katzman, 9 years old, Russia

Иллюстрации к рассказу Исцеляющая сила прощения (к с. 329 - 348), автор Джозеф Голинг, США / Illustration to The Healing Power of Forgiveness (p. 329 - 348), Joseph Goeling, USA

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Исцеляющая сила прощения (к с. 329 - 348), автор Джен Ханн, возраст 17 лет, США / Illustration (top image) to The Healing Power of Forgiveness (p. 329 - 348) by Jen Hann, 17 years old, USA

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Исцеляющая сила прощения (к с. 329 - 348), автор Эндрю Ховард-Грин, возраст 18 лет, Россия / Illustration (bottom image) to The Healing Power of Forgiveness (p. 329 — 348) by Andrew Howard!Green, 18 years old, Russia

Иллюстрации к рассказу Прощать - божественно (к с. 349 - 372), автор Тревиан Уонг, возраст 8 лет, США / Illustration to The Healing Power of Forgiveness (p. 349 - 372), Trevyan Wong, 8 years old, USA

Иллюстрации к рассказу Прощать - божественно (к с. 349 - 372), автор Тревиан Уонг, возраст 8 лет, США / Illustration to The Healing Power of Forgiveness (p. 349 - 372), Trevyan Wong, 8 years old, USA

Иллюстрации к рассказу Мармелад (к с. 373 - 383), автор Малика Саиева, возраст 19 лет, Грозный / Illustration to Jelly Beans (p. 373 - 383), Malika Saiyeva, 19 years old, Grozny

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Мармелад (к с. 373 - 383), автор Милана Курбанова, возраст 11 лет, Грозный / Illustration (top image) to Jelly Beans (p. 373 - 383) by Milana Kurbanova, 11 years old, Grozny

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Мармелад (к с. 373 - 383), автор Анзор Хашагульгов, Россия / Illustration (bottom image) to Jelly Beans (p. 373 - 383) by Anzor Hashagulgov, Russia

Иллюстрация к рассказу Новенькая в школе (к с. 384 - 399),
автор Анзор Хашагульгов, Россия / Illustration to New Girl in School
(p. 384 - 399) by Anzor Hashagulgov, Russia

Иллюстрация (верхний рисунок) к рассказу Новенькая в школе (к с. 384 - 399), автор Анзор Хашагульгов, Россия / Illustration (top image) to New Girl in School (p. 384 - 399) Anzor Hashagulgov, Russia

Иллюстрация (нижний рисунок) к рассказу Новенькая в школе (к с. 384 - 399), автор Саския ХанOVER, возраст 12 лет, США / Illustration (bottom image) to New Girl in School (p. 384 - 399) by Saskia Hanover, 12 years old, USA

Иллюстрация к рассказу Сажать деревья — лечить Землю (к с. 400 - 416), автор Обри Райли, возраст 11 лет, США / Illustration to Planting Trees to Heal the Earth (p. 400 - 416) by Aubrey Riley, 11 years old, USA

Иллюстрация к рассказу (верхний рисунок) Сажать деревья — лечить Землю (к с. 400 - 416, автор Магги Макартур Маккей, возраст 13 лет, США / Illustration (top image) to Planting Trees to Heal the Earth (p. 400 - 416) by Maggie McArthur McKay, 13 years old, USA

Иллюстрация к рассказу (нижний рисунок) Сажать деревья — лечить Землю (к с. 400 - 416, автор Обри Райли, возраст 11 лет, США / Illustration (bottom image) to Planting Trees to Heal the Earth (p. 400 - 416) by Aubrey Riley, 11 years old, USA

Иллюстрация к рассказу Семена надежды (к с. 466 - 472), автор Зарема Халустова, возраст 13 лет, Грозный / Illustration to Seeds of Hope (p. 466 - 472) by Zarema Khalustova, 13 years old, Grozny

Иллюстрация к рассказу Семена надежды (к с. 466 - 472),
автор Хилари Амборн, возраст 20 лет, США / Illustration to Seeds of Hope
(p. 466 - 472) by Hilary Amborn, 20 years old, USA

ДУЙТЕХЪА САН ДАШО ТАЙ
Мукъам а, дешанаш а Пита Сигеран
Годчинарг — Нунуев Сайд-Хъамзат

Делара сан тай
маха а белара
Тогур дара ас
Стелалад,
Стелалад.

Тогур яра майралла
Вайн берийн нанойн
Бекх ца хилар
Кху дуьненахь
Берийн, берийн.

Гена хурдал дехъа
Со глур вара сайн ойланца
Нехан галанашкахула
Хлора махка

Гойгур бу вежаршна, йижаршна
Сайн стелподан маша
Дерриг дуьне
Машарца вовшахтоха
Куьйгашца, дагца, хьекьалца,
Куьйгашца, дагца, хьекьалца.

Гена хурдал дехъа
Со глур вара сайн ойланца
Нехан галанашкахула
Хлора стагана текхача.
Кхетийта хлора а.
Хлора а сайх кхетийта.

Иллюстрация к рассказу Была бы у меня золотая нить (к с. 473 - 480),
автор Майкл Хейс, США / Illustration to Oh, Had I a Golden Thread (p. 473 - 480)
by Michael Hays, USA

Oh, Had I A Golden Thread

Words and Music by Pete Seeger

1. Oh, ___ had I a golden thread, ___ and nee ___ dle so fine, ___

I'd ___ weave a mag - ic strand ___ of rain ___ bow de - sign, ___

Of ___ rain - bow ___ de - sign. ___

2. In it I'd weave the bravery
Of women giving birth,
In it I'd weave the innocence
Of children over all the earth,
Children of all earth.

5. Far over the waters
I'd reach my magic band
To every human being
So they would understand,
So they'd understand.

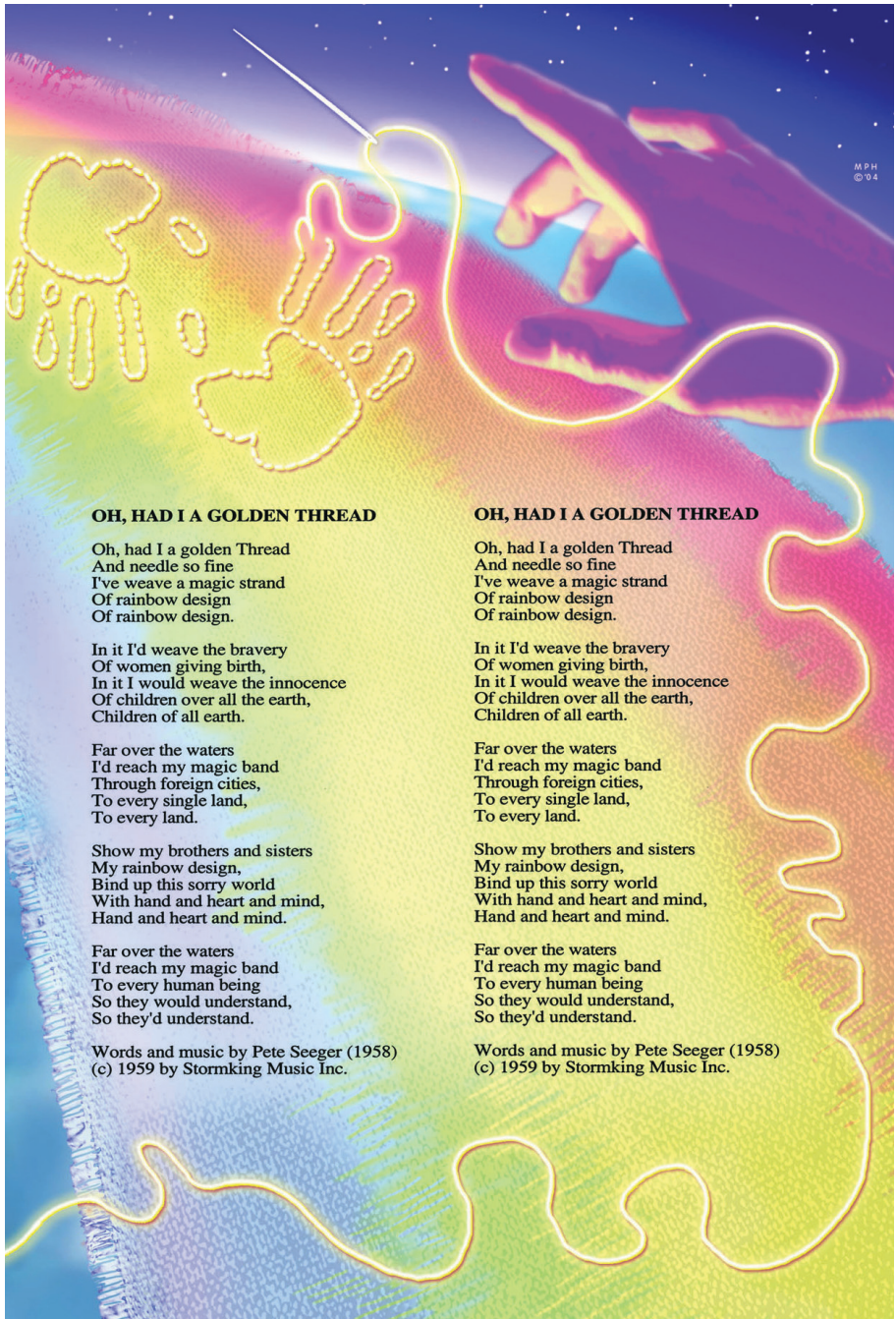
3. Far over the waters
I'd reach my magic band
Through foreign cities
To every single land,
To every land.

6. Oh, had I a golden thread
And needle so fine,
I'd weave a magic strand
Of rainbow design,
Of rainbow design.

4. Show my brothers and sisters
My rainbow design,
Bind up this sorry world
With hand and heart and mind,
Hand and heart and mind.

Иллюстрация к рассказу Была бы у меня золотая нить (к с. 473 - 480),
автор Майкл Хейс, США / Illustration to Oh, Had I a Golden Thread (p. 473 - 480)
by Michael Hays, USA

OH, HAD I A GOLDEN THREAD

Oh, had I a golden Thread
And needle so fine
I've weave a magic strand
Of rainbow design
Of rainbow design.

In it I'd weave the bravery
Of women giving birth,
In it I would weave the innocence
Of children over all the earth,
Children of all earth.

Far over the waters
I'd reach my magic band
Through foreign cities,
To every single land,
To every land.

Show my brothers and sisters
My rainbow design,
Bind up this sorry world
With hand and heart and mind,
Hand and heart and mind.

Far over the waters
I'd reach my magic band
To every human being
So they would understand,
So they'd understand.

Words and music by Pete Seeger (1958)
(c) 1959 by Stormking Music Inc.

OH, HAD I A GOLDEN THREAD

Oh, had I a golden Thread
And needle so fine
I've weave a magic strand
Of rainbow design
Of rainbow design.

In it I'd weave the bravery
Of women giving birth,
In it I would weave the innocence
Of children over all the earth,
Children of all earth.

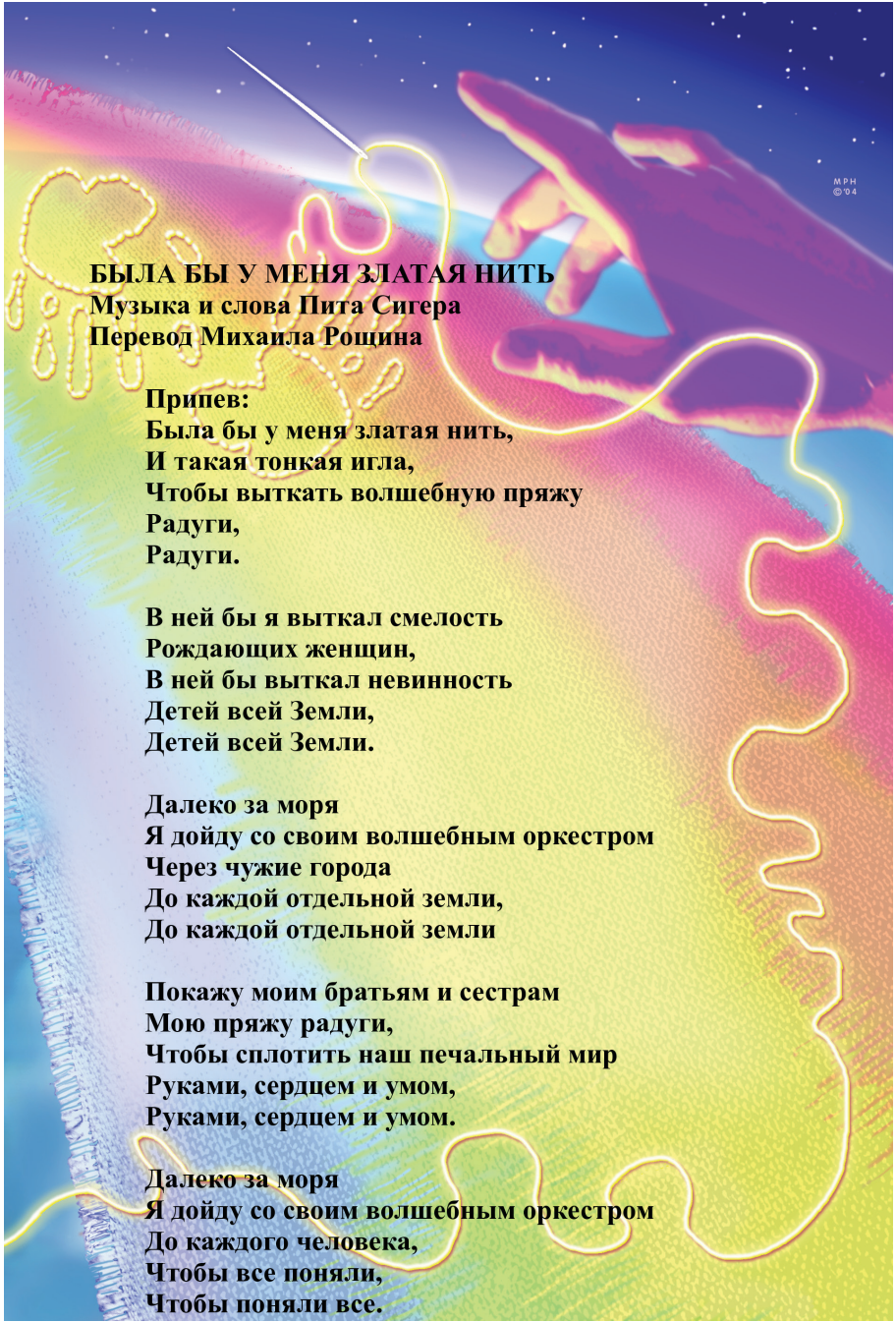
Far over the waters
I'd reach my magic band
Through foreign cities,
To every single land,
To every land.

Show my brothers and sisters
My rainbow design,
Bind up this sorry world
With hand and heart and mind,
Hand and heart and mind.

Far over the waters
I'd reach my magic band
To every human being
So they would understand,
So they'd understand.

Words and music by Pete Seeger (1958)
(c) 1959 by Stormking Music Inc.

Иллюстрация к рассказу Была бы у меня золотая нить (к с. 473 - 480), автор Майкл Хейс, США / Illustration to Oh, Had I a Golden Thread (p. 473 - 480) by Michael Hays, USA

MPH
© 04

БЫЛА БЫ У МЕНЯ ЗЛАТАЯ НИТЬ

Музыка и слова Пита Сигера

Перевод Михаила Рошина

Припев:

**Была бы у меня золотая нить,
И такая тонкая игла,
Чтобы выткать волшебную пряжу
Радуги,
Радуги.**

**В ней бы я выткал смелость
Рождающих женщин,
В ней бы выткал невинность
Детей всей Земли,
Детей всей Земли.**

**Далеко за моря
Я дойду со своим волшебным оркестром
Через чужие города
До каждой отдельной земли,
До каждой отдельной земли**

**Покажу моим братьям и сестрам
Мою пряжу радуги,
Чтобы сплотить наш печальный мир
Руками, сердцем и умом,
Руками, сердцем и умом.**

**Далеко за моря
Я дойду со своим волшебным оркестром
До каждого человека,
Чтобы все поняли,
Чтобы поняли все.**

Иллюстрация к рассказу *Была бы у меня золотая нить* (к с. 473 - 480),
автор Майкл Хейс, США / Illustration to *Oh, Had I a Golden Thread* (p. 473 - 480)
by Michael Hays, USA

PERMISSIONS

Permission was granted by the following authors:

Aba Gayle, The Healing Power of Forgiveness
Musa Akhmadov, Bocha and Weeding the Field
Yousef Bashir as told to Anthony Manousos, To Forgive Is Divine
Zalpa Bersonova, Reunion
Patricia Cockrell, Allah Is Merciful: Perhaps Allah Needs Me
German Kuznetsov-Valin, The Mosque
Victor Lozinski with Deborah J. Rasmussen, Seeds of Hope
Said Kahamzat-Nunuev, Kunta-Hadji and Neighbors
Mikhail Roshchin, Vigil for Peace
Asya Vasaeva with Zalpa Bersanova, First Bitter, Then Sweet
Yevgeny Yevtushenko, The Mercy Example from His
Autobiography

Permission was granted by Friends General Conference:

Murry Engle, Boot under the Bed
Friends General Conference, Sanctuary Means Love
Ruth Hunt Gefert, Anna and the Speckled Hen, reprinted
from: Newsletter for Boys and Girls, American Friends Service
Committee.

Used with permission of Arthur A. Gefvert and Calhoun Geiger,
He Was Ready to Hit Me; Carol Passmore, New Girl in School;
William W. Price, The House that Love Built; Janet Sabina and
Marnie Clark, Planting Trees to Heal the Earth; Isabel Champ
Wolseley, Jelly Beans.

Permission was granted by the following:

Pearl S. Buck, Christmas Day in the Morning. Excerpted from
Christmas Day in the Morning. Reprinted with permission of
Harold Ober Associates Inc. Copyright 1955 by Pearl S. Buck.
Renewed 1983.

Pete Seeger, Oh, Had I a Golden Thread, Copyright 1959
(renewed) by STORMKING MUSIC, Inc. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

ХIара книга зорбанае ялар а, доттагIийн дувьненаюкьара библиотекийн баркаллаш а / Предыстория книги и благодарности международной библиотеки друзей / Background of Power of Goodness _____	3
Дешхьалхе / Предисловие из Чечни / Chechen Foreword _____	14
“Дикаллин Ницкъана” предисловие / Предисловие из Соединенных Штатов / USA Foreword _____	20
Берсанова Залпа Цхьабнакхетар / Залпа Берсанова Воссоединение / Zalpa Bersanova Reunion _____	26
Герман Кузнецов-Валин Маьждиг (дийцар-хилларг) / Герман Кузнецов-Валин Мечеть (рассказ-быль) German Kuznetsov-Valin The Mosque _____	34
Михаил Рощин Машар боьхуш доIа / Михаил Рощин Молитва за мир / Mikhail Roshchin Vigil for Peace _____	51
Евгений Евтушенко Къинхетам / Евгений Евтушенко Милосердие: Воспоминания поэта / Yevgeny Yevtushenko Mercy: a Poet's Memory _____	65
Уильям Прайс Доггаха дина цIено / Уильям Прайс Дом, что построила любовь / William W. Price The House that Love Built _____	74
Мелан хIусамаш – безаман шовда / “Святой приют” означает любовь / Sanctuary Means Love _____	91
Сайд-Хьамзат Нунуев Лулахой (дийцар-хилларг) / Сайд-Хамзат Нунуев Соседи (рассказ-быль) / Said Khamzat Nunuev Neighbors _____	114

Сайд-Хамзат Нунуев Эвляяь Кунта-Хьабжа / Сайд-Хамзат
Нунуев Эвлия Кунта-Хаджи / Said Khamzat Nunuev Kunta-
Nadji _____ 134

Муса Ахмадов Асарахь / Муса Ахмадов На прополке /
Musa Akhmadov Weeding the Field _____ 161

Ахмадов Муса БочІа / Ахмадов Муса Боча / Musa
Akhmadov Bocha _____ 172

Кэлхаун Гайгер Соьх лата дагахь вара иза / Кэлхаун Гай-
гер Он готов был меня ударить / Calhoun Geiger He Was
Ready to Hit Me _____ 203

Лев Толстой Марса ялийтина це дІаяйа хала ду / Лев Тол-
стой Упустишь огонь — не потушишь / Leo Tolstoy Put
Out the Fire or It Will Spread _____ 220

Патриша Кокрелл Со обший-те кьинхетамечу Далла / Па-
триша Кокрелл Всевышний милостив: Быть может, я ну-
жен Всевышнему / Patricia Cockrell Allah Is Merciful:
Perhaps Allah Needs Me _____ 247

Рут Хант Гефверт Анна а, бероза котам а / Рут Хант Геф-
верт Анна и Курочка-Ряба / Ruth Hunt Gefert Anna and
the Speckled Hen _____ 263

Марри Л. Ингл Маьнги кІелара этка / Марри Ингл Лау-
зер Сапог под кроватью / Murry Engle Lauser Boot under
the Bed _____ 277

Перл С. Бак Ийса-пайхамар вина Іуьйре / Перл С. Бак
Рождественское утро / Pearl S. Buck Christmas Day in the
Morning _____ 291

Байард Растин Нийсоне кхочу некъ / Байард Рас-
тин Эксперимент справедливости / Bayard Rustin

- Experiment in Fairness _____ 303
- Ася Вазаева Къаьхъа стом марзбалар / Ася Вазаева Горь-
кий плод, ставший сладким / Asya Vasaeva First Bitter,
then Sweet _____ 315
- Аба Гэйл КъинтГераваларан дарбане ницкъ / Аба Гэйл Ис-
целяющая сила прощения / Aba Gayle The Healing Power
of Forgiveness _____ 329
- Юсеф Башир (литературин дАяздар Энтони Манусо-
са) Къинтеравалар — бусулба хилар ду... / Юсеф Ба-
шир (литературная запись Энтони Манусоса) Про-
щать — божественно... / Yousef Bashir As told to Anthony
Manousos To Forgive is Divine... _____ 349
- Изабель Чэмп Уолсли Мармеладан цІазамаш / Изабель
Чэмп Уолсли Мармелад / Isabel Champ Wolseley Jelly Beans
_____ 373
- Кэрол Пассмор Керла дешархо / Кэрол Пассмор Новенькая
в школе / Carol Passmore New Girl in School _____ 384
- Джанет Сабина, Марни Кларк Синтарш доГар — лат-
та тодар / Джанет Сабина и Марни Кларк Сажать де-
ревья — лечить Землю / Janet Sabina and Marnie
Clark Planting Trees to Heal the Earth _____ 400
- Виктор Гюго Датон чІурамхІоттораш / Виктор Гюго От-
рывок из романа Отверженные / Victor Hugo Extracts
from Les Miserables _____ 417
- Виктор Лозинский Сатийсаман зІийдигаш / Виктор Ло-
зинский Семена надежды / Victor Lozinsky with Deborah
J. Rasmussen Seeds of Hope _____ 466
- Мукъам а, дешнаш а Пита Сигеран Дуй-техъа сан дашо

тай / Песня Пита Сигера Ах, была бы у меня золотая
нить / Pete Seeger Oh, Had I a Golden Thread _____ 473

Permissions _____ 533

Издание подготовлено при поддержке “АИРО-XX”

Иллюстрация на обложке - Майкл Хэйс
Иллюстрации на форзаце - Али Хашагульгов,
Майкл Хэйс
Корректоры - Бураева Т.И., Бексултанова З.С.
Компьютерная верстка З.С.-М. Бексултановой

Формат 60x90 1/16. Гарнитура “Petersburg”. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Заказ
Объем 34,0 п.л. Тираж 6000 экз.

ФГУП “Издательско-полиграфический комплекс
“Грозненский рабочий”
364026, ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35

